

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Хохлов Александр Анатольевич

**НРАВСТВЕННО-ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА
В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО
ДУХОВЕНСТВА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.**

5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени доктора
исторических наук

Казань – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Историография, источники и теоретическая основа исследования	17
1.1. Степень изученности проблемы	17
1.2. Источниковая база исследования.....	43
1.3. Теоретико-методологическая модель.....	54
1.4. Понятийный аппарат и его концептуальные маркеры.....	70
Глава 2. Приходской клир: между каноническим императивом и реалиями повседневности	81
2.1. Историческая обстановка.....	81
2.2. Социокультурный фон.....	101
2.3. Общий образовательный и этический профиль.....	127
2.4. Правовой аспект.....	143
Глава 3. Отклонения общесоциального плана	167
3.1. Пьянство.....	167
3.2. Агрессия, рукоприкладство и членовредительство.....	203
3.3. Доносительство, оговоры и жалобы.....	233
Глава 4. Профессиональные нарушения	263
4.1. Религиозные.....	263
4.2. Финансовые.....	288
4.3. Прочие проявления неканонического поведения.....	327
Заключение	351
Список литературы	357

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Русская Православная церковь сыграла в истории России одну из ключевых ролей. Ее конструктивный вклад в становление и развитие российской государственности, общества, культуры и нравственности сложно переоценить. Вместе с тем в процессе своей исторической реализации церковь как социальный институт сама сталкивалась с дилеммами, имевшими в том числе этическую коннотацию. Примерами подобного рода изобилует прошлое нашего Отечества.

Ответом церкви на вызовы времени как правило становилась интенсивная кристаллизация дисциплинарно-нравственных императивов, способствовавших эволюции общественных нравов и постепенно становившихся фундаментом нормативной системы социума, что отчетливо просматривается как в неформальной практике повседневных отношений, так и правовых памятниках того или иного периода. Закономерно, что особую остроту эта проблема приобретала тогда, когда историческая ситуация оборачивалась сломом сложившихся устоев, обострением глубинных социальных противоречий, повышенной динамикой и насыщенностью общественно-политических, экономических и культурных процессов, и, как следствие, актуализацией негативных индивидуальных и коллективных психологических механизмов.

Между тем, осуществляя христианскую миссию, пастыри вынуждены были не только учитывать контекст времени, но и погружаться сквозь все пространство современного им общества до самых его низов, реализуя тем самым вневременную новозаветную максиму *«нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем — Христос»*¹. Но вклад страт церкви в благое дело проповеди отнюдь не был равнозначным, как объективно не были одинаковы условия, в которых она осуществлялась.

¹ Послание ап. Павла галатам, 3:28.

Белому духовенству здесь выпала, пожалуй, самая незавидная роль. Именно на его плечи легла основная тяжесть задачи. Приходским священно- и церковнослужителям предстояло заниматься просветительством в дальних и глухих уголках гигантской империи, населенных народами, поколениями укорененных в замкнутом, консервативном и устойчивом к внешнему воздействию мировоззрении, пестро окрашенном этнической и племенной спецификой. Его кардинальная перестройка наряду с совершенствованием коммуникационных практик и коренным изменением поведенческих стереотипов в соответствии с духовными идеалами православия было делом многотрудным, требовавшим от пастырей не только неукоснительной идейной преданности религиозным представлениям церкви, но и морального ригоризма, нравственной безупречности и самоотверженности в повседневной жизни.

Однако вопрос личного соответствия представителей клира заданному эталону, и связанных с этим перипетий, едва ли можно считать достаточно изученным, подвергнутым в современной историографии глубокой проработке. Сложности добавляют и масштабы хронологии, которые едва ли возможно игнорировать. Исходя из этого, очевидная недостаточность научного знания в обозначенной области побуждает к целенаправленной постановке соответствующей исследовательской проблемы и ее решению по крайней мере в рамках одного периода и конкретного локалитета.

Исследовательская проблема. Эталон пастырского благочестия, к которому канонически клир обязан был стремиться, судя по всему, вызывал к жизни амбивалентные эффекты. С одной стороны, многовековая ориентация духовенства на церковный духовно-нравственный идеал значительно возвысила его собственные этические качества и установки, придав им более совершенную форму и культурное оформление. С другой, ортодоксальная аскетическая традиция оказалась настолько мощной и последовательной, что в конечном счете сумела глубоко проникнуть не только в сознание самих священнослужителей, но и значительно повлиять на представления паствы о пастырском служении как

таковом². Это закономерно сужало поле для нравственного маневра клира в бытовых обстоятельствах, когда императив священства оказывался либо принципиально нереализуемым, либо труднодостижимым. Повседневная религиозная жизнь приходов изобиловала множеством противоречий, зачастую весьма нетривиальных, однозначное и беспроблемное разрешение которых было возможным лишь в рамках абстрактных идеалистических построений, но не в реальности. Это было чревато когнитивным диссонансом в среде религиозного сообщества. При этом нарративы приходской повседневности нередко создавали такую ситуацию, при которой даже современному исследователю, выступающему сторонним наблюдателем, весьма непросто вскрыть подлинную иерархию моральных принципов, на основе которых конструировалась реальная жизнь в конкретных условиях и моменте. Иными словами, в ряде случаев вызывает затруднения ответ на вопрос, какая группа оказывала большее влияние на противоположную сторону: пастыри на просвещаемый ими народ или паства на свое духовенство. В обозначенном парадоксе и видится корень проблемы, взятой нами за основу исследования.

Пореформенное время можно рассматривать в качестве именно того исторического периода, в котором в концентрированной форме нашли отражение ключевые аспекты обозначенной проблемы. Приходское духовенство, несшее нелегкое бремя духовного служения преимущественно в среде крестьянства, в силу инерции исторического развития и особых обстоятельств оказалось перед лицом категоричного духовно-нравственного вызова, на который ему предстояло ответить. Однако данный клиром ответ, оказался далеко не консолидированным. Источники, вводимые сегодня в научный оборот, позволяют уверенно говорить о признаках поляризации и нравственной дезориентации этой ключевой страты церкви во второй половине XIX – начале XX вв., показателем чего можно считать многочисленные поведенческие девиации белого духовенства, его этическую

² С древности с обратной стороны наперсного креста православного священника делалась надпись: «Образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою», непрестанно напоминавшая клирику о высоте его служения.

неустойчивость и блуждание. Данное явление вполне способно претендовать на статус феноменального при условии его постановки в культурно-психологической плоскости.

Обращение к теме нравственности и дисциплины в среде приходского духовенства не мотивировано стремлением дискредитации исторической миссии Русской Православной церкви, ревизии ее духовного наследия и заслуг, которые несомненны. Выверенный и научно обоснованный подход к проблеме позволяет объективно ответить на ряд до сих пор нерешенных в историографии вопросов о характере и специфике некоторых сторон ее повседневности в их связи с конкретной исторической ситуацией и локальными условиями; прояснить картину внутренней коммуникации этого социального института и определить, в ряде случаев, его реальные этические и правовые доминанты на индивидуальном и коллективном уровнях, исходя, прежде всего из априорного осознания общественной важности церковного служения как в прошлом, так и настоящем.

Степень разработанности темы исследования. В целях обстоятельного анализа, вопросу историографии мы сочли уместным посвятить специальный раздел диссертации. В целом необходимо отметить, что заявленная проблема ранее не становилась непосредственным предметом научного поиска. Это предопределяет ее актуальность как с историографической точки зрения, так и с позиции социальной востребованности.

Вместе с тем нельзя сказать, что вопросу нравов православного духовенства исследователи и мыслители различных эпох в принципе не уделяли внимания как такового. Для дореволюционной историографии данная тема была жива и актуальна, поскольку историческая ситуация складывалась таким образом, что церковь выступала неотъемлемой частью социального пространства того времени. Это обуславливало некоторый интерес научных кругов к повседневному быту, общественному статусу и проблемам священно- и церковнослужителей, а также в той или иной мере стимулировало попытки объяснения их причин. Скажем больше: дореволюционная историография вполне открыто пыталась говорить о нестроениях в среде православного духовенства, обращая свой взор как на его

историю, так и современность. Вместе с тем делалось указанное лишь попутно, в контексте рассмотрения более значимых и фундаментальных для того времени вопросов церковной истории. Тем не менее даже столь ограниченный подход привел к формированию весьма интересного интеллектуального наследия, хотя бы частично позволяющего пролить свет на специфику нравов клира дореволюционной России и их предпосылки.

В советский период интерес к церковной тематике в науке закономерно падает, попадая в жесткие рамки идеологического диктата государства. Исходя из этого, советская историография, за некоторым исключением, представляется весьма бедной и малоинтересной в аспекте интересующей нас проблематики.

Значительный прорыв в области изучения проблемных сторон истории Православной церкви был осуществлен уже в постсоветский период, выведший на передний план новых историков и обозначившийся целой серией работ, затрагивающих различные стороны церковной жизни прошлого. Многократно было расширено проблемное поле. Более того, постепенно стало складываться самостоятельное научное направление – церковная этнография. Однако даже несмотря на благоприятствующие условия, по замечанию некоторых исследователей, специалисты старались обходить стороной вопросы этического плана, а изучение нравов духовенства в значительной мере продолжило оставаться уделом отдельных энтузиастов от науки. Впрочем, все еще не являясь центральной темой историографических построений, история церковной повседневности, церковная этнография и церковно-историческая девиантология в ряде моментов продвинулась вперед весьма существенно, что позволяет уверенно использовать данные наработки для настоящего исследования.

Источниковая база исследования. Ядро источников диссертации сформировано из архивных документов, многие из которых продолжали оставаться нетронутыми на протяжении более полутора столетий. Их классификация и информативная емкость раскрываются в первой главе работы. В целом источниковая база исследования достаточно обширна и включает в себя все основные виды исторических источников: законодательные акты,

делопроизводственную документацию, статистические материалы, периодическую печать, материалы личного происхождения, этнографические источники, исследования, аналитику и публицистику пореформенного времени. Однако ключевое значение все же имеют следственные дела Казанской духовной консистории, сохранившиеся в архивных фондах Государственного архива Республики Татарстан, обладающие исключительной эвристической ценностью. Прочие материалы дополняют (в ряде случаев весьма существенно) сведения следственных дел, расширяя и углубляя наше представление об исследуемой проблеме.

Объект и предмет исследования. *Объектом* исследования выступает социальная история Русской Православной церкви второй половины XIX – начала XX вв. *Предмет* – поведенческая культура православного приходского духовенства Казанской губернии в аспекте девиантного (отклоняющегося) поведения в условиях специфической исторической и социальной действительности; его структура, факторы, динамика и изменение во времени.

Хронологические рамки исследуемого периода. Хронологические рамки диссертации охватывают период с начала второй половины XIX в. по 1905 г. включительно. Таким образом, исследование посвящено времени, определяемому в историографии как пореформенный период. Нижняя граница периода обусловлена началом реформ Александра II, кардинальным образом трансформировавшим экономический, социальный и культурный ландшафт Российской империи. Верхняя граница ограничивается Первой русской революцией, определившей наступление нового этапа российской истории. Пореформенному времени была присуща интенсивная динамика общественно-политических процессов, глубокие изменения в укладе жизни страны и особые социально-психологические процессы на макро- и микроуровнях.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Казанской губернии в границах XIX – начала XX вв. с входившими в ее состав Арским, Казанским, Козьмодемьянским, Лаишевским, Мамадышским, Свияжским, Спасским, Тетюшским, Царёвококшайским, Цивильским,

Чебоксарским, Чистопольским, Ядринским уездами. Отметим, что границы Казанской губернии существенно отличались от границ современной Республики Татарстан и включали ряд территорий, на сегодняшний день являющихся частью сопредельных республик – Чувашской и Марий Эл, а также Ульяновской области.

В рассматриваемом контексте немаловажным представляется тот факт, что с 1832 г. после выделения из состава Казанской епархии самостоятельной Симбирской епархии границы канонической территории Казанской епархии стали соответствовать административным границам Казанской губернии. Перечисленные факты имеют важное значение в аспекте подбора корпуса источников и осуществления исследования.

Казанская губерния была полиэтничным аграрным регионом, что непосредственно сказывалось на ее культурном и хозяйственном ландшафте. Являясь внутренней периферией, она при этом, как ядро крупнейшего светского и духовного учебного духовного округа, играла роль одной из «узловых» административных единиц империи.

Цель и задачи исследования. *Цель* работы – выявление причин, структуры, масштабов, характера, направленности и движущих сил нравственно-дисциплинарной проблемы в среде православного приходского духовенства Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Достижение цели предполагает решение следующих *задач*:

1. анализ корпуса источников по теме, определение степени изученности проблемы на основе специальной литературы и конструирование авторской теоретико-методологической модели, оптимально способствующей решению поставленных задач;
2. выявление особенностей исторической ситуации и специфических характеристик социокультурной среды как коррелятов прикладного этоса приходского духовенства, в рамках которых он реализовывался;
3. рассмотрение комплекса девиаций клира, характеризующихся преобладанием общесоциальных признаков, их причин и механизмов реализации, а также преломления в фокусе епархиальных дисциплинарных практик;

4. анализ круга нарушений, прямо коррелирующих со спецификой профессиональной деятельности духовенства, выделение их феноменологических черт и определение места и роли в церковной дисциплинарной традиции обозначенного периода и локалитета.

Методологические основы исследования подробно раскрываются в первой главе диссертации. Здесь лишь отметим, что они базируются на принципах полипарадигмальности и поликонцептуальности с ориентацией прежде всего на исторические, психологические, социологические и юридические теоретические подходы, в совокупности, формирующие в рамках представленной работы синергетическую исследовательскую модель.

Методы исследования. Применяемым в диссертации методам также уделено специальное внимание в первой главе диссертации. Ограничимся указанием, что ключевыми методами при проведении исследования были избраны историко-антропологический и метод «насыщенного» описания, дающие возможность детально проанализировать фактуру проблемы, вскрыть ее структуру, выявить корреляты и детерминанты основополагающих элементов вопроса, параллельно решая задачу «оживления» исторического повествования. В основу методического базиса работы, кроме прочего, положено три общеисторических метода:

1. историко-генетический метод. Позволяет последовательно раскрыть генезис, формы, структуру и трансформации морально-нравственного базиса приходского духовенства в его видимых проявлениях в процессе движения во времени;

2. историко-сравнительный метод. Его основой выступает принцип аналогии, позволяющий в критическом ключе выявлять, проанализировать и сравнить мотивы и типичные проявления поведенческих девиаций клира на разных уровнях церковной организации и временных этапах;

3. историко-системный метод. Служит основанием представления дисциплинарных нестроений в среде приходского духовенства Казанской губернии как сложного и комплексного явления, неразрывно связанного как с

церковной традицией в ее многообразии, так и конкретной исторической обстановкой, экономическим и общественным фоном, социальной культурой и психологией.

Вместе с тем, в процессе исследования нашли применение и другие общенаучные методы: дедукция и индукция, анализ и синтез, описание, измерение и объяснение.

Научная новизна исследования заключается в том, что представленная диссертация является первым оригинальным опытом воссоздания картины повседневности провинциального православного приходского духовенства второй половины XIX – начала XX в. в ее нравственно-дисциплинарном аспекте, а также анализа проблемы нравов клира в социокультурном и психологическом пространстве Среднего Поволжья. В научный оборот впервые вводится значительный пласт новых архивных документов, позволяющих раскрыть специфику этического и культурного профилей части приходского духовенства Казанской губернии пореформенного времени в свете повседневных взаимоотношений как внутри причтов, так и с паствой. Кроме прочего разработана авторская теоретическая модель, суть которой сводится к объяснению механизма воспроизводства нравственно-дисциплинарных девиаций клира через подчеркивание всеобъемлющего влияния фактора социального окружения. Впервые в исследовательской практике реконструирована детальная картина поведенческих аномалий священно- и церковнослужителей, их иерархия и степень зависимости от условий приходской жизни. Новаторский характер носит также обращение автора к повседневной практике функционирования епархиального организма в правовом аспекте и определение роли ситуационных факторов в формировании специфики церковного администрирования в рассматриваемый период. Следует отметить, что в современной отечественной историографии специальных исследований подобного плана не предпринималось, исходя из чего, представленная диссертация, по существу, является первым и оригинальным сочинением, актуализирующим обозначенную проблематику. Подавляющая часть задействованных в исследовании источников впервые вводится в научный оборот.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что оно построено на основе авторской методологической модели, опирающейся на принципы междисциплинарного синтеза, адекватно объясняющей причины и трансмиссию девиантных форм поведения в среде православных приходских причтов. Данная методологическая модель может быть применена при изучении истории повседневности Русской Православной церкви на материале других регионов России и при проведении сравнительно-исторических исследований по данной проблематике.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при дальнейшей научной разработке проблемы: при написании обобщающих исследований по социальной истории Русской Православной церкви, в общих и специальных научных трудах по истории Республики Татарстан и Российской Федерации. Результаты исследования могут также найти применение в образовательной практике: при разработке учебных курсов по истории России эпохи империи, истории Русской Православной церкви, культурологии, политологии, религиоведения, теологии и церковного права. Выводы могут иметь значение в контексте социального проектирования и реализации социальной политики в Российской Федерации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Приходское духовенство Казанской губернии в значительной степени было духовенством сельским, что оказывало прямое влияние на его социокультурный облик и психологический профиль, формировавшиеся в процессе специфической исторически обусловленной социализации и инкультурации.

2. Доминирование в крестьянской среде традиционных этических норм, в Среднем Поволжье нередко этнически окрашенных, предопределяло неравновесное морально-нравственное состояние причтов, априорно ориентированных в повседневной жизнедеятельности на реализацию императива церковного благочестия, но вынужденных балансировать между его требованиями

и местной традицией. Неоднозначность такой ситуации создавала широкий простор поведенческой вариабельности.

3. Положение клира в социальном пространстве прихода предполагало его всестороннюю материальную и, как следствие, психологическую зависимость от прихожан, что становилось заметным фактором этических и поведенческих стратегий священно- и церковнослужителей.

4. Система кадрового отбора, культивируемая в указанный период в церкви, хотя формально и была ориентирована на приоритет образованности в вопросе занятия кандидатом места служения, но фактически находилась в зависимости от конкретной ситуации, а также позиции прихожан. Не всегда их выбор склонялся в пользу более самого образованного или наиболее достойного клирика. Мнение прихода было значимым фактором в глазах духовной администрации в контексте реализации ею епархиальной политики и судопроизводства.

5. В поведенческом профиле приходского клира Казанской губернии пореформенного времени четко просматриваются отклонения общесоциального свойства, эксплицитно присущие окружавшему его крестьянству, и по степени распространенности – выстраивающиеся в иерархию. Так, первое место среди дисциплинарных нарушений занимали случаи, прямо или косвенно связанные с пьянством священно- и церковнослужителей. При этом в рассматриваемый период данный порок в действительности был распространен повсеместно и в целом считался основным в среде прочих социальных групп. Следом шли отклонения, обусловленные агрессивным поведением, а также практикой доноительства и оговоров — наиболее частые деструктивные явления в сельской среде. Одновременно имел место ряд нарушений духовенства, обусловленных его сугубо профессиональной деятельностью. Центральное место среди них занимали финансовые злоупотребления членов причтов, в чьих руках были сосредоточены рычаги управления приходской экономикой.

6. Эмпирическое подтверждение влияния на проблему дисциплинарных нестроений в духовенстве находит фактор его индивидуального разнообразия,

склонностей, умственных способностей и уровня культурного развития. Хотя указания источников на данный факт фрагментарны, тем не менее в совокупности они позволяют провести четкую параллель между личностными особенностями конкретного клирика и его склонностью к поведенческим крайностям.

7. Картина повседневной нравственности приходского духовенства демонстрирует закономерности, обусловленные также спецификой внутренней церковной структуры. Большой спектр отклонений и интенсивность их трансляции демонстрировало низовое звено причтов – причетники. Это особенно четко просматривается на примере различных форм бытового насилия. В то же время священство практически не было фигурантом дел подобного плана, за исключением нескольких зафиксированных источниками случаев. Данный факт указывает на прямую корреляцию между принадлежностью клирика к определенной категории причта и уровнем его бытовой культуры.

8. В плане приверженности религиозной ортодоксии приходской клир, как правило, был достаточно дисциплинирован и не был предрасположен к уклонению от нее даже в условиях повсеместно окружавшей его народной полуязыческой религиозности. Анализ корпуса следственных дел Казанской духовной консистории в данном вопросе дает основания для однозначных выводов. Таким образом, данное явление вполне может претендовать на статус исключительного на фоне общего состояния проблемы дисциплинарной устойчивости приходского духовенства Казанской губернии.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается положенными в его основу методологическими принципами, использованием совокупности методологических подходов и приемов, соответствующих задачам и цели исследования, репрезентативностью источниковой базы исследования.

Апробация результатов исследования. Сюжеты и аспекты диссертации неоднократно обсуждались на международных, всероссийских и региональных конференциях: Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы документоведения и архивоведения: вызовы времени» (Гурзуф, 2020),

Международной научно-богословской конференции «Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи» (Казань, 2020), Международной научно-практической конференции «Диалог культур и цивилизаций» (Москва, 2020), Международной научной конференции «Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении» (Кострома, 2023), Всероссийской конференции историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии «Историко-культурное наследие российской деревни: сохранение и развитие» (Казань, 2022), Межрегиональной научно-практической конференции «Бусыгинские чтения» (Казань, 2021–2023), Научно-богословской конференции «Барсовские чтения» (Санкт-Петербург, 2019–2023), Научной конференции «Суд и правосудие в России XVII–XIX вв.» (Москва, 2023).

Вопросы, возникавшие в процессе исследовательской работы, дискутировались в рамках серии заседаний, круглых столов и семинаров Общества по изучению церковного права им. Т. В. Барсова (Барсовское общество) при Санкт-Петербургской духовной академии Русской Православной церкви Московского Патриархата, действительным членом которого диссертант является.

Основные положения диссертации были изложены автором в 2-х монографиях, одна из которых выдержала два издания, и 16 статьях из перечня изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ, из которых 2 статьи входят в международные индексируемые базы Scopus и Web of Science.

Представленное диссертационное исследование соответствует **паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история**, в частности, пункту 6 «История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития», пункту 7 «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности», пункту 13 «История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России», пункту 18 «Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества».

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Конфигурация работы предполагает применение самостоятельной теоретико-методологической модели и достижение поставленной цели через системный подход путем реализации принципа от общего к частному.

Во введении производится постановка проблемы, обосновывается актуальность темы, дается лапидарная характеристика степени ее разработанности в научной литературе и задействованных источников, определяется цель, задачи, объект и предмет исследования, его хронологические и географические рамки, обозначены методы, структура, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Глава первая посвящена обзору источников и специальной литературы по теме, а также теоретико-методологическому профилю диссертации, категориального аппарата исследования и его концептуальных маркеров.

Глава вторая содержит анализ исторической, социальной и этнокультурной ситуации, в которой реализовывалась повседневность православного приходского духовенства Казанской губернии, а также ряд ключевых факторов, определявших ее специфику, противоречия и изменение.

Содержание *третьей главы* проистекает из содержания главы второй и касается наиболее типичных проявлений девиаций в среде клира, раскрывая аспекты индивидуального плана, и одновременно представляя духовенство неотъемлемой частью современного ему социума.

Глава четвертая посвящена анализу профессиональных нарушений в среде причтов. В разделе дается их картина, определяются основания и движущие силы, отражены противоречия и степень соответствия этическим требованиям церковной традиции.

В *Заключении* представлены основные выводы исследования

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Степень изученности проблемы

Анализ историографии представляется логичным структурировать на основе традиционного подхода:

1. *дореволюционная;*
2. *советская;*
3. *современная.*

Такая схема позволяет оптимально представить генезис, эволюцию и закономерности взглядов исследователей на интересующую нас проблему. Очевидно, что они в значительной степени обуславливались исторической, социальной и культурной обстановкой, а также рядом других, в том числе индивидуальных факторов. Данный факт необходимо учитывать при конструировании выводов о масштабах, содержании и направленности как отдельных составляющих, так и всего историографического комплекса по теме.

Интерес к быту и нравам православного духовенства в интеллектуальном пространстве России в той или иной степени присутствовал всегда. Клир – публичная социальная группа и поэтому был всегда на виду, привлекая к себе внимание со стороны. Однако при этом обозначенные воззрения отличались внутренней противоречивостью. С одной стороны, они базировались на эксплицитной установке о высоком предназначении священства и его фундаментальной направляющей и сохраняющей роли в вопросах общественной нравственности. Такой подход был характерен прежде всего высшим слоям общества, воспитанным в рамках духовной литературной традиции, культивируемой церковью. С другой, серьезную корректировку в это восприятие вносила наблюдаемая действительность, во многом расходившаяся с абстрактными или книжными идеалами. Обозначенную дихотомию, постепенно оформившуюся в устойчивую тенденцию, мы наблюдаем на всех этапах истории мысли вплоть до

сегодняшнего дня. Однако, пожалуй, наибольшей динамики и яркости она достигала в *дореволюционный период*.

На начальном этапе становления отечественной исторической науки (XVIII в.) интерес к моральному облику православного клира едва ли был в строгом смысле научным. В замечаниях того времени видится скорее интеллектуальная реакция мыслителей на явления современной им общественной жизни. Так, В. Н. Татищев с увлечением предавался рассуждениям о благонравии приходского духовенства в посланиях, адресованных потомкам. Обращая внимание на социальный облик священства первой половины XVIII в., историк отмечал его постепенную маргинализацию и, как следствие, утрату высокого духовного статуса. Позиционируя себя рачительным баринном, заботящимся о христианской нравственности обитателей своих имений, Татищев советовал своему любимому отпрыску держать причт на достойном денежном жаловании, не ограничивая его по примеру крестьян *«пашнею для того, чтобы от него навозом не пахло»*³. При помощи такого размежевания он надеялся не допустить окончательного окрестьянивания приходских пастырей.

Между тем, Татищев все же различал священнослужителей просвещенных и благочестивых, с одной стороны, и невежественных и неблагонравных – с другой. Именно от принадлежности клирика к той или иной категории, по мнению писателя, и зависело духовное состояние как самого причта, так и всего прихода⁴. В последнем случае негативный эффект мог иметь весьма существенные масштабы. *«Невежды, ленивые и неученые попы получая от крестьян алтыны, мирволют и совсем на них того не взыскивают. К тому ж почасту обращаясь с крестьянами братством, одни только им рассказывают и вымышляют праздники, велят варить беспрестанно пива, сидеть вино, едят и пьют безобразно, а о порядочной и прямой Христианской должности никакого и*

³ Татищев В.Н. Духовная моему сыну. Содержание Разговора о пользе наук и др. сочинений. Объяснительные статьи: Тексты Духовной и Увещения. СПб.: И. Глазунов, 1896. С. 29.

⁴ Там же, с. 30.

помышления не имеют. А по том пьяные поспорюь, стараются крестьян научить, отнять у соседа землю; зная, что с земли платежа в казну никакого нет, владеть будет без убытка, и ведая, что челобитьем искать на обидчике и веку человеческого не достанет; а хотя по суду и изобличен будет, однако ж останется своим пронырством без надлежащего наказания»⁵. Иными словами, по В. Н. Татищеву, нравственная сторона простонародного духовенства на практике если в чем-либо и отличалась от крестьянской, то изощренным авантюризмом, прораставшем на почве его профессиональной деятельности⁶.

Вместе с тем, оценки клира в глазах историка-государственника вполне соответствовали общим представлениям раннего имперского времени, и в немалой степени зависели от утилитарной целесообразности того или иного поступка духовного лица. Обнаруживая в облике современного ему пастыря отражение общественной морали, Татищев настойчиво укреплял эту связь. Неблаговидное, с точки зрения церковного благочестия, поведение могло находить этическое и правовое оправдание, если мотивом неканонических вольностей пастыря являлось очевидное государственное благо.

Н. М. Карамзин в обозначенном вопросе не был столь гибок, как его предшественник, и исходил преимущественно из идеалистических соображений. Это вполне закономерно, учитывая дух романтической эпохи, в которой историк творчески реализовывался. Между тем, патетически фиксируя в своих сочинениях заслуги церкви в освобождении России от ордынской зависимости и многовековом служении нравственной опорой государственной власти и обществу, Карамзин не

⁵ Татищев В.Н. Указ. соч.

Впрочем, член Казанского общества истории, археологии и этнографии А. Островский полагал, что особые порицания клириков, купечества и женщин не принадлежали непосредственно В.Н. Татищеву, а были приписаны ему издателем С. Друковцовым из личных соображений.

⁶Трагикомически, однако, выглядит морализаторство историка в связи с тем, что он ни словом не упомянул о роли помещиков в унижении и поправии духовного достоинства приходского клира. Между тем, Н.М. Никольский сообщает, что Татищев, в бытность оренбургским губернатором, отличался особым «почтением» к своему духовенству: однажды Василий Никитич посадил на цепь протоиерея Мартинианова и водил его, как собаку, по городу (Никольский Н. М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1985. С. 107).

умалчивал и об имевшихся в ее среде пороках. В работах историка мы находим многочисленные примеры падения нравов клира в имперское время, его духовную несамостоятельность и пагубную сервильность. Основываясь на этой фактуре, Карамзин постулировал: выступая ключевым инструментом воспитания народного благонравия, духовенство вместе с тем само являлось зеркальным отражением духовного состояния общества⁷.

С. Ф. Платонов, в сущности, шел в русле карамзинской традиции, утверждая, что духовенство исторически *«воспитывало лучшие нравы на Руси, насаждало лучшие порядки»*⁸. Однако при этом едва ли его утверждение об униженном положении низового клира, *«ничем от пахотных мужиков неотменного»*⁹, было исключительно данью научному авторитету предшественника. Пытливый историк не мог не анализировать окружающую его действительность. Поэтому вывод о влиянии социокультурной среды на нравственность тех или иных социальных групп вполне мог быть следствием профессиональной интуиции и жизненной наблюдательности.

Тем не менее до С. М. Соловьева внимание к приходскому духовенству как особому социальному классу с присущей ему спецификой правового положения, культуры и психологии в историографии оставалось неустойчивым. Оно не занимало сколь-либо заметного места в исследовательских построениях историков. Именно Соловьев стал первым в ряду тех, кто сделал на обозначенной проблеме заметный акцент. Вероятно, это произошло не случайно. Принадлежа к духовному сословию по происхождению, историк видел ключевые проблемы, характерные для в этой группы, чувствовал и понимал их природу и движущие силы.

В морально-этическом аспекте в анамнезе девиаций рядового клира на первое место С. М. Соловьев ставил пьянство, из-за которого происходили *«вражда и мятежи»*¹⁰. Анализируя источники XVII в. и, в частности,

⁷ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 108.

⁸ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. С. 114.

⁹ Там же, с. 530.

¹⁰ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 321.

постановления церковного собора 1667 г., изобилующие обличениями священно- и церковнослужителей в безнравственности, историк предметно перечислял пороки, глубоко проникшие в среду причтов: симонию, невежество и т.д. Причину этих явлений он видел в исторической незрелости не только духовенства, но и русского общества в целом, еще не оторвавшегося от своих первобытных основ и не успевшего к тому времени перейти к более просвещенным и рациональным началам собственной организации. Очевидность этой проблемы вызывала к жизни обильные порицания престолярного клира со стороны представителей других социальных классов. *«Но кто обличал? – тут же вопрошал исследователь. Очень незначительное меньшинство, или, что еще важнее, обличали иностранцы, пришельцы, и русские обличали под их влиянием, по их указаниям. Обличения не помогают, не исправляют, когда нет внутренней, давней подготовки к исправлению, когда нет условий, благоприятствующих этому исправлению; обличение может только заставить искать этих условий, и если общество юно и крепко, умеет жить, то эти условия и начнут производить свое действие, готовить общество к исправлению; но сколько для этого нужно времени? А между тем обличения, явившиеся вдруг, извне, без внутреннего приготовления, могут вести к печальным явлениям»*¹¹. Таким образом, у С. М. Соловьева мы впервые встречаем указание не только на социальные детерминанты духовно-нравственного кризиса, но и попытку системного на него взгляда, а равно и пронизательный психологизм в оценке историко-культурной и социально-психологической ситуации в церкви анализируемого им периода.

Вместе с тем некоторый интерес представляет и тот факт, что историк не прошел мимо правовой стороны вопроса. Рост правонарушений в церкви, по его мнению, был связан с постепенной потерей контроля церкви над финансовыми источниками и уменьшением ее доходной базы в период реформ Петра I и после них. Затрагивая экономические интересы высшей иерархии, царь неизбежно вторгался в пределы всей церковной общины, низовое звено которой воспринимало

¹¹ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. Указ. соч., с. 322–323.

происходящее как «покушение на святое». Результатом этого становился ассиметричный ответ в форме различных неканонических действий: бегства с мест служения, ухода в раскол, уклонения от государственных повинностей и т.п.¹²

Мощнейшее позитивное влияние церкви на общественную нравственность в ходе всего исторического развития России подчеркивал и другой «природный попович» – виднейший русский историк В. О. Ключевский¹³. Однако такой взгляд был характерен для ученого прежде всего в его официальных и широко известных работах. В поздних дневниках, сокрытых от многочисленных глаз, Ключевский уже не был столь однозначен и лоялен. В личных записках историк язвительно обрушивался на церковную иерархию, перечисляя ее вопиющие, порой антихристианские поступки¹⁴. Доставалось и рядовому клиру, унижаемому едва ли не всеми и каждым, но вместе с тем пораженному глубоким невежеством, суевериями, корыстью и грубыми нравами. К осмыслению этой лично кровоточащей для него проблемы историк возвращался регулярно, придавая ей не столько конкретно-исторический, сколько философский характер, пытаясь проследить и понять причины той дихотомии христианской церкви, в которой на фоне торжества героического раннехристианского духа процветала этическая косность, ханжество и полуязыческий ритуализм¹⁵. В этих абстрактных построениях В. О. Ключевский шел гораздо дальше своего учителя, экстраполируя рассуждения на современное ему пореформенное время и выступая своеобразным экспертом его повседневности¹⁶.

¹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2009. С. 571–572, 612–614, 628.

¹³ См.: Ключевский В.О. Церковь и Россия. Париж: YMKA-press, 1969. 89 с.

¹⁴ Ключевский В.О. Дневниковые записи 1902–1911 гг. // Сочинения / В.О. Ключевский. М., 1990. Т. 9. С. 267–362.

¹⁵ См., например, запись в дневнике от 30 марта 1868 г. (Там же, с. 286–289).

¹⁶ Очевидно, резкая позиция В.О. Ключевского, ярко отраженная в его поздних дневниковых записях, в том числе была обусловлена личными переживаниями в связи с конфликтом с руководством Московской духовной академии, профессором которой он служил более 30 лет. На волне революционных событий 1905 г. Ключевский стал первым из 22 профессоров, подписавших записку об автономии ее строя, что еще более усложнило и без того непростые личные отношения историка с ректором академии (См.: Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. С. 468).

Таков был характер взглядов наиболее видных представителей дореволюционной светской науки на интересующую нас проблему. Вместе с тем было бы упущением не упомянуть и о плеяде видных церковных историков того времени. В их числе митрополит Макарий (Булгаков), Е. Е. Голубинский, архиепископ Филарет (Гумилевский), П. В. Знаменский, А. П. Доброклонский, А. В. Карташов, И. К. Смолич и др.

В большинстве этих работ, как ни странно, мы не найдем специального анализа интересующего нас вопроса. Оценки, встречающиеся на страницах их трудов, по преимуществу фрагментарны и ограничивались лишь общей констатацией имевшей место проблемы, затрагивая при этом преимущественно ранние исторические периоды¹⁷. Но у этого факта имеется достаточное объяснение. В определенной степени указанная картина была обусловлена вполне объективными обстоятельствами. Так, митрополит Макарий (Булгаков) проводил исследования в те времена, когда духовная цензура находилась на пике своего могущества, не позволяя свободно и открыто анализировать столь нетривиальные и острые темы. Архиепископ Филарет (Гумилевский) и А. П. Доброклонский предусмотрительно не ставили своей целью перешагнуть дидактические рамки, определенные принятой в их время образовательной программой духовных школ, в которых культурным аспектам уделялось лишь посредственное внимание. И. К. Смолич, писавший свою историю церкви в эмиграции, делал ставку на обзор более традиционных и масштабных проблем, выступая при этом апологетом терпящей притеснения в СССР церкви. Исключение в этом списке составляют, пожалуй, только Е. Е. Голубинский, А. В. Карташов и П. В. Знаменский.

¹⁷ См.: Макарий (Булгаков М.П.), митр. История Русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996. Кн. 3. 690 с.; Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М.: Унив. тип., 1901. Т. 2, ч. 2. – 616 с.; Филарет (Гумилевский Д.Г.), архиеп. История Русской церкви в пяти периодах. М.: Изд-во Сретен. монастыря, 2001. 840 с.; Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М.: О-во любителей церковной истории, 2001. 936 с.; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Париж: YMCA-press, 1959. Т. 1. 686 с.; Смолич И.К. История Русской церкви, 1700–1917. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996. Кн. 8, ч. 1. 798 с.

Так, Е. Е. Голубинский, также как и В. О. Ключевский, имевший склонность к свободным и независимым суждениям¹⁸, в работе «О реформе в быте Русской церкви»¹⁹ довольно откровенно описывал неприглядное моральное состояние современного ему приходского клира. В сущности, его позиция созвучна таковой же у С. М. Соловьева: источник всех нравственных бед духовенства, на которой произрастают его прочие многочисленные пороки – пьянство²⁰. Злоупотребление винопитием, однако, уходит корнями в нетрезвость народную и имеет не столетнюю, а скорее тысячелетнюю историю. «Духовное» пьянство стало настолько распространенным, что проникло даже в святая святых церкви – духовные училища и семинарии, в которых по определению должны пестоваться христианское благонравие и сугубая трезвость. Вместо этого духовные школы создавали благоприятную среду для культивации этого порока, что впоследствии неизбежно сказывалось на приходском служении их выпускников. *«И-что прискорбно, – сетовал историк, – пьянство не только не убывает, но, пожалуй, еще прибывает: лет сорок тому назад мы росли дитятей в селе среди гомерического пьянства духовенства всей окрестной местности, но по крайней мере мы не слышали случаев, чтобы люди умирали от пьянства, а из наших товарищей и близких сверстников по учению мы знаем до пятка, которые отправились на тот свет положительно от пьянства. Недавно нам пришлось посетить родное пепелище, и мы увидели картины, живо напомнившие нам наше детство: пьяный священник, расхаживающий по селу; пьяный священник, возвращающийся из деревни и обнимающийся в телеге с дьячком»*²¹. Выход из этой ситуации Голубинский видел в необходимости повышения культуры приходского клира

¹⁸ Так же, как и Ключевский, Е.Е. Голубинский не избежал конфликта с академическим начальством. Более того, он дошел до Синода, в котором историку активно противодействовал обер-прокурор К.П. Победоносцев. Причина была тривиальна: «История Русской церкви» не вписывалась в формат официальной монументальной истории. Результат – задержка в избрании Голубинского ординарным профессором Московской духовной академии в 1880–1881 гг.

¹⁹ Голубинский Е.Е. О реформе в быте русской церкви. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913. 132 с.

²⁰ Там же, с. 20.

²¹ Там же, с. 21.

через подлинное просвещение и его радикальный отрыв от крестьянского быта и мышления.

Заслуга А. В. Карташова больше видится в унаследованном от того же духовного происхождения своеобразном психологизме, который историк мастерски применял в своих суждениях о ключевых проблемах русской церковной истории. Суть их в целом сводилась к опровержению стереотипа о нравственном ригоризме и культурной изящности имперского клира, ставших следствием унижений и контроля со стороны государства. П. В. Знаменский, со своей стороны, хотя и не столь искусно, облек эту логику в строгие научные формы. Казанский историк посвятил приходскому духовенству синодального периода целую монографию, в которой открыто изложил свое видение вопроса²².

Анализируя церковные документы, Знаменский впервые обратил внимание на то, какое видное место занимала в них дисциплинарная составляющая. В источниках она была представлена как бы сама собой разумеющаяся, выступая неотъемлемой частью повседневного быта рядовых причтов. Исходя из этого, неприглядную жизнь приходского клира, его маргинальное положение и грубые нравы П. В. Знаменский, вслед за Е. Е. Голубинским, помещает в контекст исторической и социальной ситуации²³. Пороки духовенства – суть следствие его чрезвычайно глубокого взаимопроникновения с крестьянской массой, обусловленного длительностью и близостью их совместного проживания, а также общностью хозяйственных нужд. Отсюда и широко распространенное пьянство, бродяжничество, драки и прочие формы неблагоповедения, столь характерные для простого и грубого в нравах народа.

Примечательно, что исследователь стал первопроходцем в привлечении историко-этнографического материала для своих изысканий, используя

²² Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань: Унив. тип., 1873. 855 с.; см. также: Он же. Руководство к русской церковной истории. Казань: Унив. тип., 1876. 482 с.

²³ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России... Указ. соч., с. 751–752.

соответствующие сведения духовных консисторий²⁴. Так что, если его труд и нельзя назвать в полном смысле антропологическим, то элементы новаторского для своего времени подхода в работе однозначно присутствуют. И хотя указанное сочинение посвящено дореформенному времени, оно авторитетно обозначило имплицитные тенденции развития ситуации в среде причтов на последующий период²⁵.

²⁴ В этой части заслуживает внимания близость подходов и воззрений П.В. Знаменского и его современника – публициста Г.И. Успенского (См.: Успенский Г.И. Люди и нравы современной деревни: (из деревенского дневника). М.: Л.О. Снегирев и М.Н. Маракуев, 1879. Ч. 1. 240 с.).

²⁵ В некотором роде, ряд историков, озабоченных проблемами приходского духовенства, дополнялся мыслителями и общественными деятелями из числа видной интеллигенции. Интенсивное развитие философии и активное освещение общественных проблем творческой интеллигенцией в конце XIX – начале XX в. не могло не затронуть тему духовного состояния российского социума. Скажем больше: как раз в это время данная тема становится центральной в философских дискуссиях. Между тем, одним из наиболее заметных симптомов общего духовного неблагополучия становятся бунты, противоправные действия и нравственные девиации воспитанников религиозных учебных заведений Русской церкви, в подавляющем большинстве комплектовавшихся из отпрысков приходского духовенства. В этой связи, одна из первых попыток анализа данной проблемы была предпринята Ф.Н. Белявским (Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы. Ч. 1. Краткий очерк прошлого средней духовной школы. СПб.: Синодальная тип., 1907. 230 с). Подход автора базировался на придаче существенного значения религиозно-нравственному кризису, поразившему духовное студенчество. «Уклонение от богослужений и молитвы, – писал публицист, – неблагоповедение в церкви, демонстрация против продолжительности богослужения занимают по количеству случаев первое место» (Там же, с. 163.). Общая религиозная индифферентность, увеличение попыток покушений воспитанников семинарий на самоубийство и резкий рост свершившихся суицидов – вот одна из сторон будничной жизни духовной школы того времени. Говоря о моральном кризисе духовенства, автор не ограничивает его исключительно ученической средой, а указывает, что он был в равной степени характерен и для учебных администраций и преподавательских корпораций. По мнению Белявского, это подтверждалось прочно установившейся в церкви практикой занятия руководящих должностей благодаря не нравственным добродетелям или интеллектуальным достоинствам, а протекциям и родственным связям. Между тем, на системность обозначенной проблемы указывали настроения не только в духовных школах, но, прежде всего, в приходской жизни, которая во многом и являлась их подлинным источником (см.: Беллюстин И.С., свящ. Описание сельского духовенства. Berlin: A. Asher et C, 1858. 166 с.).

В 1909 г. был опубликован сборник статей о русской интеллигенции «Вехи», куда вошли работы наиболее видных философов того времени: Н. Бердяева, С. Франка, А. Изгоева, С. Булгакова и др. В одной из статей С.Н. Булгаков – сын священника, некогда учившийся в семинарии – довольно точно определил универсальный тип современного ему молодого поповича и охарактеризовал силы, движущие им. Философ сумел разглядеть в эпатажных и грубых выходках церковной молодежи не только политические или социальные мотивы, но и экзистенциальные потенции, личностную неудовлетворенность и кризис христианской морали (Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новое время, 2010. С. 23–69). К слову, в автобиографических заметках о. Сергия мы встречаем описание прихода, который он посещал в детстве. Причт, по воспоминаниям автора, был религиозен, служил благообразно и исправно.

Таким образом, несмотря на относительно слабый интерес дореволюционной историографии к проблеме нравов приходского духовенства, значимой стороной исследований этого периода следовало бы считать учет ею исторического и социального контекстов при обсуждении проблемы этического неблагополучия рядовых служителей церкви. В этом видится глубокое понимание ее сути хотя бы в силу того факта, что многие из историков не просто были современниками данных явлений, наблюдавшими их воочию, но и являлись выходцами из духовного сословия, а, следовательно, от рождения знали его безрадостную повседневность. Вместе с тем, уделяя первоочередное внимание таким фундаментальным вопросам, как церковно-государственные отношения, церковная экономика, история епископской власти, монашества и святости, дореволюционные исследователи прочно держались доминировавшей парадигмы и в целом почти сознательно пренебрегали обращением к менее, с бытовавшей точки зрения, значимым аспектам церковной жизни со всеми ее «тривиальностями». Активно развивавшаяся в тот период этнография, не чуждавшаяся обращением к многообразию культур империи, к сожалению, не стала востребованной в их трудах и не способствовала переключению исследовательского ракурса на спектр проблем «низового» плана. Впрочем, в этом видится скорее имманентная особенность отечественной историографической традиции, довольно слабо чувствительной к периферийным аспектам исторического прошлого²⁶.

В *советский период* ситуация выглядела сложнее. Как справедливо заметил Л. С. Клейн, в Советском Союзе интерес к научным разработкам культурологических проблем был довольно слабым, а сама культура (впрочем, как

Однако дьякон с причетниками были пьяницами (Булгаков С.Н., прот. Автобиографические заметки. М.: Директ-медиа, 2016. С. 9). В целом аналогичный взгляд на проблему характерен и для других авторов «Вех». В особенности это касается Н.А. Бердяева, развивавшего тему духовного кризиса в церкви и в своих более поздних работах (см.: Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. М.: Астрель, 2007. 1179 с).

²⁶ Однако этого не скажешь, к примеру, об исследовательском интересе к повседневности высшей церковной иерархии. В этом плане показательна блестящая работа Н.Н. Писарева «Быт русских патриархов» (Писарев Н.Н. Домашний быт русских патриархов. Казань: Типо.-лит. Казан. ун-та, 1904. 278, 170, VII с.).

и история) помещалась в узкие рамки идеологического контекста²⁷. Западные тенденции в исторической науке с их историко-антропологическими акцентуациями и интересом к аспектам повседневности здесь спроса не находили. Единичные, хотя и качественные опыты Е. В. Тарле и А. Я. Авреха с их биографическим фокусом не могли изменить магистральной тенденции. Более того, духовенство как социальный класс со всей своей историей и современностью было помещено в пространство классового антагонизма и официально идентифицировалось как чуждый социалистическому обществу элемент. На научную объективность и исследовательский интерес к прошлому церкви в таком случае рассчитывать не приходилось. Образ пастыря транслировался исключительно в негативных категориях, клир представлялся в виде алчного и верного орудия угнетателей народных масс. По мере же фактического искоренения в государстве этой социальной группы и вытеснения ее остатков на обочину социальной и культурной жизни интерес к аспектам церковной истории и этнографии оказался на грани нулевого.

Из числа исследований советского периода внимание привлекает небольшая работа религиоведа Е. Ф. Грекулова «Нравы русского духовенства», впервые опубликованная в 1928 г. Впрочем, подход исследователя, несмотря на тематическое новаторство и довольно интересную фактуру, страдал очевидной поверхностностью и неоправданными обобщениями, за которыми нетрудно заметить политическую ангажированность и полемический запал эпохи воинствующего атеизма²⁸. Сочинение преследовало цель не столько разобраться в проблеме этической пестроты в среде православного клира, сколько продемонстрировать общественности его априорное нравственное несовершенство и экономическую корысть. Как следствие, работа не преодолела формат

²⁷ Клейн Л.С. История антропологических учений. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 452; см. также: Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х гг. XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–158.

²⁸ Грекулов Е.Ф. Нравы русского духовенства. СПб.: Nevzorov Haute Ecole, 2011. 48 с.

научности и свелась к одному из вариантов типичной для того времени агитационно-пропагандистской литературы²⁹.

Современник Грекулова Б. А. Романов, будучи сугубо академическим ученым, был одним из тех немногих исследователей, кто не удержался от искушения прикоснуться к проблеме быта и нравов людей прошлых эпох. Однако в своих изысканиях ученый ограничился лишь Древней Русью. Впрочем, несмотря на неблагоприятную атмосферу в исторической науке и идеологическое давление, исследователю хватило мужества и профессионализма уйти от резкого обличительного тона Е. Ф. Грекулова и придать своему повествованию строгий научный стиль³⁰. Историк признавался, что во многом это стало следствием искреннего научного порыва, захватывающего «*чувства нового*»³¹, в котором ему, впрочем, предстояло остаться одиноким.

Анализируя взгляды Б. А. Романова на нравы древнерусского духовенства, следует отметить, что ученый видел ключевую проблему в историческом соприкосновении внешнего христианского благонравия с древними, в значительной степени еще архаичными нормами, культивируемыми тогдашним обществом. Так, рассуждая о пиршествах и празднованиях, где православный клир нередко обязан был присутствовать, историк указывал, что последние часто превращались в пьяное действо с «*играньем и бесовским пением и блудным глумлением*»³². Удержаться в рамках христианской морали в таких обстоятельствах пастырю было непросто. Вместе с тем значительное влияние на поведенческие стратегии духовенства оказывали не только ситуативные факторы, но и его происхождение. Романов наглядно показал, что последнее было весьма пестрым, что неизбежно сказывалось на моральном облике конкретного духовного лица, рефлекторно воспроизводящего поведенческие стратегии своих предков.

²⁹ См. также, напр.: Венедиктов Д.Г. Палачи в рясах: (прошлое рус. духовенства). Л.: Лоиз, 1933. 175 с.

³⁰ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М.: Ломоносовъ, 2013. 224 с.

³¹ Там же, с. 7.

³² Там же, с. 146.

Советскую историографическую триаду в нашем случае замыкает Н. М. Никольский трудом, посвященным обзором истории Русской церкви³³. Справедливости ради следует заметить, что Никольский был профессиональным и, что не менее важно, способным историком. Однако, несмотря на это, «История Русской церкви» не избежала участи обычного для того времени идеологического заказа. Вышедшая в 1930 г., книга ставила своей целью дать краткие, но при этом фундаментальные знания по истории русского православия, адресованные прежде всего антирелигиозным агитаторам. Эта идеологическая линия прослеживается практически во всем: от тематики составных частей работы до ее лексического строя. Вместе с тем случилось так, что материал, собранный и систематизированный историком на основе собственных публикаций, в итоге стал представлять довольно качественный историографический свод. Фактически «История» превратилась в первый и, по существу, единственный опыт социальной истории Русской церкви, в котором аспектам бытового, дисциплинарного и нравственного плана было уделено некоторое внимание.

Прослеживая историю Русской церкви с древности, исследователь обоснованно утверждал, что уже к XVIII в. приходское духовенство в глазах правительства стало представляться не более чем *«подлым родом людей»*³⁴. Оно было унижено и подчинено и помещикам, и архиереям: *«Благополучие сельского священника, однако, всецело зависело от помещика, и потому сельский клир в массе терпеливо переносил все унижения и исправно нес свою службу»*³⁵. В пореформенное же время к этим исторически обусловленным бедам добавились попытки крестьян поставить клирошан под свой контроль, используя в качестве инструмента многочисленные доносы и жалобы духовным властям на пьянство, драки, вымогательство и прочие пороки клириков. Это создавало компрессионную модель, выжить в рамках которой можно было, только культивируя пластичную нравственность. Таким образом, причины реального неблагоповедения

³³ Никольский Н. М. Указ. соч.

³⁴ Там же, с. 107.

³⁵ Там же.

простонародного духовенства для историка очевидны – социальная ситуация. Хотя Никольский и не предпринимал попыток раскрыть всю полноту этой картины.

Следуя принципам антирелигиозного жанра, Н. М. Никольский тем не менее обозначил фактическую невозможность культурной и образовательной эволюции рядовых служителей церкви в имевших место исторических и социальных условиях. Едва ли в таком случае можно считать преувеличением его тезис, согласно которому при той общественной конфигурации, которая сложилась в империи во второй половине XIX – XX вв., церковь как социальный институт не просто находилась в глубочайшем кризисе, но и фактически изжила те формы собственной организации, в которые была облечена волей монархии. Таким образом, если труд Н. М. Никольского и страдает очевидными недостатками, то при этом следует одновременно признать, что значительная часть используемой ученым аргументации выстроена на фундаменте вполне достоверной фактуры.

После распада СССР ситуация постмодернизма, окончательно сложившаяся к тому времени в странах Зарубежной Европы и Северной Америки, стала оказывать всестороннее идейное влияние на отечественную историографию. Результатом этого стало обильное исследовательское творчество и многочисленные ростки в постсоветской России различных вариантов истории: повседневности, ментальности и т.д., ориентированных на решение широкого спектра микроисторических и историко-антропологических проблем³⁶.

³⁶ Пласт подобной литературы, имеющейся на сегодняшний день, поистине внушителен. Не имеет смысла перечислять ее всю. Ограничимся лишь констатацией факта, что исследования затронули практически все социальные слои и исторические периоды зарубежной и отечественной истории. Примечательно, что она адресовывалась не только узкому кругу специалистов, но и была адаптирована для широкого круга читателей. Напр.: Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002. 327 с.; Будур Н.В. Повседневная жизнь колдунов и знахарей в России XVIII–XIX веков. М.: Молодая гвардия, 2008. 414 с.; Кожурин К.Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М.: Молодая гвардия, 2014. 555 с. и др. Освещение различных аспектов повседневности наиболее близкого приходскому духовенству сословия – крестьянства – взял на себя тамбовский историк В.Б. Безгин, изложивший свои наработки как в диссертациях и монографиях, так и в серии публикаций. См., напр.: Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 152–157; Он же. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. 304 с.; Он же. Традиции сельской повседневности конца XIX – начала XX веков: на материалах губерний Центрального Черноземья: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 462 с.; Он же. Винопитие в правовых обычаях и

Закономерно, что в это же время было снято табу и с церковно-исторической тематики. Тем не менее первые опыты свободного историописания не были безупречны. Как отмечает А. М. Пушкарев, исследователи вместо скрупулезного анализа многочисленных фактов продолжали размышлять о семиотике идеологем, связанных с тем или иным предметом. Тогда как конкретно-историческим исследованиям, в том числе на материалах российской провинции, не хватало широты взгляда: в сущности, это были не более чем краеведческие штудии³⁷. Перекоса в сторону бытописательства и эмпиризма, по признанию специалиста, удалось избежать лишь единичным исследователям³⁸.

Однако церковным историкам даже в этой благоприятствующей обстановке было не до экспериментов. Семидесятилетний исследовательский перерыв настоятельно требовал не просто восполнения историографических пробелов при параллельном решении важных теоретико-методологических проблем, а масштабной работы по реставрации всего здания церковной истории с учетом дореволюционного наследия и советского опыта. Прохождение этого пути осуществлялось не беспрепятственно. Одним из проявлений «детских болезней» молодой церковной историографии стал гипертрофированный акцент на драме церкви периода антирелигиозных гонений. Травма коллективного церковного

повседневной жизни сельского общества (вторая половина XIX – начало XX века) // Политика и общество. 2009. № 5. С. 66–76; Он же. Правовые обычаи в обыденном сознании и повседневной жизни российского крестьянства второй половины XIX – начала XX века // Право и политика. 2013. № 10. С. 1373–1380 и др. Вокруг проблем социальной истории, культурной и исторической антропологии и этнографии повседневности активизировались как маститые исследователи-одиночки (напр., Б.Н. Миронов), так и стали складываться исследовательские коллективы и профессиональные сообщества. Видное место, к примеру, здесь с самого начала занимала Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ) – объединение специалистов, «вдохновленных идеей написания обновленной социальной истории, в которой есть место женским именам, женской системе ценностей, анализу женских форм социального самовыражения» (Российская ассоциация исследователей женской истории: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://garwh.ru/> (дата обращения: 20.09.2022)). Труды Н.Л. Пушкаревой, И.С. Кона и др. прочно заняли место в ряду исследований «скрытых» проблем культурного прошлого России.

³⁷ Пушкарев А.М. Об определении понятия «история повседневности» в новейших исследованиях российских ученых // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2006. Т. 12, № 2. С. 163.

³⁸ Напр.: История повседневности: сб. научных работ / под ред. М.М. Кром. СПб.: Европ. ун-т в С.-Петербурге, 2003. 207 с.

сознания и возникшая на этом основании рефлексия привели к тому, что охваченность идеей реабилитации стала носить подчеркнуто идеологизированный характер, тогда как прочие стороны прошлого русского православия, выбивавшиеся из магистральной канвы, как бы не замечались, идеализировались или приукрашивались³⁹. При таком раскладе объективного анализа важных проблем церковной истории ожидать не приходилось, и многие из них продолжали оставаться нетронутыми. Впрочем, постепенно эту нишу стали заполнять светские историки, в меру своей компетентности и понимания специфики религиозной тематики, нацелившиеся на освещение нетривиальные аспекты прошлого Русской церкви⁴⁰.

На начальном этапе это были работы популярного жанра, довольно поверхностно описывавшие быт и нравы православного духовенства в ряду прочих социальных групп. Первым таким опытом стало сочинение В. С. Поликарпова «История нравов в России», в которой церкви было уделено специальное внимание⁴¹. Впрочем, работа в итоге получилась малоинтересной, поскольку в

³⁹ См., напр.: Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб.: Алетейя, 2003. 253 с.

⁴⁰ Исключением здесь следует считать работы лишь немногих церковных исследователей, творчески реализующих себя в рамках свободного научного поиска. К таким работам можно отнести труды московского историка П.И. Гайденко, акцентирующего на истории церкви периода Древней Руси. Работы исследователя отличаются обстоятельностью и глубокой проработкой внушительной источниковой основы. К примеру, к проблеме нравов древнерусского духовенства Гайденко подходит с позиции осознания нетривиальности ее природы, переворачивающей стереотипное представление наших современников об историческом прошлом и его логике: «Нравы современного времени видятся куда более пуританскими и строгими, чем те нормы, которыми руководствовались люди и пастыри древнего патриархального мира восточных славян» (Гайденко П.И. Быт и нравы архиереев и их паствы в Киевской Руси (XI–XIII вв.). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016. С. 240; Гайденко П.И., Москалева Л.А., Фомина Т.Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М.: Унив. книга, 2013. 142 с.; Гайденко П.И. Несколько замечаний о социальных аспектах древнерусского монашества XI – первой половины XIII вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 4. С. 48–78; Он же. Монастырские пиры, трапезы (несколько набросков к жизни древнерусского монашества XI–XIII вв.) // Христианское чтение. 2016. № 6. С. 371–392; Он же. Симония: дары или покупка? О некоторых особенностях каноническо-правового сознания Древней Руси // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 85–100 и др. Из сочинений, посвященных нравам духовенства Древней Руси, см. также: Харин Е.С. Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2015. 248 с.

⁴¹ Поликарпов В.С. История нравов в России. Восток или Запад?: [От Алексея Тишайшего до Николая Второго]. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. 575 с.

раскрытии сути проблемы, в сущности, не вышла за пределы констатации факта об объективной зависимости этики социума от противоречий действительности. Не смогла преодолеть эту планку и более поздняя работа В. Г. Анишина и Л. В. Шманевой «Быт и нравы царской России», приобретшая скорее обзорный, чем глубоко аналитический характер⁴².

Между тем очевидная заслуга в пробуждении подлинно научного интереса к обозначенной проблеме принадлежит тверскому историку Т. Г. Леонтьевой, еще в 1990-е гг. заявившей о себе многочисленными примерами разработки церковно-исторической тематики⁴³. Для этого исследователя характерна опора прежде всего

⁴² Анишкин В.Г., Шманева Л.В. Быт и нравы царской России. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 464 с.

⁴³ См.: Леонтьева Т.Г. Роль церковного прихода в движении за народную трезвость // Русская провинция и ее роль в истории России, общества и развитии культуры. Кострома, 1994. С. 18–22; Она же. Духовенство, либералы, крестьянство: эволюция взаимных представлений в начале XX в. // Учен. зап. ТвГУ. Тверь, 1996. Т. 2. С. 140–141; Она же. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX в. (на материалах Тверской губернии) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 92–114; Она же. Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX века // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 20–38; Она же. Быт приходского православного духовенства в пореформенной России (по дневниковым записям и мемуарам) // Из архива тверских историков. Тверь, 1999. Вып. 1. С. 28–49; Она же. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество. Тверь, 1999. С. 47–58; Она же. Приходское православное духовенство: особенности быта (1861–1905) // История российского быта. СПб., 1999. С. 45–47; Она же. Духовенство и сельский мир, 1905–1922 // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 279–299; Она же. Поповичи: нравы бурсы пореформенной России // Родина. 2000. № 7. С. 49–53; Она же. Гендерный фактор в жизни православного прихода // VI ICCEES World Congress for Central and East European Studies. Tampere, 2000. С. 248–249; Она же. Сельское духовенство: политика и прихожане (1900–1924) // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, 2000. Т. 17. С. 255–274; Она же. Жизнь и переживания сельского священника // Социальная история. Ежегодник, 2000. М., 2000. С. 34–57; Она же. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России в начале XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29–43; Она же. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 170–178; Она же. Из истории провинциального духовенства // Заметки: 1847–1850 / И.С. Беллюстин. М.; Тверь, 2001; Она же. Матушка: о попадьях, поповнах и «тонких материях» семейного бытия // Родина. 2001. № 10. С. 48–52; Она же. Народная трезвость и церковный приход // Историк и время: к 80-летию профессора Марэна Михайловича Фрейденберга. Тверь, 2004. С. 58–70; Она же. Православные священники дореволюционной России против «тупого разгула кабака» // Изв. вузов. Поволжский регион. Сер.: Гуманит. науки. 2007. № 1. С. 3–10; Она же. Семья священника: узы брака или любовный союз? // Святой благоверный великий князь Михаил Тверской: 690 лет в народной памяти. Тверь, 2009. С. 141–153; Она же. Православное духовенство в контексте российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Романовские чтения. 400 лет окончания Смуты и воцарения династии Романовых. Кострома, 2013. С. 110–113 и др.

на аутентичные материалы, пристальное внимание к микроисторическим и гендерным аспектам при сохранении социального контекста, из которого автор в значительной степени исходил при объяснении того или иного явления. Важно отметить, что Т. Г. Леонтьева, пожалуй, стала первой исследовательницей, которая целенаправленно осуществила срез региональных источников, обратившись к прошлому Тверской епархии. Специфика провинциальной приходской жизни, согласно историку, есть результат уникальной социокультурной и исторической ситуации, в которой клир не существовал отдельно и сам по себе, но находился в перманентном контакте с прочими социальными группами, оказывая на них влияние и сам испытывая на себе их формирующее воздействие.

Судя по всему, именно работы Т. Г. Леонтьевой и намеченные ею подходы, стали импульсом для появления в последующие годы целой серии исторических исследований (в том числе диссертационных), посвященных приходскому духовенству различных регионов страны. Среди них работы А. Н. Евдокимовой, О. Ю. Бабушкиной, С. М. Васиной, А. В. Скутнева, И. Н. Мухина, Н. В. Беловой, Ю. И. Белоноговой, А. В. Прокофьева, Д. Н. Калашникова, А. В. Всеволодова и др.⁴⁴.

⁴⁴ Евдокимова А.Н. Приходское духовенство и прихожане Чувашского края в конце XVIII – первой половине XIX веков.: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 387 с.; Бабушкина О.Ю. Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е годы XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002. 168 с.; Васина С.М. Приходское духовенство Марийского края в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2003. 361 с.; Скутнев А.В. Приходское духовенство в условиях кризиса Русской православной церкви во второй половине XIX в. – 1917 г.: на материалах Вятской епархии: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2005. 271 с.; Мухин И.Н. Приходское духовенство в конце XVIII – начале XX вв.: по материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 340 с.; Белова Н.В. Провинциальное духовенство в конце XVIII – начале XX вв.: быт и нравы сословия: на материалах Ярославской епархии: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2008. 267 с.; Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века: (по материалам Московской епархии). М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 175 с.; Прокофьев А.В. Приходская реформа 1861–1864 гг. и ее влияние на самосознание приходского духовенства: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 316 с.; Калашников Д.Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX – начала XX в.: на материалах Курской епархии: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. 189 с.; Всеволодов А.В. Православное приходское духовенство в 1840-е – 1880-е гг.: материальное обеспечение, корпоративная организация, самосознание (на материалах Вологодской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Череповец, 2014. 377 с. Здесь следует добавить, что заметный вклад в изучение региональных аспектов социокультурного облика приходского духовенства внесла екатеринбургский исследователь А.В. Мангилева. Итогом изысканий историка стала докторская диссертация, защищенная в 2015 г. в Уральском отделении РАН (Мангилева А.В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX –

В них едва ли следует искать специальный анализ проблемы дисциплинарных отклонений в среде приходского клира – она затрагивается там лишь попутно. Но, тем не менее, для перечисленных историков характерны некоторые действительно ценные, основанные на данных архивных материалов, суждения.

Так, А. Н. Евдокимова, С. М. Васина и Н. В. Белова оценивали морально-этический уровень пореформенного приходского клира как неоднозначный, указывая на присутствие в его повседневной жизни широкого спектра деструктивных явлений, таких как пьянство, насилие, мздоимство и т.д. Вместе с тем авторы были склонны расценивать их скорее как исключение, нежели правило. Д. Н. Калашников и А. В. Прокофьев пытались объяснить феномен морального кризиса в приходской жизни несоответствием пастырского предназначения и той многогранной деятельности, которую священнослужитель обязан был вести на приходе. Как следствие, у клирика попросту не оставалось времени для переключения с мирских дел на духовную деятельность. Это, как правило, имело свои последствия. А. В. Всеволодов отмечал крайне негативное влияние на психологическое самочувствие духовенства его тяжелого финансового положения. Позиции И. Н. Мухина и Ю. И. Белоноговой характеризуются усилением исторических акцентуаций и выделением факторов объективного порядка – расшатывание патриархальных устоев и разрушение традиционных нравственных ориентиров в условиях пореформенной модернизации. Данная ситуация создавала психологический диссонанс, дезориентировавший рядовых служителей церкви, глубже прочих социальных групп, погруженных в народную стихию. Такая неустойчивость лишала их опоры в традиционном церковном благочестии. Впрочем, Ю. И. Белоногова также настаивала, что проблема низкой дисциплинированности приходских причтов все же не стоит преувеличивать. К примеру, тезис о нравственной несостоятельности некоторых клириков Московской епархии, на поверку, сложился благодаря порочной практике ложного

начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 535 с.). И хотя исследователь не акцентирует внимание на дисциплинарных проблемах причтов, однако, по крайней мере, о них не умалчивает.

доносительства прихожан епархиальному начальству на священно- и церковнослужителей с целью их намеренной дискредитации⁴⁵. Данное замечание представляется довольно ценным и, забегая вперед, отметим, – находящим подтверждение в том числе в казанских материалах.

Тем не менее, кажется, глубже всех в суть вопроса проникли О. Ю. Бабушкина и А. В. Скутнев, обозначившие средовые факторы проблемы. О. Ю. Бабушкина отмечала всестороннее воздействие культуры сельских отношений, базировавшихся на архаичных обычаях, которым духовенство, по существу, не могло сопротивляться и к которым вынуждено было адаптироваться. Логика размышлений А. В. Скутнева шла в том же направлении. Проведя педантичный анализ архивных материалов Вятской епархии, исследователь пришел к выводу, что девиации занимали заметное место в повседневности епархиального духовенства. Причину этого историк усматривал во влиянии грубой крестьянской среды, а также особенностях профессионального становления приходских клириков: из деревни отпрыск священника попадал в семинарию, где исстари царил обскурантская атмосфера и жесткие нравы⁴⁶. Вместе с тем автор не рассматривал проблему девиаций духовенства как значительную. С его точки зрения, ежегодное нахождение под судом 10 % епархиальных клириков – показатель весьма незначительный⁴⁷. А. В. Скутнев также стал, пожалуй, единственным в плеяде перечисленных исследователей, кто обратил внимание и на несовершенство епархиальной судебной системы, прямо и косвенно стимулировавшей усугубление дисциплинарной проблемы на приходах.

Впрочем, перечисленные работы все же относятся к сочинениям общего исторического плана. Между тем, первый удачный опыт собственно церковной этнографии принадлежит Т. А. Бернштам. Монография «Приходская жизнь

⁴⁵ Белоногова Ю.И. Указ. соч., с. 145–146.

⁴⁶ Скутнев А.В. Приходское духовенство в условиях кризиса Русской православной церкви во второй половине XIX в. – 1917 г.: на материалах Вятской епархии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2005. С. 20.

⁴⁷ Скутнев А.В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX – начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2. С. 47.

русской деревни: очерки по церковной этнографии», вышедшая в 2005 г., на сегодняшний день в определенной степени стала хрестоматийной. Раскрывая грани приходской жизни, автор искусно реализует свой главный посыл: домостроительство прихода базировалось на нераздельном единстве двух начал: духовенства и крестьянства, которое прослеживается практически во всех его аспектах. Обращаясь к проблеме повседневной нравственности первого, Бернштам констатировала ее присутствие во всех периодах русской церковной истории. Однако при этом ученый постулировала нетривиальный и далеко неоднозначный характер данного вопроса. В некотором роде, образ неблагочестивого клирика, прочно засевший в общественном сознании и проникший в научные работы – результат гипертрофированных акцентуаций отечественной публицистики XIX в. на негативных сторонах приходской жизни. *«В массе этих негативных фактов и описаний терялся образ пастыря в подлинном значении слова»*⁴⁸. Таким образом, исследователь обращалась к выявлению системных детерминант проблемы, предполагая ее решение в рамках небинарной модели с учетом скрытых факторов и неявных взаимосвязей.

Эвристическую линию Т. А. Бернштам продолжил кировский историк В. А. Коршунков, в 2018 г. опубликовавший единственную, но весьма ценную в нашем случае статью о практике наказаний Вятской духовной консисторией проштрафившихся церковнослужителей в XIX в.⁴⁹ Примечательно, что автор использовал историко-антропологический метод, досконально разобрав дело одного пьянствовавшего и бесчинствовавшего причетника.

В работе отмечается, что рядовое духовенство жило бок о бок с простыми людьми, а потому, с одной стороны, было склонно впадать в присущие последним крайности, а с другой – перманентно находилось на виду, что способствовало широкой огласке его предосудительного поведения и невольной мультипликации

⁴⁸ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Петерб. востоковедение, 2005. С. 127.

⁴⁹ Коршунков В.А. Преступления и наказания дьячка Замятина: как в XIX в. руководство Вятской епархии перевоспитывало своих подначальных // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2018. Вып. 18. С. 66–67.

негативных представлений о нем в обществе⁵⁰. Консистории в свою очередь были местом, где клир подвергался «обдирации» и «облупации». Епархиальные власти относились к нему *«как к детям малым, контролируя и регламентируя, понимая и прощая, грозя и поощряя»*⁵¹. Однако такая исправительная система была далеко несовершенна, что эмпирически подтверждалось на практике.

Взгляд В. А. Коршункова пришелся по душе молодому поколению исследователей и получил подкрепление в недавнем исследовании оренбургского историка А. Г. Фот, впервые осветившем проблему внебрачных связей пореформенного духовенства⁵². Автор отмечает, что в силу канонических принципов церкви для духовенства был невозможен повторный брак. Однако жесткий запрет и наличие природных импульсов способствовали появлению суррогатных способов выхода из сложившейся ситуации. Одиноким клирикам в ряде случаев самовольно вступали в тайные, неформализованные союзы с прислугой, прихожанками и т.д. Дисциплинарные меры епархиальных властей в таких случаях не отличались последовательностью и, по сути, были малоэффективны вследствие отсутствия действенных альтернатив. При этом, опасаясь широкой огласки столь нетривиальных происшествий, консистории зачастую ограничивались формальным наказанием провинившихся священно- и церковнослужителей, что постепенно усугубляло хронические дисциплинарные проблемы.

Приблизительно в то же время, когда был опубликован труд Т. А. Бернштам, карельский исследователь М. В. Пулькин актуализировал общую девиантологическую проблематику, заложенную еще в конце 1990-х гг. коллективом авторов в составе Я. Гилинского, В. Афанасьева, Н. Бараевой, И. Гурвича, Я. Костюковского и др.⁵³ Исследователь апробировал заданные подходы

⁵⁰ Коршунков В.А. Указ. соч., с. 82.

⁵¹ Там же.

⁵² Фот А.Г. «...Хотел было взять меня себе вместо жены и жену свою оставить законную...»: к вопросу о внебрачных связях приходского православного духовенства Оренбургской епархии второй половины XIX – начала XX века // История: факты и символы. 2023. № 2. С. 37–49.

⁵³ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / отв. ред. Я.И. Гилинский. СПб.: Алетейя, 2000. 384 с.

в собственных исторических построениях и применительно к поведенческим аномалиям избранных им социальных групп. В частности, разбирая материалы европейского Севера, Пулькин обратил внимание на многочисленность проявлений девиантного поведения в религиозных сообществах⁵⁴. Парадоксальность ситуации в отечественной историографии, однако, заключалась в том, что массив соответствующих источников, к середине XIX в. ставший невероятно внушительным, упорно игнорировался историками и длительное время не расценивался как представляющий научный интерес⁵⁵. Между тем обращение к ним позволяло вскрыть новые грани социальной действительности прошлого и усложнить существующие представления о нем.

Одновременно исследователем была предпринята попытка теоретического осмысления феномена отклоняющегося поведения как фактора исторического процесса. Он обнаружил четкие закономерности, коррелирующие с конкретными периодами, в ходе которых происходила интенсификация поведенческих отклонений в массах. Так, говоря о пореформенном времени, М. В. Пулькин писал: *«В конечном счете, распространению девиантного поведения способствует то обстоятельство, что в ходе перемен в экономике и духовной жизни нарушилась регулирующая роль социальных институтов (в частности, прихода), в которых важнейшая роль отводилась “мирскому” самоуправлению, действующему на основании освященных веками традиций. Это стало возможным потому, что община (или приход) утратила свое предназначение — освободить индивида от*

⁵⁴ См.: Пулькин М.В. Дело о самосожжении старообрядцев. Март – май 1784 г. // Исторический архив. 2007. № 2. С. 205–210; Он же. Православный приход и власть в середине XVIII в. – начале XX в.: (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2009. 422 с.; Он же. Слухи о самосожигателях: истоки, достоверность, фиксация и использование (конец XVII – XVIII в.) // Традиционная культура: науч. альманах. 2011. Т. 12, № 1. С. 143–150; Он же. Алкоголь и традиционная культура в XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) // Традиционная культура: науч. альманах. 2012. Т. 13, № 2. С. 112–121; Он же. Историческая суицидология: по материалам старообрядческих самосожжений // Культурно-историческая психология. 2012. № 2. С. 96–103; Он же. Самосожжения старообрядцев (вторая половина XVII – XIX в.). М.: Акад. проект, 2023. 334 с. и др.

⁵⁵ Пулькин М.В. Девиантное поведение в XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 84.

проявления неупорядоченной активности, перенапряжения сознания в связи с беспрестанным принятием решений в ситуации нестабильности и неопределенности. Правда, под угрозой тогда было поставлено важное достояние местного сообщества как социального организма — солидарность»⁵⁶.

Закономерно, таким образом, что кризисные явления в духовном пространстве социума не могли не затронуть церковь и ее служителей – его неотъемлемую часть. Более того, наиболее остро они проявляли себя как раз там, где традиционные устои были прочнее всего и которые при этом интенсивно подвергались эрозирующему влиянию модернизации. Таковой была сельская духовная культура, что дополнительно подтверждается статистическими данными.

Еще одним очевидным достоинством работы М. В. Пулькина следует считать рассмотрение им явления не только с этических, но и с правовых позиций. Рискнем предположить, что данный подход послужил стимулом пробуждения исследовательского интереса у прочих историков и последующей разработки обозначенной проблемы в историко-правовом ключе. Несмотря на то, что впервые внимание на этот аспект обратил В. А. Копяткевич еще в начале XX в.⁵⁷, факт остается фактом: в новейший период именно вслед за М. В. Пулькиным стали последовательно появляться работы, затрагивающие юридическую сторону вопроса, и приоритетным объектом их внимания при этом становилось как раз православное духовенство⁵⁸.

⁵⁶ Пулькин М.В. Девиантное поведение в XVIII – начале XX в... Указ. соч., с. 86.

⁵⁷ См.: Копяткевич В.А. Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие, 1897–1911 гг. Петрозаводск: Олонецкая губернская тип., 1914. 25 с.

⁵⁸ См.: Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2000. – 309 с.; Он же. Православная инквизиция в системе надзора и карательной политики государства // Уголовное наказание в России и за рубежом: теория и практика. Вологда, 2005. Ч. 2. С. 111–117; Он же. Правонарушения духовенства как форма социально-политического протеста (XVIII–XIX вв.) // Право и политика: теоретические и практические проблемы. Рязань, 2013. С. 90–93; Он же. Преступность в среде духовенства в России XIX в. // История государства и права. 2014. № 5. С. 41–46; Он же. Анафема как форма уголовной и политической репрессии в карательной политике Российского государства // Пенитенциарная наука. 2014. № 2. С. 83–87; Он же. Русская православная церковь и пенитенциарная система в новейший период истории России. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. 225 с. и др. См. также: Леонтьев А.А., Алиева Л.В. Церковная дисциплина в Псковской епархии в XIX–XX вв.: анализ источниковой базы // Вестник Брянского гос. ун-та. 2021. № 3.

Дисциплинарные аспекты повседневности православного клира в их каноническом разрезе стали постепенно попадать и в фокус интересов церковных историков, что произошло под влиянием общенаучной тенденции и внутреннего церковного запроса. Особая заслуга здесь принадлежит издательству Санкт-Петербургской духовной академии и Обществу по изучению церковного права им. Т. В. Барсова, ставшему на сегодняшний день заметной интеллектуальной площадкой для обсуждения обозначенных проблем⁵⁹.

Вместе с тем приходится констатировать, что данная тематика находится в самом начале своей разработки. Дополнительная проблема заключается в том, что если интерес к ней на общецерковном уровне спорадически все же имел место, то этого нельзя сказать о региональных историях. К примеру, несмотря на высокую степень сохранности архивного материала, дисциплинарным отклонениям духовенства Казанской епархии на сегодняшний день не посвящено ни одной специальной работы (за исключением публикаций автора настоящей диссертации). Закономерно таким образом, что В. А. Коршунков фиксирует тенденцию уклонения современных историков от постановки проблемы именно в такую плоскость⁶⁰. Однако решение этой задачи определенно явилось бы важным вкладом в освещении аспектов социальной и культурной истории Русской церкви и способствовало бы формированию более полной и цельной картины прошлого русского православия.

Таким образом, на основе проведенного анализа мы можем констатировать, что степень изученности поставленной проблемы отличается ограниченностью: с одной стороны, нельзя сказать, что она полностью выпала из научного поля, с

С. 110–117; Никитин А.В. Церковный суд и православное духовенство в России: 1864–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. 224 с.

⁵⁹ См., напр.: Резухин П.С. Проблема обеспечения церковной дисциплины внутри духовного сословия в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Исторического общества С.-Петерб. духовной академии. 2021. № 3. С. 321–328; Хохлов А.А. Специфика епархиального судопроизводства второй половины XIX в. на примере одного из дел // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 214–224; Он же. Донос в государственном уголовном и церковном праве во второй половине XIX – начале XX вв.: сравнительный анализ сквозь призму теории и практики // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 173–181 и др.

⁶⁰ Коршунков В.А. Указ. соч., с. 66–67.

другой, приходится признать, что интерес к различным аспектам девиантного поведения православного духовенства так или иначе присутствовал во все периоды исторической науки. Это накладывает отпечаток на понимание нами генезиса, структуры, масштабов и динамики явления. Так или иначе, но за пределами остался целый пласт вопросов по истории приходской жизни пореформенного времени в ее повседневной, правовой, культурной и психологических ипостасях. Иными словами, церковно-историческая девиантология, несмотря на чрезвычайное обилие источников и усилия отдельных ученых, до сих пор не вылилась в новое и самостоятельное исследовательское направление, что предопределяет фрагментарность существующей картины церковной истории и способствует формированию устойчивых, подчас негативных стереотипов, отдаляющих нас от ее адекватного понимания.

1.2. Источниковая база исследования

Корпус источников диссертации комплектуется из неопубликованных и опубликованных документов. Все они носят письменный характер. Первая группа представлена в большинстве ранее не публиковавшимися документами четырех региональных и одного федерального архива:

1. *Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ);*
2. *Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР);*
3. *Государственного архива Республики Марий Эл (ГА РМЭ);*
4. *Российского государственного исторического архива (РГИА).*

Выбор архивов обусловлен спецификой исследуемой проблемы, ее историческими и географическими характеристиками. При этом значение выявленных источников неравнозначно. Исключительную важность имеют документы, сконцентрированные в следственных делах Казанской духовной консистории (ГА РТ, Ф. 4.). Материалы прочих архивов играют вспомогательную роль.

К опубликованным источникам относится совокупность разнородных по характеру и содержанию материалов, представленных разнообразными по времени самостоятельными, либо депонированными в сборниках публикациями.

Состав этих источников выглядит следующим образом:

1. *законодательные акты;*
2. *делопроизводственная документация;*
3. *статистические источники;*
4. *периодическая печать;*
5. *материалы личного происхождения;*
6. *этнографические источники;*
7. *исследования, аналитика и публицистика.*

Законодательные акты. Учитывая специфику поставленной в диссертации проблемы, законодательный акт понимается нами, с одной стороны, как официальный документ определенной формы, принятый в пределах компетенции уполномоченного государственного органа или государственного должностного лица, с другой – как церковный нормативно-правовой акт, сфера применения которого связана с Православной церковью как социальным институтом. При этом мы дифференцируем понятия канонического источника и источника, относящегося к сфере церковного законодательства. Это обуславливается прежде всего тем, что каноны, согласно церковной традиции, в своем действии не ограничиваются конкретным историческим периодом, в то время как церковные законодательные акты являются продуктом конкретного времени и, как правило, их актуальность не выходят за его границы.

В дореволюционной России большинство действовавших законодательных актов было кодифицировано в рамках Свода законов Российской империи (СЗРИ). СЗРИ вобрал в себя результаты отечественного законотворчества за более чем вековой период. Среди внушительного количества законов, включенных в Свод, для диссертации приоритетны государственные и церковные Уложения и Уставы, действовавшие в период с середины XIX по начало XX вв. Это кодифицированные нормативные акты 1845, 1864, 1885 и 1903 гг., регулировавшие вопросы

уголовного и гражданского права: Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных, Уставы судопроизводства и т.д. Учитывая специфику государственного устройства империи, и особое положение в ней православия, в этом перечне следует упомянуть Уставы духовных консисторий 1841 и 1883 гг. как результат совместного церковно-государственного правового творчества второй половины Синодального периода. Уставы регламентировали аспекты внутрицерковных и, отчасти, внешних церковных отношений. Их важность в нашем случае заключается в статусе духовных консисторий как органов церковного управления среднего звена, непосредственно контролировавших и регулировавших деятельность приходского духовенства на местах.

Императорские указы по ведомству православного исповедания, в том числе касающиеся епархиального и приходского управления, также представлены в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ), где размещены в хронологическом порядке. Необходимо отметить, что важнейшие из них – синодальные и обер-прокурорские распоряжения, приказы и циркуляры, относившиеся к текущей епархиальной жизни, дублировались в официальном печатном органе Казанской епархии «Известия по Казанской епархии». Журнал издавался при Казанской духовной академии с регулярностью 2–4 раза в месяц в период с 1867 по 1917 г. Для настоящей диссертации актуальными представляются номера, выходившие с 1867 по 1905 г. Документы, содержащиеся в них, несмотря на подчеркнута официальный характер, ценны тем, что отражают воззрения высшей гражданской и церковной власти на состояние и перспективы приходского духовенства, его имущественный, социальный, правовой статус, а также вопросы религиозного и этического плана, с ним связанные.

Законодательные акты епархиального и местного уровня, как-то: указы правящего архиерея епархии, постановления и решения духовной консистории, съездов благочинных и уездного духовенства также публиковались в Известиях по Казанской епархии. Важность этих документов обусловлена спецификой системы церковного администрирования в рассматриваемый период, когда епископ и консистория обладали особыми правами в сфере надзора над церковной жизнью в

границах определенной им канонической территории. Это обеспечивало как широкие возможности епархиальных властей в вопросах правового и этического регулирования повседневной жизни духовенства, так и непосредственного личного участия в финансовых, хозяйственных, учебных, богослужебных и дисциплинарных вопросах. Именно в руках архиереев и консисторий концентрировались рычаги управления епархией, ими проводилась оценка благонравия и принимались решения о судьбах конкретных клириков.

В рассматриваемой группе особое место занимают подзаконные акты: инструкции, правила, положения, сборники дополнительных сведений для служащего клира и т.д., касающиеся различных аспектов повседневного служения и миссии клира, конкретизирующие и истолковывающие те или иные законы, и вводящие новые нормы. В ряде случаев именно они позволяют проникнуть в нюансы этической и правовой системы как выделенного периода, так и местности.

Особое внимание в диссертации уделено *источникам канонического права*. Подробный анализ соответствующих правил и установлений Православной церкви будет дан в соответствующем разделе диссертации в связи с конкретным материалом. Здесь же отметим, что в оценке дисциплинарных и поведенческих особенностей приходского духовенства, решений синодальных и епархиальных властей и в целом правоприменительной практики церкви, каноны играют одну из основополагающих ролей. Они выступают тем эталоном и ориентиром, который позволяет разграничить этическую и правовую норму и аномалию, а также произвести оценку бытовавшей повседневности на предмет соответствия церковным каноническим императивам. Учитывая тот факт, что каноны, в сущности, консервативны, особенности их интерпретации в малой степени зависят от временного контекста. Эти источники мы находим в Кормчей книге, Книге правил, творениях отцов и учителей церкви.

Таким образом, хотя обозначенная группа источников и очерчивает прежде всего юридическую сторону интересующей нас проблемы, но этим ее значение не ограничивается. Нормы права и нормы морали априорно взаимообуславливают,

дополняют и взаимообеспечивают друг друга. И в этом видится значение законодательных источников для предпринятого исследования.

Делопроизводственная документация. Данная группа источников самая обширная и значимая. Ее структуру можно представить следующим образом:

1. следственные дела в отношении дисциплинарных нарушений и благонравия приходского духовенства;
2. отчеты и рапорты благочинных округов;
3. отчеты обер-прокуроров и епископов о положении дел в епархиях.

Следственные дела в отношении дисциплинарных нарушений и благонравия приходского духовенства. Данный корпус источников преимущественно сконцентрирован в фонде 4 «Казанская духовная консистория» ГА РТ и, по нашим оценкам, за период с начала XIX в. по 1917 г. насчитывает более 400 дел соответствующего содержания. В диссертации задействованы документы, относящиеся к пореформенному времени. Следует отметить, что аналогичные источники по казанскому губернскому духовенству можно встретить и в других фондах ГА РТ, а также прочих региональных архивах. Тем не менее, в последнем случае, это единичные явления. Комплектование фондов Государственного архива Республики Татарстан происходило таким образом, что, несмотря на существенное изменение административных границ бывшей Казанской губернии и выделение из ее состава новых поволжских автономных национальных республик в 1920-е гг., архивы церковных (как и ряда других) учреждений остались или были переданы в Казань. Все это придает особую эвристическую значимость фондам Казанской духовной консистории.

Вместе с тем даже здесь имеются основания предполагать далеко не полную сохранность интересующих нас материалов. Так, из архивов восьми местных духовных правлений, до конца XIX в. составлявших административную структуру Казанской епархии, до нас дошла лишь малая часть. Сохранившиеся же фонды ограничены и практически не содержат важных с точки зрения исследования материалов. Однако указания на то, что таковые некогда имели место, мы по ходу работы встречали в самых разнообразных местах. Так, к утраченным можно

относити фонды Царевококшайского, Козьмодемьянского, Спасского, Чистопольского, Чебоксарского и Свияжского духовных правлений. Тем не менее отдельные дела сохранились в фонде 5 Лаишевского духовного правления ГА РТ. Ряд дел, касающихся значимых, с позиции государства, преступлений, и зафиксированных органами имперского правопорядка случаев нарушения общественной нравственности представителями духовного сословия, можно найти в фонде № 1 «Канцелярия казанского губернатора» (ГА РТ), фонде 100 «Козьмодемьянское уездное полицейское управление Казанской губернии» (ГА РМЭ), а также ГИА ЧР.

Российский государственный исторический архив содержит фонды центральных духовных учреждений и органов высшего церковного управления. В них документы поступали из епархий при посредстве тех же духовных консисторий. Иными словами, механизм информирования, к примеру, канцелярии обер-прокурора синода имел восходящий характер. Таким образом, второстепенность материалов РГИА в нашем случае вполне закономерна и объяснима. Между тем, при исследовании проблемы в общецерковном контексте их значение, безусловно, будет существенным, а в ряде случаев и основополагающим.

Массив обнаруженных дел никогда прежде не становилась объектом исследовательского поиска. Нами они впервые вводятся в научный оборот. Между тем их историческая и культурная, а также информационная ценность исключительна. Учитывая тот факт, что следственные дела не предназначались для широкого круга и носили служебный, а, следовательно, закрытый и вполне объективный характер, из них можно почерпнуть массу важнейших и скрытых от посторонних глаз сведений о персоналии приходского духовенства Казанской губернии, образе его жизни, особенностях отношений внутри причтов и приходов, а также сословном этосе и правоприменительной практике, культивируемой в тот период. В зависимости от того, каким по значимости и сложности для епархиальной власти было то или иное дело, его объем мог варьироваться от нескольких до сотен страниц и включать в себя десятки самостоятельных

источников. Иными словами, с научной точки зрения, значение их трудно переоценить.

Структура описываемых материалов строго фиксирована и укладывается в рамки принятых в обозначенный период следственных процедур. Исходя из этого, многие документы обладают отчетливо официальным и стандартизированным характером, что накладывает определенные ограничения на предпринимаемую реконструкцию. Другим, объективно ограничивающим изыскания, моментом следует считать тот факт, что сколь бы ни были информативны документы, они отражают лишь часть прошлого, недоступного нам во всей полноте. Это касается в том числе и тех материалов, о которых идет речь.

Впрочем, бюрократический, «сухой» уклон следственных дел в значительной степени компенсируется отчетами и рапортами благочинных. Назначенные смотреть за приходской жизнью в рамках специальных административных округов, благочинные обязаны были принимать активное в ней участие, проводить ревизии, следить за благосостоянием храмов, порядком на приходах, благонаравием духовенства; по распоряжению архиерея и духовной консистории проводить дознание или следствие, своевременно информировать о текущих делах епархиальные администрации. Результаты их деятельности находили отражение в полугодовых и годовых отчетах.

К сожалению, этот вид документа в массе и окончательно входит в делопроизводственный оборот только в последней четверти XIX в. При этом его сохранность в региональных архивах далеко неполная. Вместе с тем, регулярные наставления епархиальных властей о необходимости составления благочинными отчетов в соответствии с определенным формуляром, как правило, в конкретных случаях наткнулись на хроническую делопроизводственную неряшливость и самодеятельность последних. Но именно это должностное упущение способствовало попаданию в сообщения благочинных уникальных и «живых» сведений о приходской действительности, отражающих ее злободневные и проблемные аспекты, что, безусловно, значительно расширяет наши представления о предмете исследования. Здесь также стоит отметить, что, согласно

постановлениям Казанской духовной консистории, в связи с подготовкой отчетов благочинные ни в коем случае не освобождались от обязанности направления рапортов по повседневным происшествиям, заслуживающим внимания епархиальной власти. В нашем случае это является, безусловно, позитивным моментом.

Отчеты обер-прокуроров и епископов о положении дел в епархиях в ключевых моментах оказываются доступны не благодаря архивам, а епархиальным известиям, в которых регулярно публиковались соответствующие извлечения. Впрочем, часть их в форме дубликатов можно встретить и в архивохранилищах. Отчеты мы подразделяем на общие епархиальные (годовые) и конкретные, к примеру, по случаю обозрения епископом той или иной части епархии. Как те, так и другие значительно конкретизируют сведения следственных дел и детализируют общий фон епархиальной жизни.

Предваряя вопрос о таком заметном и довольно неплохо сохранившемся источнике как клировые ведомости, заметим, что в нашем случае он малозначим, т.к. в них представлена только краткая биографическая справка о конкретном клирике, его семейных связях и т.п. информация. Графа же о дисциплинарном статусе священника или причетника, как правило, формировалась на основе данных из дисциплинарных характеристик и следственных дел, которые мы непосредственно подвергали разбору.

Таким образом, делопроизводственная документация обладают высокой степенью аутентичности, информативности и значимости для диссертационного исследования как части самостоятельного, нового и не разработанного исследовательского направления. Важно отметить, что ряд документов и отдельных сведений из указанной группы носит неофициальный характер, вследствие чего их влияние на расширение границ объективности диссертации существенно возрастает.

Статистические источники. Из числа статистических источников в работе были задействованы материалы ревизий, переписи 1897 г. и статистические таблицы, издававшиеся Центральным статистическим кабинетом. Главное их

значение состоит в том, что они содержат массовые, в том числе количественные данные, позволяющие обнаружить совокупность явлений, кажущихся случайными, их взаимосвязь и обусловленность закономерностей развития церкви как части современного ей социума. К примеру, статистика позволяет не только выявить место православного духовенства в обществе, но и вскрыть структуру этой социальной группы. Иными словами, влияние статистических материалов обуславливается их доказательной состоятельностью. Именно на основе статистических данных мы приходим к выводу о том, что большая часть духовенства Казанской губернии была представлена сельским клиром. Этот вывод имеет принципиальное значение в реконструкции его социокультурного облика и выявлении детерминант повседневных психолого-поведенческих акцентуаций.

Периодическая печать. Центральное место в этой группе источников занимает официальный печатный орган Казанской епархии «Известия по Казанской епархии» (ИКЕ). О его информативных возможностях выше уже говорилось. Однако, помимо этого, ИКЕ содержит массу сведений о повседневности и этнографии рядового духовенства; номера издания насыщены сочинениями, заметками, проповедями и прочими материалами, касающимися тех или иных сторон религиозной жизни в крае. Именно этим обуславливается интенсивное использование данного журнала в ходе исследования. С нашей точки зрения, несмотря на эксплицитную официальную ориентацию, ИКЕ как источник до сих пор в должной мере не оценен и не разработан и еще ждет своего пытливого исследователя.

Прочая периодика – печатный орган Казанской духовной академии «Православный собеседник», «Руководство для сельских пастырей» и другие издания – имеют в данном случае лишь вспомогательное значение. В контексте проблемы, акцентирующей внимание на региональной специфике, они не столь информативны и скорее оказывают вспомогательную услугу.

Светская губернская и городская периодическая печать в нашем случае какой бы то ни было ценности не представляет. У этого есть объективные причины. Епархиальные власти стремились не допустить распространения

компрометирующей духовенство информации во внешнее поле, исходя из чего она крайне редко становилась предметом интереса светских журналистов. По крайней мере, такая картина была характерна для Казанской губернии. Кроме того, как отмечалось, в подавляющем большинстве проблемная часть клира была представлена сельскими священно- и церковнослужителями, до которых городская журналистика попросту «не дотягивалась». Духовенство же городов (как губернских, так и уездных), судя по всему, стояло на более высокой культурной ступени и отличалось большей дисциплинированностью. Об этом красноречиво свидетельствует содержание архивов, документы которых концентрируются именно на проблемах сельского клира. Этот нюанс сглаживал общий фон восприятия социальной действительности в периодической печати и церковной его составляющей, в частности.

Материалы личного происхождения. В данном случае следует заметить, что духовенство Казанской губернии не отличалось склонностью к писательству и фиксации событий епархиальной и приходской жизни посредством личных заметок. Казанские священнослужители не оставили нам сочинений, сколь-либо заслуживающих внимания. Однако это не говорит о том, что такая картина была характерна в целом для духовенства Русской церкви. Среди клириков находились и те, которые литературными экспериментами демонстрировали удивительные грани собственного таланта. Причем это касалось как писательского стиля, так и содержательной части их работ. В данном случае речь идет о некоторых весьма ценных с исторической точки зрения мемуарах и записках священников, проходивших служение в сельских приходах. Здесь мы находим интересные и глубокомысленные суждения и комментарии относительно приходской действительности второй половины XIX – начала XX вв., с которыми им приходилось соприкасаться. Так, особого внимания заслуживают сочинения священников А. Розанова, А. Попова, И. Белюстина и ряда других, в том числе и архиереев. Однако, принимая во внимание уникальность ситуации в каждой конкретной епархии, приходе и местности, их ценность для нас обуславливается не столько нюансами личной биографии, сколько прежде всего фиксацией неких

универсалий, характерных для приходского быта и нравов вне зависимости от локалитета. Схожи по значению в указанном смысле и сочинения ряда светских писателей, публицистов, мемуаристов и путешественников (А. М. Горького, В. Н. Фигнер, В. В. Розанова, А. Фукс и др.), на страницах произведений которых мы находим многогранные сведения о современной им церковной или народной жизни. В отдельных случаях эта информация носит классический этнографический характер, что в рамках предпринимаемого исследования только повышает ее значимость.

Этнографические источники. Из числа этнографических материалов в работе широко использованы письменные источники по этнографии народов Поволжья. Игнорирование данного вида материалов в нашем случае было бы неоправданным, поскольку именно этнографические источники полнее раскрывают специфику духовной и социо-нормативной культуры рассматриваемого полиэтничного региона, отражают быт и повседневность населявших его народов. Ключевое значение в данном случае мы придаем «Материалам Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева.

Бюро было создано в 1897 г. для сбора информации о крестьянах Центральной России. Полевая часть работы была возложена на специальных корреспондентов, собиравших данные по уездам губерний в период 1897 по 1903 гг. Собираемая информация базировалась в общей сложности на 500 вопросах, включавших сведения о физическом облике крестьян, местных условиях и образе их жизни, общественных установлениях, обычаях и законах, регулировавших отношение к обществу и составлявшим его сословным группам, а также к государственному строю; верованиях, знаниях, предрассудках и т.д. И хотя центральным объектом исследований выступали именно крестьяне, быт и нравы приходского духовенства в них также находили попутное отражение. Так было и в Казанской губернии, в которой тщательному обследованию были подвергнуты села Спасского и Лаишевского уездов.

Очевидная скудость и ограниченность этнографических сведений о духовенстве отчасти компенсируется материалами личного происхождения:

мемуарами, воспоминаниями и записками клириков об их служении на сельских приходах. И хотя казанские епархиальные священники не оставили после себя сколь-либо заметных в этом плане источников, они встречаются в творчестве клириков других епархий Русской церкви. Кроме того, подавляющая их часть на сегодняшний день уже издана, что снимает подчас крайне актуальный вопрос доступности.

С нашей точки зрения, к источникам вполне уместно отнести и разнообразную исследовательскую, аналитическую и публицистическую литературу по времени происхождения относящуюся к исследуемому периоду. Основным аргументом в пользу такого подхода является тот факт, что их авторы выступали с позиции современников и очевидцев тех или иных событий, социальных, культурных и психологических явлений и процессов. К примеру, таковыми можно считать размышления писателей, мыслителей, общественных деятелей, врачей и др. о явлениях в народе пьянства, доносительства, насилия, психических заболеваний и т.д. В этом смысле литература оказывает неоценимую услугу в объективации понимания исторического прошлого.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении комплекс источников в целом позволяет решить поставленные в диссертации задачи, и достигнуть намеченной цели.

1.3. Теоретико-методологическая модель

Настоящая диссертация выполнена в рамках *полипарадигмального и поликонцептуального подходов*. Характер источников и степень изученности проблемы позволяют сконструировать авторскую методологическую модель, позволяющую проникнуть в суть поставленной проблемы. Как было показано, отраженные в архивных источниках случаи реализовывались в уникальных социально-исторических и культурно-психологических условиях; были результатом деятельности людей, различных по темпераменту, характеру, возрасту, образованию, культурному уровню и жизненному опыту. Все это

усложняет выстраивание извлекаемой из документов информации в единую сюжетную линию. Гибкость методологии видится в таком случае не только неизбежным, но и необходимым условием успешности решения поставленных в диссертации задач и достижения намеченной цели.

Как известно, теория предшествует истории, наполняя историческую парадигму реальным содержанием. Она берет на себя функцию объединения «разрозненного пережитого», состоящего из несвязанных кусков с различной степенью значимости и информативности, в единое смысловое полотно⁶¹. Реализуемое таким образом упорядочивание нацелено на формирование цельной рациональной структуры исследования, которая хоть и не претендует на статус исчерпывающей и обладает условной устойчивостью, тем не менее, насколько это возможно, позволяет представить и понять содержание и связь изучаемых исторических процессов и явлений. Между тем не будем забывать, что теория всегда исходит из опыта прошлого, и сама влияет на представления исследователя. Так что любая из них – психологична, что наглядно продемонстрировано в тексте настоящей диссертации.

Взгляд на историю приходского духовенства сквозь призму личности и ее роли в развитии ситуации в епархиальном пространстве пореформенного времени предопределил жанр реализуемого повествования. Он сочетает в себе *микроисторический* и *историко-антропологический* подходы. Поэтому в рамках решения поставленных задач выглядит вполне уместным обращение к этнографическим, психологическим и прочим аспектам изучаемого явления, что, по сути, превращает исследование в междисциплинарное. Иными словами, в задачу автора входила не только попытка ответить на вопрос, как произошли те или иные события, но и почему и каким образом житейская активность конкретной личности приводила к итоговому результату; какими путями она меняла фон церковной среды и предопределяла ее характер и развитие.

⁶¹ Рикер П. История и истина. СПб.: Алетея, 2002. С. 41.

В сущности, данный подход строится на опыте западной историографии (Ж. Ревеля, Р. Шартье, Н. Земон Дэвис, К. Хилла и др.), и отечественных исследователей (Л. И. Кукушкиной, А. Я. Гуревича, Н. Л. Пушкаревой и проч.). Образно говоря, диссертация явилась откликом на призыв Х. Медик и А. Людке обратить внимание на изучение скрытых, непримечательных, обыденных, а в ряде случаев и маргинальных аспектов жизни конкретных людей и групп, представителей низовых социальных слоев избранной исторической эпохи. *«История повседневности, – писал А. Людке, – оправдывает себя как самая краткая и содержательная формулировка, полемически заостренная против той историографической традиции, которая исключала повседневность из своего видения... Детальное историческое описание устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, надежд на будущее»*⁶². Повседневность – почва, на которой произрастают события, безусловная первопричина для всех людей, которая, впрочем, неоднородна и неодинакова по содержанию и значению⁶³. Внимание к последнему тезису предопределяет рассмотрение проблемы в рамках общего социокультурного контекста во всем его многообразии, вплотную подводя диссертационное исследование к границам *социальной и культурной истории церкви*.

Говоря о методологическом базисе диссертации, отметим, что в философском плане она опирается на принципы герменевтико-феноменологической традиции, заложенной Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером, Х-Г. Гадамером, М. Мерло-Понти, П. Рикёром и получившие специфическую разработку в трудах социальных антропологов и этнографов Э. Эванса-Притчарда и К. Гирца.

⁶² Людке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. М., 1999. С. 77–100.

⁶³ Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В.В. Алексеев. Волгоград: Учитель, 2014. С. 312.

Ключевыми категориями здесь выступают *интерпретация и понимание* как необходимые условия процесса познания. Указанные методы не тождественны друг другу и соотносятся, скорее, как общее и частное. Без понимания предмета исследования невозможно достижение поставленной цели, которое осуществляется посредством и при помощи интерпретации. Последняя является стержнем познавательного процесса и предписана науке, ставящей перед собой эвристические задачи⁶⁴. К. Поппер писал: *«Историческая интерпретация по преимуществу является точкой зрения, ценность которой состоит в ее плодотворности, в ее способности пролить свет на имеющийся исторический материал, побудить к открытию нового материала, помочь осмыслить и обобщить его»*⁶⁵. Однако П. Рикёр предостерегал, что движение к пониманию прошлого может обернуться ошибочностью, *«если мы не удосузимся выстроить на его основе более систематическое объяснение, прибегнув для этого к анализу первоначальной ситуации, выявив разнообразные факторы и взвесив все причины»*⁶⁶.

Высказанные авторитетами опасения имели под собой эмпирическую основу и подтверждались историческим опытом, оборачивавшимся в ряде случаев полной редукцией механизма понимания как такового. Так, для российской историографической традиции на протяжении десятилетий была характерна установка, согласно которой смысл источника *«почти всегда ясен сам по себе, при условии, что текст установлен, а исследователь понимает язык, на котором написано анализируемое произведение»*⁶⁷. Интерпретации, учитывающие контекст культуры и времени, мотивов и намерений автора источника, в этом случае имели

⁶⁴ Садыков М.Б. Интерпретация как метод исторического познания // *Clio Moderna*. Зарубежная история и историография. Казань, 2003. Вып. 4. С. 10.

⁶⁵ Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. С. 216.

⁶⁶ Ricoeur P. Expliquer et comprendre: Sur quelques connexions remarquables entre la théorie du texte, la théorie de l'action et la théorie de l'histoire // *Revue philosophique de Louvain*. 1977. Vol. 75, fevr. P. 126–147.

⁶⁷ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 31.

вторичное значение или не имели такового вовсе⁶⁸. Исходя из этого, в предпринятом исследовании учитывалась не только совокупность обозначенных факторов, но и второстепенные элементы содержательной части источника, выходящие за рамки итоговых версий официальных документов. В данном случае речь идет об использовании «черновой» информации, отложившейся в следственных делах, и, в ряде случаев, дающей скорректированную или дополненную версию произошедших событий. Данный подход, опирающийся на принципы «уликовой парадигмы»⁶⁹, позволяет наиболее полно раскрыть содержание заявленной научной проблемы.

Принимая во внимание изложенное, в методическом плане мы сочли достаточно обоснованным обратиться к опыту этнографа и историка культуры К. Гирца, выраженного исследователем в предложенном им методе *«насыщенного» описания*.

С точки зрения Гирца, культура⁷⁰ есть «контекст», система значений, которую человек формирует собственными социальными действиями⁷¹. Интерпретация направлена на ее расшифровку и понимание, заключенное в поведении и во всякой форме жизненного опыта человека, а через прочтение этого множества – достижение раскрытия смыслового наполнения всей культурной традиции. Иными словами, процесс расшифровки культуры видится в восходящих категориях. *«...Главная цель теоретических построений в данной области – не кодифицировать абстрактные закономерности, а делать возможным “насыщенное” описание; производить обобщение не множества случаев, а в*

⁶⁸ Однако существует и другое мнение: интерпретация как метод далеко несовершенен и даже наивен. Прежде всего, в том случае, если речь заходит о его применении в рамках всеобщей истории (Поппер К. Открытое общество и его враги... Указ. соч., с. 305). Иное дело – интерпретация отдельных событий или фактов (по Попперу – «конкретные» или специфические» интерпретации). Они имеют практический смысл, являясь символическим прожектором, направленным в прошлое с целью освещения пути к пониманию настоящего.

⁶⁹ Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история. М.: Новое изд-во, 2004. С. 312.

⁷⁰ Полагаем, под культурой К. Гирц понимает не «общечеловеческую» культуру, а, прежде всего, культуру этническую. По крайней мере, на такой вывод наталкивает контекст. Хотя, вводя в оборот метод «насыщенного» описания, данный момент ученый не конкретизирует.

⁷¹ Клейн Л.С. Указ. соч., с. 615.

каждом из них», – писал исследователь⁷². Таким образом, познание культуры осуществляется через операцию детализации ее составных частей, которая превращается в оптимальный конкретно-исторический подход, акцентирующий внимание на скрупулезном разборе фактов и мельчайших нюансах каждого выделенного явления. *«Цель состоит в том, – постулирует Гирц, – чтобы извлечь большие выводы из маленьких, но сплетенных в очень плотную ткань фактов, подкрепить общие рассуждения о роли культуры в процессе оформления коллективной жизни посредством их увязывания со сложной спецификой этих фактов»*⁷³. Личности, профессиональные и социальные группы (в нашем случае – приходское духовенство и епархиальное сообщество как целое) исследуются и понимаются в таком случае через сеть породивших их отношений, вскрывающих специфику и уникальность конфигурации повседневности провинциального прихода с ее ценностями, установками, правилами, конструктами, социальными и межличностными связями.

Тем не менее концептуальная ограниченность данного подхода, несмотря на все ее удобство в рамках исследований, подобных нашему, видится в одном важном теоретическом нюансе – слабом внимании к «обратному» влиянию культуры на ее собственные низовые структуры. Действительно, система культурных элементов и их связь в таком случае видятся как будто статичными и однобокими. По крайней мере, этнограф не уделяет им особого внимания, ограничиваясь констатацией наличия априорных механизмов культурного наследования в человеческом обществе⁷⁴. Между тем, едва ли кто станет отрицать, что культура – категория динамическая и существует лишь постольку, поскольку имеет место перманентная субъектная деятельность. Равно как и то, что она в свою очередь оказывает мощное формирующее влияние на собственные низовые структуры и элементы, создавая цикличность собственного воспроизводства. Таким образом, вопрос закономерно упирается в проблему конкретного процесса

⁷² Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. С. 35.

⁷³ Там же, с. 34.

⁷⁴ Там же, с. 71.

ее функционирования. Ответ на него мы стремимся получить в психологии и социологии, а именно *теории социального научения* в варианте, предложенном А. Бандурой (далее – ТСН).

Ключевые аспекты теории Бандуры были изложены автором в фундаментальных, хронологически и смысловым образом взаимосвязанных работах 1968 и 1989 гг.⁷⁵ Согласно общим теоретическим построениям, ключевое значение в вопросе формирования облика личности и ее дальнейшей жизнедеятельности в рамках конкретной социокультурной среды принадлежит социуму и его активности как специфической коллективной реальности. Именно благодаря имманентно присущим обществу механизмам самореализации становится возможной кристаллизация универсальных типов поведения на индивидуальном уровне⁷⁶. Указанное происходит в процессе сложнейших когнитивных процедур посредством взаимовлияния социума и личности (*взаимный детерминизм*). Инструментальная роль здесь принадлежит механизму *научения*.

Научение осуществляется как на основе собственного опыта активности субъекта деятельности, но и его наблюдений за поведением окружающих и последствиями их поведения. *«Социальное окружение обеспечивает особенно широкие возможности для создания ситуаций, которые реципрокно воздействуют на наше собственное поведение. Люди могут беседовать на разные темы, заниматься самыми разными видами деятельности, и их потенциальная отзывчивость будет чрезвычайно различной. В процессе социального взаимодействия поведение каждого из его участников определяет, какие аспекты его потенциального репертуара будут актуализированы и какие останутся невостребованными... На организационном уровне люди играют важную роль через свое коллективное действие в создании социальных условий, которые влияют на направленность и качество их жизни»*, – писал исследователь⁷⁷. Таким образом

⁷⁵ Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.; Bandura A. Social foundations of thought and action: a social cognitive theory. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1986. 617 p.

⁷⁶ Бандура А. Указ. соч., с. 243.

⁷⁷ Там же, с. 268–269.

речь идет о моделировании субъективной реальности, а влияние научения не ограничивается конкретными возрастными рамками, хотя наиболее интенсивно и реализует себя на ранних этапах становления личности.

ТСН не уделяет принципиального внимания особенностям взаимосвязей таких переменных, как чувства, мысли, желания человека с его поведением, исходя из чего, нельзя говорить о том, что она может выступать исчерпывающей моделью, учитывающей все без исключения детерминанты человеческого поведения⁷⁸. Однако и положительный ответ на вопрос о способности исторических источников предоставить соответствующие данные для отражения когнитивных процессов людей прошлого не очевиден. *Мы изучаем историю по фрагментам, отражающим картину прошлого только отчасти.*

Итак, социальное окружение с присущей ему культурой поведения определяет рамки поведенческой вариабельности ее носителей. Между тем, в многочисленных психологических экспериментах, которыми отмечился XX в., начиная с М. Шерифа (1937), и заканчивая Д. Дарли и К. Бэтсоном (1973), было убедительно показано, что в данном контексте большое значение также имеет специфика конкретной *ситуации*. Это усиливает социальную детерминированность индивидуальных поступков человека и ослабляет персонализм в структуре социальной реальности.

Впрочем, предположение об определяющем влиянии социокультурной среды на характер индивидуальной морали и поведение человека было высказано еще Э. Дюркгеймом, социологически очертившим механизмы его реализации. Подход ученого в целом не противоречит взглядам А. Бандуры, а скорее дополняет его и для полноты картины будет проиллюстрирован ниже.

Продемонстрируем обозначенные теоретико-методологические подходы на примере одного из эпизодов. Постараемся показать, в каком сложном симбиозе индивидуальная активность человека переплеталась с социальными и

⁷⁸ Mischel W. Towards a cognitive social learning theory reconceptualization of personality // Psychological Review. 1973. Vol. 80, № 4. P. 252–283.

культурными реалиями, а также какое влияние последние оказывали и насколько определяли исход конкретной ситуации⁷⁹.

«Дело о взаимных несогласиях между священником села Корноухова Свияжского уезда Николаем Малиновским и его женой Людмилой Капитоновой»⁸⁰. Дело представляет собой свод следственных материалов Казанской духовной консистории, повествующих о внутрисемейном конфликте одного из епархиальных священнослужителей.

В июне 1903 г. жена священника Николая Малиновского Людмила Капитонова направила обращение архиепископу с жалобами на сварливый характер супруга и его жестокость, не позволявшие ей более оставаться с ним в одном доме⁸¹. Судя по всему, послание было далеко не первым, и ранее женщина уже печаловалась епархиальным архиереям. Тем не менее положительного эффекта обращения не имели. Вот и в этот раз архиепископ, не проявляя особого интереса к проблеме своих подопечных, поставил на прошении резолюцию, ограничивавшую вмешательство церковной власти вменением благочинному «вразумить» собрата по служению.

Благочинный попытался организовать встречу мужа и жены при своем третейском участии. Однако примирению не суждено было состояться. Как выяснилось, у Капитоновой попросту не оказалось средств на проезд. Раздосадованный благочинный подал архиерею рапорт, в котором указал, что *«Весьма трудно и почти невозможно разбираться в семейных дразгах и вывести заключение, кто прав, и кто виноват»*⁸².

Со слов женщины, причина семейных разногласий крылась в том, что в 1902 г. на приходе разгорелся конфликт между бывшим старостой и ее мужем. Вражда,

⁷⁹ Хохлов А.А. «Жила-была одна баба». Семейная драма священнической жены Людмилы Капитоновой (по материалам государственного архива Республики Татарстан) // История: факты и символы. 2023. № 2. С. 50–62.

⁸⁰ ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118868. 56 л.

⁸¹ Прощение жены священника села Корноухова Свияжского уезда Л. Капитоновой в Казанскую духовную консисторию // Там же, л. 2 – 2 об.

⁸² Покорнейший рапорт 2-го Свияжского округа священника села Тихого Пlesa Петра Давыдова // Там же, л. 5 об.

ссоры и тяжбы, в которые оказались вовлечены, в том числе и прихожане, озлобили и ожесточили священнослужителя. Постепенно он стал вымещать эмоциональное напряжение на семье и с течением времени ситуация все более ухудшалась. Так, в одном из заявлений благочинному Капитонову жаловалась, что ее муж *«стремился избавиться»* от нее⁸³. Бессердечие и равнодушие он проявлял даже к собственным детям, а однажды и вовсе перешел к избиениям супруги⁸⁴. Судя по всему, побои повторялись в продолжении нескольких месяцев, но до поры не выходили за пределы принятой в сельском обществе «воспитательной нормы». Однако к 1903 г. рукоприкладства дошли до крайности.

Позиция самого о. Малиновского не отличалась последовательностью и строилась на том, что он взял женщину в жены, когда ей шел уже 31 год. По критериям рассматриваемого времени это считалось брачной великовозрастностью⁸⁵ и могло косвенно свидетельствовать о некой несостоятельности Капитоновой. Однако ключевая проблема заключалась в том, что она была образована, поскольку закончила гимназию, а также успела вкушать «вольную жизнь», несовместимую с образом священнической жены⁸⁶. Все указанное и предопределяло негативный настрой мужчины к своей избраннице.

Духовная консистория, как ни странно, удовлетворилась таким объяснением подчиненного и поспешила положить дело «на полку». Однако в 1904 г. женщина, продолжавшая жить отдельно с мужем, и не получавшая от него содержание на детей обвинила Малиновского в прелюбодеянии. С ее слов, священник тайно встречался, а впоследствии и сожительствовал с прислуживавшей ему крестьянкой. В ответ супруг обвинил супругу в помешательстве⁸⁷. Манипулируя статусом кормильца семьи, он упрашивал начальство не давать ход делу или, по крайней

⁸³ Прошение благочинному Л. Капитоновой // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118868. Л. 2 – 2 об.

⁸⁴ Там же, л. 14.

⁸⁵ Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 161.

⁸⁶ Покорнейшее объяснение священника Николая Малиновского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118868. Л. 14.

⁸⁷ Рапорт священника Николая Малиновского в Казанскую духовную консисторию // Там же, л. 16 об.

мере, перенести формальное следствие на тот период, пока сможет накопить в банке достаточно средств для своих малолетних отпрысков⁸⁸.

В ответ консистория сняла вопрос с рассмотрения, и о. Малиновский продолжил служение. Невнимание епархиальной власти к бедам священнической жены и явная предрасположенность в пользу священника побудили Людмилу Капитонову вновь и вновь (вплоть до 1907 г.) писать архиерею, в каждом из писем умоляя о помощи. Но ответов так и не последовало.

Таким образом в материалах дела вскрываются его узловые элементы, позволяющие проникнуть в его психологическую, социальную и культурную природу, которые дополняются рядом следующих обстоятельств. Скупость мужа и его болезненная подозрительность, проявившие себя уже в начале семейной жизни, побудили женщину еще в 1900 г. обратиться к архиепископу с просьбой о выдаче разрешения на преподавание в земской школе. Но раз за разом духовная власть игнорировала просьбы Капитоновой. Тем не менее после ухода женщины от супруга некие «добрые люди» помогли ей с получением разрешения, и она смогла хоть как-то самостоятельно зарабатывать на жизнь⁸⁹. В 1907 г., доведенная до отчаяния нищетой, Капитонова решилась на прямое обращение в Синод, минуя епархиальные власти. Запрос канцелярии обер-прокурора из Петербурга принудил последние реагировать. Готовя ответ в Синод, консистория запросила мнение у благочинного 2-го округа Свияжского уезда священника Флегонта Сретенского по обозначенному вопросу, которому был поднадзорен корнауховский приход. О. Сретенский вскоре представил развернутый ответ. Суть его сводилась к следующему. *«Она (Людмила Капитонова) не захотела нести семейное ярмо и бросила мужа, снова увлекшись так манящей некоторых свободной профессией народной учительницы. А детей взяла к себе потому, чтобы иметь возможность требовать от мужа на их воспитание, да ведь имея при себе детей ей несравненно*

⁸⁸ Рапорт священника Николая Малиновского в Казанскую духовную консисторию // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118868. Л. 17.

⁸⁹ Прошение Л. Капитоновой архиепископу Казанскому и Свияжскому Никанору // Там же, л. 55 об.

*легче снискать доверие публики и разыгрывать роль угнетенной жертвы»*⁹⁰. Консистория приняла за основу обличительный рапорт благочинного: жена священника не являет собой образец добропорядочной христианки и супруги представителя духовенства, в то время как о. Николай Малиновский – жизни достойной и нравственной⁹¹. Резолюция на постановлении церковно-административного органа, утвержденная архиереем, подчеркивала, что претензии женщины на материальное обеспечение со стороны мужа лишены основания⁹².

Для полного понимания обрисованной картины следует принять во внимание ряд моментов, обусловивших мотивы и действия сторон, в совокупности предопределивших ее специфику и повлиявших в конечном счете на неблагоприятный для жены священника исход дела.

Женитьба выпускника семинарии на выпускнице гимназии было в рассматриваемый период явлением редким. Более того, с середины 1860-х гг. назначение светских женских учебных заведений в образованных кругах начинает переосмысливаться. Гимназии постепенно начинают играть одну из ведущих ролей в личной и профессиональной эмансипации их молодых воспитанниц. Современники отмечали, что именно в это время были впервые поколеблены вековые правила нерасторжимости брака, а *«жены стали выступать против притеснений в семье – уходили в дом родителей, обращались с жалобами в суд»*⁹³. Таким образом, Людмила Капитонова для крайне консервативной церковной среды своего времени была человеком иного культурного облика, «излишне» образована и, по всей видимости, не готова к традиционной молчаливой и безвольной участи приходской матушки.

Между тем происходивший из семьи клирика, и воспитанный в жестких патриархальных правилах ее супруг не мог смириться с самостоятельностью жены,

⁹⁰ Рапорт в Казанскую духовную консисторию благочинного 2-го округа Свияжского уезда священника Флегонта Сретенского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118868. Л. 45 об.

⁹¹ Там же.

⁹² Резолюция Казанской духовной консистории // Там же, л. 49 об.

⁹³ Соловьев Е.Т. Гражданское право: очерки народного юридического быта. Казань: Тип. Губ. правл., 1888. Вып. 1. С. 10.

ее «своенравием», непокорностью и светской просвещенностью. Это било по всей системе его, еще в детстве и юношестве сформировавшихся взглядов, самолюбия и пастырскому авторитету, не позволяя семье прийти к балансу и умиротворению. Вероятно, индивидуальные черты характера здесь играли не последнюю роль, внося свою лепту в актуализацию негативных социальных эффектов. Но именно воспитательный багаж каждой из сторон, их мировидение и поведенческие стереотипы были камнем преткновения во всей ситуации.

Внутренние противоречия между желаемым и действительным, сопряженные с неуверенностью в себе, завистью и ревностью, порождали в священнике фрустрацию и неприязнь к близким, причем не только по отношению к жене, но и детям, подсознательно олицетворявшим мать. Не исключено, что пресловутый «свободолюбивый нрав» жены интерпретировался мужем как непосредственный показатель ее склонности к адюльтеру. В таком случае, неизбежными становились сомнения в подлинности отцовства, а эмоциональная холодность к детям и отчужденность приобретали внутреннее оправдание.

Физическое насилие и прочие ограничения были средством изменения семейной иерархии, попыткой взять реванш над более образованной и социально активной супругой за чинимые ею моральные «унижения». В этом же усматривается и причина превентивных прелюбодеяний (если таковые действительно имели место), альтернативой в которых выступала не классово чуждая просвещенная и самостоятельная женщина, а социально близкая, безграмотная и покорная, но тем и более «достойная» крестьянка. Таким образом, проявления агрессии и обвинения супруги в аморальности и порочности могли быть не только трансформантами самозащиты, но и трансфера – подсознательного переноса собственных чувств, мотивов, желаний и поступков на ненавидимого визави.

В реакции же церковных властей усматривается срабатывание механизмов корпоративного фаворитизма, нацеленного на поддержание и воспитание социальной и моральной покорности подведомственного приходского духовенства и членов их семей. Этим и обуславливается невосприимчивость к поступкам

священника, несмотря на явно предосудительный характер. Последние не несли непосредственную угрозу патриархальной традиции, в то время как жертва семейного насилия в лице Людмилы Капитоновой идентифицировалась как элемент чуждый, нарушающий установленный и коллективно поддерживаемый порядок. Следовательно, женщина не заслуживала защиты и сострадания.

Впрочем, сельская интеллигенция (земские фельдшеры, учителя и др.) действительно нередко конфликтовала с духовенством, что способствовало ускорению процесса разложения традиционного уклада жизни на селе и наносило репутационный урон церкви. По мнению клира, учителя давали фактические знания, но не занимались воспитанием подрастающего поколения в духе отеческих заветов и предписаний⁹⁴. В этом противоречии, резко обнажившемся в пореформенный период, усматривается поколенческий и этический разлом, со свойственными ему противоречиями столь типичными для любого переходного времени⁹⁵.

Таковы общие принципы применения избранной методологии в диссертации. Тем не менее любая методология всегда будет иметь естественные ограничения. По этому поводу высказывался еще Г. Риккерт, отмечавший, что историк скорее понимает своих персонажей, чем изучает их психику⁹⁶. Так, в приведенном выше примере широкие возможности истолкования и понимания обеспечиваются за счет исключительной информативной насыщенности источника, что позволило максимально приблизиться к адекватному отражению потребностей, мотивов, установок и в целом движущих сил участников событий. Однако далеко не каждый документ, которым мы располагаем, обладает такими достоинствами. Поэтому в большинстве случаев приходится ограничиваться стандартным *бихевиористским* подходом – *познаванием через анализ зафиксированного в источнике поведения*⁹⁷.

⁹⁴ Рапорт благочинного 3-го округа Лаишевского уезда священника Алексея Сельского Высокопреосвященнейшему Арсению, архиепископу Казанскому и Свияжскому (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 91.

⁹⁵ Мид М. Культура и мир детства: избр. произведения. М.: Наука, 1988. С. 322–361.

⁹⁶ См.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 413.

⁹⁷ Выдающийся отечественный психолог, основатель культурно-психологической школы Л.С. Выготский утверждал, что «психика и поведение – одно и то же» (Выготский Л.С. Собрание

Метод включенного наблюдения, как и прочие доступные этнографам, антропологам, психологам и социологам подходы, здесь объективно невозможны – в прошлое нельзя вернуться. Хотя и в этом случае интерпретация реальности опосредуется и осуществляется сквозь призму ментальности наблюдателя, оставляя место воображению и фантазии. Впрочем, по мысли А. В. Брушлинского, последние в некотором смысле естественны, поскольку исходят из психической данности человека. Как следствие, таким далеко несовершенным образом обеспечивается связь между познающим субъектом и объектом познания, прошлым и настоящим в нашем мире⁹⁸.

В заключение добавим, что мотивация человека является одной из сложнейших проблем науки, плохо поддающихся решению даже на непосредственных эмпирических данных. Она завязана на таких динамичных переменных, как сознаваемость и несознаваемость, константность и ситуационность, запрограммированность и социальная детерминация⁹⁹. Закономерно, что проблема предельно усложняется, будучи помещена в ретроспективную плоскость. Кроме того, не следует исключать и влияние других факторов. К примеру, даже непосредственный автор источника или участник и очевидец события вполне мог приносить в его описание собственные конфабуляции¹⁰⁰, при определенных условиях присущие психике людей любой эпохи и с разной силой проявляющие себя в зависимости от обстоятельств. Это, в свою очередь, прямо ставит вопрос об объективности истории как таковой.

сочинений. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 70). Говоря о высших психологических функциях, исследователь отмечал, что сознание (как производное психики) «определяет жизнь, но при этом само же возникает из жизни». Сознание динамично и неразрывно связано с поведением, действиями и обладает непосредственным влиянием на действительность.

⁹⁸ Брушлинский А.В. Воображение и познание [Электронный ресурс] // Субъект: мышление, учение, воображение. М.; Воронеж, 1996. С. 365–387. URL: https://pidru4niki.com/16790422/psihologiya/brushlinskiy_voobrazhenie_poznanie (дата обращения: 07.04.2023).

⁹⁹ См.: Мешков Н.И., Мешков Д.Н. Мотивация личности как ключевая проблема психологии // Интеграция образования. 2015. Т. 19, № 1. С. 37–43.

¹⁰⁰ Конфабуляция (лат. *Confābulāgī* – болтать, рассказывать) – феномен искажения памяти, ложные воспоминания, в которых факты, бывшие в действительности либо видоизмененные, переносятся в иное (часто в ближайшее) время и могут сочетаться с абсолютно вымышленными событиями.

Препятствием на пути герменевтического метода является и то, что источник повествует об упразднённых институтах и явлениях с помощью бытовавшего в рассматриваемое время языка, безвозвратно утраченного вместе с присущей ему семантикой. Тем временем историк вынужден опираться на современный ему язык и характерные для него семантические конструкции. Возникающее здесь противоречие кажется неустранимым, а проблема языка и категоризации встает с новой силой, вовлекая в свою орбиту прочие стороны избранного подхода¹⁰¹.

Тем не менее субъективность субъективности рознь. «Доброкачественная» субъективность все же позволяет избежать очевидных крайностей и нацелиться на понимание потребностей и мотивов исследуемых персонажей в контексте причинно-следственных связей, происходивших некогда событий. Через это становится возможным приближение к раскрытию социальной реальности прошлого, ее конструкции и механизмов функционирования. Поэтому рассуждения по аналогии с настоящим мы не считаем категорически неприемлемыми, поскольку альтернатив не усматривается.

В контексте настоящей диссертации обнадеживающим выступает тот факт, что ориентиром предпринятого повествования выступает религиозно-критическое осмысление проблемы поведенческих аномалий приходского духовенства, которое в православной традиции имеет относительный эталон. В опоре на него предпринятый исследовательский поиск достигает своей реализации в объективно возможных для него границах.

¹⁰¹ В рамках некоторых национальных исторических школ данная проблема была своевременно осознанна. В немецкой традиции во второй половине XX в. при участии Р. Козеллека и ряда других исследователей обратились к проблеме уточнения исторических понятий с целью достижения максимальной смысловой точности при осуществлении исторических реконструкций (Белефельдская школа) (см.: Закиров А.В. Концепция исторического времени в творчестве Р. Козеллека: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 286 с.). Результатом проделанной работы стал «Словарь...» (Словарь основных исторических понятий: избр. статьи / сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М.: Новое лит. обозрение, 2014. Т. 1. 728 с.; Т. 2. 752 с.). Однако в отечественной традиции аналогичного опыта, учитывающего российский социокультурный и языковой контексты, пожалуй, до сих пор не имеется.

1.4. Понятийный аппарат и его концептуальные маркеры

Ключевой категорией диссертации выступает понятие *дисциплинарной проблемы*, содержание которой раскрывается нами через категории *поведенческой девиации, аномалии, отклонения, патологии в их морально-нравственном аспекте*. Впрочем, последний термин обладает рядом специфических черт, обусловленных его психопатологической (медицинской) природой. На этом основании в диссертации широкого применения он не находит.

Большая российская энциклопедия дает девиантному поведению следующее определение: *это поступки, действия человека или группы лиц, не соответствующие официально установленным (правовым) или фактически сложившимся (обычай, традиции, мораль) в данном обществе (культуре) нормам и ожиданиям*¹⁰². Как отмечает Я. И. Гишинский, девиацией может быть признано как нарушение формальных (правовых) или неформальных (мораль, обычаи, традиции, мода) норм, так и «девиантный» образ жизни, стиль поведения, не соответствующие принятым в данном обществе или группе эталонам¹⁰³. Таким образом, девиантное поведение эксплицитно противоречит социуму и его культуре, в которых реализуется. На этом основании поведенческие девиации нельзя рассматривать вне социального и культурного контекста, что мы обязаны учитывать.

Девиации на личностном уровне обладают специфическими признаками, такими как *склонность человека к дезадаптации, тотальность и стабильность*¹⁰⁴. Склонность к дезадаптации проявляется в неспособности субъекта деятельности к социальному образу жизни, следованию предписанным обществу нормам и правилам, конфликтности, изоляции, низкой социальной адаптивности и т.д.

¹⁰² Отклоняющееся поведение [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2697679> (дата обращения: 07.04.2023).

¹⁰³ Гишинский Я.И. Девиантность, творчество, правосудие // Лев Клейн. [Путеводитель]: сб. статей памяти Льва Самуиловича Клейна. СПб., 2020. С. 165.

¹⁰⁴ Ганнушкин П.Б. Постановка вопроса о границах душевного здоровья // Избранные труды / П.Б. Ганнушкин. М., 1964. С. 97–108.

Тотальность подразумевает всеобъемлющий характер обозначенных проявлений, вне зависимости от времени и места. Стабильность предполагает неситуационность проявлений и отсутствие корреляций между ними и конкретными внешними условиями.

Исходным для понимания поведенческих отклонений является понятие *нормы*¹⁰⁵. Исследователи различных научных направлений в целом сходятся в том, что норма есть *предел и мера допустимого*. Социальная норма выражает исторически сформировавшиеся в конкретном обществе и его культуре эталоны деятельности индивидов и социальных групп. Я. И. Гишинский пишет: *«В отличие от естественных норм протекания физических и биологических процессов, социальные нормы складываются (конструируются!) как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества. Поэтому социальная норма может либо соответствовать законам общественного развития (и тогда она является «естественной»), либо отражать их неполно, неадекватно, являясь продуктом искаженного (идеологизированного, политизированного, мифологизированного, религиозного) отражения объективных закономерностей. И тогда оказывается аномальной сама “норма”, “нормальны” же (адаптивны) отклонения от нее»*¹⁰⁶.

Нормы подразделяются на *правовые, нравственные и эстетические*. При этом четкой регламентации в обществе подвергаются лишь первые, тогда как нравственные и эстетические нормы, как правило, строго не регламентированы. Этот факт создает немалые трудности для идентификации того или иного изучаемого поведенческого акта в качестве нормы или отклонения на основе лишь исторического материала. Отдельно в каждой из перечисленных общественных норм специалисты также выделяют *нормы сексуального поведения*, что на современном этапе нашло закрепление в учебной литературе. Такое решение

¹⁰⁵ Ганнушкин П.Б. Постановка вопроса о границах душевного здоровья. Указ. соч., с. 166.

¹⁰⁶ Там же.

обусловлено априорной значимостью сексуального и полоролевого поведения человека, а также частотой девиаций в этой интимной сфере¹⁰⁷.

Оценка поведенческих девиаций и норм, как правило, строится на социальных, психологических, психиатрических, этнокультурных, возрастных, гендерных либо профессиональных подходах. В данном случае имеет место их поливариативность в зависимости от характера исследуемого явления и условий его реализации. В нашем случае исходной точкой структурирования девиаций духовенства служит учет двух взаимосвязанных факторов: *идентификации и типологизации проблемы самим источником и реакции на поведенческий акт социальной (в данном случае – церковной) среды*. При этом отбор фактов для репрезентации осуществлялся по принципу наиболее типичных и массовых проявлений, что в рамках диссертационного исследования представляется вполне обоснованным и удовлетворительным.

Несмотря на единогласие по сути, разные научные дисциплины рассматривают девиации и девиантное поведение под собственным углом, и исходя из собственных теоретических предпосылок. В контексте настоящей работы интерес представляют *антрополого-биологический, социологический и психологический* подходы к объяснению обозначенного явления. Каждый из них включает в себя множество точек зрения, схожих в основе, но различающихся в частности, что является закономерным следствием эволюции научных представлений о проблеме. Рассмотрим их вкратце.

Антрополого-биологический подход (АБП) отталкивается от природных детерминант девиантного поведения и прежде всего стремится объяснить природу девиаций, исходя из утилитарного криминологического контекста. Своими корнями данная точка зрения уходит в XIX в., в период бурного развития эволюционной биологии, будучи связана с именами Ф. Гэлла, Ч. Ломброзо, Р. Гарофалло и др. В основе представлений этой группы лежат понятия «врожденного преступника» и «преступного подчиненного положения», объясняющие девиации

¹⁰⁷ Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2005. С. 13.

как результат биологических процессов. Иными словами, индивид от рождения запрограммирован на поведенческие аномалии и совершение преступлений. Впрочем, несмотря на явный редуccionизм, оттеняющий влияние социальной среды (что в особенности характерно для раннего этапа становления направления), его сторонниками все же оставалось место для интерпретаций ряда явлений во внебиологическом ключе. Так, Ч. Ломброзо выделял категорию «случайных преступниц», противопоставляя их преступницам «врожденным»¹⁰⁸.

АБП создал основу для развития *медицинских (психиатрических)* концепций девиантного поведения. В период своего становления они исходили из представлений об умственной (психической) неполноценности лиц, склонных к преступлениям, и были довольно популярны в первой половине XX в. Однако жесткая критика и постепенная гуманизация общественного сознания в европейских странах, привела к постепенной трансформации изначальных концептуальных положений. На современном этапе психиатрический подход строится на понимании девиаций как не достигшей патологической выраженности в силу различных причин поведенческой аномалии, интерпретировать которую в качестве психопатологии не имеется достаточных оснований.

Подходы, характерные для АБП, в нашем случае вторичны, хотя в отдельных случаях источники и дают основание к подозрению в их наличии, что будет продемонстрировано в заключительной части работы. Однако, заранее оговоримся, материалы подобного рода крайне немногочисленны. Исходя из этого, представленные в диссертации примеры, ограничиваются внешним описанием случаев и без их детального анализа.

Несравненно более значимым для нас представляется *социологическое видение проблемы*. В рамках социологии проблема девиаций и девиантного поведения получила тщательную проработку, что способствовало формированию самостоятельной дисциплины – *социологии девиантности* или *девиантологии*. Ее достоинством является не только приоритетное внимание к социальным факторам,

¹⁰⁸ См.: Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка. Киев: Ф.А. Иогансон, 1897. 477 с.

но и акцентуация на конкретное общество и его нормативную систему. В нашем случае это приобретает существенное значение, поскольку позволяет конкретизировать предмет исследования и избегать неоправданных обобщений; рассматривать выделенный период, культуру и составляющие ее структуры как цельное, специфическое явление, особый этап в историческом развитии российского общества и церкви как социального института.

Социологический взгляд на девиантное поведение не отличается единством и представлен множеством конкурирующих школ и традиций. Это обусловлено разностью исследовательских подходов, принципов, методов, а также аспектов, подвергнутых рассмотрению. Так, в ранних социологических теориях приоритетное внимание уделялось социоструктурным факторам, что явилось следствием позитивистских установок (А. Кетле, К. Маркс, В. Бонгер и др.). Позднее это дало почву для целой амальгамы теоретических построений, базирующихся на позитивистской перспективе анализа девиантности (Э. Берджес, Э. Сатерленд и т.д.). Со временем данная картина пополнилась последователями интеракционистского ракурса (Ф. Танненбаум, Э. Лемерт, Ф. Зак и др.). Во второй половине XX в. складывается конфликтологический подход. К началу XXI в. в социологии закрепились поликонцептуальность в объяснении девиантности как феномена и наметилась тенденция к формированию теоретических моделей синтетического плана.

В рамках диссертационной работы объективно не имеется возможности рассмотрения каждой из них. Впрочем, надобность такового и не очевидна. Исходя из этого, обратим внимание на те концепции, которые, с нашей точки зрения, ближе всего расположены к социальной и культурной истории, а хронологически – к историческим границам предпринимаемого исследования. Прежде всего, речь идет о Французской социологической школе и теоретических построениях Э. Дюркгейма.

Э. Дюркгейм, давая собственную интерпретацию явлениям девиации, акцентировал внимание не на их антропологических детерминантах, а на социальной реальности и ее элементах – социальных фактах, оказывающих

формирующее давление на индивида. С точки зрения ученого, человек – продукт социальной действительности с его как нормальным, так и отклоняющимся поведением. Созданная Дюркгеймом «теория аномии» фиксирует дисбалансы современного ему индустриализирующегося общества, выражающиеся в его неспособности эффективно регулировать межличностные и групповые отношения¹⁰⁹. Иными словами, аномия – особое состояние социума, при котором отсутствует непротиворечивая регуляция поведения его членов и в котором образуется нормативный вакуум, благодаря которому, старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились¹¹⁰. Однако при этом Дюркгейм далек от упрощения проблемы и заглубляет ее, уделяя внимание силе нормативной регуляции общества. Значение в данном случае приобретает баланс этических норм и действий или же отсутствие такового.

Между тем преступность, как наиболее яркое проявление социальных девиаций, ученый рассматривает в качестве некоего варианта нормы, присутствующего во все времена и во всех обществах и культурах. Объясняя данный факт, Дюркгейм апеллирует к объективному индивидуальному разнообразию членов общества: *«...поскольку не может быть общества, в котором бы индивидуумы не отличались бы в большей или меньшей степени от среднего коллективного типа, постольку неизбежно, что среди такого рода отклонений существуют и отклонения преступного характера. Такой характер они приобретают не в силу каких-либо внутренне присущих данному деянию качеств, а в связи с определением, которое дает этому деянию коллективное сознание. Если общественное сознание становится сильнее, если оно обладает достаточным авторитетом, чтобы подавить эти отклонения, оно само становится вместе с тем более чувствительным, более взыскательным. Выступая против малейших отклонений с энергией, проявляемой до этого только в отношении более значительных нарушений, это сознание придает им столь же*

¹⁰⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: этюд об организации высших обществ. Одесса: Тип. Г.М. Левинсона, 1900. С. 293.

¹¹⁰ Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. С. 16.

серьезное значение, какое раньше придавалось преступлениям. Другими словами, оно определяет их в качестве преступных. Итак, преступность функциональна, необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права»¹¹¹.

Данное ученым понимание девиации и ее проявлений довольно близко транслируемому в диссертационной работе. Помимо того, что в источниках обнаруживается достаточное количество фактов, говорящих в пользу ее состоятельности, социологизация проблемы в ряде случаев позволяет рассматривать девиантность как конструкт, результат целенаправленной деятельности различных групп, прежде всего властных¹¹². Действительно, к примеру, за явлениями доносительства, анализируемыми в одной из частей настоящей работы, просматривается утилитарная активность церковных властей, способствовавшая поддержанию и воспроизведению указанной практики.

И все же прохладное отношение представителей социологического направления к психологическим аспектам девиаций заставляет принять обозначенную интерпретацию проблемы с оговорками. Данный подход откровенно игнорирует факторы индивидуально-личностной гармоничности, приспособленности (неприспособленности) человека к самому себе и отсутствия (наличия) внутриличностных конфликтов. К слову, некоторые последователи Дюркгейма постарались сместить традиционные для этого направления акценты и уделить внимание ментальным особенностям личности (впрочем, так же как части группы) и их трансформации в зависимости от стадии эволюции психики¹¹³. Намеченный «идейный мост» в некотором роде восполняет картину, одновременно делая уместным обращение к *психологическим интерпретациям* проблемы.

¹¹¹ Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (современные буржуазные теории). М., 1966. С. 41–42.

¹¹² См.: Конструирование девиантности / под общ. ред. Я.И. Гилинского. СПб.: ДЕАН, 2011. 224 с.

¹¹³ См., напр.: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930. 337 с.

В *психологии* отклоняющееся поведение понимается как следствие аномалий личности, осознаваемого или не осознаваемого ею стремления к разрушению собственной самооценности, запрета на реализацию внутреннего потенциала. Поэтому психологический взгляд отличается индивидуальностью, что отчасти роднит его с антрополого-биологическим подходом. Так, ряд исследователей, принадлежащих к данной группе, делает акцент на эволюционной психологии, черпая объяснения, к примеру, половой асимметрии в проявлениях отклоняющегося поведения (девиантное поведение у мужчин объективно проявляется более часто и разнообразно) в специфике эволюции человека как биологического вида¹¹⁴.

В целом же, с точки зрения сторонников психологических интерпретаций, девиация может рассматриваться как результат борьбы личности с внутренними ограничителями, сформировавшимися под воздействием социального и культурного окружения. Собственно, данная тема отчасти нами уже была затронута при освещении теоретического базиса диссертации. Исходя из этого, в настоящей части мы ограничим обзор лишь общими и прежде незатронутыми моментами.

Психологический взгляд на девиацию в значительной степени формировался в XX в. и под влиянием фрейдизма, постепенно разветвляясь, расширяя круг рассматриваемых аспектов и все дальше уходя от ключевых положений психоаналитической теории. Такими путями сформировались неопрейдистские, «фрустрационные», бихевиористские, биопсихологические и прочие концепции поведенческой деструктивности. При этом особый упор делался на девиации агрессивного плана. Так, немецкий психиатр Р. фон Крафт-Эбинг (вторая половина XIX в.) ввел термин *психопатия*, под которой понималась глубокая и устойчивая личностная ущербность. Носитель психопатии – психопат, априорно асоциальный человек, аннигилирующий любые правовые и культурные нормы; он эгоистичен, агрессивен и мстителен. Такой тип личности может встречаться в

¹¹⁴ Глинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2004. С. 174–177.

любой культуре и социальной страте, поскольку ее появление не детерминировано внешней средой. В свою очередь, один из основателей этологии, К. Лоренц, ввел агрессивность в рамки инстинктивного поведения, унаследованного человеком от далеких предков, а следовательно, качественно присущей всем и каждому.

Не менее интересную интерпретацию мы находим у Э. Эриксона, который понимал под девиацией прежде всего *кризис идентичности*. «Я-идентичность» – базовое понятие, проявляющее себя тем или иным способом в процессе преодоления личностью психосоциальных кризисов. Этому взгляду в некотором роде близок подход Д. Долларда, рассматривавшего проблему сквозь призму *фрустрированности* – блокирования человеком целенаправленного поведения, и таким образом оказывающегося в состоянии растущей внутренней напряженности (несоответствие желаемого возможностям).

В целях исключения повторения, мы оставим теорию А. Бандуры за скобками. Отметим лишь, что в целом она укладывается в бихевиористскую концепцию девиантности (Б. Скиннер и др.). Подкрепление и наказание – два ключевых фактора, определяющих формирование личности и ее поведенческих паттернов по той или иной модели, склонность к нарушению социокультурных и правовых норм в последующей жизни. Иными словами, личность – это конструкт, результат предыдущего опыта и активности в отношении нее окружения, вносящего свой вклад в предпосылки поведенческих аномалий, их характер и разнообразие.

Таким образом, психология и социология в ряде аспектов синхронизируют подходы в рамках решения задачи категоризации. Это особенно заметно на примере *профессионального подхода*, на базе которого культивируются представления о профессиональных и корпоративных стилях поведения и соответствия им. Иными словами, несоответствие поведения человека принятым в профессиональном сообществе нормам позволяет уверенно относить его к девиантам.

Действительно, обращаясь к материалу диссертации, нетрудно заметить, что церковь представляла собой особое профессиональное сообщество, в котором

внутренней традицией очерчивались границы поведенческой и дисциплинарной нормы, давалось им глубокое, порой выходящее за границы сугубо этического, обоснование. Духовенство представляло собой замкнутую социальную группу, вся жизнь которой регламентировалась каноническими и церковно-законодательными установлениями, в ряде случаев достигавших предельной детализации. Однако, вместе с тем, клир не был свободен от нормативной подконтрольности государственному законодательству. Впрочем, специфика российского общества пореформенного времени была такова, что последнее могло и не играть значимой роли, уступая первенство каноническим и этнокультурным регуляторам, переплетавшимися в замысловатом симбиозе. В особенности это касалось глухих провинциальных приходов. Здесь, судя по всему, доминирующая соционормативная культура оказывала значительное влияние на этическое самопозиционирование приходского духовенства, в большинстве случаев порожденного той же сельской средой и неразрывно с ней связанного. Таким образом, справедливо, что *«отклоняющееся поведение в форме безнравственного, аморального и неэстетичного поведения больше других зависит от доминирующих этнокультурных традиций»*¹¹⁵. Этнокультурные стереотипы поведения отличались всеобъемлющим характером и интенсивностью воздействия¹¹⁶, даже в случае с духовенством – профессиональным воспитателем народного благонравия.

Помимо обозначенных выше понятий, в диссертации используется целый ряд специфических терминов, отражающих как социальную и культурную сущность церкви, так и православной традиции в целом. К ним относятся *приход, духовенство, клир, священно- и церковнослужители* и многие другие. Раскрывать содержание каждого из них не имеет особого смысла, поскольку данная работа проведена коллективом Православной энциклопедии и ряда других энциклопедических и словарных изданий, специализирующихся на религиоведческой тематике. Однако отметим, что при их использовании мы

¹¹⁵ Менделевич В.Д. Указ. соч., с. 166.

¹¹⁶ Шкуратов В.А. Историческая психология. Кн. 1. Введение в историческую психологию. М.: Кредо, 2015. С. 11.

следовали за логикой Э. Э. Эванса-Притчарда¹¹⁷, постулировавшего принципиальную необходимость выражения на языке изучаемой культуры.

Таким образом, резюмируя изложенное, отметим, что имеющиеся в обозначенной проблемной плоскости историографические лакуны, и связанная с этим неполнота знания, могут быть компенсированы данными источников, отличающимися высокой степенью сохранности. По крайней мере, в региональном разрезе материалы Казанской губернии обеспечивают уверенность такой констатации. Вместе с тем, специфика источников расширяет творческие возможности исследователя и предопределяет обоснованность выбора в пользу историко-антропологического подхода как способствующего наиболее полному раскрытию содержания архивного материала в его психологическом, культурном, правовом и социальном аспектах. В совокупности это дает возможность реконструировать относительно цельную картину проблемных аспектов повседневного благочестия православного приходского духовенства, выделить его сильные и слабые стороны, вскрыть движущие силы, а также ситуативные факторы в связи с прочими явлениями окружающей его действительности.

¹¹⁷ Эванс-Притчард Э.Э. Теории примитивной религии. М.: ОГИ, 2004. С. 13–14.

ГЛАВА 2. ПРИХОДСКОЙ КЛИР: МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ИМПЕРАТИВОМ И РЕАЛИЯМИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

2.1. Историческая обстановка

Преобразования Александра II оказали значительное влияние на все стороны жизни российского общества. Тем не менее среди ключевых нерешенных проблем царствования Николая I был «крестьянский вопрос», обнажавший глубокие социальные, политические и культурные противоречия в империи. Назревший и перезревший вопрос о земле, правах и правовом статусе землепашцев, за энергичное решение которого взялся новый царь, неминуемо влек за собой целый комплекс последствий, затрагивавших всю социальную систему государства. Сложность ситуации заключалась в том, что, несмотря на активное развитие капитализма и промышленности, Россия все еще продолжала оставаться страной с преобладанием сельского хозяйства в его традиционных формах, а подавляющая часть населения была сосредоточена в сельской местности.

По данным Б. Н. Миронова, опирающегося на сведения 10-й ревизии, население Российской империи накануне крестьянской реформы составляло 60 млн. 188 тыс. чел.¹¹⁸ Как отмечает А. Бушен, крестьянство составляло до четвертых всего населения страны – 52 млн. 315 тыс. 628 чел. (в совокупности по всем категориям сельских жителей)¹¹⁹. В Казанской губернии в начале рассматриваемого периода на 100 человек приходилось 90,76 крестьян – один из самых высоких показателей в стране¹²⁰. По данным первой Всероссийской

¹¹⁸ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. С. 511. Впрочем, ревизии затронули не всю территорию государства. Они не распространялись на Закавказье, Западную Сибирь и часть Восточной Сибири, включая Дальний Восток, Оренбургские степи. Тем не менее, данный факт принципиально на наш вопрос не влияет, т.к. подавляющая часть населения империи проживала в Европейской части России.

¹¹⁹ Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета. СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ Канцелярии, 1863. [Вып. 2]: Наличное население Империи за 1858 год. С. 306.

¹²⁰ Там же.

переписи населения 1897 г. этот показатель был скорректирован даже в большую сторону – 94,3 %¹²¹.

В 1863 г. лица духовного звания в Казанской губернии составляли 0,88 на 100 чел. или 0,9 % от общего количества жителей¹²². К концу XIX в. данный показатель снизился до 0,4 %¹²³. Вероятно, не столько в силу сокращения численности духовенства, сколько роста населения губернии. На 1860 г. собственно священников в составе епархиального духовенства насчитывалось 534 и к 1913 г. эта цифра изменилась существенно – 818¹²⁴. Немногим более 30 чел. из них были диаконами, а половину клира (около 740 чел.) составляли причетники. При этом в отличие от центральных, северных и других губерний (Владимирской, Костромской, Тверской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской), в которых городское духовенство по численности нередко вдвое превышало сельское, в Казанской оно большей частью сосредотачивалось в деревне и сохраняло эту особенность на протяжении всего пореформенного периода – 62,1 %¹²⁵. Данный факт видится крайне значимым в реконструкции картины социокультурного и социально-психологического облика приходских причтов епархии.

Приходское духовенство прочнее других социальных групп было связано с крестьянством не только общностью территории проживания. Эта связь носила более глубокий и одновременно парадоксальный характер: обладая более высоким правовым статусом, оно находилось в полной материальной зависимости от своих

¹²¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1904. Т. XVI: Казанская губерния. С. 14.

¹²² Статистические таблицы Российской империи... Указ. соч., с. 298.

По данному показателю Казанская губерния занимала одну из низовых позиций, что обуславливалось значительной долей нерусского населения (там же, с. 299–300).

¹²³ Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Казанская губерния. Указ. соч., с. 14.

¹²⁴ Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 г. СПб.: Синодальная тип., 1864. С. 19; Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 г. Пг.: Синодальная тип., 1915. С. 24.

¹²⁵ Там же.

По данным «Известий по Казанской епархии» (1867) в целом лиц духовного звания в епархии числилось: мужчин – 6068 чел., женщин – 7146 чел. Итого – 13206 чел. Из них приходское духовенство – 8810 чел. (3932 мужчин и 4878 женщин) или 66,7 %. (Известия по Казанской епархии. 1867. № 7. С. 204–209). Однако эта цифра сократилась после 1869 г., когда в соответствии с законом из духовного звания были отчислены дети духовенства.

менее привилегированных прихожан¹²⁶. Не удивительно, что при таком раскладе причты едва ли не одновременно с запуском крестьянской реформы оказались между молотом и наковальней, поскольку объявление и истолкование крестьянству манифеста от 19 февраля 1861 г. легло на плечи пастырей. Функция глашатая «государева благодеяния» при предупредительном стягивании полиции и вооруженных частей к храмам к началу оглашения судьбоносного документа, усиливали народную подозрительность и не добавляли симпатий духовенству, которое легко могло сыграть (и играло) роль громоотвода. Случалось, что зачитывание манифеста священником перед крестьянским «миром» осуществлялось чуть ли не «с телеги» в присутствии одного лишь уездного исправника¹²⁷. Избиения, угрозы, укоры и оскорбления духовных лиц в тот период стали делом вполне обычным¹²⁸. И без того на практике слабо защищенные в вопросе личной неприкосновенности священнослужители испытали на себе всю силу недовольства народных масс¹²⁹. Закономерно, что одна часть клира не без сопротивления, но все же исполняла возложенную на нее государственную обязанность¹³⁰, тогда как другая предусмотрительно занимала «демократическую»

¹²⁶ Современник тех лет священник А. Розанов видел в этом своеобразную форму крепостничества (см.: Розанов А.И. Записки сельского священника: быт и нужды православного духовенства. СПб.: Рус. старина, 1882. С. 152).

¹²⁷ Розанов А.И. Записки сельского священника... Указ. соч., с. 166.

¹²⁸ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. С. 172. См. также: Дело о нанесении побоев и оскорблении священника Малокарачкинской церкви Ивана Добромыслова во время крестного хода // ГА РМЭ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 14. 56 л.

¹²⁹ Расправы над священнослужителями в повседневной жизни могли происходить и по менее значимым поводам. В «Известиях по Казанской епархии» за 1873 г. находим случай покушения крестьянина на жизнь священника, произошедший в Космодемьянском уезде. Решился на него сельчанин только потому, что пастырь то ли по нерасторопности, то ли по загруженности не отслужил молебен в его доме во время крестохождений. Причем методом вымещения обиды был избран изуверский способ избиения духовного лица палкой по голове (Известия по Казанской епархии. 1873. № 9. С. 267–271).

¹³⁰ Рапорт № 1 свитского генерал-майора графа А.С. Апраксина Александру II из с. Бездны Спасском у. и о волнениях крестьян в Спасском уезде и расстреле их в с. Бездне от 15 апреля 1861 г. // Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Ч. 1 и 2. – М.; Л., 1949. С. 67.

позицию, из чувства самосохранения или солидарности, не желая противоречить настрою крестьян¹³¹.

Заметное влияние на общий фон повседневной жизни приходского духовенства оказывал вопрос его финансового обеспечения и экономического статуса – пожалуй, наиболее острая социальная проблема, присущая клиру в пореформенное время и имевшая широкий спектр разноплановых эффектов. В одной из последующих глав работы данной проблеме и обусловленным, ею дисциплинарным нестроениям мы уделим специальное внимание. Здесь же отметим, эта часть картины повседневности причтов представляется сложной и неоднозначной. Во-первых, экономика приходов, ее структура и характер напрямую коррелировала с социально-экономической системой села, что придавало ей своеобразный колорит. Во-вторых, особое положение духовенства в сословной структуре российского общества и возлагавшиеся на него государством идеологические задачи подразумевали заботу самодержавия о причтах. Между тем, стремление государства поставить духовенство на казенное обеспечение, обозначившееся еще в первой половине XIX в., полного и эффективного воплощения вплоть до конца века так и не получило¹³². В апреле 1893 г. император Александр III утвердил мнение Государственного Совета о ежегодном увеличении

¹³¹ Краткая записка о всех происшествиях по крестьянскому делу в Казанской губернии со дня обнародования всемилостивейшего манифеста о даровании крепостным людям прав свободных сельских обывателей по 4 мая 1861 г. // Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Указ. соч., с. 270–273. В архивных материалах см.: О неблагонадежности сельских священников Богословского, Левицкого, Тюмеревского и др., восстанавливающих крестьян против распоряжения правительства (1862) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 94. Д. 59. 101 л.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что превратные толкования священнослужителями правительственных манифестов, указов и распоряжений иногда могли действительно быть обусловлены личной прокрестьянской позицией, а в ряде случаев – и собственным недопониманием документов (см.: Миронов Б.Н. Крестьянское движение в России накануне эмансипации как момент истины // Вестник С.-Петербур. ун-та. Сер.: История. 2019. Т. 64, вып. 3. С. 833–834).

¹³² Так, в 1867 г. были введены Временные правила о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям епархиального ведомства и семействам их, в которых указывалось, что епархиальный клир «подобно духовенству военного ведомства и прочим лицам, состоящим в государственной службе, получают право на получение пенсии» (Известия по Казанской епархии. 1867. № 1. С. 13). Подробнее об этом см. в гл. 4 настоящей диссертации.

кредитовании духовного ведомства на содержание духовенства до тех пор, пока оно не будет обеспечено во всех без исключения епархиях. Вследствие этого, формально на рубеже столетий многие причты получали скромное, но стабильное казенное жалование. Тем не менее на практике инициативы государства затрагивали отнюдь не все приходы и перманентно стопорились на различных ступенях светской и церковной бюрократии. Причитающиеся причтам суммы, вопреки правительственным и синодальным распоряжениям, беспрестанно застревали на том или ином уровне в силу причин, о которых подробнее будет сказано ниже¹³³. Исходя из этого, низовому клиру, как и прежде, оставалось рассчитывать исключительно на собственные ресурсы и поддержку прихожан.

Отчаянные попытки епархиального начальства организовать попечительства кассы помощи и выдачу ссуд на устройство приходского хозяйства, ожидаемого эффекта не приносили¹³⁴. При сравнительной многочисленности клира эта поддержка могла быть только адресной, спорадической и, как следствие, малоэффективной. Конструктивные инициативы архиереев и консисторий наткнулись на местные реалии, поскольку выделение причтам тех же земельных наделов, с которых духовенство могло бы кормиться собственным трудом, находилось в руках сельских общин. Кризисные процессы в аграрной сфере, а равно и традиционная прижимистость крестьян не способствовали стремлению передачи духовенству добротных и плодородных участков, располагавшихся вблизи храмов. Так что земельный вопрос становился камнем преткновения не только между помещиками и крестьянами, но и между причтами и прихожанами. Так, одним из маркеров пореформенного времени можно считать частые неправомерные изъятия общинами ранее выделенных церквам наделов и возникавшие на этой почве конфликты.

¹³³ Покорнейший рапорт благочинного 3-го округа Казанского уезда села Алат священника Павла Измайловского (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 212.

¹³⁴ См., напр.: О выдаче сельским священникам пособия на обзаведение сельским хозяйством (1862) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5658. 32 л.

В судорожном поиске путей решения набравшей остроту и масштабы проблемы дело доходило до курьезов, когда консистории запрашивали в архивах справки о древности, а, следовательно, обоснованности ружного сбора¹³⁵, рассчитывая на этом основании на правительственное принуждение прижимистых крестьян. Но наивная ретроспективность епархиальных властей, основанная, по всей видимости, на исключительно субъективном понимании реалий и неосведомленности о характере ситуации на местах, красноречиво свидетельствовала о их неготовности к организации системной поддержки служащих духовного ведомства в кризисных условиях. Государство же, вопреки ожиданиям иерархов, при любом удобном случае старалось самоустраниться от насущных проблем церкви, тогда как воздействия на обозленных половинчатой реформой крестьян архивная аргументация духовенства закономерно не имела¹³⁶.

¹³⁵ Руга – первоначально означала отсыпной хлеб, выдававшийся духовенству вместо жалованья. Были приходы, как сельские, так и городские, в которых сами прихожане назначали церковным причтам ежегодную ругу хлебом или деньгами, о чем заключали с причтами «порядные записи». Церковь, получавшая ругу, называлась ружной.

¹³⁶ Обоснованно возникает вопрос, готовилась ли церковь к крестьянской реформе? Принимая во внимание степень ее зависимости от крестьянства, ответ должен казаться очевидным. Однако в действительности многое выглядело не столь однозначно. Действительно, церковь выступала одним из акторов преобразований. Авторитетный иерарх Филарет (Дроздов), обладавший широко известным литературным и проповедническим талантом, без особой инициативности, но выполнил-таки поручение властей о составлении текста манифеста. Митрополит также стал автором и специальной инструкции для священнослужителей на предмет грядущей реформы, лейтмотивом которой явилось вменение в обязанность последних убеждать крестьян не выходить за границы повиновения властям и землевладельцам. Этим внешне ориентированным актом подготовка иерархии, в целом, и ограничивалась. Иными словами, в эпоху реформ Русская церковь внутренне вступала без четкого плана, прежде всего, в вопросе экономических перспектив рядовой и наиболее многочисленной части клира. Исследователи отмечают непоследовательность духовных властей и по ряду неэкономических направлений (Яковлев А.И. Митрополит Филарет (Дроздов): личность на рубеже эпох // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 37). Довольно скоро стало очевидным, что опустошенная Крымской войной государственная казна стремится переложить бремя преобразований на плечи податных сословий. Однако по стечению обстоятельств те же являлись и главным источником доходов для духовенства. Очевидно, что ресурсы населения были не безграничны, а в условиях ухудшавшейся экономической ситуации имели тенденцию к критическому сокращению. Как отмечает С.В. Римский, ключевой ориентацией церкви в этих тяжелых условиях оставалась необоснованная надежда на государственную финансовую поддержку при косметической шлифовке старых методов получения доходов с населения (Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ: (церковные реформы в России 1860–1870-х гг.). М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. С. 274). Однако даже эта активность стала проявлять себя только к 1863 г. – спустя два (!) года после начала реформы. Да и та, по признанию министра внутренних дел П.А. Валуева, на плечи которого легла вся тяжесть курирования церковных преобразований,

Парадоксально, однако, что тяжелейшая экономическая ситуация, в которой оказались сельские причты, не избавляла их от всевозможных епархиальных взносов, сборов и подношений (духовно-учебных, канцелярских, благотворительных, архиерейских и т.д.), последовательно повышавшихся в течении всего пореформенного времени, и порой доводивших приходы до финансового истощения¹³⁷. Так, случалось, что пожертвования собирались в целях поддержки поместных церквей и христиан чуть ли не в Африке или на Ближнем Востоке¹³⁸. При этом даже элементарной системы отчетности по движению и расходу собранных по запросам епархиальных властей средств не существовало.

Таким образом, экономическое положение губернского приходского (сельского) духовенства имело отчетливый депрессивный оттенок. Оно было тем фоном, на котором контрастно проступали его слабые стороны, оттеняя несомненные достоинства и заслуги. Нелишним будет вспомнить, что противоречивость образа приходского священно- и церковнослужителя становится объектом пристального внимания и критики в российской журналистике, беллетристике и искусстве именно в рассматриваемый период¹³⁹. В этом видится отнюдь не только следствие либерализации общественного творчества, сделавшей доступными ранее табуированные темы, но и очевидное неприглядное положение клира, перманентно стоявшего с протянутой рукой и не пробуждавшего чувство уважения и почтения. *«Грустно и больно смотреть, до чего унижено и подавлено у нас сельское духовенство, и тем более грустно и больно, что само оно*

выглядела «жалко». Не удивительно, что крестьянская реформа вскоре больно ударила по приходскому духовенству. Исключение составлял, пожалуй, епископат, статусное монашество и часть городского соборного клира.

¹³⁷ Беглов А.Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019. С. 205–212.

¹³⁸ В материалах ГА РТ см., напр.: Ф. 4. Оп. 1. Д. 5847. О призыве духовенства Казанской епархии к пожертвованию на сооружение храмов в Александрии египетской и других богоугодных заведений (1862). 92 л.

¹³⁹ На этот счет см. напр., передовицы еженедельной московской газеты «День» (1864). Из современных исследований проблемы отсылаем читателя к монографии А.Ш. Бик-Булатова «Образы и типы православного духовенства в русской журналистике XIX – начала XX века» (СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 304 с.). Кроме прочего: Леонтьева Т.Г. Православный священник в литературно-художественных образах «своего» времени: вторая половина XIX – начало XX в. // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: История. 2010. № 1. С. 32–44.

некоторым образом подало и подает повод к этому и не имеет даже права сказать в утешение себе: вся терпим Христа ради. Не так оно держит себя, чтобы возбуждать в других всё необходимое благоговение к служению своему, высокому и пренебесному...», – сетовал современник¹⁴⁰.

С правовым статусом также было не все однозначно. Осуществленные в 1860-х гг. преобразования дали надежду на некоторое сближение лиц духовного звания с привилегированными сословиями и его десантирование от низовых социальных групп. Как отмечает М. И. Лавицкая, проанализировавшая специальное имперское законодательство, права духовенства во второй половине XIX в. действительно заметно расширились¹⁴¹. Правовое подкрепление получили не только священнослужители, но и нижнее звено причтов – церковнослужители. Так, клир освобождался от подушной подати, телесных наказаний, воинской повинности¹⁴². Вдовы священников и диаконов получили право личного дворянства, а причетников – личного почетного гражданства¹⁴³. Кроме того, дети священнослужителей (не из дворян) приравнивались к детям личных дворян, т. е. с рождения причислялись к потомственным почетным гражданам; дети причетников становились личными почетными гражданами, тогда как за отпрысками прочих церковнослужителей (сторожей, звонарей и пр.) лично сохранялась свобода от податей и рекрутства (до 1874 г.)¹⁴⁴. Впоследствии духовенство получило и ряд других привилегий и послаблений в обязанностях.

Внешне картина наглядно свидетельствовала о правовой эволюции духовенства и его превосходстве над большинством паствы. Но здесь и заключалась та болевая точка его самосознания, которая подчеркивала несоответствие правового статуса клира и уровня его материального обеспечения. Это не могло не приводить к негативным последствиям, способствовавшим

¹⁴⁰ Беллюстин И.С., свящ. Указ. соч., с. 3.

¹⁴¹ Лавицкая М.И. Правовое положение духовного сословия в России в XIX – начале XX в. // Вестник Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Тамбов, 2009. Вып. 8. С. 336.

¹⁴² Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ Канцелярии, 1877. Т. 50, отд. 2. С. 293.

¹⁴³ Там же, Т. 50, № 55142. С. 303.

¹⁴⁴ Лавицкая М.И. Указ. соч., с. 337.

хроническому психологическому неблагополучию духовенства, о которых подробно будет сказано в одной из следующих глав. Кроме того, в повседневности на правоприменительную практику и ее восприятие населением оказывал влияние целый комплекс малозаметных факторов, обусловленных не только внутренней стратификацией самого духовного сословия (епископ причетнику – рознь), но и историческими, культурными и психологическими особенностями той среды, в которую были погружены многочисленные причты. Несмотря на меняющийся правовой статус, духовенство под давлением традиции по инерции продолжало олицетворять тот образ, который закрепился за ним веками и занимать ту социальную нишу, которая ему была определена издревле. Сравнительно низкий уровень образования клира, прочно зажатого между епархиальной администрацией и малокультурной паствой, объективно сужал его возможности и предопределял низкую активность в вопросе повышения собственного социального статуса и стремления де-факто закрепить за собой те привилегии, которые отныне де-юре ему полагались.

В пореформенное время глубокую трансформацию стал претерпевать этический каркас общества. В пучине реформ растворялись или утрачивали свое значение базовые, исторически сложившиеся мировоззренческие и нравственные ориентиры¹⁴⁵. Но церковь в этих условиях мало что могла противопоставить – ей в равной степени приходилось выдерживать натиск перемен. Специалисты обращают внимание на возникающий в таких условиях коллективный психологический эффект циркулярной реакции – динамичную передачу настроений и моделей поведения между людьми, преодолевающую даже высокие социальные барьеры¹⁴⁶. Таким образом, не удивительно, что поведенческие отклонения в среде духовенства не просто имели место, но в некотором роде были

¹⁴⁵ Репринцев А.В. Антропологическое измерение социальных реформ: от кризиса идентичности – к деструкции культуры этноса // Психолого-педагогический поиск. 2013. № 1. С. 27.

¹⁴⁶ Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: микроформа толпа, слухи, полит. и реклам. кампании. М.: Academia, 2005. С. 9.

вполне закономерны, являясь следствием психологической универсализации социального пространства.

В авангарде ценностных перемен стояли города¹⁴⁷, но вслед за ними постепенно тянулось и село. Рисуя городскую повседневность Казани 1870-х гг., священник Георгиевской церкви Павел Воздвиженский писал: *«Есть немало сторон в народе и неодобрительных. Так ныне многие из молодых людей недостаточно послушны своим родителям, избегают браков. Есть немало примеров непрочных супружеств, а живя порознь, супруги ведут нередко совершенно распущенную жизнь. Ныне даже в простом народе ходят толки и суждения о гражданских браках. Страсть к спиртным напиткам в народе нисколько не уменьшается. Нередко приходится видеть пьяными мальчиков, валяющихся по улицам. Есть местности, например, в георгиевском приходе, на Вознесенской улице на Песках, где сосредоточены гостиницы, распивочные лавки, дома, наполненные проститутками, и где даже на улице, особенно в праздники, можно встретить и пьянство, и ругательства, драку, ссору и другие безобразия»*¹⁴⁸. Пастырю вторил чистопольский протоиерей Тихон Рождественский: *«К великому прискорбию, впадают в пьянство не только мужчины, но и женский пол. А отсюда рождаются ссоры, брань и другие грехи и пороки»*¹⁴⁹.

Эти же люди составляли контингент прихожан – как городских, так и сельских. В 1880 г. священник уездного Мамадыша Петр Матвеевский писал, что *«большая часть прихожан служит велению своих страстей. Живут по дурным привычкам, соблюдают унижительные обычаи, потому пьянство сильно развито между прихожанами. Нередки случаи нарушения супружеской верности, похищений, обманов, ссор, буйств; сильно распространено пристрастие к*

¹⁴⁷ По данной тематике см., напр., коллективную монографию: Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский [и др.]. Ульяновск: Изд-во Средневож. науч. центра, 2000. 602 с.

¹⁴⁸ Рапорт благочинного г. Казани Георгиевской церкви священника Павла Воздвиженского (1871) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 334.

¹⁴⁹ Рапорт Чистопольского Николаевского Собора протоиерея Тихона Рождественского (1871) // Там же, л. 345 об.

нарядам <...> обогащению всеми способами»¹⁵⁰. Признавая бессилие перед проблемой, священнослужитель констатировал: справиться со столь масштабными вызовами способно только государство. При этом духовенство «иностранческой» части губернии было уверено, что более сильное воздействие испытывало нерусское население: «Очень жаль только то, – писал космодемьянский благочинный Порфирий Любимов, – что Высочайше дарованное народу благодетельное самоуправление, обращено последним в разнузданность и средство к развитию пьянства среди иностранцев – сих еще младенчествующих в нравственном, но возмужалых в преступном и низком отношениях. При таком настроении духа народа весьма трудно пастырям Церкви удерживать его в пределах должного порядка одним словом убеждения и небезопасно самим подпасть под немилость и клевету своих прихожан, от коих и зависят материальные средства духовенства»¹⁵¹.

Сужением профессиональных возможностей в силу объективно складывающихся обстоятельств беды духовенства, однако, не ограничивались¹⁵². Анализ документов позволяет не только констатировать явный этический дрейф населения, но и наметившуюся тенденцию постепенной секуляризации массового сознания на всех уровнях сословной организации. Нигилизм, захвативший в 1860-е гг. интеллигенцию, постепенно спускался в народный слой¹⁵³. Данная тенденция планомерно усиливалась в 1870-е – 1890-е гг. Для нас этот факт примечателен прежде всего тем, что та же самая проблема довольно четко просматривается и в среде клира, все чаще сталкивавшегося с религиозным выгоранием и ценностной трансформацией в своих рядах¹⁵⁴. Выпускник Казанской духовной семинарии А. Тацитов вспоминал, как 1870-е гг. поповичи массово и с жаром увлекались

¹⁵⁰ Рапорт благочинного 1 округа Мамадышского уезда села Пенькова священника Петра Матвеевского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 112. Д. 4. Л. 107 об.

¹⁵¹ Рапорт благочинного Козмодемьянского уезда священника Порфирия Любимова (1871) // Там же, л. 173.

¹⁵² Мангилева А.В. Белое приходское духовенство Российской империи: от сословия к профессии // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманит. науки. 2014. № 3. С. 246.

¹⁵³ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: Утца-Press, 1955. С. 109.

¹⁵⁴ См.: Хохлов А.А. Семинарское бунтарство: вехи истории Казанской духовной семинарии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. 204 с.

«низвержением старых богов». И в этом «виновато время, гибельное, настроение общества, виноваты люди злые волки лютые, не щадящие стада, виноваты и пастухи, которые пасли себя, а не овец, им порученных. Виноваты непризванные развиватели, соблазнитель и отравители неопытной юности»¹⁵⁵. Между тем В. Гриневич писала философу В. В. Розанову (1906): «Посмотрите также, какое направление и воспитание дается в провинциальных духовных семинариях... Один мой знакомый протоиерей на мой вопрос почему так часто слышно о некрасивом поведении семинаристов, без колебаний, как об известном факте заявил: «самые испорченные ученики – это семинаристы». Два года тому назад целый выпуск семинаристов хвастали своим атеизмом и заявляли, что из них никто не будет попом. И действительно, большинство из них кинулись в разные другие учебные заведения и учителя, но по своей испорченности и встретившимся трудностям, многие опять вернулись к духовному званию»¹⁵⁶.

В целом, в этих условиях население все менее нуждалось в пастырских услугах, обеспечивавшихся за счет самих сельских тружеников. По крайней мере, в столь многочисленном классе священно- и церковнослужителей потребности уже не ощущалось¹⁵⁷. Такая установка вполне сочеталась с тем, что религиозная жизнь вращалась преимущественно вокруг ритуальной практики. Таким образом,

¹⁵⁵ Известия по Казанской епархии. 1905. № 6. С. 159.

¹⁵⁶ Розанов В.В. Около церковных стен. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. Т. 1. С. 207–208.

¹⁵⁷ Просматриваемая корреляция численности духовенства и степень его социальной востребованности требует внимания. Впервые эту проблему косвенно обозначил американский антрополог Альфред Кребер в начале XX в. (См.: Kroeber A.L. The religion of the Indians of California. Berkeley: The University Press, 1907. 42 p.). Изучая калифорнийских индейцев, исследователь заметил, что племя нуждается в служителях культа. При этом четко регулирует их численность. Последние являются важным элементом духовной культуры племени, но находятся при этом на полном содержании у трудоспособных членов общины, ресурсы которых всегда жестко ограничены. Поэтому баланс имел важное значение. Экстраполируя замечание Кребера на нашу проблему, вполне уместно допустить некоторую гипотетическую связь между тенденциями роста численности духовного сословия в пореформенный период (что соответствовало общим демографическим тенденциям в империи) и снижением его востребованности в обществе, а также собственными церковными механизмами ограничения численности. Выявляя наличие в крестьянской среде эндогенных механизмов блокирования неконтролируемого роста численности служителей культа, эксплицитно усиливавшего давление на экономические возможности населения, все же скажем, что это умозаключение нуждается в верификации на основе широкого круга данных.

вопросы чисто духовного плана лишь частично находились в сфере назидательной активности духовенства. В таком случае пробелы в мировоззренческих ориентирах масс в условиях модернизации быстро заполнялись альтернативными, зачастую антирелигиозными идеями, что влекло за собой и широкие поведенческие последствия, которые уже в свою очередь влияли на коллективное мышление¹⁵⁸. Еще в 1867 г. епископ Казанский и Свияжский Антоний (Амфитеатров) «с прискорбием усмотрел» массовые уклонения народа от исповеди и причастия¹⁵⁹. Печалуясь об утрате важности постов и идеалов благочестия, священник Гавриил Бакулевский писал: *«Многие из этих христиан ведут себя вовсе не по-христиански. Весной на улицах слышен крик, неистовый смех, нескромные речи, пение песен чуть не во всю ночь. В это время года по Воскресным дням в церкви народа мало, а на улицах в послеобеденное время собираются огромные толпы веселящегося люда, молодые люди своего пола составляют хороводы и люди среднего возраста (мужчины) собираются часто около питейных домов и даже в самих этих домах и напиваются»*¹⁶⁰. Благодичный Лаишевского округа священник Александр Скворцов, по случаю, отмечал, что многие из крестьян в воскресные и праздничные дни предпочитают проводить время в работах, а нередко, и в обыкновенной праздности, но отнюдь не в участии в богослужении. Закономерно, что и пожертвований от таким образом настроенных прихожан ждать не приходилось¹⁶¹.

¹⁵⁸ Myers D.G. Social psychology. New York: The McGraw-Hill Companies, 1999. P. 179.

¹⁵⁹ Известия по Казанской епархии. 1867. № 6. С. 183.

Здесь мы позволим себе не согласиться с тезисом Б.Н. Миронова о том, что причина пропуска крестьянами исповеди и причастия в большинстве случаев крылась не в религиозном нерадении, а в отдаленности храмов. Так, согласно исследователю, в силу значительных пространств, даже истово верующие не всегда могли удовлетворить свои религиозные потребности (Миронов Б.Н. Крестьянское движение в России... Указ. соч., с. 827). Действительно, в ряде источников, в том числе по Казанской епархии, встречаются указания на проблему подобного плана. Тем не менее одновременно невозможно игнорировать и значительный пласт сведений, поступавших, к примеру, от приходских настоятелей, трудившихся «в поле», и перманентно акцентировавших внимание на тенденции ослабления религиозного чувства в народе в пореформенное время.

¹⁶⁰ Покорнейший рапорт благочинного Лаишевского уезда села Казыли священника Гавриила Бакулевского (1879) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 111. Д. 5. Л. 257 об.

¹⁶¹ Покорнейший рапорт благочинного 1-го округа Лаишевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова (1879) // Там же, л. 175.

Тревогу у причтов вызывала и постепенно распространявшаяся и укоренявшаяся практика организации мирских сходов по воскресным дням во время праздничной литургии. Объективная невозможность одновременного присутствия в двух местах, в подавляющем большинстве случаев, оборачивалась предпочтениями не в пользу молитвенного времяпрепровождения в церкви. Все чаще в субботние дни и воскресное утро крестьяне созывали помочи¹⁶², «сопровождающиеся и оканчивающиеся пиршеством»¹⁶³. Практика поверхностного отношения к религиозным обязанностям проявляла себя даже в тех случаях, когда дело касалось политической благонамеренности – чествования императорской фамилии. *«Поведение волостных начальств вообще непохвально, – писал один из пастырей. Некоторые из волостных старшин и писарей забывают обязанности христианина и не знают никаких правил приличия. Так, например, не редкость священнику слышать во время совершения Литургии звон колоколов, проезжающих мимо церкви старшины и писаря куда-либо в деревню на сходку, по делу совсем неспешному и неважному, вообще такому, которое могло быть исполнено и после Литургии. Старшина и писарь не считают обязанностью своею быть на царских молебнах и не бывают даже во дни восшествия на престол и коронавание Государя Императора»*¹⁶⁴. К концу пореформенного периода обозначенные проблемы стали настолько очевидными, что ректор Казанской духовной академии епископ Алексей (Молчанов) в речи по случаю юбилея правящего архиепископа патетично клеймил многочисленных врагов церкви, постулировавших ее неспособность *«удовлетворить запросы современного культурного человека»*. Однако признавал: *«падение народной нравственности – факт бесспорный»*¹⁶⁵.

¹⁶² Помочи – совместный неоплачиваемый труд крестьян, имевший добровольный характер, зачастую принимавший форму ритуального праздника. Документы свидетельствуют, что практика помочей с течением времени не «сошла на нет», а, напротив, к началу XX в. приобрела внушительные масштабы.

¹⁶³ Покорнейший рапорт благочинного 1-го округа Лаишевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова (1879) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 111. Д. 5. Л. 175.

¹⁶⁴ Там же, л. 175 об.

¹⁶⁵ Известия по Казанской епархии. 1903. № 4. С. 117.

Конфликтные, высокомерные или алчные служители церкви, не обладавшие должным нравственным авторитетом, становились первыми в ряду тех, кто начал испытывать к себе народную враждебность и открытое пренебрежение. *«Относятся к причту, видимо, в глаза, с уважением, отдавая почтение; а за глаза говорят совсем другое»*, – фиксировали корреспонденты¹⁶⁶. Отсутствие психологической и культурной границы между духовенством и паствой превращало первых в «своих» в глазах крестьян, равнозначных по статусу и моральному облику, на которых допускалась экстраполяция грубых нравов¹⁶⁷. Архивные материалы, в ряде случаев, дают примеры оскорбительных поступков крестьян по отношению к священнослужителям. В 1863 г. в Царевококшайском уезде епархии пьяного диакона Евтихия Беляева связали и обесчестили, отрезав хвост волос на голове¹⁶⁸. Следствие с участием благочинного и представителей светской власти виновников не выявило и дело было закрыто. Однако пересуды и кривотолки, которые вызвала широкая огласка инцидента, открывала дорогу подобным явлениям в дальнейшем, в особенности, в отношении не слишком добропорядочных пастырей¹⁶⁹. В итоге, к 1905 г. приходское духовенство вынуждено было признать глубокий антагонизм между собой и народной массой, становившийся все более явным. В связи с этим, довольно показательна статья епархиального священника Григория Львова, опубликованная в Известиях по

¹⁶⁶ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 9. Казанская губерния: Спасский и Лаишевский уезды. Казань: Центр рус. фольклора, 2017. С. 101.

¹⁶⁷ Впрочем, не стоит упускать из виду тот факт, что от места к месту ситуация могла выглядеть совершенно по-разному, а ключевое значение приобретал пресловутый фактор личности. Так, в сообщении одного из епархиальных священников читаем (1903): «Отошло кажется, в сферу преданий панибратское отношение духовенства с прихожанами, братских отношений уже не стало. Духовенство стало выше со стороны прихожан взгляд на него стал иной» (Рапорт благочинного 3-го округа Лаишевского уезда священника Алексея Сельского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118579. Л. 318).

¹⁶⁸ Дело об отрезании неизвестно кем косы у диакона Царевококшайского уезда села Арина Евтихия Беляева // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5907. 11 л.

¹⁶⁹ Взаимные претензии закономерно стимулировали усиление отчужденности пастырей и паствы, в ряде случаев провоцировали и открытые столкновения (см., напр.: Об отнятии диаконом села Арина Е. Беляевым у рядового И. Савельева личных вещей за неуплату руги (1863) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5895. 15 л.; О выбитии диаконом села Арина Царевококшайского уезда Е. Беляевым стекол в окнах крестьянки А. Семеновой (1863) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5917. 6 л.).

Казанской епархии с красноречивым названием «Откуда ненависть к духовенству?»¹⁷⁰. Проанализируем ее.

*«Нерасположение народа к духовенству у мужика, – пишет автор, – чаще всего выражается в грубых до неприличия анекдотах и сказках про духовенство. Эти анекдоты и рассказы переходят в народе из рода в род»*¹⁷¹. Амбивалентное отношение паствы, исторически приученной к почтительному отношению к духовному сану, выражается в одновременной враждебной крайности, что, по мысли священника, является знаком времени. С прискорбием отмечает пастырь, что слово «поп» (от греч. *πάπας* – батюшка) приобрело значение бранного слова, оскорбления клириков в лицо становятся делом вполне обычным¹⁷². Между тем, духовенство подвергается нападкам не только в быту, но и в печати. Беззастенчиво затрагивается как частная, семейная жизнь, так и, в не меньшей степени, образование и культурный уровень священнослужителей. Автор статьи в качестве примера приводит рассказ «Лиловый батюшка», опубликованный в газете «Рассвет». Главный герой – священник, путешествующий на пароходе, среди спутников которого лесничий, гимназист, крестьяне и мещане. И среди всех них батюшка – самый «недалекий». *«Собрав значительную публику, автор выспрашивает «лилового батюшку» по всем вопросам и — о, ужас! Лиловый батюшка не может дать ни одного правильного ответа, а публика, окружавшая батюшку (по автору попа), сыплет на право и налево цитаты из свящ. Писания и святоотеческих творений; один только «поп» не может ответить на предлагаемые вопросы. Выходит так, что все, даже крестьяне оказываются знатоками богословия, церковной и гражданской истории, только магистр богословия «лиловый батюшка» как есть, ничего не смыслит»*¹⁷³. Апология священника Львова, впрочем, строится не на отрицании, а на признании существующей проблемы. Но возникла столь драматичная картина не столько в

¹⁷⁰ Известия по Казанской епархии. 1905. № 45. С. 1339–1343.

¹⁷¹ Там же, с. 1339.

¹⁷² Там же, с. 1340.

¹⁷³ Там же, с. 1341.

силу субъективных обстоятельств, сколько объективной специфики социальной системы, имплицитно начавшей аннигилирующей духовное сословие, и неготовой терпеливо вкладываться в повышение его благосостояния и общественного авторитета.

Углублению обозначенных проблем способствовали и новые социальные элементы – прибывавшие из города земские фельдшеры, учителя и другие представители интеллигенции. Последние планомерно и целенаправленно подсвечивали пороки духовенства, так, что к началу XX в. между этими категориями обозначился явный раскол и жесткая конкуренция¹⁷⁴. *«Соблазнительных примеров в последнее время появляется все больше и больше, – писал священник Измайловский. Так, земские врачи, фельдшера, акушерки, учителя и учительницы земских школ, персонал писцов и т.п. считают за глупость (и особенно медицинский персонал, в числе которых в последнее время появилось немало не крещеных евреев), соблюдать посты, молиться Богу, нравственно жить и т.п.»*¹⁷⁵. Учителя давали знания, но совсем не занимались воспитанием подрастающего поколения в духе отеческих традиций¹⁷⁶. Примечательно, что сельский клир именно в этом влиянии видел причину эрозии народного благочестия и усугубления различных пороков в деревне. *«Главная же причина (слабой религиозности) есть беспечность прихожан к своей душе и не усердие к храму Божию, – сетовал благочинный церковью Казанского уезда. И на эти недуги народные жалуются все приходские священники. Преимущественно же такая беспечность замечается в приходах, находящихся около г. Казани... Прихожане,*

¹⁷⁴ Данная тенденция особенно ярко начала себя проявлять в начале 1870-х гг. в связи с началом «хождения в народ» – движением революционеров-народников и студенческой молодежи, отправлявшихся в глухие деревни с целью «сближения» с народом и распространения в массах революционных идей. Этот, хоть и неудачный опыт, стал источником интереснейших сведений о реалиях народной жизни. Противоречия сельской интеллигенции и духовенства довольно ярко обрисовала в своем труде участница «хождений», уроженка Казанской губернии В.Н. Фигнер (см.: Фигнер В.Н. Запечатленный труд. М.: Задруга, 1922. Т. 1. С. 112).

¹⁷⁵ Покорнейший рапорт благочинного 3-го округа Казанского уезда села Алат священника Павла Измайловского (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 213.

¹⁷⁶ Рапорт благочинного 3-го округа Лаишевского уезда священника Алексея Сельского Высокопреосвященнейшему Арсению, архиепископу Казанскому и Свияжскому (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 91.

которые часто находясь в Казани для торговли или работ, приучаются к холодному отношению к своим христианским обязанностям»¹⁷⁷.

Следует признать, что интеллигенция, к слову, в немалой степени состоявшая из отпрысков того же самого духовенства¹⁷⁸, действительно нередко отвечала последнему показной непочтительностью¹⁷⁹. Авторитет последнего целенаправленно и последовательно расшатывался. В этой конфронтации происходила поляризация общества, разделившегося на две антагонистичные группы: духовенства и ментально близкого ему старшего поколения сельчан с одной стороны, и интеллигенции в союзе с деревенской молодежью – с другой. Этот разлом имел все признаки поколенческого кризиса, что, в сущности, типично для переходного времени¹⁸⁰.

Между тем, российской действительности в данном случае была присуща и определенная особенность. В предыдущие исторические периоды окруженный малограмотной массой клир, своим статусом и образовательным уровнем вполне был вправе претендовать на некую «элитарность». По крайней мере, в рамках архаичного социокультурного пространства села. Но так было до тех пор, пока в деревню не хлынуло новое, интеллектуально подкованное поколение просветителей, заряженное юношеской энергетикой. Оно мгновенно внесло диссонанс в вековой статус-кво, склонив чашу весов отнюдь не в пользу духовенства, вскоре вопреки своей воле смещенного в маргинальную позицию. «Пришельцы» нарушали вековую замкнутость деревни, привносили новшества, пробуждали интерес и симпатию молодежи, становились объектом подражания, оказывали идейное влияние на подрастающее поколение. Так усиливалась конфликтогенность среды. Этому тонко подметил А. М. Горький: *«Немало бесед вел я с крестьянами на разные темы и, в общем, они вызвали у меня тяжелое*

¹⁷⁷ Рапорт благочинного 1 округа Казанского уезда и его помощников (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 69.

¹⁷⁸ Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М.: Наука, 1986. С. 75.

¹⁷⁹ Рапорт благочинного 3-го округа храмов Казанского уезда иерея Павла Измайловского (1905) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. Л. 87.

¹⁸⁰ Мид М. Указ. соч., с. 322–361.

впечатление: люди много видят, но — до отчаяния мало понимают. В частности, беседы о мощах показали мне, что вскрытый обман церкви усилил подозрительное и недоверчивое отношение деревни к городу. Не к духовенству, не к власти, а именно к городу, как сложной организации хитрых людей, которые живут трудом и хлебом деревни, делают множество бесполезных крестьянину вещей, всячески стремятся обмануть его и ловко обманывают»¹⁸¹. Город и его «апостолы» были источником безверия, благодаря которым многие уже «порвали с церковью Божьей»¹⁸², но которым сельские пастыри и их последователи мало что могли противопоставить.

Реформы, на практике обернувшиеся не столько мягкой модернизацией социальных институтов и патриархальных устоев, сколько их грубой ломкой, вызвала растерянность традиционалистов; побуждали рефлексировать и настойчиво искать опору в новом понимании динамично менявшейся реальности. Одним из ярких ответов церкви на эти процессы стал цикл статей архимандрита Федора (Бухарева), в 1850-х гг. служившего инспектором Казанской духовной академии¹⁸³. Однако патетический, почти амвонный стиль ученого монаха, настаивавшего на актуальности и действенности христианских норм в новых исторических условиях, шел параллельно, но едва ли пересекался с реалиями жизни. Тем временем на низовом уровне социальной пирамиды разыгрывались подлинные драмы, являвшиеся частным проявлением общего слома прежнего культурно-исторического уклада.

Наметившийся кризис религиозности в низах при повышении значимости утилитарных интересов, влек за собой вытеснение традиционной безвозмездной приходской активности, которая начинала восприниматься как неоправданное обременение. В первую очередь это проявлялось в городах, но постепенно распространялось и на село. *«При избрании лиц в должности церковных старост*

¹⁸¹ Горький А.М. О русском крестьянстве. Берлин: Ладыжников, 1922. С. 33.

¹⁸² Почтительнейший рапорт благочинного 1-го округа церквей города Казани священника Михаила Бажанова (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 132.

¹⁸³ Феодор (Бухарев А.М.), архим. О православии в отношении к современности. СПб.: Странник, 1860. 332 с.

я, с некоторого времени, стал примечать, что избираемые уклоняются от принятия на себя этой должности, для избежания которой, предъявляют разные предлоги, так что для избрания старосты приходится делать несколько собраний. Обыкновенно бедные при избрании указывают на богатых, а богатые ссылаются на свои дела и недосуги, вследствие чего, как сами прихожане, так и настоятели и благочинный начинают избираемых просить и увещевать принять должность старосты. Бывает и так, что в первое собрание не изберут никого, а в следующее собрание не явится никто или явятся человек пять, шесть»¹⁸⁴. Приходская, общинная по своему духу солидарность, постепенно исчезала, уступая место своекорыстному чувству новоявленного индивидуализма. Все большее значение приобретала нацеленность на практическую выгоду, углубляя тем самым социально-имущественное расслоение села¹⁸⁵.

Таким образом, исторические условия, в которых реализовывало себя приходское духовенство в пореформенное время, отличались стрессовым характером: экономической неустойчивостью, неоднозначным правовым статусом, турбулентностью социальных институтов, мировоззренческих и нормативно-ценностных установок. Зарождаясь в городах, на волне общественных процессов, они постепенно проникали в деревню, где локализовалась большая часть епархиального духовенства, за века соседства и взаимодействия, в значительном числе аспектов сблизившегося, а иногда и сросшегося со своей паствой. Будучи психологически, культурно и экономически неподготовленной к масштабным социальным преобразованиям, но обремененная идеологическими обязанностями, церковь испытывала на себе кризисное воздействие едва ли не сильнее иных общественных институтов. Маргинальное положение приходского клира формировало условия для набравших остроту противоречий целей и возможностей, предопределяло его поведенческое лавирование в стремлении

¹⁸⁴ Рапорт благочинного священника Георгиевской г. Казани церкви Павла Воздвиженского (1873) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 64 об.

¹⁸⁵ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья: ист.-этногр. исследование (середина XIX – начало XX вв.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. С. 127.

нащупать баланс между различными центрами силы и удовлетворения собственных насущных потребностей. Это неизбежно подчеркивало депрессивный оттенок повседневного быта священно- и церковнослужителей и закономерно сказывалось на его собственном нравственном облике.

2.2. Социокультурный фон

Для более полного понимания социокультурного облика пореформенного приходского духовенства Казанской губернии целесообразно уделить внимание раскрытию вопроса административной природы прихода в связи с той социокультурной средой, в рамках которой его причт осуществлял свою деятельность. Как отмечает в А. Л. Беглов, приход обладал двумя основными характеристиками. Во-первых, он функционировал как территориальная единица, объединявшая вокруг села определенное количество деревень. Это было обусловлено утилитарными резонами, поскольку записи актов гражданского состояния православного населения в империи были закреплены за церковью¹⁸⁶. Во-вторых, такая моноцентрическая модель оптимально способствовала реализации духовенством идеологической функции, т.к. приход выступал единственной законной формой духовного окормления населения¹⁸⁷. Далек не всякий приход ограничивался одной церковью. Он мог иметь в своем составе и несколько храмов с причтами, составлявшими низовой уровень церковной организации.

Границы крупных приходов после 1861 г. стали соотноситься с волостным делением уездов, образуя второй уровень епархиальной системы. В некоторых случаях волость могла быть представлена как объединение малочисленных приходов. Жизнь прихода в немалой степени регулировалась сельскими сходами – представительством сельчан, законодательно наделенным государством полномочиями в рамках реализации политики крестьянского самоуправления.

¹⁸⁶ Беглов А.Л. Указ. соч., с. 42.

¹⁸⁷ Там же.

Фактически сельские сходы состояли из тех же прихожан, но не всех, а лишь части. При этом сама сельская община («мир») и приход в XIX в. уже не были тождественны друг другу¹⁸⁸. В силу усиления мобильности населения, а также падения религиозности или ее специфики, водораздел между крестьянской общиной и общиной приходской просматривался достаточно четко. Так, некоторые священники признавали, что многих из своих пасомых, формально числившихся в приходе, они попросту не знали и никогда не видели¹⁸⁹. Таким образом, регулирование приходской жизни находилось в руках узкой прослойки прихожан, представлявших различные селения, которые могли находиться друг с другом в равных или же конкурентных, а то и враждебных отношениях. Духовенству приходилось лавировать между настроениями и интересами различных групп и индивидуумов, что удавалось далеко не всегда¹⁹⁰. Данный момент имеет принципиальное значение в нашем случае, поскольку позволяет лучше представить атмосферу и движущие силы некоторых конфликтов в среде причтов и их окружения.

Третий уровень составляли благочиннические округа, которые включали в себя от одной до нескольких волостей. До 1860-х гг. округа управлялись благочинными единолично, что при учете даже отдельно взятого географического фактора, сказывалось на эффективности управления в сторону ее снижения. В эпоху реформ в Казанской, как и в ряде других епархий в целях совершенствования администрирования были образованы благочиннические советы. Благочинные и благочиннические советы подчинялись правящему архиерею и духовной консистории¹⁹¹. Подспорьем в их работе стало введение в должности помощника

¹⁸⁸ Беглов А.Л. Указ. соч., с. 142.

¹⁸⁹ Известия по Казанской епархии. 1868. № 16. С. 448.

¹⁹⁰ Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г.. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 134.

¹⁹¹ На местах, однако, нередко процветала практика злоупотреблений, когда в благочинные избирались члены консисторий, что сказывалось на характере правосудия епархиальной администрации. Для пресечения подобной практики в феврале 1876 г. Синод вынужден был издать соответствующий указ, запрещающий совмещение должностных обязанностей епархиальных служащих.

благочинного¹⁹². Демократизация церковной жизни постепенно привела к тому, что кандидатов на должность благочинных стало избирать духовенство округа путем баллотировки с последующим утверждением избранного правящим архиереем. Однако данная практика в период контрреформ и ужесточения внутренней политики была отменена указом Святейшего синода в 1881 г. На самой вершине этой епархиальной пирамиды находились правящие епископы и приданные им, но частично самостоятельные духовные консистории.

В целом система епархиального управления духовенством, его численность и состав регулировалось штатным расписанием. Так, согласно постановлению Синода от 28 февраля 1885 г., во всех епархиях, за исключением западных и закавказских, церковные причты в приходах, имевших менее 700 душ мужского пола, должны были состоять из священника и псаломщика¹⁹³, а из имевшие более 700 – священника, диакона и псаломщика¹⁹⁴. До 1876 г. приходские церкви ранжировались по системе семи классов в зависимости от количества прихожан. Принадлежность к определенному классу сказывалась и на жаловании причтов. Кроме того, на общецерковном уровне действовало правило главных и приписных приходских церквей с распределением функций и спецификой содержания. Но оно не касалось шести епархий, в том числе и Казанской. Здесь градация осуществлялась по храмовому принципу и по схеме «штатный священник–помощник»¹⁹⁵.

¹⁹² С 1744 г. в ряде епархий, в том числе Казанской, начали функционировать духовные правления – низшая инстанция церковного управления и суда. В Казанской епархии правления были представлены Казанским, Чебоксарским, Чистопольским, Свияжским, Лаишевским, Космодемьянским и Спасским. В 1895 г. правления были упразднены с передачей их функций частью благочинническим советам, частью духовной консистории.

¹⁹³ К категории псаломщиков относились церковнослужители (причетники). В повседневной практике они по традиции именовались дьячками или пономарями. В 1876 г. это наименование официально было упразднено. Всем церковнослужителям вменялось в обязанность именоваться псаломщиками. Впрочем, устоявшиеся формы медленно подвергались трансформации, что исключало единообразие в рамках документооборота (рапортах, ходатайствах, прошениях). Это крайне раздражало епархиальное начальство (см.: Известия по Казанской епархии. 1876. № 18. С. 527).

¹⁹⁴ Известия по Казанской епархии. 1885. № 7. С. 134.

¹⁹⁵ См.: Там же. 1876. № 9. С. 251–266.

«Живую» картину типичного прихода Казанской епархии мы находим в статье лаишевского священника Петра Меньшикова, опубликованной на страницах Известий по Казанской епархии в 1868 г. *«Приход мой в территориальном отношении, – писал настоятель, – являет собой следующую панораму. Он состоит из 1209 душ м. п. и 1306 душ ж. п., расположенных в 11 деревнях, исключая село, в котором всего — 16 домов. Приходские деревни от села находятся в таком расстоянии: одна треть прихожан все русские в 6 деревнях на 1—5 верстном расстоянии; другая треть, крещенные татары <...> в 4 деревнях, на 15—17 верстном расстоянии»*¹⁹⁶. Таким образом, среднее расстояние между приходскими деревнями и селом составляло 8,5 верст. По признанию священника, всепогодные и всепогодные путешествия с целью требоисполнения¹⁹⁷ отнимали значительную часть его времени и здоровья. В совокупности за год в границах прихода клирик проезжал на лошади (нередко, верхом) около 5650 верст. Социальный состав алатского прихода определялся 390 домохозяйствами, из которых 4 были помещицы, 271 государственных крестьян, 103 крестьян-собственников и 13 домохозяев военных нижних чинов¹⁹⁸.

От места к месту размеры и социальный облик приходов менялись, сохраняя при этом некоторые универсальные черты. Определенную роль здесь играла этническая и религиозная специфика Казанской губернии, слабо подвергавшаяся изменениям при смене исторических эпох. По данным А. Ф. Риттиха, к концу XIX в. православных в крае насчитывалось 72,06 %, из которых русские составляли только 41,71 %¹⁹⁹. Нерусские, но, к тому времени уже христианизированные народы, были представлены чувашами, черемисами (марийцы), крещеными татарами, удмуртами и мордвой²⁰⁰. К 1910 г. в епархии числилось 323 нерусских

¹⁹⁶ Известия по Казанской епархии. 1868. № 16. С. 444.

¹⁹⁷ В числе общих треб значились крестные ходы на Пасху, Рождество, Богоявление, храмовые праздники и молитвословия по полям. Индивидуальных – соборования, напутствия умирающих, отпевания, молебны по домам.

¹⁹⁸ Известия по Казанской епархии. 1868. № 16. С. 447.

¹⁹⁹ Риттих А.Ф. Казанская губерния. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1870. С. 107.

²⁰⁰ Уместно упомянуть и старообрядцев. В Казанской губернии, по данным И.Р. Латыпова, в 1863 г. их насчитывалось 8954 чел. (3892 мужчин и 5122 женщин) или 0,8 % православных губернии. В уездах проживало 5048 старообрядцев, в городах – 3906

прихода: 201 – чувашских, 60 – марийских, 43 – крещено-татарских, 8 – мордовских, 5 – удмуртских, 5 – татарских, 2 – смешанных. В совокупности они составляли около 50 % всех приходов епархии²⁰¹.

Несмотря на то, что большинство приходов, в том числе «инородческих», по традиции патронировалось русским духовенством, ближе к концу XIX в. этнический состав пастырей постепенно менялся. Это придавало местным причтам особый этнокультурный облик²⁰². Со временем численность нерусских клириков постепенно росла, а их взаимодействие и культурный обмен с русским духовенством усиливался²⁰³.

(Латыпов И.Р. Численность старообрядчества Казанской губернии в XIX – начале XX вв. // Известия Саратов. ун-та. Сер. История. Международ. отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 67). По-видимому, до сих пор никто из исследователей в должной мере не обратился к проблеме нравов в среде поволжских старообрядцев. В печатном органе Казанской духовной академии «Православный собеседник» от 1858 г. мы находим упоминание об императорском указе 1828 г. о подчинении иргизских старообрядческих монастырей (Саратовская губерния) непосредственному надзору губернаторов. «В сем случае полиция могла бдительнее следить за монастырскими жителями, преследовать разврат и пресекать распространение ими раскола» (Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Казань: Типогр. губ. правления. 1858. Ч. 1. С. 234–235). Однако трактовка фактов в официальном полемическом сборнике побуждает нас отнестись к ней с осторожностью и надеяться на появление в будущем обстоятельных и комплексных исследований по данной теме.

²⁰¹ Известия по Казанской епархии. 1910. № 2. С. 290–293.

В изданном в 1878 г. обзоре «Духовенство из инородцев в Казанской епархии» значатся 12 фамилий священников-«инородцев», из которых приходских – 7 (Духовенство из инородцев в Казанской епархии. Казань: Губернская тип., 1878. 9 с.). Более поздних данных в нашем распоряжении, к сожалению, не имеется.

²⁰² Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб.: Военная тип., 1861. [Т. 8]: Казанская губерния / сост. М. Лаптев. С. 213.

²⁰³ Данный процесс не происходил безболезненно. В 1898 г. архиепископ Арсений (Брянцев) при объезде Чистопольского уезда отмечал «непонятную и нежелательную вражду между русским и инородческим духовенством» и вынужден был преподать наставление клиру о неуместности и греховности этнического размежевания в среде христиан (Известия по Казанской епархии. 1898. № 13–14. С. 578). Со своей стороны, национальное духовенство так же не было беспроблемным (см., напр.: Переписка с Чебоксарским уездным исправником, волостными правлениями и должностными лицами, священником Богородской церкви с. Шунтерево о выборах должностных лиц, взыскании недоимок с крестьян, выплате жалованья, о злоупотреблениях должностных лиц, по прошениям крестьян и другим вопросам за 1874 г. // ГИА ЧР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 98. 148 л.; Письмо А.И. Баратынского И.Я. Яковлеву о жалобах, поступающих на священников из чувашей от 18 апреля [1885] г. // ГИА ЧР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 137. 1 л.). С.В. Чичерина сообщает, что в среде казанского епархиального начальства было распространено убеждение «будто бы инородческое духовенство хуже русского и между ними 60 % пьяниц (Чичерина С.В. У приволжских инородцев: путевые заметки. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1905. С. 232). Этот же автор передает сведения о случаях намеренного спаивания русскими священниками «инородческое» духовенство.

Таким образом приход в Казанской епархии представлял собой этнически негетерогенное и сегментированное пространство. Однако даже при этом он имплицитно тяготел к монокультурному целому²⁰⁴. Стержневая культура, несмотря на ограниченную динамику, оказывала всеохватывающее и специфическое влияние на составлявшие его классы²⁰⁵. На эту особенность замкнутых социумов не единожды обращали внимание исследователи. Так, Г. К. Триандис определял аграрные общества как отличающиеся жесткой установкой на воспитание социального конформизма их членов²⁰⁶. Действительно, указания на это мы находим в источниках и по исследуемой проблеме. Сельский священник, по замечанию современника, *«тот же крестьянин, лишь только грамотный, – с образом мыслей, желаниями, стремлениями, даже и образом жизни чисто крестьянским»*²⁰⁷. Как отмечает Д. Маейрс, каждый субъект сообщества играет отведенную ему роль. В силу особенностей течения психологических процессов, индуцированная, избранная или отведенная роль подчиняет себе поведение человека и образ его мыслей²⁰⁸. Перемена роли влечет за собой трансформацию мышления²⁰⁹. Иными словами, в пределах церкви и профессиональной активности клирик стремился соответствовать образу и модели поведения, вмененной ему нормами пастырского благочестия, выступая ориентиром и наставником для своей паствы. Но едва происходила смена рода деятельности – быт прихода объективно не ограничивался религиозной составляющей – он оказывался перед дилеммой

Межэтническое напряжение проявляло себя и в среде православных мирян, на практике выражаясь, к примеру, в том, что в этнически смешанных приходах «иногородцы» не понимали церковно-славянского языка, в силу чего священники вынуждены были переходить на их родное наречие. Однако это вызывало ропот уже у русских прихожан. Доходило до конфликтов. Епархиальная власть в таких случаях вынуждена была балансировать использование местных языков в богослужениях, количество которых доходило до трех. Такие меры, впрочем, растягивали богослужение и вызывали уже всеобщее недовольство (Известия по Казанской епархии. 1898. № 23. С. 992–993).

²⁰⁴ Леонтьева Т.Г. Православное сельское духовенство в условиях модернизации России: вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Тверь, 2002. С. 311.

²⁰⁵ Подробнее об универсальных механизмах общественного влияния на субъект деятельности см. у Э. Дюркгейма: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Указ. соч.

²⁰⁶ Триандис Г.К. Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. С. 284.

²⁰⁷ Беллюстин И.С, свящ. Указ. соч., с. 74.

²⁰⁸ Myers D.G. Op. cit, p. 227.

²⁰⁹ Ibid.

ролевого соответствия. Данное противоречие могло актуализировать в личности противоречия этического плана.

Между тем, Г. Ф. Хохряков заключает, что эффективная и устойчивая консолидация системы возможна только на базе общезначимых ценностей, в то время как проявления девиаций свидетельствуют о имеющем месте «конфликте норм»²¹⁰. Ключевой вопрос, таким образом, заключается в соотношении культурных установок сельского духовенства и его паствы, присущих им поведенческих универсалиях и их характере, а также методах и механизмах преодоления неизбежно возникавших в приходской среде психологических и культурных противоречий. Как впоследствии мы увидим, поведенческая реактивность духовенства характеризовалась сравнительно широким многообразием.

Итак, закономерно, что проблему нравов приходского духовенства уместно рассматривать в свете общей бытовой и социальной культуры сельского общества второй половины XIX – начала XX вв. Однако культурным и нормативным основам крестьянской среды уже посвящен внушительный и разнообразный пласт источников и историко-этнографической литературы²¹¹. Исходя из этого, имеет смысл обозначить лишь те ее стороны, которые непосредственно относятся к проблеме данного исследования.

Психология и поведенческая культура сельских жителей, их мировоззрение и нравственность реализовывали себя в рамках специфической поведенческой программы, базировавшейся на стереотипных паттернах, закрепленных в традициях и обычаях предков, и находившихся вне пределов не только современных представлений, но и церковных предписаний рассматриваемого времени. За столетия религиозного просвещения идеалы христианского общежития внедрились, пожалуй, лишь в верхние пласты психологии народа, с

²¹⁰ Хохряков Г.Ф. Социальная среда, личность и правосознание заключенных: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1987. С. 6, 8.

²¹¹ См., напр.: Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М.: Наука, 1986. 279 с.; Он же. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.

разной степенью успешности способствуя их культурной эволюции, но нигде не приводя к полной трансформации. *«В типе русского человека всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество... и православный ... аскетизм»*, – заключал Н. А. Бердяев²¹². Результатом этой синергии стало причудливое сочетание христианских норм с локальными традициями, обычным правом и представлениями, при взаимодействии с которыми приходское духовенство «повисало» в устойчивом неравновесии. Гибкость здесь была вполне естественна и необходима, поскольку учителем темных народных масс мог быть только тот, *«кто вырос в их диких понятиях»*²¹³.

Повседневность деревни в суровых климатогеографических условиях отличался монотонностью и однообразием с эпизодическими просветлениями в дни народных и церковных праздников. Духовенство, впрочем, выделялось из общей массы, потенциально имея возможность разнообразить течение своей жизни и жизни своих семей чтением художественной литературы или церковной периодики. Однако, как было показано, это дело для него имело значение не первостепенное. Гораздо в большей степени клир волновала возможность беспрепятственного исполнения религиозных обязанностей и материального обеспечения собственных семейств²¹⁴. Иерархия и соотношение его духовных

²¹² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Указ. соч., с. 8.

²¹³ Круглов А.В. Из быта сельских учительниц // Женское образование. 1879. № 1. С. 45.

²¹⁴ Православная традиция имеет один из самых сложных и разветвленных богослужебных уставов среди всех христианских конфессий. Объединенные в единый годичный цикл, церковные (общественные) богослужения регулярны и продолжительны. К ним примыкают богослужения частного плана. Однако, в независимости от характера богослужения, клиру в них отводится центральная роль. Подготовка священника к службе, в особенности, литургии, требует особого духовного настроя и соблюдения строгих ритуальных процедур (см.: Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей (сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1913. 1794 с). Подготовка значительно усложняется в дни подготовительных недель и в ходе Великого поста. Закономерно, что справиться с такой нагрузкой без изъяснов мог далеко не каждый священник. У В.В. Розанова находим характерный случай. «Мне пришлось в этом году прождать с народом вечерней службы в вербную субботу часов до 8 вечера. Батюшка сеял и решил воспользоваться влажной землей, что понятно для каждого хозяина. Но вот он наконец приехал с поля – и что же? – Служитель заявляет, что батюшка устал и службы не будет. Громадная толпа народа ворча и презрительно махнув рукой (они уж привыкли к такому отношению) поплелась домой...» (Розанов В.В. Около церковных стен. Указ. соч., с. 208).

потребностей и возможностей находит характерное отражение, к примеру, в откровениях священника А. Розанова: *«Почитал бы хоть что-нибудь, – сетовал пастырь, – ну, хоть какого-нибудь Бову королевича, хоть что-нибудь, — нет ничего ровно. В церкви нет ни единой книжки. Съездил бы в город, накупил бы книг, выписал бы какой-нибудь журнал, но денег едва достаёт на дневное пропитание. Всё, что получается, идёт на продовольствие и на домашнее обзаведение»*²¹⁵.

В этом сумрачном пространстве досуг был довольно примитивен и неразнообразен. Скромный набор развлечений и их последовательность находились в строгой зависимости от календаря и времени года: страда – период всеобщей трудовой активности и относительной дисциплины. Продолжительные холода и непогода повергали сельчанина в пассивность и праздность, заставляя *«задыхаться от безделья и тоски в тесной грязной избе»*²¹⁶.

Быт священника в этой части практически ничем не отличался от крестьянского, а молитвенное усердие отступало под давлением усыпляющей монотонности. *«Прошла крещенская ходьба и для меня настала совершеннейшая бездеятельность. Сходишь по временам окрестишь, схоронишь, — и только. ... И пошло моё время так: встанешь утром, попьёшь чаю, да и начнёшь шагать по своей саженой комнате. Устанешь, посидишь немного, полежишь, да и опять ходишь. Надоест, — выйдешь на улицу, поглазеешь на занесённые снегом мужицкие избы, поклонишься проезжающему мимо тебя мужику, иногда спросишь его куда он едет, — за соломой, или в соседнюю деревню, — и опять в избу. И так протянется до обеда. После обеда сидишь себе, сложа руки, и ждёшь — не дождёшься вечера. Вечером, напьёшься чаю и сидишь против жены, которая, в это время, что-нибудь вяжет. Целый вечер ни звука, ни дела, ни движения! Видимо и тупеешь, и дуреешь»*²¹⁷.

Условия внешней среды детерминировали противоречивость менталитета сельских жителей, актуализируя его бинарные оппозиции: трудолюбие и леность,

²¹⁵ Розанов А.И. Записки сельского священника... Указ. соч., с. 45.

²¹⁶ Горький А.М. Указ. соч., с. 33.

²¹⁷ Розанов А.И. Записки сельского священника... Указ. соч., с. 45.

человечность и вспышки безудержной жестокости, низменное и возвышенное, святое и греховное²¹⁸. Не оттеняя достоинств и светлых сторон этой жизни, В. Б. Безгин тем не менее указывает на ее оборотную сторону: православный люд считал вполне допустимым или даже святым правом самогоноварение, битые жен, своевольную порубку барского леса и т.д.²¹⁹ При этом предпочтение отдавалось именно «своему», обычному крестьянскому пониманию морали, при котором и снохачество не всегда и не везде считалось крайним пороком: *«Некоторые крестьяне, любители спиртных напитков, почетным гостям под выпивку предлагали своих жен, солдаток и даже сестер»*²²⁰. На воровство же и вовсе смотрели «философски»: *«Кабы люди не крали яблок в чужих садах, может быть, и Бог не зарождал столько плодов»*²²¹.

Рассуждая об особенностях психологии народа, с которым духовенству приходилось взаимодействовать, настоятели храмов, впрочем, пытались абстрагироваться от наиболее радикальных обычаев и неприемлемых, с их точки зрения, практик паствы, отмечая архаичный характер народных нравов, консервирующий косную религиозность: *«У русских считается грехом выплеснуть воду или какую жидкость «наотмашь», а осудить ближнего, напротив, считается делом обыкновенным»* (1899)²²². Вот как описывает морально-этические устои жителей приходского русского села Монастырского-Урая Лаишевского уезда священник В. Нечаев: *«Несмотря на такой религиозный взгляд прихожан на грамотность, несмотря на то, что многие из них довольно знакомы со всеми более важными обязанностями христианскими, несмотря на это здешние прихожане не могут похвалиться своею нравственностью. Много здесь фарисейства! Только внешняя сторона христианской нравственности,*

²¹⁸ Синякина Е.Г. Психологические характеристики русского крестьянства второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. ...канд. психол. наук. М., 2012. С. 21.

²¹⁹ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность... Указ. соч., с. 79.

²²⁰ Там же, с. 181.

²²¹ Там же, с. 79.

²²² Рапорт благочинного 3-го округа Лаишевского уезда священника Алексея Сельского Высокопреосвященнейшему Арсению, архиепископу Казанскому и Свияжскому // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 101.

особенно в некоторых случаях, соблюдается здесь весьма строго. В воскресный, напр., день, или в праздник здесь никак не дозволяют себе заняться обыденной работой; но между тем немногие считают необходимости) сходить в церковь, и большая часть, не будучи занята работой, свободно предаётся пустословию, пьянству и проч. В посты — великий и успенский, сохрани Бог, чтобы кто-нибудь дозволил себе есть рыбу; но между тем свободно. Дозволяют себе все, даже и плотские грехи. Вообще грех против VII заповеди здесь довольно обыкновенный и во всех видах. Девственность у обоих полов редко сохраняется до брачного ложа. А потому здесь нередки незаконные рождения, подкидывания и даже истребления младенцев. Такому грустному явлению много способствует самое воспитание детей и отсутствие всякого надзора со стороны родителей за взрослыми детьми. Во-первых, крестьяне при малых детях употребляют всякое сквернословие, к каковому постепенно привыкают и дети, так что иной 8-ми, или 10-ти летний мальчик употребляет такие скверные выражения, какие и от мужика противно слышать и за это дети не только не наказываются родителями, но и не получают никакого выговора. Затем, в 12 лет любой крестьянской мальчик пьет водку на свадьбе у родственников и на помочах, и тоже нимало не удерживается от этого родителями. Наконец, что всего грустнее, и девки, начиная лет 14, пьют водку, пьют вместе и наравне с парнями... Вообще здесь родители довольно равнодушны относительно нравственности своих детей <...> руководствуясь в таком случае следующей очень характерной поговоркой: «тем озеро не погано, что псы полакали»²²³. Да и сами крестьяне при расспросах корреспондентов не скрывали «простоты» своих нравов. И если соглашались с тем, что те со временем имели перемену к лучшему, то отнюдь не из-за возрастания субъективного благонравия и просвещенности, а скорее вследствие ужесточения и совершенствования государственных законов²²⁴. Показательно, что аналогичные закономерности просматривались и в среде

²²³ Известия по Казанской епархии. 1869. № 16. С. 482–483.

²²⁴ Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2006. С. 675–676.

сельского клира: исправительный эффект достигался здесь не столько посредством осознанного духовного самосовершенствования, сколько страхом неминуемого наказания со стороны церковных властей²²⁵.

Значение ключевого психоэмоционального стимула здесь имело потребление спиртного. Вино, пиво, водка помогали «отвести душу» от монотонного быта, постоянного холода, недоедания (а то и голода), физических и моральных страданий, лишений и несения государственных, помещичьих или церковных повинностей. Безусловно, далеко не каждое распитие алкоголя оборачивалось пьянством, но специфическая «алкогольная культура» составляла фон всей культурной жизни деревни и была чрезвычайно востребована. *«Не имея никаких развлечений, крестьянин ходит в питейный, где всегда находит веселое общество и, поддаваясь увлечению других, истрачивает там нажитое тяжелым трудом...»*, – писал священник Александр Скворцов²²⁶. Будучи наглядным доказательством общеобязательного социального конформизма, винопитие выступало универсальным инструментом социальной коммуникации и психотерапии. *«И с горя, и с радости пьется в народе вино; ссоры и драки умиротворяются вином; всякая сделка при купле и продаже, как бы ни была она мелочна, заканчивается спиртным. Во всякое время дня и, пожалуй, ночи можно встретить по несколько человек в питейном или в трактире»*²²⁷. Да и вполне «календарные» события вроде сговора о свадьбе между родителями жениха и невесты, по обычаю завершались так называемыми «запойми»²²⁸, причудливо соединявшимися с православной религиозностью²²⁹.

²²⁵ Рапорт благочинного Тетюшского уезда села Сумарокова Сергия Сунгурова (1873) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 99 об.

²²⁶ Рапорт благочинного 1-го округа Лаишевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 187.

²²⁷ Рапорт благочинного 1 округа Лаишевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова // ГА РТ Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 234 об.

²²⁸ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Указ. соч., с. 137–138.

²²⁹ См., напр.: Рапорт благочинного 2-го благочинного округа села Флорова-Ясака священника Василия Давыдова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 13 – 13 об.; Рапорт благочинного Мамадышского уезда села Красной Горки Михайло-Архангельской церкви священника Евгения Антенорова // Там же, л. 52–57.

Положение дел в среде «инородцев» в данном вопросе едва ли отличалось в выгодную сторону. *«И у инородцев и у русских распространены обман, лесть, злопамятство»* (1903)²³⁰. Между тем, Н. В. Никольский, доказывая, что у чувашей спиртное потреблялось преимущественно в праздники²³¹, предусмотрительно умалчивал о масштабах и характере самих празднований. Между тем, А. Фукс, в 1830-е гг. объехавшая с этнографическими целями Казанскую губернию, красочно описывала «ужасные попойки» чувашей, знаменовавшие собой окончание поминовения усопших. Ритуальное потребление на могилах традиционного для этого народа напитка – пива, оборачивалось, по мере развития действия, всеобщим опьянением: *«Чуваши плясали, обнимали друг друга, уверяя друг друга в дружбе, а иные горько плакали»*²³². В схожем духе заканчивались и лесные моления на Синзю²³³. Причем, пиршества длились до двух недель и с участием целых семейств²³⁴.

К концу XIX в. ситуация в чувашских селениях практически не изменилась. Благочинный Цивильского уезда священник Александр Васильев в рапорте 1899 г. так описывает обычаи своих пасомых: *«По окончании полевых у гуменных работ приблизительно с 22 октября во всех чувашских семьях производится варка пива и взаимное пирование, продолжающееся до 15 ноября. И 25 декабря снова начинающееся угощение тем же напитком, когда уже покупается и вино и продолжающееся до великого поста. Эта страсть к пированию и взаимному угощению сильно развита у чувашей и нередко случается так, что в дни попойки и учащиеся дети из того семейства, где производится угощение, не ходят в*

²³⁰ Покорнейший рапорт благочинного первого округа Космодемьянского уезда священника Василия Бонифатиева // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118579. Л. 190 об.

²³¹ Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1928. Вып. 1. С. 214.

²³² Фукс А.А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии: [переписка А.А. Фукс с К.Ф. Фуксом]. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1840. С. 16.

²³³ Второй по значимости праздник чувашей, знаменовавший отдых земли от конца пашни до покоса.

²³⁴ Фукс А.А. Указ. соч., с. 23.

*местную школу»*²³⁵. Аналогичные практики встречались и у черемисов, предававшихся алкогольным пристрастиям *«с каким-то остервенением»*²³⁶. А. Фукс приводит губернскую статистику преждевременных смертей, обусловленных неумеренным потреблением спиртного (1834–1836 гг.). Тройка лидеров была представлена русскими, чувашами и черемисами (по убывающей)²³⁷. Принимая во внимание численное преобладание русских над остальными, иерархия по крайней мере косвенно свидетельствует в пользу тезиса Н. В. Никольского, что количество потреблявшейся чувашами водки во второй половине XIX в. *«во всяком случае, было меньше, чем у русских»*²³⁸. Все это не могло не стимулировать появление проблем антисоциального плана среди всех групп населения, поскольку подобные аномалии являются производными той среды, *«где пьянство <...> считается общепринятым и, в целом ряде случаев, обязательным»*²³⁹.

Закономерно, что такая обстановка в той или иной степени оказывала влияние на местное духовенство, выступавшее неотъемлемым элементом сельского общества. Однако его реакция могла варьироваться от отторжения и порицания (в большинстве случаев) до лояльного отношения и даже интереса (в

²³⁵ Рапорт благочинного 1 округа Цивильского уезда священника Александра Васильевского (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 48.

²³⁶ Сбоев В.А. О быте крестьян в Казанской губернии. Казань: Дубровин, 1856. С. 27.

Спиртное находило некоторый спрос и у татар. «Имея в виду, что народонаселение Казанской губернии, состоящее большею частью из инородцев, – писал в 1858 г. управляющий Казанской палатой государственных имуществ казанскому архиепископу, – слабых и изнеженных как татары, или необразованных как черемисы и другие, для коих вино составляет главный предмет увлечения – пагубного для них в отношении нравственном и экономическом и вредного для Правительства в отношении хозяйственном, – я нахожу, что здешнее народонаселение особенно нуждается в приложении к нему меры внушения и убеждения, избранной Правительством» (Уведомление Казанской палаты государственных имуществ управляющему Казанской епархией за № 8509 от 23 мая 1859 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5454. Л. 1 об.). Одной из таких мер стало обращение госорганов в Оренбургское магометанское духовное собрание «об обязанности магометанского духовенства Казанской губернии внушать сколь можно чаще воздержание от употребления горячих напитков поклонникам Луны» (Там же, л. 2). На встречавшееся среди татар пьянство, указывал и миссионер протоиерей Е.А. Малов (Малов Е.А., прот. Миссионерство среди мухаммедан и крещенных татар. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1892. С. 187).

²³⁷ Фукс А.А. Указ. соч., с. 329.

²³⁸ Никольский Н.В. Указ. соч., с. 214.

²³⁹ Братусь Б.С. Психологический анализ изменений личности при алкоголизме. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. С. 11.

отдельных ситуациях). В среде клира встречался разнообразный набор личностей, часть которых вполне разделяла греховные пристрастия своей паствы. Со своей стороны, крестьяне платили тем же: со снисхождением относились «к пьянственному и грубому быту своего простонародного духовенства»²⁴⁰.

В условиях традиционной культуры, где отмечание православных праздников имело особое значение, равно как и регулярная практика всевозможных молебнов и освящений, панихид, литий и т.д., хлебосольные прихожане угощениями нередко спаивали священнослужителей²⁴¹. Но и те в свою очередь встречали гостей в своих жилищах отнюдь не только молитвой и благословением: водка и пиво были «почти что в каждом доме»²⁴². В ряде местностей это способствовало формированию устойчивых практик совместного распития спиртного: «В тот раз часов в 9 вечера, – писал в рапорте один из благочинных по поводу случая в доме некоего священника, – пришел из церкви и застал у себя содержателя базара Петра Козлова и учителя Левашова сидящими около самовара, к коему присел и он. Через некоторое время приходит к нему и церковный староста, все вместе напился чаю. Затем, по обычаю <...> подана была водка»²⁴³. И хотя в отчетах в консисторию благочинные рапортовали о неукоснительном соблюдении социальной дистанции между поднадзорным им духовенством и крестьянами, на практике, судя по всему, клир отказывался посещать сельские пиры и празднования не всегда.

Пристрастие отдельных представителей клира к горячительным напиткам, конечно, не говорит о том, что в пьянство было вовлечено все духовенство. По воспоминаниям вологодского протоиерея Алексея Попова, значительная часть сельского клира в его местности употребляла разумно или не пила вовсе²⁴⁴. «Я знал

²⁴⁰ Карташев А.В. Указ. соч. Т. 2. С. 429–430.

²⁴¹ Скутнев А.В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение... Указ. соч., с. 64.

²⁴² Попов А.А., прот. Воспоминания причетнического сына: из жизни духовенства Вологодской епархии. Вологда: Тип. Духовного правления, 1913. С. 14.

²⁴³ Всепокорнейший рапорт благочинного протоиерея Мамадышского Троицкого собора Евгения Антенорова (1873) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6751. Л. 2 об.

²⁴⁴ Попов А.А., прот. Указ. соч., с. 15.

священников, которые вместо пива и вина, пили сусло и молоко, приговаривая, – *ходи коровушка по двору и давай молочка по ведру*»²⁴⁵. Из такого рода пастырей и формировалась та категория священно-церковнослужителей, которая вопреки внешнему давлению, строго соблюдала возложенные на нее обязанности и выступала духовно-нравственным ориентиром для своих прихожан. Однако в пользу усиления негативного взаимовлияния работала практика церковной контрмобильности: благочинные как достижение описывали в отчетах отсутствие отлучек духовенства из своего прихода без разрешения священноначалия и особой надобности²⁴⁶. Попав однажды в глухой приход, священник или причетник годами не имел возможности покинуть его, встретиться с другими людьми – иного уровня образованности, культуры и образа жизни. Разнообразие в эту серую картину вносили разве что редкие заезжие гости: помещик, благочинный, соседний священник или чиновник. Да и в этих случаях контакты имели спорадический и непродолжительный характер и не оказывали глубокого влияния на быт и культуру духовенства во всем их многообразии. Исходя из этого, выбор у пастыря был невелик: либо самоотверженно проповедовать благочестие, подавая пример неукоснительного следования ему, либо подстраиваться под общепринятые правила и быть с крестьянами «как крестьянин». Так, священник А. Алексеевский, служивший в одном из епархиальных чувашских приходов, откровенно жаловался на принуждение со стороны своих прихожан «жить за одно»: *«Бачка! Нада вместе жить, вот так как у нас жили прежде тебя бачьки, и как теперь живёт у нас бачька отец диакон! Вместе жить, бачька, больна хороша». Но когда я пожил у них... то понял и то, чего требуют от меня чувашки, говоря: «вместе жить»*²⁴⁷.

Свою лепту при этом вносила и специфика иерархических отношений в самой церковной среде, и ориентация благочинных на поддержание некого

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Согласно дисциплинарным предписаниям, причетники без разрешения священника, а священники без разрешения благочинного не могли отлучаться из прихода далее, чем на 25 верст «ни на один день». С разрешения же начальства – перемещаться только по епархии. И только в исключительных случаях за ее пределами (Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей... Указ. соч., с. 740).

²⁴⁷ Известия по Казанской епархии. 1869. № 16. С. 486.

усредненного, не слишком выдающегося стандарта благочестия. Т. Г. Леонтьева по этому поводу пишет: *«Низовое начальство одинаково не жаловало и тех, кто манкировал служебными обязанностями, и тех, кто рьяно стремился соответствовать «чину и званию». В последних благочинные тут же распознавали потенциальных конкурентов»*²⁴⁸. К этому добавлялся фактор доступности причтам вина, необходимого для совершения главного христианского таинства – Евхаристии. Винные запасы в том или ином объеме имел каждый храм. К примеру, в декабре 1862 г. канцелярия обер-прокурора предупредила духовенство и монашество епархий о недопустимости организации при монастырях по сговору с откупщиками винных складов²⁴⁹. Приоритетный запрет касался именно тех обителей, которые обладали специализированными помещениями для хранения соответствующей продукции²⁵⁰. Наличие возможностей, случалось, способствовало скрытой организации совместных предприятий коммерсантов и монастырских наместников, становившихся таким образом звеном в цепочке сбыта населению алкогольной продукции. С принятием Положения о питейном сборе в 1861 г., это вошло в правовое противоречие с

²⁴⁸ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство в России во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс]. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/vera-i-progress-pravoslavnoe-selskoe-duhovenstvo-rossii-vo-vtoroj-polovine-19-nachale-20-uvv/1 (дата обращения: 01.06.2022).

²⁴⁹ Извещение обер-прокурора Св. Синода архиепископу Казанскому и Свияжскому Афанасию от 24 декабря 1862 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5936. 13 л.

²⁵⁰ Отношение к хранению и употреблению вина в монастырях не всегда и не везде было одинаковым. С течением времени оно также менялось. Так, в середине XVI в. в Новодевичий монастырь вино запрещалось даже вносить (Емченко Е.Б. Женские монастыри в России // Монашество и монастыри в России XI–XX вв.: исторический очерк. М., 2002. С. 252). К началу XX в. в Соловецком монастыре вино уже не только хранилось, но и, наряду с водкой, выступало неотъемлемым атрибутом праздничных застолий братии (Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX века. М.: Вербум-М, 2002. С. 312). Тогда же можно было наблюдать картину регулярного потребления иноками вина в трапезных и настоятельских кельях. Впрочем, различное отношение к этому было характерно для монастырей средней полосы. Так, строгость и аскетичность сопровождали жизнь Спасо-Елеазаровой пустыни на Псковщине после назначения туда игумена Иувеналия (Масловского) (1908 г.), не допускавшего малейшие послабления по отношению к спиртосодержащей продукции. В обителях юга России виноделие, оборот и потребление винной продукции, напротив, являлись древней традицией.

государственным законодательством, которое, впрочем, некоторое время оставалось только на бумаге²⁵¹.

Грозное предостережение высшей церковной власти должно было иметь под собой основания и базировалось на осведомленности синодальной канцелярии в подозрительной практике на местах. Следуя смыслу документа, ее опасения касались распространения кривотолков о деятельности церкви и неизбежном обращении населения к не характерным для нее торговым услугам. Поэтому Синод настойчиво выражал уверенность, *«что монастыри Казанской епархии не подадут народу, в пищу врагам Церкви, подобного соблазнительного примера»*²⁵².

Для той части клира, которая в индивидуальном плане была предрасположена к злоупотреблениям, приходские запасы были соблазнительным искушением. В источниках встречаются указания на определенный тип священников и причетников, у которых прихожане подозревали наследственную предрасположенность к пьянству²⁵³. Таким образом, вполне объяснимо, что далеко не каждый из представителей этой категории мог проявить выдержку, соблюсти неприкосновенность богослужебных атрибутов или, по крайней мере, сохранить приватный характер своего пристрастия. Наглядным примером служит дело мамдышского псаломщика Денисова (1902). Причетник в будние дни не только тайно истощал приходские винные запасы²⁵⁴, но и не мог удержаться от покушения на евхаристическое вино даже в тот момент, когда священник выходил из алтаря на проповедь во время Литургии²⁵⁵.

²⁵¹ Горюшкина Н.Е. Где откуп – там подкуп: к истории взяток в России // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2010. № 2. С. 93.

²⁵² Извещение обер-прокурора Св. Синода архиепископу Казанскому и Свияжскому Афанасию от 24 декабря 1862 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5936. Л. 2.

²⁵³ Поляков П.И. Православное духовенство в борьбе с народным пьянством: доклад комиссии по вопросу об алкоголизме. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. С. 20.

²⁵⁴ Покорнейшее прошение прихожан Введенской церкви села Соколя Горы Мамадышского уезда Пресвященному Иоанну епископу Чебоксарскому // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 134. Д. 62. Л. 3.

²⁵⁵ Протокол допроса причетника Денисова от 30 апреля 1902 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 134. Д. 62. Л. 13 об.

Показательно, что сослуживцы видели в этом не столько пагубную страсть, сколько отсутствие у церковнослужителя чувства религиозного благоговения и уважения к церкви (Покорнейший рапорт Введенской церкви Соколях Гор священника Константина Далматова

Злокачественное винопитие выступало благодатной почвой, на которой произрастали деструктивные крайности широкого спектра²⁵⁶. Но справедливо и обратное: отнюдь не все из них были непосредственно обусловлены собственно алкогольной проблемой²⁵⁷. Это касается, к примеру, другого распространенного в сельской местности явления – бытового насилия. Предохранитель религиозного благочестия в таких случаях, как свидетельствуют источники, срабатывал не всегда, что в целом объяснимо, учитывая тот факт, что объективно те или иные общественные патологии обнаруживаются даже в тех сообществах, которые сами ориентированы на противодействие таковым²⁵⁸. Тем не менее на практике такие

благочинному 1 округа Мамадышского уезда протоиерею Александру Степановичу Митропольскому // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 134. Д. 62. Л. 5).

²⁵⁶ Отчет о состоянии церквей, причтов и приходов 1-го благочиннического округа Чистопольского уезда за 1903 год // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118579. Л. 308 об.

²⁵⁷ Небезынтересно, что в рассматриваемое время публицисты, философы, общественные деятели доказывали психическую эволюцию человечества, победоносно фиксируя поворот европейских обществ к гуманизации (Энгельгардт М.А. Прогресс как эволюция жестокости. СПб.: Ф. Павленков, 1899. С. 207). В этом ряду стояла и Россия, засвидетельствовавшая свой прогресс ликвидацией крепостного права. Правда, А.М. Горький, на личном опыте познавший нравы низов, не соглашался с безудержным оптимизмом мыслителей: «Но я должен заметить, что в русской жестокости эволюции, кажется, нет, формы ее, как будто не изменяются» (Горький А.М. Указ. соч., с. 17–18). Парируя и углубляясь в репрезентацию народной психологии, писатель был категоричен: «В русской жестокости чувствуется дьявольская изощренность, в ней есть нечто тонкое, изысканное. Это свойство едва ли можно объяснить словами психоз, садизм, словами, которые, в сущности, и вообще ничего не объясняют. Наследие алкоголизма? Не думаю, чтоб русский народ был отравлен ядом алкоголя более других народов Европы, хотя допустимо, что при плохом питании русского крестьянства яд алкоголя действует на психику сильнее в России, чем в других странах... Можно допустить, что на развитие затаенной жестокости влияло чтение житий святых великомучеников, – любимое чтение грамотеев в глухих деревнях. Если б факты жестокости являлись выражением извращенной психологии единиц, – о них можно было не говорить, в этом случае они материал психиатра, а не бытописателя. Но я имею в виду только коллективные забавы муками человека» (Там же). Многочисленные источники обоснованно заставляют сомневаться в тенденциозности А.М. Горького по поводу изложенного.

²⁵⁸ Психологические проблемы агрессии в социальных отношениях / под науч. ред. И.А. Фурманова. Брест: БрГУ, 2014. С. 88.

Еще в начале XX в. психиатру П.Б. Ганнушкину удалось выявить корреляты религиозности и жестокости. В работе «Сладострастие, жестокость и религия», которая впервые была опубликована в 1901 г. во французском журнале «*Annales médico psychologiques*» (t. XIV, Novembre 1901, p. 353–375), выдающийся ученый-практик в целях обоснования выдвинутого тезиса обратился к примеру распространенного в его время хлыстовства. В его работе находим следующее описание оргастических мистерий хлыстов. «Прасковья К., С., Х., принадлежащие к секте «хлыстов», 13 июня 1869 г. прибыли на "радение" к их руководителю К., и оттуда они поехали на повозке, на которой кроме трех упомянутых лиц находились дочь крестьянина К. и крестьянин К. Прасковья К. называла себя все время или святой Девой Марией, или Варварой

случаи оборачивались подлинными трагедиями, создававшими препятствия ровному и безоблачному течению приходской жизни.

Специалисты утверждают, что социальные и бытовые пороки, среди которых различные варианты агрессивного поведения занимали одно из центральных мест, были исторически связаны с крепостным правом и гражданским бесправием масс²⁵⁹. Тем не менее именно культура большинства, а отнюдь не элитарная выступала базовым субстратом, на котором произрастали наиболее типичные для конкретного исторического периода аномалии. Крепостное право лишь консервировало нравы и модели социальных отношений, препятствуя модернизации правовой системы государства и обеспечивая стабильность и сохранение существовавшего социально-политического, экономического и культурного порядка. При этом оно продолжало задавать инерцию вековым установкам и после своей отмены.

Следует иметь в виду, что за фасадом государственного права в простом народе издревле функционировало право обычное. В Казанском Поволжье оно разветвлялось на различные этнические варианты: русское, чувашское, марийское, удмуртское и т.д., сохранявшие массу признаков «первобытности»²⁶⁰. По замечанию Н. П. Загоскина, народ не просто чтит обычаи, он был им всецело привержен, наделяя сакральным смыслом²⁶¹. С этим фактом не могло не считаться

Великомученицей; другие полностью ей подчинялись, хотя С. называл себя Иисусом Христом. Прибыв к озеру, Прасковья приказала бросить девочку К. в воду; это распоряжение было немедленно исполнено, несмотря на сопротивление бедной девочки. Затем та же Прасковья приказала сечь крестьянина К. С., выполняя волю Прасковьи, начал наносить удары хлыстом, но К. не мог больше терпеть, он убежал от своих тиранов и спрятался в канаве, откуда наблюдал, что делают другие. С. и две женщины, раздевшись догола, начали танцевать, целуя и избивая друг друга. Затем С. и Прасковья принялись бить Х. Конец был таков, что они потащили его к повозке, привязали к колесу и два раза проехали по нему. С. впал в такой экстаз, что лег под ноги лошадей, которые прошли по нему. Прасковья подняла его полуживого и всего окровавленного, и они поехали галопом» (Ганнушкин П.Б. Сладострастие, жестокость и религия // Историческая психология и социология истории. 2011. № 1. С. 182).

²⁵⁹ Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / под. общ. ред. М.Г. Муравьевой, Н.Л. Пушкаревой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2012. С. 171.

²⁶⁰ Известия по Казанской епархии. 1872. № 8. С. 233.

²⁶¹ Загоскин Н.П. История права русского народа. Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1899. Т. 1. С. 194.

даже самодержавие. Жестокость некоторых из них²⁶², по словам современника Б. А. Кистяковского, была следствием примитивных животных инстинктов, поддерживалась грубостью общественных отношений и низменным состоянием народных масс²⁶³. В своеобразной будничности насилия В. Б. Безгин усматривал основную причину преступлений против личности, совершавшихся в быту²⁶⁴. Исследователь обратил внимание на то хладнокровие и цинизм, с каким крестьяне наблюдали за избиением мужем жены, вопли которой распространялись на всю округу: *«Сама себе раба, коль не чисто жнет»* – говорят они²⁶⁵. А. М. Горький, по случаю, саркастически замечал: *«Есть даже поговорки, которые считают драку необходимым условием полноты жизни. «Эх, жить весело, да — бить некого» ... «Я спрашивал активных участников гражданской войны, не чувствуют ли они некоторой неловкости, убивая друг друга?» Нет, не чувствуют»*²⁶⁶. Правда, Н. Н. Евреинов, обсуждая традицию деревенских драк и безжалостного избиения

²⁶² К примеру, в Казанской губернии конокрадов, пойманных на месте, умерщвляли немедленно. Самосуды подобного плана в народе за убийство не считались.

²⁶³ Цит. по: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль: Тип. Губ. правления, 1909. С. 197.

²⁶⁴ Безгин Б.В. Сельское правосудие и правовые обычаи русских крестьян второй половины XIX – начала XX вв. Тамбов: Тамбов. фил. РАНХиГС, 2014. С. 74.

²⁶⁵ Там же, с. 109.

Для сравнения: в 1905 г. казанские семинаристы опубликовали воззвание «К духовенству», лейтмотивом которого стал призыв к епархиальному клиру защитить их от психологических измывательств семинарской инспекции: «Мы – ваша плоть, ваша кровь! Неужели у вас настолько зачерствело сердце, что вы опять останетесь только безмолвными зрителями зверской расправы с нами инспектора?!» (ГА РТ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1128. Л. 7). Однако ни один священник не заявил протест царившим в духовной школе порядкам.

²⁶⁶ Горький А.М. Указ. соч., с. 20.

Культуролог-антрополог Л.С. Клейн пришел к выводу, что зерно отклоняющегося поведения, до того относившееся в научных и общественных представлениях к исключительно индивидуальным особенностям человека, в определенной степени коренится в культурных архетипах, унаследованных от архаичных и первобытных времен. «Согласно современным семиотическим представлениям, – писал исследователь, – культура есть прежде всего некий объем информации, передаваемой не генетическим путем, а хранящийся вне индивида в обществе, и нормально уделяемой обществом каждому индивиду; эта информация, усваиваемая каждым индивидом после его рождения, содержит пластичную программу поведения» (Самойлов Л. Этнография лагеря [Электронный ресурс] // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96–108. URL: <http://a-pesni.org/dvor/piter/a-etnlageria.php> (дата обращения: 09.02.2022)).

сельчанами друг друга, извинительно замечал, что осуществлялось оно без ненависти, как бы по «*по привычке*»²⁶⁷.

Но и приходское духовенство, формально находясь за границами крепостного права и занимая в сельском социуме обособленное положение, было таким же субъектом и объектом насилия, как и представители прочих сословных категорий. Так, вплоть до конца XVIII в. телесные наказания клириков вообще считались правовой и культурной нормой. Священники терпели побои даже от светских лиц и в те моменты, когда на груди у них были дароносицы со святыми Дарами²⁶⁸. Церковный историк А. В. Карташов приводит характерный случай рекрутских разборов среди поповичей в правление императрицы Анны Иоанновны. В 1738 г. якобы за имевшую место несвоевременную присягу приходских священнослужителей императрице, последних вместе с отпрысками перед отправкой в солдаты массово подвергли порке. *«За бесприсяжных детей этого поколения, – пишет исследователь, – кто еще не достиг 12 лет, отцы могли внести 50 рублей, чтобы избавить их от сечения. А у кого таких денег не было, ложились под плети сами. Немало священников, не принесших присяги, лишались сана и, если не вносили 50 руб., были истязаемы поркой, и все записывались в подушный оклад. Находились такие, кто подписали присягу задним числом, их все-таки бичевали и изгоняли в солдаты»*²⁶⁹.

Широкий спрос в приходской повседневности находила и внутрицерковная практика епитимий, подразумевавшая в качестве вразумления и исправления проштрафившегося священника или дьячка, демонстративное битье епископом палкой²⁷⁰. В правление императрицы Елизаветы Петровны с безудержным распусканием рук архиереями в отношении подчиненного духовенства взялся было бороться сам обер-прокурор Синода Я. П. Шаховской²⁷¹. Согласно А. Н. Минху,

²⁶⁷ Евреинов Н.Н. История телесных наказаний в России. Белгород: Пилигрим, 1994. С. 224.

²⁶⁸ Минх А.Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии: собраны в 1861–1888 гг. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1890. С. 77.

²⁶⁹ Карташев А.В. Указ. соч. Т. 2. С. 530.

²⁷⁰ Там же, с. 90.

²⁷¹ Карташев А.В. Указ. соч. Т. 2. С. 432.

казанская консистория только в 1773 г. получила благословение Синода на то, чтобы духовенство за те проступки, за которое оно ранее наказывалось телесно, теперь запрещалось в священнослужении или лишалось сана²⁷².

Таким образом практика насилия историческими путями вошла «в плоть и кровь» психологии клира, став частью его культурного кода, на бытовом уровне сохраняя устойчивость и после вытеснения из официальной правовой сферы. В пореформенное время отголоски этого явления регулярно давали о себе знать. Митрополит Евлогий (Георгиевский), служивший инспектором в одной из провинциальных семинарий в 1895–1897 гг., так характеризовал воспитанников духовной школы, прибывших с дальних приходов: *«Под влиянием тяжелых воспоминаний детства озлобленные сердца, исковерканные характеры, страстный, слепой протест против окружающей жизни – вот с какими душами приходилось иметь дело»*²⁷³.

Хрестоматийным стало художественное отражение культуры насилия, царившей в бурсах (духовных училищах) и семинариях первой половины XIX в., вызванное к жизни благодаря литературному таланту Н. Г. Помяловского. *«Собирается партия человек двадцать, и ноябрьским вечером крадутся через двор, в класс приходских учеников. Приходчина, тоже сидящая в сени смертной, ничего не ожидала. Второуездные, сделавши набег, рассыпались по классу, бьют приходчину в лицо, загибают ей салазки, делают смази, рассыпают постные и скоромные, швычки и подзатыльники. Кто бьет? за что бьет? Черт их знает, и черт их носит!.. Плач, вопль, избивание младенцев! На партах и под партами уничтожается горе-злосчастная приходчина. Больно ей. В этих диких побиваниях приходчины, совершаемых в потемках, выражалась, с одной стороны, какая-то нелепая удаль: "раззудись, плечо, размахнись, кулак!", а с другой стороны - "трепеци, приходчина, и покоряйся!". Впрочем, в таких случаях большинство только удовлетворяло своей потребности побить кого-нибудь, дать встряску,*

²⁷² Минх А.Н. Указ. соч., с. 78.

²⁷³ Евлогий (Георгиевский В.С.), митр. Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия, излож. по его рассказам Т. Манухиной. Париж: YMCA-press, 1947. С. 80.

лупку, волосянку, отдуть, отвалить, взъерепенить, отмордасить, чтобы чувствовалось, что в твоих руках пищит что-то живое, страдает и просит пощады, и все это делается не из мести, не из вражды, а просто из любви к искусству. Натешившись вдоволь и всласть, рыцари с торжественным хохотом отправляются восвояси. Истрепанная приходчинаохает, плачет и шупает бока свои»²⁷⁴. Впоследствии автор вспоминал, что за шестилетний срок обучения в училище он был бит около 400 раз²⁷⁵. И хотя он описал нравы низших духовных учебных заведений, и в семинариях конца XIX в. схожие пороки, кажется, так до конца не были преодолены. Так, в 1899 г. казанский полицмейстер Панфилов сообщал губернатору о намерениях местных семинаристов «идти бить полицию»²⁷⁶. В период революции 1905 г. первое сражение с представителями правопорядка в Казани открыли именно отпрыски духовенства, заблаговременно вооружившиеся, и засевшие в здании семинарии по Воскресенской улице²⁷⁷. В связи с этим, вполне объяснима установка, данная Синодом духовенству в инструкции благочинным приходских церквей (1891): «Священнику диакона и причетников не обижать и доходов у них не удерживать и бить их не дерзать»²⁷⁸. Предупреждение, по всей видимости, обуславливалось частым нарушением указанной нормы на практике.

Справедливости ради следует отметить, что в среде пореформенного духовенства не встречался ряд крайностей, столь же обычных для крестьянской среды как пьянство и рукоприкладство²⁷⁹. И данный факт уместно рассматривать

²⁷⁴ Помяловский Н.Г. Зимний вечер в бурсе. Очерк первый // Избранное / Н.Г. Помяловский. М., 1980. С. 285.

²⁷⁵ Судьба автора «Очерков» как будто символична. Окончив училище и семинарию, и оставаясь пару лет без места, Помяловский стал все сильнее увлекаться алкоголем. Впрочем, по признанию писателя в письме Я.П. Полонскому (ноябрь, 1862 г.), пристрастие к вину сформировалось в нем еще в детстве, причудливо соседствуя с глубокой религиозностью. Бурса только усилила эту зависимость, из которой он вышел «почти пьяницей».

²⁷⁶ Рапорт казанского полицмейстера Панфилова на имя казанского губернатора за № 436 от 15 марта 1899 г. // ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11947. Л. 1.

²⁷⁷ Аросев А.Я. Казанские очерки о революции 1905 г. Казань: Тип. «Восток», 1925. С. 62.

²⁷⁸ Тихомиров Т.С., священник. Инструкция благочинному приходских церквей // На приходе. М., 2002. С. 123.

²⁷⁹ О них см.: Безгин В.Б. Противоестественные пороки в крестьянской среде (вторая половина XIX – начало XX века) // Genesis: исторические исследования. 2016. № 2. С. 108–120.

именно как культурное преимущество клира, хоть и худо, облагороженного книжным образованием. Однако сохранять его в условиях эрозирующей приходской действительности было задачей многотрудной. *«Сидишь и думаешь: к чему и зачем нас учили? Учили, да ещё как учили-то! И психологии, и философии, и физике, и химии, и минералогии и, Бог весть, чему ни учили. И к чему всё это, когда сельскому священнику и нет и не будет никогда возможности приложить всего этого к делу?! К моему большому горю, как я говорил уже, в семинарии я развил в себе потребность читать. Здесь же кроме требника и какой-нибудь церковной минеи, не было ровно ничего. Сколько раз приходило мне на ум тогда: зачем и для чего лицу, которое должно быть послано в сельские священники, дают такое образование? ... Отчего у нас и выходит теперь, что большинство духовенства живёт совсем не так, как бы следовало. Не отупеть, не огрубеть, не оставить своих чисто-пастырских обязанностей и не сделаться пьяницей — почти нет возможности. Представьте: молодой человек сидит в крестьянской избёнке, среди крестьянской семьи и, против собственного желания, ничего не делает. Но сама природа требует деятельности, требует высказать кому-нибудь свои чувства и послушать другого. С кем же он может поговорить и кого послушать? Общество его — мужики, и больше никого»²⁸⁰*. Влияние это происходило незаметно, но в итоге плоды давало видимые. В 1899 г. ректор Казанской духовной семинарии архимандрит Кирилл (Лопатин) в рапорте архиепископу Арсению (Брянцеву) с сожалением сообщал о крайне низкой, почти простонародной санитарной культуре своих воспитанников, в уличной обуви после посещения уборных, являвшихся прямиком в спальные помещения, *«не сознавая, что это вредит их же здоровью»²⁸¹*. Впрочем, кажется, в этой близости двух социальных

²⁸⁰ Розанов А.И. Записки сельского священника... Указ. соч., с. 43.

Источники, относящиеся к более раннему периоду, дают основание констатировать «генетическую» природу этой социальной близости, уходившей корнями в глубокую старину. Еще в 1788 г. казанское епархиальное начальство обратило внимание на то, что некоторые священники женаты на простых крестьянках, с которыми вступали в брак и их дети, и причетники (Минх А.Н. Указ. соч., с. 78–79).

²⁸¹ Донесение ректора Казанской духовной семинарии архимандрита Кирилла архиепископу Казанскому и Свияжскому Арсению за № 235 от 10 марта 1899 г. // ГА РТ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 942. Л. 1.

классов парадоксальным образом было заинтересовано и само высшее государственное и церковное руководство, холившее идилическую идею сохранения «чистоты» народной «души». Так, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев писал: они (духовенство) *«из народа вышли и от него не отделяются ни в житейском быту, ни в добродетелях, ни в самых недостатках, с народом и стоят и падают»* (1896)²⁸².

Действительно, в силу особенностей служения, приоритетным для причтов при любых обстоятельствах было единство с прихожанами, от которых они всецело зависели. Эта заинтересованность усиливалась после освобождения последних от крепостной зависимости, роста их правовой самостоятельности и, как следствие, сдвига традиционной модели взаимодействия внутри прихода не в пользу духовенства. Указанное не могло пройти бесследно.

И тем не менее, несмотря на очевидный дрейф, абсолютного нравственного и культурного слияния клира с паствой, пожалуй, нигде не происходило. При всех особенностях своего положения, духовенство не переставало находиться за символической «церковной оградой» с ее профессиональными этическими требованиями и императивами. Само расположение храмов и приходских построек в селах было заметно обособленным от основной крестьянской застройки. Культовые сооружения и прилегающая к ним земля, размещались на видном месте, несколько в стороне, что наглядно олицетворяло величие и духовное предназначение церкви, а также особое положение ее служителей²⁸³. Клир, как и его возвышавшийся над округой храм, следуя замыслу, должен были быть символическим маяком благочестия в сумраке темной и беспросветной

²⁸² Победоносцев К.П. Московский сборник // Сочинения / К.П. Победоносцев. М., 1996. С. 400.

²⁸³ Согласно Строительному уставу, место под церковь должно было быть «прилично и удобно», а обязанность надзора за исполнением этого условия возлагалась на самих губернаторов (ст. 220) (Устав строительный, измененный по продолжениям 1876 и 1879 гг., с разъяснениями по решениям Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената и приложением циркуляров Министерства внутренних дел и позднейших узаконений. СПб.: Тип. К.К. Ретгера, 1881. С. 69).

крестьянской жизни, посредством и при помощи которого паства хоть и медленно, возрастала духовно и нравственно²⁸⁴.

Таким образом, приходские пастыри и их прихожане были объединены не только общим социальным пространством, но и общественной культурой, внутренние границы в которой, безусловно, существовали, но носили нечеткий, а в ряде случаев, и условный характер. Фактически духовенство и крестьянство было друг другу значительно ближе, чем принято считать, несмотря на разный экономический, правовой и психологический статус. В рамках этой модели взаимовлияние имело перманентный и интенсивный характер. Не являясь центральным фасадом будничной жизни, оно тем не менее устойчиво реализовывало себя посредством повседневных коммуникативных практик. В его основе просматриваются глубинные архетипы коллективной народной психологии, носителей специфической религиозности, морали и нормативного кодекса. В этом, пожалуй, и заключался ключевой элемент социокультурной реальности пореформенного прихода в контексте рассматриваемой проблемы.

2.3. Общий образовательный и этический профиль

Во второй половине XIX в. вопреки духу общественной либерализации и открытости духовенство окончательно оформляется как замкнутое сословие с установкой на самовоспроизведение. По данным Б. Н. Миронова, процент

²⁸⁴ В источниках находим интересные примеры поддержки культурных барьеров, которую инициировала церковь. Процесс начинался с юношества. Согласно постановлению Синода от 14 марта 1900 г., распределение мест в духовных семинариях должно было соответствовать следующей пропорции: 90 % отводились детям духовенства и только 10 % – иносословным учащимся, подавляющая часть которых была представлена крестьянами, мещанами и жителями «подгородних мест». Это делалось, по задумке церковных властей, с целью ограждения детей духовенства от вредного нравственного влияния иносословных воспитанников, имевших «грубые нравы и недоброе религиозно-нравственное направление» (см.: Об ограничении приема в духовно-учебные заведения детей иносословных // Циркуляр по духовно-учебному ведомству. 1900. № 20. С. 9–10; По вопросу о приеме в духовные семинарии иносословных воспитанников // Церковные ведомости. 1900. № 42. С. 344–345). Данный подход выглядит парадоксальным, учитывая тот факт, что в семинариях обучались в подавляющем большинстве случаев отпрыски сельского духовенства, которые росли бок о бок с крестьянскими детьми.

выходцев из других классов, перешедших в духовное звание в период с 1880 по 1914 гг., был ничтожным: от 0 до 1,5 %²⁸⁵. Однако в общероссийской картине имела место региональная специфика. К началу XX в. в Казанской губернии до 15,0 % священников были выходцами из других социальных страт²⁸⁶. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные по их происхождению, фрагментарны и приходится, преимущественно, на 1880-е гг. На их основании можно сделать вывод, что подавляющая часть была представлена крестьянами, за которыми следовали мещане (1886)²⁸⁷. Представители привилегированного сословия – дворяне, а также купцы, разночинцы и прочие в списках не встречаются. За исключением, пожалуй, отдельных случаев допуска в ряды городского священства консисторских чиновников, не влиявших в целом на общую картину.

Общecerковные тенденции на протяжении всего периода характеризовались стремлением церковных властей к укрупнению приходов и оптимизации штатов духовенства с целью решения его застарелых экономических проблем, что влияло на численность клира в сторону сокращения. В результате за период с 1868 г. по 1885 г. в масштабах империи сословие убыло на 29 тысяч человек²⁸⁸. Однако, судя по источникам, преимущественно за счет причетников. Таким образом, можно было бы ожидать, что уменьшение доли малообразованных членов причтов при одновременном росте численности священнослужителей оказывало позитивное влияние на общий образовательный и культурный облик служащих духовного ведомства. К слову, такой «облагораживающий» мотив церковных властей действительно имел место и в принципе не скрывался²⁸⁹. Однако эффективность начинания оказалась ниже ожидаемой. Оптимизация штатов имела некоторый

²⁸⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. С. 107.

²⁸⁶ Васина С.М. Указ. соч., с. 93.

²⁸⁷ См.: Дело об утверждении журналов Казанской казенной палаты о неимении препятствий к поступлению в духовное звание лиц податного сословия // ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6865. 66 л.; Дело о приеме в духовное звание служащих епархии // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119150. 119 л.

²⁸⁸ Васина С.М. Указ. соч., с. 94.

²⁸⁹ Известия по Казанской епархии. 1868. № 18. С. 532–533.

административный и экономический эффект, тогда как в прочих аспектах он был не столь очевиден.

Наметившийся в пореформенное время отток способнейших поповичей в другие сословия и постепенная смена поколений на приходах закономерно оказывали трансформирующее влияние на культурный потенциал членов причтов и их мировоззренческие установки²⁹⁰. *«Выходцы из семей духовенства под влиянием либеральных идей не выказывали особой склонности следовать по пути отцов, – писал И. К. Смолич. Окончив семинарию, они поступали в военные училища и университеты или же на государственную службу. Сами родители все больше стремились отдавать своих сыновей не в духовные, а в светские учебные заведения. Для лиц других сословий труд священнослужителя не представлялся заманчивым, лишь немногие идеалисты были готовы идти наперекор общественным течениям и вступали в духовное сословие»*²⁹¹. Переориентация нередко происходила по инициативе и с согласия родителей, мечтавших об иной стезе для своих отпрысков. Испытания радикальной смены рода профессиональной деятельности подчас не избегали даже укорененные в церковной системе и статусные служители. Так, к примеру, было в случае известного специалиста в области канонического права, профессора Казанской духовной академии И. С. Бердникова. В 1899 г. ученый ходатайствовал о переводе своего сына из духовной семинарии в одну из городских гимназий.

В целях заполнения вакантных мест, количество которых постоянно росло²⁹², церковные власти, вопреки собственному желанию и давлению традиции,

²⁹⁰ См., напр.: Прошения духовных лиц о переводе из духовенства в гражданское звание и выдаче метрических справок Казанского, Чистопольского, Лаишевского, Царевококшайского и других уездов (1879) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 10. 82 л.

²⁹¹ Смолич И.К. История Русской церкви. 1700–1917 [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/book/72715-istoriya-russkoy-cerkvi-1700-1917-gg/#/toc19> (дата обращения: 09.02.2022).

²⁹² Консистории регулярно публиковали данные о праздных священнических, дьяконских и причетнических местах с указанием размера руги, земельных наделов, денежных окладов и т.д. Однако к концу XIX в., судя по всему, даже вполне привлекательные приходы пользовались все меньшим спросом. Об этом свидетельствует не только содержание, но и тон объявлений (см., напр.: Известия по Казанской епархии. 1892. № 23. С. 667–669).

вынуждены были открывать и упрощать поступление в духовное звание минимально соответствующим критериям инословным кандидатам. Это закономерно влекло за собой побочные эффекты. В особенности, в части поддержания образовательного уровня приходского клира²⁹³.

Со времен Духовного регламента (1721) духовное образование понималось не только и не столько как система повышения грамотности и интеллектуального уровня юношества, а прежде всего, как воспитательная среда, способствовавшая формированию личности в соответствии с идеалами и нормами православного благочестия. По крайней мере, в том виде, в каком его понимала церковная иерархия. Таким образом, по задумке священноначалия, выпускник духовного учебного заведения должен был представлять собой образец христианской просвещенности и нравственности. Тем не менее на практике, как мы успели заметить, картина выглядела гораздо сложнее и была обусловлена рядом обстоятельств. Так, по данным синодальной канцелярии, на излете пореформенного периода из 34 рукоположенных в 1906 г. в Казанской епархии священников, только 8 имели за плечами полный курс семинарии, в то время как 8 чел. духовную школу так и не окончили, а 17 и вовсе не имели семинарского образования²⁹⁴. Однако даже выпускник духовной школы едва ли мог похвастаться выдающимися достижениями. Духовное образование по умолчанию не выходило за пределы набора аксиоматических знаний и элементарной грамотности, тогда как прививавшаяся в духовных учебных заведениях этика носила скорее механистический характер.

Корень обозначенной проблемы в целом крылся в особенностях дошкольного периода становления кандидатов в духовенство. На вступительные

²⁹³ Концентрация внимания на данном вопросе тем более уместна, что на проблему низкой образованности приходского духовенства регулярно обращали внимание писатели и публицисты. И.С. Тургенев в «Отцах и детях» (1862) пишет о сельском священнике, который не решился вступить в спор с Базаровым. О неграмотности и невежестве реального духовенства размышлял и Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» (1876). В схожем ключе писал и В.М. Дорошевич в своем произведении «Сахалин (Каторга)» (1903). Интересно, что В.Г. Короленко в «Сне Макара» (1886) вводит в эту картину и географический детерминизм: по мере удаления от столиц формализм служения и необразованность духовенства растет.

²⁹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 291. Л. 14.

экзамены в епархиальные училища являлись поповичи-сельчане «*крайне неразвитые и почти ничего не знающие, кроме чтения по-славянски и то весьма неудовлетворительно*», к тому же, в большинстве, не умевшие писать²⁹⁵. Многочисленный, но неграмотный младший контингент духовных школ делал последующий процесс учебы практически невозможным, что закономерно приводило к массовым отчислениям учащихся и пополнению ими приходской ниши. В 1873 г. архиепископ Казанский и Свияжский Антоний (Амфитеатров) печаловался на страницах Известий по Казанской епархии об увиденном им во время вступительных испытаний в епархиальные бursы. Из 34 кандидатов, заявившихся в Казанское училище были приняты 30 человека, из которых 8 – исключительно «*по снисхождению*»²⁹⁶. В Чебоксарском дела обстояли несколько лучше – одного священнического сына даже прямоком зачислили во второй класс, минуя первый. Однако в Чистопольском училище дела обстояли хуже, чем в Казанском: из 15 кандидатов только трое оказались более или менее способными²⁹⁷. Слабое развитие «умственных сил», памяти, отсутствие элементарных навыков чтения (не только по-церковнославянски, но и по-русски), пересказа и письма были ключевыми недостатками кандидатов.

Церковные власти обвиняли в таком скверном положении дел безучастность родителей, вменяя им в обязанность, сугубое внимание к начальному образованию отпрысков²⁹⁸. Кроме того, в целях повышения эффективности миссии церкви в многонациональном крае принуждение распространялось и на необходимость обучения детей клира языку «инородцев»²⁹⁹. Со своей стороны, архиереи инициировали создание подготовительных классов в духовных училищах, лично принимая участие в проверке образовательного уровня поступавших юношей.

²⁹⁵ Известия по Казанской епархии. 1868. № 7. С. 174–175.

²⁹⁶ Там же. 1874. № 5. С. 148.

²⁹⁷ Там же, с. 149.

²⁹⁸ Там же. 1868. № 7. С. 174–175; 1874. № 5. С. 174–175.

²⁹⁹ Там же. 1874. № 23. С. 660–662.

Однако предпринимаемые усилия по выправлению ситуации имели слабый эффект и даже спустя десятилетия картина менялась крайне медленно³⁰⁰.

Стремление синодальной и епархиальной власти к замещению вакантных приходских мест образованными священно- и церковнослужителями, находившее отражение на страницах церковной периодики и адресованной широкому кругу духовенства, вполне понятно и объяснимо³⁰¹. Как в дальнейшем будет показано, непросвещенность клира, его низкий образовательный и культурный уровень в перспективе влекли за собой массу проблем в приходской жизни, становясь головной болью для архиереев и консисторий. Но повседневность диктовала свои условия. Приходы остро нуждались в заполнении вакантных мест, и епископы вынуждены были идти поперек своим собственным принципам и ходатайствовать перед Синодом о предоставлении права рукополагать в священнослужители кандидатов, не окончивших курса духовной школы. Последнему ничего не оставалось, как отвечать на запросы положительно³⁰². С 1890-х гг. для такой категории кандидатов в священство и дьяконство стали организовываться обязательные проверки на соответствие требуемому уровню³⁰³. Судя по всему, это имело некоторый положительный эффект: стремление занять более высокое социальное положение мотивировало кандидатов в подготовке к экзаменам³⁰⁴. К 1904 г. доселе неструктурированная практика, привела к разработке и оформлению

³⁰⁰ В 1874 г. архиепископ Антоний вновь вернулся к поднятому годом ранее вопросу. Проанализировав доклады с мест, преосвященный вновь пришел к неутешительным выводам. «Лучшие, относительно, успехи экзаменовавшимися обнаружены в письме по-русски и в знании молитв, кроме, впрочем, молитв утренних, вечерних, пред учением, после учения, коих большинство экзаменовавшихся вовсе не знало. Некоторые из экзаменовавшихся читают по-русски и по-славянски очень нетвердо и с ошибками, и все понимают читаемое крайне неудовлетворительно и вовсе не приучены давать отчет в прочитанном. Выражаются по-русски экзаменовавшиеся также весьма неудовлетворительно, так что нередко можно только с трудом, а иногда и вовсе невозможно понимать, что они хотят сказать. По арифметике большинство знает арифметические формулы чисто механически, и все не приучены к решению арифметических задач. Самые слабые успехи экзаменовавшихся оказаны по начаткам христианского учения, священной истории и краткому катехизису» (Известия по Казанской епархии. 1874. № 2. С. 62–63).

³⁰¹ См., напр.: Известия по Казанской епархии. 1880. № 14. С. 370–371.

³⁰² Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербур. духовной академии. СПб., 1882. № 24.

³⁰³ Известия по Казанской епархии. 1891. № 3. С. 65.

³⁰⁴ Известия по Казанской епархии. 1892. № 9. С. 218–227.

специальных правил и программ среза, производившегося на базе Казанской духовной семинарии³⁰⁵. Так, на священство отныне могли претендовать только диаконы и диаконы-псаломщики (по должности) определенного уровня грамотности и прослужившие на приходе не менее пяти лет. С 1891 г. экзамены стали распространяться и на псаломщиков³⁰⁶. Однако, судя по всему, масштабных результатов это все же не принесло.

При анализе документов обращает на себя внимание факт несоответствия уровней образования священно- и церковнослужителей, о которой ранее упоминалось. И дело не только в том, что церковнослужители традиционно ограничивались духовным училищем, тогда как священнослужители стремились к получению семинарского диплома. Архиереи отмечали, что наиболее отстающими по критериям интеллектуального развития являлись именно дети низового, самого бесправного и бедного звена причтов – псаломщиков (в особенности, сироты)³⁰⁷. Худо-бедно заканчивая учебное заведение, и теми или иными путями занимая места на приходах, они вносили значительный вклад в формирование общего образовательного и культурного облика духовенства. Еще в 1868 г. архиепископ Антоний (Амфитеатров) жаловался: *«Усмотрено мною, что причетники в здешней епархии большею частью пишут весьма худо, так что не могут вести никакого церковного письмоводства, которое потому большею частью ведется самими священниками. Являясь ко мне с просьбами, причетники не только не умеют их сами сочинять, но большею частью и переписывают не своею рукою, а только надписывают кое-как свое имя. Консистория имеет предписать циркулярно по епархии о том, чтобы причетники, совершенствуясь постоянно в чтении и пении и знании устава церковного и катехизиса, непременно совершенствовались также и в умении писать, дабы быть способными вести церковные документы и помогать священникам в обучении в сельских школах детей не только чтению, но*

³⁰⁵ Там же. 1904. № 1. С. 5–12.

³⁰⁶ Там же. 1891. № 15. С. 449.

³⁰⁷ Там же. 1874. № 5. С. 148.

и письму... При сем причётникам дать знать, что от них не будут принимаемы просьбы, писанные не их собственною рукою»³⁰⁸.

Тем не менее даже при указанных обстоятельствах причетники не были абсолютной противоположностью священников и дьяконов. Последние, несмотря на ряд преимуществ, и позитивных изменений, до конца периода в массе шли в фарватере истари определенной линии. Священник Львов в статье о приходском духовенстве 1905 г. прямо говорил о низком, почти крестьянском уровне своих собратьев по служению, задаваясь риторическим вопросом: *«при настоящих условиях служения сельского священника, кто из образованных юношей пойдет служить в деревню во имя идеи пастырства...?»³⁰⁹. «Не удивительно, – отмечал клирик, – в ряды пастырей попадают люди малообразованные, и, пожалуй, недостойные»³¹⁰. Ему вторил священник Павел Измайлов (1903): *«При таких условиях мыслимо ли, чтобы в духовное ведомство шли лучшие воспитанники не только высших учебных заведений, но и средних? Поэтому не удивительно, что в среде сельского духовенства большая его половина наполнена людьми всякого звания и состояния, идущими в духовное звание или для получения прав, или по другим видам, или недоучившиеся в средних и низших учебных заведениях. Такие личности не приносят особенной пользы, как только службу Божию за требы править»³¹¹. Таким образом, диссонанс между высокими задачами приходского духовенства и его реальным состоянием был налицо.**

Вердиктом такому положению дел в 1905 г. стало воззвание «Духа не угашайте!», опубликованное в № 39 Известий по Казанской епархии за авторством некоего бывшего псаломщика, пожелавшего остаться неизвестным³¹². *«Между тем, – писал аноним, – как часто приходится видеть и слышать, что священник исполняет свой долг недостойно, предаётся праздности, картежной игре и т.п.*

³⁰⁸ Известия по Казанской епархии. 1868. № 5. С. 152–153.

³⁰⁹ Там же. 1905. № 45. С. 1343.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Покорнейший рапорт благочинного 3-го округа Казанского уезда села Алат священника Павла Измайлова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118579. Л. 182.

³¹² Известия по Казанской епархии. 1905. № 39. С. 1181–1188.

Многие священники ничего не читают, кроме пустых дешевых газеток. Я знал <...>одного священника, который поклялся, что по выходе из семинарии он не возьмет в руки ни одной богословской книги...»³¹³. Обрисованная здесь интеллектуальная и образовательная статика, с одной стороны, укладывалась в общий строй сельской жизни, самым своим ходом располагавшей «к лени и спячке». Однако автор предупреждал, что времена изменились и после принятия манифеста 17 октября приходское духовенство со своим уровнем образования и невежественными устремлениями, вскоре начнет безвозвратно проигрывать новым властителям дум. Но, судя по всему, благие призывы оставались тщетными – вопреки здравому смыслу, клир упорно отказывался от умственной работы и расширения кругозора³¹⁴. Кроме прочего, в статье отчаянно критикуется съезд казанского епархиального духовенства, единогласно постановивший более не обязывать приходы выписывать журнал «Православный собеседник», издававшийся при Казанской духовной академии. Причина – его «мудренность» и «трудность». К счастью, препятствием на пути реализации этой инициативы стало вето архиерея, озабоченного, по всей видимости, перспективой полного затухания издательского дела в епархии. «Неумение представителей казанского духовенства оценить серьезный духовный журнал нисколько не позорит редакцию почтенного журнала, идущего навстречу духовному голоду самого духовенства, а только обнаруживает духовную наготу самого духовенства», – с грустью заключил автор³¹⁵.

В такой ориентации клира, по всей видимости, крылась некая скрытая, но имманентно присущая ему ментальная особенность, которую удачно подсветил А. В. Карташов. Церковный историк отмечал склонность священнослужителей наделять темную необразованность «ореолом какой-то традиционной добродетели»³¹⁶. Она выражалась, к примеру, и в чрезвычайно небрежном

³¹³ Известия по Казанской епархии. 1905. № 39. С. 1181.

³¹⁴ Там же, с. 1184.

³¹⁵ Там же, с. 1187.

³¹⁶ Карташев А.В. Указ. соч. Т. 2. С. 543.

отношении некоторых пастырей к делу народного просвещения, обустройству церковно-приходских школ и их учителям, когда в погоне за заработком духовенство сдавало свои жилища в наем родственникам и случайным людям, а само с семьями переселялось в школьные помещения, мешая образовательному процессу и обнося их «*грязью житейского обихода*»³¹⁷. Подобные практики становились объектом пристального внимания и жесткой критики со стороны самого обер-прокурора К. П. Победоносцева.

Примечателен и внешний облик священника. Хотя локальных источников по данному вопросу крайне мало, кое-какие сведения на этот счет мы все же находим в епархиальной периодике. Архиепископ Арсений (Брянцев) в беседе с духовенством сообщал ему о неприятных впечатлениях от некоторых встреч: *«Некоторые из лиц духовенства буквально поражают своей неряшливостью, нечесаными волосами, грязной рясой, рваными сапогами и т.д... Взгляните на лик Спасителя, и вы увидите, как нужно причесываться служителю Того, Кто послал вас в мир проповедовать Его евангелие. Богатых одежд от вас тоже никто не требует. Пусть ваша ряса будет сшита из недорогой материи, но она не должна быть в грязи и в пятнах...»*³¹⁸. Безусловно, отнюдь не каждый священнослужитель выглядел столь плачевно, отличался неряшливостью во внешности и небрежностью в самопрезентации³¹⁹. Однако некие эстетичные маркеры общего

³¹⁷ Известия по Казанской епархии. 1902. № 16. С. 750–751.

³¹⁸ Там же. 1898. № 5. С. 168.

³¹⁹ Приведенные сведения вновь возвращают нас к вопросу о влиянии социальной среды на индивидуальные установки, поведение и в целом облик человека. Закономерен вопрос: могло ли приходское духовенство, в особенности сельское, в принципе выглядеть иначе? Гигиена в сельской местности в рассматриваемый период носила специфический характер. Согласно этнографическим данным, помывка у крестьян являлась мероприятием не регулярным, притом, что совершалась она зачастую не в бане (бани имелись не везде и не у всех), а по обычаю – в задней избе у печи. Между тем, указаний на наличие бань при церковных домах или усадьбах сельского духовенства мы, по крайней мере, в локальных источниках, не встречаем. Вероятнее всего, мероприятие гигиенического плана в семьях клира осуществлялись по той же схеме, которая была принята в данной местности и среди прихожан. Кроме того, традиционно православное священство не остригало волос и бород, почитая это за благочестивую традицию. Очевидно, что длинные волосы и бороды требовали особого ухода. Однако возможен ли он был в требуемой мере при тех обстоятельствах, которые обозначены выше?

плана, по всей видимости, имели место. В особенности, это касалось причетников³²⁰.

Уже в 1860-е гг. среди последних стали проявляться тенденции поверхностного отношения к каноническому образу служителя алтаря: причетники увлеченно обряжались в одежду вольного покроя, вместо скуфьи или традиционной шляпы надевали фуражки и шляпы крестьянского фасона, на манер горожан брили бороды, модно обстригали головы «в кружок» и вели себя «по-светски»³²¹. Но это манкирование, исходившее из желания подражать представителям других социальных классов, не компенсировало эксплицитный недостаток культуры, не способствовало росту субъективной просвещенности и воспитанности³²². Так что при всех внешних метаморфозах, в этой части причетники мало менялись в лучшую сторону, а их профессиональные умения (пение и чтение) нередко интерпретировались окружающими в юмористическом ключе³²³. Между тем, новые времена диктовали и новые требования. *«В добрую старую пору дьячок прежнего типа был, пожалуй, и пригоден, – отмечал один казанский публицист, пожелавший остаться неизвестным, – а ныне он малоприспособен, ибо требования к нему предъявляются иные, такие, удовлетворить которым он уже не в состоянии. Вот почему и тип старого дьячка в наше время отходить уже в область предания... Ныне нужны новые дьячки, образованные, способные не только разумно петь и читать, не только вести все сложное церковное писмоводство, но и работать в школе в качестве учителя, от которого требуется выполнение очень солидной программы, хотя бы и начального образования, наконец, способные помочь в деле проповеди и своему настоятелю, помочь ему в устройении разного рода просветительных и благотворительных учреждений...»*³²⁴.

³²⁰ Известия по Казанской епархии. 1899. № 6. С. 263.

³²¹ Там же. 1869. № 14. С. 440–441.

³²² Там же. 1899. № 6. С. 263.

³²³ Там же. 1901. № 12. С. 545.

³²⁴ Там же.

Образовательная проблема шла рука об руку с проблемой нравственной, на что перманентно указывали епископы. В предыдущих частях работы мы уже в целом очертили ее контуры, дали общую характеристику. Однако дополнительные источники, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют рассмотреть эту картину более детально, давая обоснование дальнейшему анализу и его структуре.

С 1870 по 1882 гг. на страницах Известий по Казанской епархии публиковались извлечения из годовых отчетов правящих архиереев о состоянии епархии. Наряду с вопросами административного, образовательного и религиозного плана в них находили отражение аспекты морально-этического уровня приходского духовенства. И хотя они носят далеко неполный характер, ограничены хронологически, а в эпоху контрреформ данная информация и вовсе приобрела статус закрытый, имеющиеся материалы все же позволяют прийти к некоторым принципиальным выводам³²⁵. Для этого обратимся к нижеприведенной таблице.

Табл. 1.

Динамика дел о преступлениях и проступках приходского духовенства Казанской губернии за 1868-1881 гг.

Год	Количество дел о преступлениях и проступках духовенства	Рассмотрено и признано виновными	Динамика (по мнению епископа)	Основные проявления
1868	128	76	тенденция к улучшению	-
1869	143	71	тенденция к улучшению	-
1870	-	66	тенденция к улучшению	-
1871	126	22	тенденция к улучшению	-
1872	95	29	тенденция к улучшению	-

³²⁵ См.: Известия по Казанской епархии. 1870. № 15; 1871. № 14; 1872. № 17; 1873. № 15; 1874. № 15; 1875. № 13; 1876. № 15; 1877. № 13; 1878. № 11; 1879. № 11; 1880. № 12; 1881. № 15. 1882. № 16.

1873	150	28	тенденция к улучшению	пьянство
1874	173	22	тенденция к улучшению	кляузничество, нетрезвость, мздоимство
1875	73	24	тенденция к улучшению	кляузничество, ложные доносы, взаимная вражда, нетрезвость, мздоимство
1876	88	16	тенденция к улучшению	-
1877	83	20	тенденция к улучшению	кляузничество, ложные доносы, взаимная вражда, нетрезвость, мздоимство
1878	66	20	тенденция к улучшению	нетрезвость, кляузничество, притязательность к прихожанам
1879	131	25	тенденция к улучшению	-
1880	(111)	(23) ³²⁶	состояние удовлетворительное	-
1881	159	21	состояние удовлетворительное	-

Следует иметь в виду, что в представленных цифрах проступки и преступления духовных лиц не дифференцированы в зависимости от принадлежности клирика к городскому или сельскому приходу, категории священно- или церковнослужителей. В последнем случае имеют место лишь упоминания епископов о разнице между священниками и причетниками, которая обуславливалась, по их мнению, низким образовательным и культурным уровнем последних. Количество рассмотренных епархиальной администрацией дисциплинарных дел в год не превышало трети от всех находившихся в делопроизводстве консистории, за исключением отдельных периодов. Бюрократические проволочки приводили к тому, что в конце года оставалось

³²⁶ По данным извлечения за 1881 г.

множество неразрешенных дел, и они автоматически переходили на год следующий. Исходя из этого, представленные во второй колонке цифры неточны и не отражают подлинного характера ситуации и ее масштабов в конкретном году.

На формальный характер извлечений по обозначенному вопросу в целом косвенно указывает и то, что их стилистика и даже фразеология из года в год практически не менялись, что, впрочем, не мешало епископам уверенно заявлять о росте благонравия в среде подвластного им клира. Это замечание имеет важное психологическое и моральное значение, как отражающее характер официальной отчетности. Между тем, принимая за основу количество священников, диаконов и причетников, условно в 1200–1500 человек (в зависимости от периода), выходит, что проблема дисциплинарных нарушений ежегодно затрагивала около 8–10 % приходского духовенства Казанской губернии. При этом следует принимать во внимание комплектование приходов, на основе отнесения к категории сельских или городских. Их соотношение в структуре епархиального духовенства составляло приблизительно 2:1. И здесь кроется нюанс, влияющий на конечный вывод о масштабах проблемы. Однако, о нем подробно сказано ниже.

Таким образом, единственный однозначный вывод, который уместно сделать на основании извлечений – поведенческие девиации в среде приходского духовенства представляли собой устойчивое явление епархиальной жизни. Что же касается ее конкретного содержания, как видим, представленный источник не может быть надежным и исчерпывающим подспорьем, хотя и транслирует наиболее типичные явления. Так, с высокой достоверностью можно утверждать, что злоупотребление алкоголем в структуре отклоняющегося поведения клира действительно имело характер центральной проблемы. «Героическое пьянство» – так определил ее архиепископ Арсений (Брянцев) в одной из бесед³²⁷.

В 1877 г. на основе анализа сведений, поступавших с мест в Калужскую духовную консисторию, руководство этой епархии пришло к пониманию общей картины моральных проблем подведомственного духовенства. Реакция

³²⁷ Известия по Казанской епархии. 1899. № 6. С. 263.

епархиальной администрации нашла отражение в специальных предписаниях благочинным. Опытом калужских собратьев решили воспользоваться и в Казанской епархии, где вскоре были приняты собственные правила благочиннических советов³²⁸. Данный документ позволяет представить номенклатуру и иерархию поведенческих отклонений клира так, как ее видели современники.

Нарушения были разделены на три категории в соответствии со степенью значимости. Две из них подлежали юрисдикции окружного совета благочинных, в то время как третья, квалифицировавшаяся как тяжелая, поступала на рассмотрение архиерея и консистории.

1. *Против должности*: опущение богослужений, молебнов, спешное чтение и пение при богослужениях, неисполнение треб, покушение на чужие требы; нарушение правил об отлучках лиц духовного ведомства из места жительства; трата церковных денег без ведома благочинного (не более 50 руб. одновременно);

2. *Против благочиния* (разговоры, нарушение порядка, тишины и спокойствия во время совершения молитвословий и треб в домах прихожан) *и благоповедения* (склонность к нетрезвости, ссорам, сквернословие; пение песен, пляски и игра в карты на пирах; знакомство и дружба с недобропорядочными людьми, посещение питейных домов и театральных представлений);

3. Оскорбление словами при отпращивании должности, оскорбление действием, нетрезвость, буйство; проступки против должности, чреватые ущербом церкви, противные достоинству духовного сана, иницирующие дознание или следствие³²⁹.

Очевидно, что пункт третий характеризуется расплывчатостью, и, исходя из повседневной практики, картина, очевидно, продолжала нуждаться в детализации. И действительно, в неоднозначных случаях благочинным рекомендовалось

³²⁸ Известия по Казанской епархии. 1877. № 1. С. 10–15.

³²⁹ Там же, с. 12.

обращаться за разъяснением к епархиальному начальству³³⁰. В случае отсутствия такой возможности (а это, предполагаем, случалось часто), – по умолчанию полагаться на утвержденный список в меру собственной компетентности. Поскольку же контингент благочинных был представлен лицами разного уровня подготовки и способностей, это открывало широкую дорогу импровизациям на местах³³¹. Свою лепту в разборы закономерно вносила и специфика личных отношений должностных лиц с проштрафившимся духовенством³³².

³³⁰ Известия по Казанской епархии. 1877. № 1. С. 12.

³³¹ В права благочиннических советов с 1877 г. стали входить и определенные меры взыскания. В документе читаем: «Благочинническому совету, по делам его решению подлежащим, предоставляется употреблять против виновных только следующие меры взыскания: а) Замечание более или менее строгое. б) Выговор более или менее строгий. в) Денежное взыскание в пользу епархиального попечительства о бедных духовного ведомства, от одного до пяти руб. Примечание 1. Вышеозначенные взыскания не вносятся в формулярные списки виновных, а записываются благочинным в особую тетрадь, штрафные же деньги взыскиваются или при самом объявлении решения, когда это окажется возможным, или же чрез вычет, но только из одних денежных доходов, не касаясь казенного жалованья. Примечание 2. Об изобличенных до трех раз в одних и тех же проступках благочинные доносят на усмотрение епархиального начальства, с объяснением мер, какие были приняты к исправлению виновных» (Там же, с. 13). Примечательно, однако, что дисциплинарные меры плохо соотносились с нормами канонического права, что порождало массу прецедентов, де-факто вытеснивших повседневную практику правосудия церкви за пределы строгой канонической традиции. При этом видно, что меры финансового воздействия на проштрафившееся духовенство приобретали особое значение. Секрет этого решения, с нашей точки зрения, следует искать в специфике епархиальной экономики и, в особенности, ее доходно-расходной части. А.Л. Беглов пишет: «Основным источником попечительских средств здесь были доходы от арендных статей, особенно – аренда от найма общественных домов под питейные заведения, проценты от продажи питей, кроме того – обязательные взносы прихожан, взносы при крещениях, браках, погребениях, продажа меда с попечительских пасек, штрафы за пьянство, семейные ссоры, драки, «безнравственное поведение», умышленную потраву, мелкое воровство, нарушение святости воскресных и праздничных дней работами, запашка общественных земель, а также – доход от переезда через мосты, от продажи травы и фруктов с церковных погостов и кладбищ, от продажи камня с принадлежащих сельскому обществу каменоломен, лугов, прудов. Причем авторы отчета подчеркивали, что доход от питейных заведений был самым большим в бюджете попечительств. Расходовались собранные средства преимущественно на постройку и ремонт церквей» (Беглов А.Л. Указ. соч., с. 178). Так что исключительное благонравие причтов могло напрямую сказаться на благополучии епархиальных бюджетов.

³³² Среди источников находим примечательный документ – исповедальные вопросы, адресованные священникам (1867). Иерархия грехов в них выстраивается по следующему принципу (исходя из количества упоминаний и вариаций): 1. религиозные. 2. Финансовые. 3. Связанные с доносом, клеветой, ропотом и злословием начальства. 4. Нетрезвость, пирувань, карточные игры и склонность, мирским развлечениям, моде и т.п. (См.: Известия по Казанской епархии. 1867. № 12. С. 299–301).

Не менее проблематичен и другой аспект. Архивы, по неизвестной нам причине, не сохранили материалов дел, рассмотренных благочинническими советами, после принятия указанных Правил. Все что на сегодняшний день депонировано в фондах – результат участия исключительно архиерея и духовной консистории. С одной стороны, это без видимых проблем позволяет вплотную приблизиться к пониманию типов отклоняющегося поведения клира епархии, с другой – побуждает к предположениям о неполной сохранности фонда консистории и потенциально существовавшем корпусе дел, подвергнутых разбору на местах, но не зафиксированных на консисторском уровне. Не исключено, что он мог бы оказать значительное влияние как на общие цифры по проблеме.

Таким образом, образовательный статус епархиального приходского духовенства, был весьма разнообразен и, вместе с тем, в среднем не отличался высоким уровнем. На это оказывала прямое влияние социокультурная среда, в которую оно было погружено, а также система отбора кадров, находившаяся в зависимости от меняющихся социальных и исторических условий. Что же касается морального облика клира, то однозначно здесь можно утверждать только то, что проблемы этического плана неизменно сопровождали жизнь клира. Однако говорить о ее масштабах имеет смысл лишь с оговорками. Как бы то ни было, но образование и этика были, безусловно, взаимосвязаны, коррелировали с иерархией внутри причтов и, по существу, выступали звеньями одной цепи.

2.4. Правовой аспект

Правовая сторона рассматриваемой проблемы имела не меньшее значение, чем личностный фактор и социокультурная среда с ее нормативными установками. В Русской церкви благонравие духовенства регламентировалось сводом специфических правовых норм, кристаллизовавшихся не один век, и нашедших отражение в канонах и церковных законодательных предписаниях. При этом исторические реалии не оказывали прямого воздействия на суть и характер постулируемого в них идеала, в том смысле, в котором его понимала и

провозглашала сама церковь. Императивы оставались незыблемы, а иерархия их источников сохранялась в рамках установленной духовной традицией модели: Священное предание (писание) – каноны (Кормчая книга, Книга правил) – церковно-законодательные акты (синодальные, епархиальные) – должностные инструкции (практические руководства и т.п.).

В вопросе дисциплинарного плана канонам в церкви издревле отводилась ведущая роль. В Синодальный период они депонировались в Кормчей книге, которая ближе к середине XIX в. была заменена на более структурированный и выверенный свод – Книгу правил. В 1841 г. впервые свет увидел Устав духовных консисторий, с учетом правок, переизданный в 1883 г., и ставший основным церковно-законодательным руководством для епархий. Устав являлся руководством по организации церковной жизни на местах и содержал важные сведения этического и правового плана.

Однако не следует упускать из виду, что со времени Петра I приходское духовенство выполняло не только религиозную, но и идеологическую функцию, выступая важным элементом реализации внутренней политики государства. Исходя из этого, благонравие клира закономерно становилось объектом внимания светских властей. Указы Синода, включенного в систему государственного управления, нашли свое место и в Полном Собрании Законов, и в Своде законов Российской Империи, а Духовный регламент, пусть и формально, сохранял свое значение вплоть до 1917 г.

Очевидно, что сориентироваться в столь значительном массиве регламентаций и правил рядовому клиру было чрезвычайно сложно. Даже пройдя семинарскую школу, за гранью понимания пастырей часто оставался значительный круг вопросов, требовавших истолкования и разъяснения³³³. Предвидя это,

³³³ Вопрос был действительно сложным. Первое издание Книги правил (1839) включало в себя тексты канонов на греческом языке. Последующие издания выходили уже в переводе, но не на русский, а модернизированный церковно-славянский язык. Такой подход «объяснялся желанием издателей максимально сохранить и передать читателю содержание древнегреческого оригинала» (Книга правил [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841560.html?ysclid=l4wdnilrx7881085739> (дата обращения: 27.06.2022)). Не составит труда сделать вывод, что таким образом вопрос понимания правовых

церковное священноначалие еще в конце XVIII в. озаботилось подготовкой и изданием адаптированных руководств с целью их практического применения на местах. Еще в 1776 г. по указу Синода была напечатана «Книга о должностях пресвитеров приходских», в последующем неоднократно переизданная и содержащая избранные фрагменты из Кормчей, Духовного регламента, синодальных указов, а также сочинений святых отцов, посвященных азам духовной жизни и аспектам правового регулирования пастырского служения³³⁴. Так, часть вторая «О учении, которое священник должен народу делом» гласила: *«О иерее, внимай себе, и подвизайся иметь хриstopодобное житие, чтоб мог с Павлом говорить: подобни мне бывайте, якоже аз Христу. Если же житие твое евангельской проповеди не будет сообразно, то поучения твои, хотя бы народу и полезные были, но тебе в тяжкое осуждение имеют быть»*³³⁵. Эти наставления сыграли значительную роль не только в нравственном воспитании клира, но и практической организации правосудия духовных и церковных судов. *«Ее изучение (книги), – пишет протоиерей В. Цыпин, – входило в программы духовных школ до*

норм церкви ставился в прямую зависимость от уровня образованности и лингвистической подготовки читателя. Между тем, еще в начале XIX в. остро встал вопрос о понимании не только текстов канонов, но и самого Священного писания на церковно-славянском языке (Елизаветинской Библии). «Возглашение к хриstopолюбивым читателям», напечатанное при первом издании Евангелия на русском наречии» (1819) так обосновывает необходимость перевода: «Написанное за несколько столетий на нашем отечественном языке, ныне нам уже мало понятно без особенного изучения сего языка в древнем его состоянии» (Культурно-просветительский журнал «Альфа и Омега». 1996. № 1). Планомерное усугубление проблемы в конечном счете побудило консервативную церковь озадачиться переводом на современный русский язык не только Четвероевангелия, но и всей Библии, что и было осуществлено к 1876 г. Исходя из этого, становится очевидным, что проблема нормативной ценности церковного книжного наследия для приходских причтов даже в аспекте его понимания и осознания, не говоря уже о дилеммах практического применения, носила не просто актуальный, а фундаментальный характер.

³³⁴ Цыпин В.А., прот. Церковное право. М.: Круглый стол по религ. образованию в Рус. Православ. Церкви, 1994. С. 89.

³³⁵ Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей: (сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). М.: Захаров Н.С., 2018. Т. 1–2. С. 116.

середины XIX века, по ней готовили себя к пастырскому приходскому служению многие поколения русских священников»³³⁶.

К концу пореформенного времени увидела свет работа преподавателя Харьковской духовной семинарии С. В. Булгакова «Настольная книга для священно-церковнослужителей» (1892), выдержавшая два переиздания (1900, 1913). Отличительной особенностью этого труда стал новаторский методологический подход, сочетавший в рамках единой смысловой и дидактической модели, догматические положения церкви, основы христианского благочестия и опыт приходской жизни современного автору клира. Однако работа в итоге оказалась по объему невероятно внушительной (более 1500 стр.), что при всех ее достоинствах затрудняло использование книги на приходах.

Образцы благонравия транслировались и в многочисленных жанрах церковной литературы – агиографии, публицистике, сборниках проповедей. Заметный вклад вносила общецерковная и епархиальная периодика, на страницах которой печатались статьи, проповеди, заметки и выдержки по широкому кругу этико-правовых вопросов. В пореформенное время особым спросом пользовался журнал «Руководство для сельских пастырей», издававшийся в Киеве с 1860 – 1917 г. по 50 номеров-выпусков ежегодно. В Казанской, как и в прочих епархиях, ключевую наставническую роль играли епархиальные известия.

Известия по Казанской епархии занимали центральное место в качестве повседневного пастырского чтива. По крайней мере, таковыми они задумывались издателями. Проблема справочного обеспечения разбросанных по внушительным пространствам приходов, сохраняла остроту на протяжении всей второй половины XIX в. В этих условиях архиереи и консистории опасались оставлять ключевые вопросы на откуп пастырской самодеятельности. Поэтому регулярное снабжение клира номерами издания являлось вопросом принципиальным, которому уделялось особое внимание. В приходской жизни священнослужители сталкивались с

³³⁶ Остается только удивляться консервативности православной церкви, учитывая тот факт, что данная книга и сегодня является основным учебным пособием по пастырскому богословию в Сретенской духовной семинарии (г. Москва).

различными нестандартными ситуациями, что требовало быстрого ответа или адекватной реакции. В таких случаях именно Известия становились пособием, содержащим материалы законодательного плана (указы и распоряжения правительства и Синода, правящего архиерея, консисторий), а также статьи и заметки, посвященные анализу реальной практики, положительному опыту разрешения той или иной дилеммы на основе канонов церкви и учения святых отцов.

Тем не менее серьезным препятствием на пути постижения духовенством основ церковного правоправления были, как указывалось, его сравнительно низкий образовательный и культурный уровень, отсутствие имманентного запроса на книжность и давление крестьянской среды, эксплицитно чуждой просвещения. Ситуация осложнялась двойной подконтрольностью клира государственному и церковному законодательству с их спецификой подходов к определению нормы и отклонения, назначения санкций и их характера. Это предопределяло творческий подход епархиальных судов и следователей к реагированию на возникавшие ситуации, попадавших в зависимость от целого спектра объективных и субъективных обстоятельств.

Вопрос правового регулирования пастырской деятельности в ее связи с нравственно-этическим учением церкви – самостоятельная и масштабная исследовательская проблема. Ее невозможно охватить в ограниченных рамках параграфа диссертации. Исходя из этого, мы уделим внимание лишь общим принципам ее построения на примере наиболее типичных поведенческих явлений в среде клира и продемонстрируем ту модель сложности, которой характеризовалось взаимодействие государственного и церковного законодательств, канонического права и реалий повседневности.

Само по себе употребление алкогольных напитков ни в рамках христианского вероучения, ни русской церковной и общественной традиций не воспринималось как порок, влекущий неизбежное наказание. *«Руси есть веселие пить, не можем без того быть»*, – устами князя Владимира постулировал Нестор

Летописец³³⁷. Церковь лишь подчеркивала нравственную опасность возлияний, призывая христиан относиться к хмельному с особой осторожностью. Проблемы виделись там, где отношения со спиртным оборачивались болезненной зависимостью человека, чреватой нравственной деградацией и порождавшей «соблазн» для паствы³³⁸. Поэтому 42-е каноническое апостольское правило постулировало: *«Епископ или пресвитер, или диакон игре и пьянству преданный, или да перестанет, или да будет извержен»*³³⁹. 43-е правило распространяет ее действие на все категории христианской общины: *«Иподиакон или чтец, или певец, подобное творящий, или да престанет или да будет отлучен. Також и миряне»*³⁴⁰. Аналогичные подходы встречаем и в государственном законодательстве. Согласно нормам ст. 42 Устава гражданского судопроизводства 1864 г.: *«За появление в публичном месте пьяным до беспамятства или в безобразном от опьянения виде виновные подвергаются аресту не свыше семи дней, или денежному взысканию не свыше двадцати пяти рублей»*³⁴¹. В противном случае, отношение к потреблению спиртного и церкви, и государства, и общества отличалось гибкостью, при всей внешней категоричности, допускавшей послабления «ради немощи

³³⁷ Повесть временных лет / пер. с древнерус. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова; коммент. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова [и др.]. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 58.

³³⁸ Рапорт священника Ивана Орлова благочинному священнику Авксентию Алексеичу Преображенскому от 14 июня 1861 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5601. Л. 9.

Термин «соблазн» имеет три основных определения. Под соблазном понимается препятствие на пути, которое сбивает с толку, останавливает или приводит к падению (Ринекер Ф., Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза. М.: Рос. Библейское о-во, 1999. С. 514); грех идолопоклонства – уводящий человека от Бога и Христа; соблазн, который делает явным скрытое непослушание (там же). Логичным было бы предположить, что первый вариант наиболее органично вписывается в наш контекст. Пьянство становится не столько формальным преступлением против нравственности, сколько актом вероотступничества: оно «очерняет» сердца, открывает в него путь иным грехам, затуманивает образ Божий в человеке, выступая препятствием к познанию истины. На такое понимание пьянства указывают и тексты Библии.

³³⁹ Правила Святых Апостол, Святых Соборов, Вселенских и Поместных и Святых Отец с толкованиями. М.: Изд. Моск. О-ва любителей духовного просвещения, 1876. [Вып. 1]: Правила святых апостол с толкованиями. С. 94–95.

³⁴⁰ Там же, с. 95.

³⁴¹ Устав гражданского судопроизводства: [утв. 20 ноября 1864 г.]. СПб.: [Юрид. тип.], 1864. С. 12.

человеческой»³⁴². Интересно, что каноническое право в равной степени отвергает не только злоупотребление, но и «гнушение вином» как продуктом нечистым, квалифицируя такое отношение как религиозное преступление. Данная позиция основывается на 51 и 53 апостольских правилах и 14 правиле Анкирского собора.

Тем не менее *«служителю Христову, – писал один из видных духовных писателей середины XIXв. епископ Игнатий (Брянчанинов), – надо охраняться не только от пьянства, но и от привычки к многому употреблению вина, разгорячающего плоть и возбуждающего в ней скотские пожелания. <...> Дозволительно употребление вина в весьма малом количестве, кто ж не может ограничить себя умеренным употреблением, тот лучше сделает, если совершенно откажется от него»*³⁴³. Казанский архиепископ Григорий (Постников) в беседах с епархиальным духовенством так же наставлял пастырей: *«Как излишнее вообще, так и безнужное употребление вина запрещается не только священникам, но и мирянам»*³⁴⁴. Причина все та же: вино отворяет дверь *«весьма многим грехам»*³⁴⁵. Неоднозначность отношения к винопитию в церковной среде наглядно представлена в рассказе Н. Н. Шипова о случае, произошедшем на заседании петербургской алкогольной комиссии (1899). Священник Булгаковский выступил с обличительным докладом, посвященным алкоголизации духовенства. Но единодушия присутствующим достигнуть не удалось. *«Во время прений о. проф. Горчаков высказал тот взгляд, что он пьет для того, «чтобы только весело было, — и это полезно, даже в высшей степени, это укрепляет». Протоиерей Маляревский заявил, что «я не назову пьяницей того, кто известную часть дня по роду службы своей и в рот алкоголя не берет. Не пьяница в моих глазах и тот,*

³⁴² В толкованиях Зонары и Аристена на апостольские правила под пьянством понимается злоупотребление вином – «упивание» (Правила Святых Апостол, Святых Соборов, Вселенских и Поместных и Святых Отец с толкованиями. Указ. соч., с. 94).

³⁴³ Игнатий (Брянчанинов Д.А.), свт. Аскетические опыты. М.: Паломник, 2006. Т. 1. С. 349.

³⁴⁴ Григорий (Постников Г.П.), архиеп. Беседы с духовенством Казанской епархии Григория, архиепископа Казанского. СПб.: Тип. Г. Трусова, 1855. С. 79.

³⁴⁵ Там же.

кто, дозволяя употребление вина в таком или ином количестве, в течение года на семь недель поста превращается в абсолютного трезвенника»³⁴⁶.

Впрочем, опасения по поводу чрезмерного увлечения духовенства горячительными напитками обуславливались не только заботой об их моральном облике. Корень проблемы виделся в сфере сакральной. Опыянение и похмелье вредили регулярности и стройности богослужения в силу болезненного состояния человека. Но главное – возникала опасность осквернения святыни, храма или его священных атрибутов. Последнее, по церковным законам, расценивалось уже как тяжкое преступление³⁴⁷. Подобные случаи в казанской епархиальной повседневности имели место. Так, в январе 1862 г. в Свияжском уезде произошел характерный случай. *«Села Ташевки дьячок Иван Стратилатов, – докладывал в консисторию благочинный, – 8 сего января явился ко мне в село Теньки, и объявил на словах, что 1. приходской его священник Всеволод Вишневский, будучи в нетрезвом виде, в повечерие Богоявления отправил одно только вечернее богослужение в одной епитрахили, надетой на изнанку и в том виде водоосвящение, а ризы перед службою хотя и надевал на себя, но, сделавши обычное иерейское начало, скинул и более не надевал. 2. Во время утреннего богослужения в день Богоявления, когда начал читать Св. Евангелие, тронулась из носу кровь и обагрился св. Престол»³⁴⁸.* Согласно Известию Учительному – авторитетному богослужебному наставлению для священнослужителей – кровь в алтаре и храме проливаться не должна. *«Если церковь и престол (уже освященные),*

³⁴⁶ Шипов Н.Н. Алкоголизм и революция. СПб.: Тип. С.-Петербур. градоначальства, 1908. С. 27–28.

³⁴⁷ В ст. 181 Устава духовных консисторий 1883 г. читаем: «Священнослужитель, в церкви или вне ее, в священном облачении, дерзнувший совершать Богослужение в нетрезвости, обличенный в сем преступлении в первый раз, отрешается от места и определяется с запрещением священнослужения на причетническую должность, впредь до искреннего раскаяния, исправления и очищения совести пред духовником. Но правило сие не относится к совершению Божественной Литургии, и если бы какой Священнослужитель дерзнул приступить к оной в нетрезвости, то с ним поступать по правилу в 179 статье изложенному» (Устав духовных консисторий: [утв. 9 апр. 1883 г.]. СПб.: Синодальная тип., 1883. С. 71).

³⁴⁸ Покорнейший рапорт благочинного Свияжского уезда села Теньков священника Петра Покровского его Высокоблагородию Г. Секретарю Казанской духовной консистории Николаю Васильевичу Разумову от 9 января 1862 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5836. Л. 1.

по случаю какой-либо смуты, или окроплением человеческой крови (от удара оружием или рукой, или чем-либо другим), или от какой-либо телесной нечистоты будут осквернены, то иерей никак да не дерзает служить, пока обычное (с архиерейским благословением) не будет совершено очищение. Пренебрегающий же этим смертно согрешит, и будет подлежать архиерейскому наказанию»³⁴⁹. Собственно, именно этот факт и стал причиной принципиального и скорого внимания к делу епархиальной власти. Оправдываясь, священник объяснял, что как только заметил кровь, идущую из носа, он сразу же зажал нос и покинул святое место. Но продолжать богослужение уже не мог, т.к. кровотечение долго не останавливалось³⁵⁰. Однако причетники донесли: кровь пошла не беспричинно, а явилась следствием похмелья³⁵¹. Результат оказался предсказуемым – священника Вишневого запретили в священнослужении. И даже его прежние заслуги и в целом достойный моральный облик не сыграли реабилитирующую роль³⁵². К несчастью, повальный обыск³⁵³, проведенный благочинным в рамках дознания, также внес свою лепту: прихожане не раз наблюдали пастыря пьяным и, вследствие этого, даже намеревались просить у архиерея другого священника³⁵⁴. Кандидат на

³⁴⁹ Служебник. М.: Изд-во Моск. патриархата, 1991. С. 529.

Согласно И.И. Дмитриевскому, смысл недопустимости пролития крови в храме состоит в принесении единственной бескровной жертвы – тела и крови Иисуса Христа. Пролитие иной крови, таким образом, нарушало чистоту священнодействия (Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной литургии: основано на Священном Писании, правилах Вселенских и Поместных соборов и на Писании св. отцев церкви / сост. И.И. Дмитриевский. М.: Изд. отдел Моск. Патриархата, 1993. С. 17).

³⁵⁰ Покорнейший рапорт благочинного Свияжского уезда села Теньков священника Петра Покровского его Высокоблагородию Г. Секретарю Казанской духовной консистории Николаю Васильевичу Разумову от 9 января 1862 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5836. Л. 1 об.

³⁵¹ Продукты распада алкоголя, спустя некоторое время, повышают артериальное давление, высокий уровень которого при слабых или больных сосудах может обернуться внутренним или наружным кровоизлиянием (Остроумова О.Д., Саперова Е.В. Алкоголь и артериальная гипертензия // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. 2014. Т. 10, № 1. С. 81).

³⁵² Справка на священника Всеволода Вишневого // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5836. Л. 3.

³⁵³ Повальный обыск – до судебной реформы Александра II один из элементов предварительного следствия, заключающийся в том, что местные жители опрашивались относительно жизни и поведения подозреваемого. В церковной практике сохранился и после реформы 1864 г. как пережиток в качестве элемента дознания.

³⁵⁴ Приговор крестьян села Ташевки от 10 января 1862 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5836. Л. 25 – 25 об.

замещение быстро нашелся – безместный священник Евфимий Вознесенский, ранее формально уволенный с прихода за незнание татарского языка³⁵⁵. Вопрос о замене был передан на рассмотрение в консисторию. Однако успешному трудоустройству о. Вознесенского помешали биографические нюансы. За ним числился шлейф дисциплинарных проступков: нанесение побоев крестьянам и причетникам, нарушение порядка учета заключаемых браков и т.д.³⁵⁶ И все это на фоне неисправимого пьянства³⁵⁷. В итоге, кандидатура была отклонена. Епископ, вероятно, исходил из мнения, что вакантный приход предпочтительней очередного хронически нетрезвого настоятеля. В противном случае, и осквернение святыни могло повториться, и умиротворение прихожан не гарантировалось³⁵⁸.

Вопрос правового регулирования различных форм *агрессии и насилия* в среде и с участием духовенства представляется, однако, куда сложнее. Такая ситуация была обусловлена многообразием и распространенностью этих явлений, в условиях формировавшейся монополии государства на насилие и, как следствие, более пристального внимания гражданских властей к проблеме. Эта особенность при разбирательствах заставляла церковь уступать пальму правового первенства.

³⁵⁵ Покорнейшее прошение безместного священника Евфимия Вознесенского Высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и разных орденов кавалеру // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5836. Л. 13 – 13 об.

³⁵⁶ Справка Казанской духовной консистории // Там же, л. 15.

³⁵⁷ Там же, л. 15 об.

³⁵⁸ По всей видимости, с такого рода дилеммами архиереям приходилось сталкиваться в течении всего пореформенного времени. См., напр., Дело о пьяном совершении литургий священником Стефаном Беляевым (1888) (Дело о нетрезвой жизни священника села Трех Озер Стефана Беляева // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6862. 38 л.).

В указанном деле просматривается и другая примечательная черта приходской жизни, которая подробно будет раскрыта ниже. В объяснении, представленном о. Вишневым благочинному, он утверждал, что члены причта сообщили церковной власти не вполне достоверные сведения. Священник признавал, что в тот злополучный день действительно служил с похмелья, но вот в нетрезвом виде к самому богослужению не являлся и неукоснительно соблюдал правила, налагаемые в данном случае на священнослужителя (Объяснение Всеволода Вишневого // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5836. Л. 39 об.). Преднамеренное же искажение фактов являлось следствием интриг со стороны одного из приходских дьячков. Последний знал о пагубном пристрастии своего настоятеля, но, в силу личной неприязни, намеренно усугублял драматизм ситуации в глазах благочинного и сельских прихожан в дискредитирующих целях. Дальнейшее дознание подтвердило данную версию. За осквернение престола на священника Всеволода Вишневого решением консистории был наложен штраф в сумме 10 рублей серебром, но в служении был разрешен. Дьячка же за кляузничество перевели в другой приход.

В данном вопросе следует выделять две стороны – внешнюю (со стороны государства) и внутреннюю – церковную. После указов Екатерины II об освобождении духовенства от порки, телесные наказания священнослужителей по распоряжению государственных органов в источниках перестают фигурировать³⁵⁹. Окончательно точка в вопросе была поставлена указом Александра I от 22 мая 1801 г., запрещающем физические наказания клира. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. уделяло этому вопросу внимание и в плоскости общественной. Отныне побои и моральные оскорбления в отношении третьих лиц, совершаемые подданными любой из социальных групп, перешли под жесткий контроль государства с введением суровых санкций. В вопросе физической неприкосновенности духовенства со стороны инословных лиц Уставом 1845 г. и вовсе был введен ряд положений, допускавших лишение прав и состояния, ссылку в Сибирь, битье плетью (ст. 224, 225)³⁶⁰.

Очередной шаг был сделан судебной реформой 1864 г. Согласно Уставу гражданского судопроизводства 1864 г. (ст. 142), тот, кто применял в отношении другого лица насилие (без тяжких побоев, ран и увечий), наказывался арестом до трех месяцев³⁶¹. Тяжкие случаи автоматически попадали в ведение уголовного суда. Последнему вменялся надзор за гражданским судопроизводством в целях выявления потенциально уголовной составляющей³⁶². Арест и денежный штраф грозил и тем, кто без преступного умысла произносил угрозы насилия или убийства (устно или письменно)³⁶³. Упоминаются в Уставе 1864 г. и моральное оскорбление, за которое правонарушителю грозило денежное взыскание или арест (ст. 137). Данные нормы распространялись и на служащих духовного ведомства.

³⁵⁹ Логунова Л.Е. Гуманизация телесных наказаний, применяемых в отношении священнослужителей // Вестник Самар. юрид. ин-та. 2021. № 2. С. 50.

³⁶⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных [1845 г.]. СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ Канцелярии, 1845. С. 80–81.

³⁶¹ Устав гражданского судопроизводства [1864 г.]. Указ. соч., с. 25.

³⁶² См. ст. 28: Устав уголовного судопроизводства [1864 г.] / сост. С.Г. Щегловитов. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1907. С. 4.

³⁶³ Устав гражданского судопроизводства [1864 г.]. Указ. соч. Ст. 139, 140, 141. С. 25.

Обозначенные тенденции нашли отражение и в церковном праве. Уставом духовных консисторий 1841 г. за легкое оскорбление, причиненное священником вне церкви, клирик наказывался штрафом в пользу сирот духовного звания (ст. 197)³⁶⁴. Если речь шла об оскорблении «ругательными словами», то священнослужитель попадал под запрещение с переводом *«на причетническое место до раскаяния и исправления»*³⁶⁵. Церковнослужители за аналогичные проступки подвергались денежным штрафам и епитимьям в монастырях, а в случае рецидивов – исключению из духовного звания. Введенные нормы ставили своей целью защиту не только паствы, но и непосредственного окружения священно- и церковнослужителей: сослуживцев, членов семей (женщин, детей, стариков).

Святость храма блюлась сугубо. За оскорбления духовному лицу или мирянину в помещении церкви в отношении клириков полагались строгие дисциплинарные меры, а за побои (рукою или орудием) священнослужитель извергался из сана (причетник исключался из духовного звания и передавался гражданским властям) (ст. 190)³⁶⁶. Обозначенные подходы частично переключались в Устав духовных консисторий 1883 г. Согласно документу, за все уголовные преступления (избиение до смерти или членовредительство) священник лишался сана и передавался гражданским властям (ст. 177). Статья 179 гласила: *«Священнослужитель в церкви во время священнослужения, бьющий кого-либо рукою или орудием, по обличении в сем преступлении, извергается из своего чина и низводится в причетники. Учинивший сие причетник исключается из духовного звания и передается в распоряжение Губернского Правления»* (ст. 179)³⁶⁷. В остальных вопросах церковь по умолчанию отсылала к нормам государственного законодательства и канонического права. Так, в последнем случае согласно постановлению Двухкратного собора (861), за побои, нанесенные священником

³⁶⁴ Устав духовных консисторий: утв. 27 марта 1841 г. СПб.: Синодальная тип., 1841. С. 77.

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Там же, с. 75.

³⁶⁷ Устав духовных консисторий: [утв. 9 апр. 1883 г.]. СПб., 1883. С. 70.

собственноручно или по приказу, следовало извержение из сана³⁶⁸. *«Священнику Божию подобает вразумляти неблагонаправного наставлениями, увещаниями, иногда же и церковными епитимиями, а не устремляться на тела человеческие с бичами и ударами»*³⁶⁹. За убийство (вольное или безвольное) канонами предписывалось отлучение от церкви сроком до 11 лет³⁷⁰. И. Милованов отмечал: сущность дела не в количестве и не в качестве ударов, а в самом поднятии руки и начинании этого дела³⁷¹. Словесные угрозы также находились вне рамок допустимого, *«ибо Господь отнюдь нас сему не учил: напротив того, Сам, быв ударяем, не наносил ударов, укоряем, не укорял взаимно, страдая, не угрожал»*³⁷². Как видим, каноническое право и церковное законодательство отличались скорее этическими акцентуациями, тогда как в вопросе санкций, связанных с осуществлением насилия, церковь по умолчанию полагалась на государство.

Впрочем, относительная непротиворечивость государственных и церковных подходов была лишь видимой. На практике дело нередко оборачивалось путаницей и конкуренцией по подсудности. На уровне приходских причтов тем временем мирно главенствовало равно поверхностное отношение к каноническим и законодательным предписаниям в угоду негласным обычаям, принятым в конкретной местности. Так что далеко не каждый инцидент с участием священника или причетника имел правовые последствия. В особенности, это касалось незначительных или неявных бытовых случаев³⁷³. Наглядная картина таких подходов будет продемонстрирована в следующей части работы.

³⁶⁸ Григорий (Граббе Г.), епископ. Правила Константинопольского Двукратного Собора [Электронный реурс] // Каноны православной церкви / епископ Григорий (Г. Граббе). URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-pravoslavnoj-tserkvi-grabbe/15> (дата обращения: 13.02.2022).

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Там же.

³⁷¹ Милованов И.М. О преступлениях и наказаниях церковных (по канонам древней Вселенской церкви). СПб.: Тип. Ф. Елконского и К°, 1888. 209 с.

³⁷² Григорий (Граббе Г.), епископ. Указ. соч.

³⁷³ Небезынтересно, что проблема моральных оскорблений канонически регулировалась церковью, исходя из принципа социальной стратификации. Преимущественное внимание уделялось оскорблениям в адрес высшего клира и гражданских властей, тогда как оскорбления в отношении паствы в принципе игнорировались. Исключением из этого правила были только «увечные», т.е. больные и инвалиды.

Рассмотрим еще один пример. Чрезвычайно распространенное во второй половине XIX – начале XX вв. явление – *доносительство*. Судя по источникам, данный порок, наряду с прочими, являлся одной из ключевых этических и правовых проблем в обществе среди всех социальных групп. В правовых памятниках периода донос фигурирует довольно часто, что указывает на осознание светской властью необходимости законодательной фиксации норм, регулирующих данное явление. Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. – первый отечественный уголовный кодекс – красноречиво об этом свидетельствует. Связь большинства доносов с преступлениями предопределила первоочередное закрепление данной категории в уголовном праве. Впрочем, доносы могли содержать в себе и сведения о проступках. Но законодательную локализацию доносительства это не меняло.

В силу исторической инерции до судебной реформы 1864 г. в процессуальном порядке донос имел относительно самостоятельное значение и четко нормировался Уложением 1845 г. При этом термин «донос» интерпретировался не однозначно и не наделялся исключительно негативным смыслом. Напротив, в ряде случаев донос вменялся в обязанность государственных служащих и рядовых подданных всех сословий, а практика доносительства поддерживалась идеологически и поощрялась материально. Это касалось целого спектра сведений: о готовившихся или уже осуществленных государственных преступлениях, финансовых нарушениях, стихийных бедствиях и т.д. Недонесение или несвоевременный донос влекли за собой санкции. Так, в ст. 1416 Уложения 1845 г. сказано: *«Кто, будучи по закону обязан доносить о случившемся пожаре своему начальству, не исполнит сего в надлежащее время, тот, хотя бы пожар и был потушен, подвергается за сие денежному взысканию от пятидесяти копеек до десяти рублей, смотря по его званию или должности»*³⁷⁴.

Практика знала и такое явление, как необоснованные (лживые) доносы – изветы. Поэтому Уложение 1845 г. семантически дифференцирует понятие доноса

³⁷⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных [1845 г.]. Указ. соч., с. 571.

как категории позитивной и лживого доноса, как имевшего деструктивный характер³⁷⁵. Согласно ст. 1166 за лживые доносы доносчик мог быть лишен свободы, заключен в смирительный дом, лишен части прав, сослан или бит розгами³⁷⁶. Однако донос не признавался лживым, а сделавший его не подвергается наказанию, если объект доноса, в силу тех или иных причин и обстоятельств, был оставлен в подозрении или представленных доказательств оказалось недостаточно³⁷⁷. Ст. 1168 и 1169 Уложения 1845 г. также регулируют вопрос наказания за ложные свидетельства, данные в суде под присягой и без таковой. Особое внимание в документе уделялось подлинности данных, полученных в ходе повальных обысков. Нарушение объективности и пренебрежение точностью фиксируемых сведений со стороны должностного лица, в обязанность которого входило осуществление повального обыска, могло караться отрешением от должности или заключением в тюрьму на срок до шести месяцев³⁷⁸. Наказание ужесточалось, если мотивом искажения являлась корысть или иные подобные тому причины.

В связи с судебной реформой 1864 г. процессуальная важность доносов снизилась, хотя по-прежнему сохранялась³⁷⁹. По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., доносчики перестали приводиться к присяге. Однако в вопросах вскрытия злоупотреблений в системе государственного управления, в случае, если сведения находили подтверждение, им по-прежнему полагалось вознаграждение³⁸⁰. Исходя из этого, именно государственная важность сведений, поставлявшихся через доносы, предопределяла правовое значение последних, наделяя их и особым этическим статусом. Но внимание к доказательной базе теперь существенно возросло. Фактор достоверности становится ключевым при принятии решения о возбуждении дознания и, в особенности, следствия. Так, ст. 298 Устава

³⁷⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных [1845 г.]. Указ. соч., с. 479.

³⁷⁶ Там же, с. 481.

³⁷⁷ Там же, с. 481–482.

³⁷⁸ Там же, с. 483.

³⁷⁹ Нерар Ф.-К. Пять процентов правды: разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011. С. 29.

³⁸⁰ Устав уголовного судопроизводства [1864 г.]. Указ. соч., с. 164.

1864 г. в ряду других подчеркивает ключевое значение очевидца события для инициирования следствия³⁸¹. Если такового не оказывалось, а донос базировался на данных третьих лиц или расхожих слухах, то основания для возбуждения процесса считались недостаточными. Важно подчеркнуть, что ст. 300 Устава 1864 г. четко регулировала вопрос анонимных доносов: *«Безымянные пасквили и подметные письма не составляют законного повода к начатию следствия»*³⁸². Однако, *«если они заключают в себе указание на важное злоумышление или преступное деяние, угрожающее общественному спокойствию, то служат поводом к полицейскому розыску или дознанию, могущему повлечь за собою и само следствие»*³⁸³.

Таким образом, в контексте рассматриваемой проблемы в государственном законодательстве просматриваются два ключевых аспекта. Во-первых, в силу актуальности, доносительство привлекало к себе пристальное внимание законодателя и определяло его регуляторную активность. Во-вторых, несмотря на эволюцию правовых подходов после судебной реформы 1864 г., оставлялась лазейка для поливариативной интерпретации обозначенной категории, что обуславливалось политической и полицейской целесообразностью. Как часто бывает, на практике это открывало широкую дорогу злоупотреблениям. В то же время в вопросе применения санкций к злонамеренным доносчикам смягчения не обнаруживается, а Устав 1864 г. отсылал к суровым нормам Уложения 1845 г. Кроме того, анонимные доносы к рассмотрению не принимались, а за ложные сведения³⁸⁴ и клевету³⁸⁵, продолжало грозить серьезное наказание.

Уложение о наказаниях в редакции 1885 г. и новое Уложение 1903 г. не внесли существенных коррективов в описываемую картину. Лживые доносы регулировалась в кодексе 1903 г. нормами главы седьмой «О противодействии правосудию»³⁸⁶. Заключение в тюрьму или смирительный дом, как варианты

³⁸¹ Устав уголовного судопроизводства [1864 г.]. Указ. соч., с. 40.

³⁸² Там же.

³⁸³ Там же.

³⁸⁴ Там же, с. 41.

³⁸⁵ Устав гражданского судопроизводства [1864 г.]. Указ. соч., с. 24.

³⁸⁶ Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.: с приложением предметного алфавитного указателя. СПб.: Кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. С. 64–72.

наказания, все еще сохранялись, но, к примеру, были исключены лишение прав и телесные наказания. Вместе с тем, наказания за недонесение (по самым разным обстоятельствам), напротив, ужесточались. Преимущественно, в виде увеличения сроков лишения свободы.

Церковь в данном вопросе стояла в стороне от светских правовых тенденций. Доносительство имело здесь твердую, медленно подвергавшуюся модернизации основу. Вероятно, отчасти это было обусловлено историческими причинами. Историк Е. В. Анисимов отмечает, что уже в XVIII в. священнослужители и монашествующие выступали как субъектами, так и объектами доносительства³⁸⁷. Подчеркивая идеологический статус и задачи русского духовенства, исследователь рисует картину неоднозначного положения священника, втягивавшегося государством в процесс разбора доносов и оговоров через покаяние преступников и участие в «извлечении подлинных сведений» при допросах³⁸⁸. Это соответствовало предначертанной Петром I в указе от 17 мая 1722 г. идеологической линии по вменению православному клиру охранительной функции, допускавшей нарушение тайны исповеди. *«Но необходимо подчеркнуть, – замечает при этом М. А. Бабкин, – что это касалось лишь тех случаев, если исповедующиеся не раскаивались в своих замыслах и не собирались от них отказываться <...> Тем священнослужителям, кто не будет исполнять данный указ, как «государственных вредов прикрывателям», угрожали лишением сана, имущества и даже жизни»*³⁸⁹.

Навязанная церкви извне практика, постепенно вплеталась в ткань поведенческой традиции духовенства, демонстративное соответствие которой выступало признаком его собственной лояльности перед лицом грозной монархии. Последняя не забывала периодически напоминать клиру о его «священных» обязанностях. Так, в январе 1829 г. императорским указом правящие архиереи

³⁸⁷ Анисимов Е.В. Русская пытка: политический сыск в России XVIII в. СПб.: Норинт, 2004. 461 с.

³⁸⁸ Там же, с. 166–167.

³⁸⁹ Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). М.: Индрик, 2021. С. 41.

обязывались доносить в Синод обо всем политически значимом, происходившем на приходах. Консервацию порочных практик в церкви, таким образом, можно было бы списать на внешний фактор, не оставлявший иного выбора, как только между покорностью и наказанием. Однако в эту схему не укладывается тот факт, что само церковное законодательство в обозначенном аспекте так и не эволюционировало вплоть до 1917 г.

Уставы духовных консисторий 1841 и 1883 гг. в строгом смысле не идентифицировали донос как самостоятельную правовую категорию. В текстах фигурируют различные семантические вариации термина («доносить», «доносится»), наделенные позитивным смыслом осведомления начальственных лиц о замеченных на местах нарушениях. Собственно, только в этой части усматривается схожесть государственных и церковных подходов. Однако категория лживого доноса в Уставе 1883 г. не представлена. Вместо нее в ряде случаев используется устаревший термин «оговор», смысл которого не тождественен доносу. Исстари оговор означал показания обвиняемого против третьих лиц, как соучастников преступления, полученные под пыткой. Ко второй половине XIX в. смысловое значение термина модифицировалось: под оговором стало пониматься как ложное показание, так и добросовестное заблуждение. Однако в отличие от доноса, оговор ограничивался процессуальными рамками – допросом. Ст. 150 Устава 1883 г. гласит: *«Если духовное лицо оговаривается в противозаконных действиях, подвергающих его уголовному суду, то первоначальное исследование производится в духовном ведомстве, при чиновнике градской или земской полиции, и если оговоренный, при исследовании не очистит себя от оговора, то он предается уголовному суду по определению Консистории»*³⁹⁰.

Обоснованность оговора должна была быть установлена уполномоченным лицом³⁹¹, что делало это явление не только допустимым, но и де-факто важным элементом процесса. В отношении оговоренного в преступлении

³⁹⁰ Устав духовных консисторий: [утв. 9 апр. 1883 г.]. СПб., 1883. С. 58.

³⁹¹ Там же, с. 61.

священнослужителя допускалось превентивное применение санкции в виде запрета в священнослужении до наступления фактического и полного вскрытия всех обстоятельств дела, доказывающих или опровергающих его виновность (ст. 159). Субъективная позиция епископа в данном случае выступала мерилем достаточности доказательств: *«Распоряжение о сем вверяется собственному усмотрению местного Архиерея, обязанного пецись, чтобы обвиняемые в важных преступлениях против благоповедения по заповедям Божиим не приступали к служению Алтарю Господню, коль скоро есть уже достаточные причины предусматривать, что они обвиняются справедливо»*³⁹². Таким образом, церковное судопроизводство во внутренних разборах шло даже дальше государства и исходило из презумпции вины.

Согласно 90 каноническому правилу Карфагенского собора, лица, состоящие в клире, в случае поступления на них доноса, должны были сами заботиться о доказательствах своей невиновности³⁹³. Исходя из этого, логика позднего церковного законодательства становится более понятной, но ее противоречивость, по сравнению с государственными подходами пореформенного времени, налицо. Как следствие четкого правового разрешения она не находила. Кроме того, узаконивая донесения о преступлениях и проступках духовных и светских лиц (ст. 153), Устав 1883 г. не регулирует аспект, касающийся безосновательности и злонамеренности сведений, подметных писем или устных заявлений, доказательства по которым не достоверны, частичны, либо отсутствуют вовсе. Церковный законодатель не обговаривал и вопрос санкций в отношении лиц, их представивших. Можно предположить, что в этой части церковь по умолчанию отсылала к нормам государственного права. Однако указаний на это в Уставе 1883 г. мы не встречаем.

³⁹² Устав духовных консисторий: [утв. 9 апр. 1883 г.]. СПб., 1883. С. 62.

³⁹³ Канонические правила – Канонические правила Православной Церкви с толкованиями. Карфагенский собор 393–419 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/pravila-i-sobory-pravoslavnoj-cerkvi-karfagenskij-sobor/#0_90 (дата обращения: 01.01.2022). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

Тем не менее справедливости ради стоит отметить, что каноническое право все же пыталось ввести некий баланс в эту этически не слишком безупречную конструкцию. Согласно 21 правилу IV Вселенского собора, церковным властям не следовало принимать доноса на клириков и мирян, доносящих на епископов или на клириков, не исследовав предварительно общественное мнение о доносчиках³⁹⁴. Однако анализ консисторских дел демонстрирует довольно мрачную картину бытовавшей правоприменительной практики: обвиненные клирики повсеместно обязывались давать (и давали) объяснения по тем или иным (в том числе анонимным) доносам, в то время как уравнивающая норма IV Вселенского собора применения не находила. Попыток же устранения этого правового казуса в реальной истории мы не встречаем.

Собственно, отсюда становится понятным, почему архиереи и консистории в массе не пренебрегали сомнительной практикой доносительства – законодательные барьеры и правовые ограничения отсутствовали, в то время как давление традиции, пусть и противоречащей общепринятым этическим принципам, было тотальным. Очевидно, в этих условиях административный субъективизм и предвзятость становились принципиально неустранимыми.

Впрочем, не во всех аспектах правовой проблемы дело обстояло столь неоднозначно. К примеру, в части проступков и преступлений против веры (осмеяние и надругательство над церковью и православным вероучением, отречение от христианства, ересь и раскол, общение с иноверцами, волшебство, клятвopреступление, нарушение обетов, неблагоговейное обращение с церковными местами, повреждение церковных книг, нарушение постов и проч.) картина выглядела более цельно. Правоведы-современники утверждали, что православная церковь выступала соединительным звеном, *«сплывающим воедино ее многочисленное и многообразное население»*³⁹⁵. Исходя из этого, в вопросе

³⁹⁴ Правила – Правила Четвертого Вселенского Собора [Электронный ресурс] // Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». URL: <https://sedmitza.ru/lib/text/435474/> (дата обращения: 01.01.2022).

³⁹⁵ Попов А.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1904. С. 476.

религиозных преступлений и проступков церковь и государство достигали относительного единomyслия и практической унификации подходов. Идеологическая целесообразность побуждала стороны к плодотворному союзу, и синодальные архиереи и государственные чиновники принимали непосредственное участие в обсуждении составов, которые включались, к примеру, в Уложения о наказаниях. Поэтому можно заметить, что в текстах кодексов от 1845 (в редакции 1885 г.) и 1903 г. эволюцию претерпевало не столько значение религиозных преступлений, сколько их кодификационная структура. Тем не менее и здесь дух пореформенной оттепели проявил себя в декриминализации ряда правонарушений, не нанося при этом ущерба главенствующему положению религиозных преступлений в системе преступных деяний³⁹⁶.

Но исключение наиболее архаичных составов не означало снятие вопроса об их деструктивности в каноническом смысле. Поэтому иерархия санкций, как и прежде, выстраивалась в зависимости от тяжести деяния: в случаях незначительных проступков применялись нормы канонического права и церковного законодательства, тяжких – еще и государственного. Аналогичными были подходы и в отношении широкого спектра отклонений *нравственного, финансового и должностного плана*. Однако именно религиозные преступления выступают наиболее ярким показателем того, как пореформенное духовенство оказывалось плотно зажатым между двумя правовыми системами. Это предопределяло специфику его повседневных поведенческих стратегий – лавирование, сокрытие происшествий и т.д.

В целом, учитывая корпоративную замкнутость церкви и ингрупповой фаворитизм, архиереи и духовные консистории по возможности стремились оставлять правонарушения клира во внутренней юрисдикции, уведомляя государственные органы только в исключительных случаях, либо допуская последние к производству в случаях, когда сохранить конфиденциальный характер

³⁹⁶ Шингарева Н.В. Религиозные преступления и ответственность за их совершение в Уголовном уложении 1903 г. // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 5. С. 150.

разбирательства не представлялось возможным. Такое балансирование нередко приводило к межведомственным конфликтам, напряженности и взаимному недоверию. Так, в 1868 г. данный вопрос обсуждался на уровне Синода и Сената, и первому удалось отстоять свое право на приоритет в дознаниях по делам духовных лиц³⁹⁷. Трения по вопросу юрисдикции происходили регулярно и в зависимости от времени включали в себя обсуждения номенклатуры проступков и преступлений клира, подсудности тем или иным органам, статуса духовных лиц (священно- или церковнослужители), подлежащих контролю и т.д.³⁹⁸ Между тем, квалификация поступка как нормы или аномалии часто носила неочевидный характер. Противоречия возникали уже на уровне соотношения правовых и этических подходов в оценке деяния. И данные коллизии неизбежно влияли на правоприменительную практику. По мере усиления кризисных тенденций в церкви, связанных с несовершенством и низкой объективностью епархиального судопроизводства, это разбалансировало правовые подходы церкви и государства, повергая низовое духовенство в состояние этико-правовой неопределенности.

Примечательно, что, судя по источникам, в церкви культура имплицитно доминировала над правом. Интересную иллюстрацию к обозначенному тезису мы находим в поучении митрополита Арсения (Брянцева) епархиальным благочинным с предписанием не торопиться заводить формальных следствий, а изыскивать пути «умиротворения» ситуации несудебными и неофициальными мерами, в случае необходимости, советуясь с правящим архиереем³⁹⁹. Эта установка не могла не сказываться на общей правовой культуре духовенства и компетентности должностных лиц в вопросах правового плана.

Документы свидетельствуют, что последняя была настолько низкой, что даже епархиальные духовные следователи к концу пореформенного периода все еще не обладали необходимыми знаниями и навыками по осуществлению дознаний и следственных мероприятий. Закономерно, что это периодически приводило к

³⁹⁷ Известия по Казанской епархии. 1868. № 21. С. 593–597.

³⁹⁸ Там же. 1870. № 22. С. 663–667; № 23. С. 705–711.

³⁹⁹ Там же. 1898. № 5. С. 161.

грубейшим нарушениям на местах и застою правосудия⁴⁰⁰. Дело доходило до курьезов, когда консистория обязывала духовных следователей приобретать практические руководства по правильному производству следствий⁴⁰¹. Собственно, высокая степень условности цифр в извлечениях из отчетов епархиальных преосвященных по рассмотренным дисциплинарным делам, и прочие негативные тенденции в обозначенной части, отмеченные выше, являются наглядным свидетельством масштабов и глубины поставленной проблемы. На практике же, итоговая квалификация поступка клирика, как и решение должностного лица, находились в зависимости от целого ряда факторов, зачастую второстепенного плана. Это позволяло беспрепятственно манипулировать этическими и правовыми категориями в угоду конъюнктурным или личным соображениям, в том числе, благодаря несбалансированности церковно-государственной правовой системы.

Таким образом, в пореформенное время, отличавшееся сложностью и неоднозначностью, динамикой и сломом традиционных устоев, углублением социальных, политических и мировоззренческих противоречий, положение приходского духовенства Казанской губернии характеризовалось неустойчивостью в самом широком диапазоне аспектов. Такое положение дел в значительной степени было обусловлено тем, что к началу рассматриваемого периода приходской клир занимал маргинальное положение в социальной структуре, что в условиях эксплицитной неподготовленности церкви к масштабным общественным трансформациям до предела обостряло его хронические проблемы, связанные не только с осуществлением пастырского служения, но и выживания как такового. Историческая ориентация пастырей на крестьянство, в среде которого причты осуществляли свою деятельность, их материальная и психологическая зависимость от сельских обывателей в новых условиях, когда прежде гомогенное аграрное общество все активней и глубже дифференцировалось, обернулась кризисными явлениями, имевшими в том числе

⁴⁰⁰ Известия по Казанской епархии. 1902. № 7. С. 290–291.

⁴⁰¹ Там же, с. 291.

и морально-этическое измерение. Ситуация побуждала духовенство к пластичности, необходимости лавировать в отношениях с прихожанами, что не могло не влечь за собой нравственных издержек. Кроме того, будучи всецело погруженным в социокультурное пространство села, оно объективно не могло не испытывать на себе его трансформирующего влияния; быть свободным от тех правил и принципов, которые диктовала доминирующая культура. Архетипы крестьянского мира с его духовной и соционормативной спецификой побуждали адаптироваться в поисках оптимальной модели взаимодействия. В ряде случаев это способствовало актуализации социального конформизма. Субъективно духовенство мало что могло этому противопоставить. Оно находилось под давлением церковной традиции благочестия с ее императивами, а также обязанностью по трансляции их народным массам. Но здесь возникало встречное столкновение с реалиями среды, что усиливало закономерно конфликтность ситуации. Между тем сложность и несбалансированность принципов и подходов канонического права, церковного и государственного законодательства, характерных для синодальной эпохи, усиливали неопределенность, заставляя пастырей идти по простому пути – не вдаваясь в прописные тонкости, жить с прихожанами как прихожане. Принимая во внимание сравнительно низкий образовательный уровень клириков и, в некотором роде, традиционное отсутствие в их среде ориентации на повышение уровня просвещенности, вопрос культурной эволюции духовного сословия приобретал проблемный и в чем-то условный характер. Исходя из этого, становится понятным стабильное присутствие у представителей приходского духовенства различных поведенческих отклонений. Масштабы этой проблемы хотя и не поддаются точной оценке на основе имеющихся источников, однако их общая картина просматривается вполне отчетливо.

ГЛАВА 3. ОТКЛОНЕНИЯ ОБЩЕСОЦИАЛЬНОГО ПЛАНА

3.1. Пьянство

Пьянство в среде духовенства имело место на протяжении всей истории Русской церкви. Еще в XVI в. Стоглавый собор рассматривал вопрос «о пьянственном питии» священников⁴⁰². Петр I наказывал патриарху Андриану «смотреть накрепко, чтобы городские и уездные попы и дьяконы и церковные причетники на кабаки не ходили, и вина не пили, и бесчинства никакого не чинили, чтобы мирским людям соблазна от них не было»⁴⁰³. О трезвости духовенства заботился и император Александр I⁴⁰⁴. Как было показано выше, во второй половине XIX в. на проблему злоупотребления алкоголем в среде приходского клира обращали внимание Синод и епархиальные архиереи. Нередко проблема становилась центральным сюжетом и в отчетах благочинных при оценке нравов поднадзорного ему духовенства.

Масштабы рассматриваемой проблемы в Казанской губернии в течении пореформенного периода не были одинаковы. Однако в силу ограниченности и фрагментарности данных, точно оценить их не представляется возможным. Согласно Ведомости о лицах, находящихся в епархиальных монастырях под епитимьей, накануне крестьянской реформы из тех, кто нес наказание за пьянство, значатся всего четыре человека (1859)⁴⁰⁵. Тогда как в целом за период с 1855 по 1861 г. было заведено немногим более двух десятков дел о расследовании обстоятельств хмельной жизни клириков. За пореформенный период мы также располагаем только отдельными цифрами. В 1874 г. в монастырях под епитимьей

⁴⁰² Стоглав [Собор, бывший в Москве при государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето от с. м. 7059, а от р. х. 1551)] / изд. Д.Е. Кожанчикова. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1863. С. 137.

⁴⁰³ Цит. по: Шипов Н.Н. Указ. соч., с. 27.

⁴⁰⁴ Об искоренении пьянства в духовных лицах // Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода, 1721–1878 гг. М., 1879. С. 274–275.

⁴⁰⁵ Ведомость о лицах, находящихся в монастырях под епитимьей за 1859 г. Начато 2 декабря 1859 г., закончено 28 марта 1860 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5528. 32 л.

находилось 5 священников, 4 диакона и 8 причетников. Спустя десятилетие – в 1884 г. – всего два причетника⁴⁰⁶. В 1903 г. численность наказанных составила 9 человек (3 священника, 1 диакон и пять псаломщиков)⁴⁰⁷; в 1904 г. – 10 (5 священников, 2 диакона и 2 псаломщика)⁴⁰⁸.

Далеко не каждое дело доходило до формального рассмотрения. Известно, что некоторые провинившиеся клирики к месту отбывания наказания не являлись вовсе и таким образом избегали учета⁴⁰⁹. Кроме того, в условиях роста бюрократии, внимание епархиальных властей к каждому случаю объективно было труднореализуемым⁴¹⁰. Как следствие, случалось, что духовная консистория негласно тормозила поступление материалов в Казань и запуск следственных мероприятий. Подтверждением этого служат многочисленные обращения с мест с требованием реакции на вопиющее поведение того или иного члена причта, отложившиеся в архивах. Однако последней не всегда удавалось добиться не только с первого раза, но даже спустя годы ходатайств⁴¹¹. Исходя из этого, уверенно можно говорить лишь об устойчивом характере явления.

Подавляющее большинство выявленных нами случаев пьянства в среде приходского духовенства, представляет собой ту или иную степень бытовой

⁴⁰⁶ Дело о лицах, находящихся под епитимьей в монастырях Казанской епархии за 1884 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7200. 4 л.

⁴⁰⁷ Дело о представлении сведений о заключенных в монастырях Казанской епархии светских и духовных лицах // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118965. 78 л.

⁴⁰⁸ Дело о представлении Святейшему Правительствующему Синоду сведений о заключенных в монастырях светских и духовных лиц // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119689. 73 л.

⁴⁰⁹ Дело с ведомостями о лицах, бывших в 1874 г. под епитимьей в монастырях Казанской епархии // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6878. 18 л.

⁴¹⁰ Положение у правящего архиерея и духовной консистории в вопросе пьянства духовенства было сложным. Именно на епархиальную власть возлагалась ответственность по решению дальнейшей судьбы проштрафившегося клирика. Фигурирующая в документах практика самостоятельного поиска священником или причетником нового места служения, судя по всему, преследовала цель снятия с епархиальной администрации дополнительных обременений. Тем временем затягивание решений по конкретным случаям, а также сравнительная мягкость наказаний способствовали консервации кадрового статус-кво с минимальными издержками для церковных властей (см.: Дело о нетрезвой жизни диакона села Кармалов Павла Кирова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6703. 43 л.).

⁴¹¹ См., напр.: Покорнейший рапорт благочинного Казанского кафедрального собора Александра Алексеевского в Казанскую духовную консисторию от 9 мая 1858 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 90. Д. 36. Л. 1.

алкоголизации. Эта однозначность, как ни странно, усложняет вскрытие глубинных причин явления, выстраивание его целостной картины, элементы которой несомненно взаимосвязаны. В епархиальной среде того времени практически не предпринималось попыток осмыслить обозначенную проблему, что накладывало отпечаток на ясность понимания картины самими современниками. Впрочем, следовало бы оговориться, что отнюдь не каждый из получивших огласку инцидентов, в реальности имел место или находил подтверждение в ходе следственных мероприятий. Обвинение в пьянстве интенсивно эксплуатировалось всеми членами приходского социума в качестве инструмента дискредитации и сведения счетов по делам, мало имевшим отношение к обозначенной девиации. И все же, благодаря именно этому факту, появляется возможность увидеть обратную сторону явления, через которую просматриваются не только его движущие силы, но и амальгама повседневных отношений обитателей рассматриваемого социокультурного пространства.

Типичным примером хмельной жизни епархиального священнослужителя можно считать дело диакона села Майдан Свияжского уезда Петра Ливанова (1858). Зависимость клирика превратилась в серьезную проблему не только для него самого, но и его семьи и прихода⁴¹². Регулярно впадая в запой, диакон плохо исполнял служебные обязанности, проматывал имущество, что под конец обернулось семейной нищетой. Увещевания настоятеля священника Петра Белорусова эффекта не имели, что побудило пастыря обратиться к благочинному за содействием⁴¹³. Впрочем, тот реагировать не торопился, что вынудило священника «через голову» печаловаться в Казань. Впоследствии благочинный так описывал этот случай: *«По объявлению живущей с ним матери, напивается каждодневно раза по два до упада, и всегда приводят его другие, находя валяющимся. Престарелая мать его пыталась его удержать, не дала ему одежды*

⁴¹² Дело о нетрезвой жизни и небрежном отношении к исполнению своих обязанностей диакона с. Майдан Свияжского уезда Петра Ливанова за 1858 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 90. Д. 36. 75 л.

⁴¹³ Покорнейший рапорт благочинного Казанского кафедрального собора Александра Алексеевского в Казанскую духовную консисторию от 9 мая 1858 г. // Там же, л. 1.

и обуви. Но он, напоследок, это было 24 числа вечером, разбив в окне своего дома стекло, сказал, что выбьет все, если одежда и обувь не будут ему выданы»⁴¹⁴.

Опасения начальства были связаны с тем, что от чрезмерного употребления спиртного Ливанов попросту мог скончаться к «позору духовного сана»⁴¹⁵. В таком случае перспектива христианского погребения становилась призрачной⁴¹⁶. Исходя из этого, к вразумлению диакона подключились даже почтенные прихожане, пытаясь уговорить оставить гибельную страсть. Однако единственным успехом благожелателей стало воспрепятствование диакону продажи бани и остатков хлебных запасов односельчанам ради покупки очередной порции спиртного⁴¹⁷. Симптоматично, что некоторые прихожане майданской церкви, зная о проблемах своего клирика, не гнушались скупать за бесценок остатки его имущества. Так, что священник Белорусов вынужден был предупредить паству: «делка с пьяным может обернуться самыми неблагоприятными обстоятельствами»⁴¹⁸.

Психология и моральные установки священнослужителя, пораженного болезнью, сами по себе довольно интересны и в целом парадоксальны. Ливанов алкоголиком себя не признавал, дерзко защищаясь, и посылая начальству письменные объяснительные, написанные дрожащей рукой⁴¹⁹. Свое состояние он

⁴¹⁴ Покорнейший рапорт благочинного Казанского кафедрального собора Александра Алексеевского в Казанскую духовную консисторию от 9 мая 1858 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 90. Д. 36. Л. 5 об.

⁴¹⁵ Там же, л. 6.

⁴¹⁶ В целом, отношение к вопросу о христианском погребении лиц, умерших от злоупотребления спиртными напитками, у церковных властей было отрицательным. Данная позиция находила отражение в постановлениях Синода (см.: Известия по Казанской епархии. 1881. № 21. С. 552–554). Однако известны случаи, когда причты по вопросу о христианском погребении тех же крестьян, умерших от пьянства, вступали в дискуссии со станowymi приставами. Причем, на стороне первых. Формальности требовали правильного заполнения метрических книг. Государственные же чиновники, случалось, расценивали указанные случаи как самоубийство, «вторгаясь» таким образом в церковное делопроизводство. На этом основании порой возникали конфликтные ситуации между светскими и церковными властями. (см., напр.: Дело о том, можно ли отпевать по чину Православной церкви тех лиц, которые умерли от вина // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5744. 11 л.).

⁴¹⁷ Рапорт благочинному иерею Петра Белорусова от 20 апреля 1858 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 90. Д. 36. Л. 12 об.

⁴¹⁸ Объяснение священника Петра Белорусова 17 ноября 1858 г. // Там же, л. 19 – 20 об.

⁴¹⁹ Объяснение диакона Петра Ливанова благочинному от 15 декабря 1857 г. // Там же, л. 7–8.

списывал на прием репейной настойки от геморроидальной болезни, факт назначения которой, к несчастью, подтвердил земский врач⁴²⁰. Именно болезненные припадки якобы лишали диакона «твердости в ногах». Но при этом он не стеснялся публично жаловался на своего священника, обвиняя того в злом умысле и корыстном удержании дохода⁴²¹.

В складывавшейся ситуации, благочинному ничего не оставалось, как запустить формальное следствие с повальным обыском. Это могло грозить Ливанову дисциплинарными санкциями вплоть до исключения из духовного звания. Тогда его престарелая мать, до того регулярно жаловавшаяся настоятелю на нетрезвость сына, стала отказываться от собственных слов и переадресовала все претензии приходскому священнику: *«Никого к священнику не посылала и про битые стекла не сообщала, на пьянство сына не жаловалась, а бывая в доме священника, скорбела матерски, что сын ее часто бывает подвержен болезни. А окно разбил внук Алексей. И думает она что священник все это затеял по каким-то личным мотивам»*⁴²².

Следствие, вероятно, так бы и закончилось ничем, а добропорядочный священник Белорусов прослыл бы в глазах консистории злонамеренным доносчиком и возмутителем спокойствия, если бы в результате повального обыска прихожане не подтвердили наличие проблемы. Однако их показания отличались снисходительностью: Ливанов – пьяница, но характера кроткого и миролюбивого и поступков дурных не совершал (!)⁴²³. Архиерею такая позиция показалась удовлетворительной. Священнику Белорусову вменили строгое наблюдение и воспитание подчиненного⁴²⁴. Этим санкции епархиальной власти и ограничились. Но уже летом 1859 г. дело закрутилось с новой силой. На фоне продолжающегося пьянства Ливанов стал впадать в КРАЙНОСТИ⁴²⁵. Пытаясь остановить падение

⁴²⁰ Сообщение врача благочинному // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 90. Д. 36. Л. 29 – 29 об.

⁴²¹ Опросник Петра Ливанова // Там же, л. 21 – 24 об.

⁴²² Объяснение дьяконской вдовы Анастасии Петровны Ливановой // Там же, л. 27.

⁴²³ Показания свидетелей – крестьян села Майдан // Там же, л. 33–36.

⁴²⁴ Постановление Казанской духовной консистории // Там же, л. 38 об.

⁴²⁵ Исходя из этических соображений, здесь и далее мы не будем детализировать особо неприглядные поступки.

церковного авторитета, к решению вопроса подключились соседние священники, сообщавшие в консисторию об исключительном характере ситуации в майдановском приходе⁴²⁶. Однако консистория ответила молчанием. В 1860 г. священник Белорусов, все еще не переставая призывать к вмешательству начальство, указывал на то, что диакон настолько впал в зависимость, что начал пускать себе кровь: *«Эту операцию он употребляет как способ облегчения после каждого перегула, оканчивающегося почти всегда припадками сумасшествия»*⁴²⁷. Пить он стал уже не только дома, но и открыто ходить в питейный дом. Однако конструктивной реакции консистории майдановцам пришлось ждать еще около двух лет. Только в апреле 1862 г. по решению административного органа у Ливанова была изъята ставленническая грамота с отправкой на три месяца в Свяжский Макарьевский монастырь для *«научения трезвой жизни»*. Документы свидетельствуют, что к концу года реабилитация успешно завершилась – диакон был восстановлен в правах и вернулся в родной приход.

Таким образом, епархиальные власти не торопились приступить к формальному разрешению даже резонансных инцидентов, возлагая эту задачу на благонамеренных членов причтов. Как видим, на практике алкоголизм приходского клирика далеко не всегда расценивался как сугубое преступление, требующее их незамедлительной реакции. Причем такое отношение было характерно не только для архиерея и консистории, но и части прихожан,

⁴²⁶ Покорнейший рапорт благочинного Свяжского уезда села Тенькова священник Петра Покровского Высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Татарстанскому и всяческих орденов кавалеру от 16 июля 1859 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 90. Д. 36. Л. 43.

⁴²⁷ Покорнейший рапорт настоятеля церкви села Майдан Свяжского уезда священника Петра Белорусова Высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Татарстанскому и всяческих орденов кавалеру // Там же, л. 50–51.

Кровопускание как метод облегчения состояния человека при повышенном артериальном давлении и прочих заболеваниях известен благодаря истории медицины. Метод применялся с древности повсеместно и не только в России. Согласно М.Б. Хуцишвилли, во 2-й половине XIX в. «сложилось критическое отношение к этому сугубо эмпирическому, "нефизиологическому" методу лечения и к необоснованно широкому его применению ("беспредельный вампиризм")» (Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/medicine/text/2114002> (дата обращения: 09.10.2021)). Этим фактом, вероятно, и объясняется неодобрительный тон священника.

формировавших ту гибельную среду, только выход из которой давал надежду на исцеление.

Однако рассмотренный случай в целом не вторгался в сферу, регулируемую государственным законодательством. В противном случае, ситуация могла обернуться более серьезными правовыми последствиями. Так, в 1858 г. в чувашском селе Кошели Цивильского уезда в один из вечеров случился переполох: пьяный настоятель Вознесенской церкви Василий Серебров нанес побои сыну церковного сторожа, а затем, выйдя во двор, «учинил в колокол набат»⁴²⁸. На призыв сбежалось все село, которому о. Серебров спокойно объявил, что ему попросту почудился пожар в конце улицы. Реакция крестьян, с позднейших слов священника, была неоправданно жесткой. Удостоверившись, что никакого пожара нет, они повели его напрямиком в сельскую расправу. *«Я пытался им сказать причину и напоминал, что сельская расправа мне не судья. Но они не слушали, дергали за руки и толкали в спину... Сюда к расправе явился крестьянин села Кошелей Семен Максимов, внушениями своими остановил их от дерзостей, которые они готовы были предпринять. Во время оскорблений «мой» священник Фома Шонгутский вместо того, чтобы своими пастырскими убеждениями остановить их дерзости, настаивал писать против меня мирской приговор, приложить печать старосты и донести господину Окружному Начальнику. Чтобы успеть исполнить свое намерение и причинить мне большие неприятности возмущением народного спокойствия и нарушением прав благопристойности, оружием своим избрал прихожан друзей своих... Все это он употребил в отмщение за то, что в 1856 году я открыл злоупотребление по здешней церкви, а именно похищение бывшим старостой церковным 59 руб. 77 коп. серебром, на которые как он Шонгутский, так и староста церковный должны были быть подвергнуты законному взысканию»,* – заявил о. Серебров⁴²⁹.

⁴²⁸ Рапорт священноцерковнослужителей Цивильского уезда села Кошелей Вознесенской церкви благочинному Тетюшского уезда села Байтерякова иерею Петру Покровскому от 28 июня 1858 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5427. Л. 2 – 2 об.

⁴²⁹ Покорнейший рапорт Цивильского уезда села Кошелей Священника Василия Сереброва благочинному села Байтерякова иерею Петру Покровскому // Там же, л. 3 – 4 об.

Согласно закону, беспричинный удар в набат подлежал наказанию в соответствии с Уложением о наказаниях⁴³⁰. Но крестьяне, как и в истории с Ливановым, проявили к священнику парадоксальную предрасположенность⁴³¹. Хотя один из прихожан публично и пристыдил пастыря: *«Зачем ты, бесстыдник, делаешь тревогу и всех нас приводишь в испуг?»*⁴³², но затем, вопреки его порицаемому поведению, а также явному стремлению вынести конфликт в причте на всеобщее обозрение, сельчане предприняли попытку сокрыть дело⁴³³. Таким образом, только благодаря лояльности прихожан, священник в конечном счете избежал сурового государственного наказания⁴³⁴. Церковные власти со своей стороны также не стали придавать дело огласке и отблагодарили сельчан тем, что отправили о. Сереброва на три месяца в монастырь для исправления.

В двух представленных примерах просматривается примечательная особенность приходской коммуникации, которая находит подтверждение и в других случаях. Перед лицом угрозы внешнего вмешательства крестьяне проявляли склонность вставать на сторону своих пастырей, даже если те демонстрировали безнравственное и противозаконное поведение. Готовность снисходительно относиться к дурному образу жизни своих священнослужителей, обуславливалась, вероятно, осознанием прихода как замкнутого мира «своих». Фактором актуализации этого защитного механизма могла быть угроза реального или потенциального вмешательства извне. Ее мог олицетворять посторонний или

⁴³⁰ Ст. 1230 гласила: «Кто, по шалости или легкомыслию, ударит в набат и сим нарушит хотя лишь мгновенно общественное в том месте спокойствие, или же другим каким-либо образом произведет напрасную тревогу, тот за сие подвергается: аресту на время от одного до семи дней, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим, или уменьшающим вину его» (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / сост. С.Н. Таганцев. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1886. С. 508).

⁴³¹ Покорнейший рапорт благочинного Цивильского уезда села Луцкого священника Иоанна Богородицкого в Казанскую духовную консисторию от 25 августа 1858 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5427. Л. 3 – 4 об.

⁴³² Показания крестьянина Калистрата Феофанова // Там же, л. 37 об.

⁴³³ Отзыв государственного крестьянина Цивильского уезда села Больших Кошелей Семена Максимова // Там же, л. 8 – 8 об.

⁴³⁴ Покорнейший рапорт наместника Свяжской подгородной Макарьевской пустыни иеромонаха Мартиана от 4 июля 1860 г. // Там же, л. 45.

чуждой человек – благочинный, чиновник и т.д. Этическая неоднозначность такой позиции, как препятствие, в таком случае, очевидно, в расчёт не принималась⁴³⁵.

Закономерно, что коллективная солидарность в ряде случаев требовала участия и со стороны священников. Так, протоиерей Николай Рождественский докладывал в консисторию (1872): *«Советы и убеждения приходских священников против этого губельного порока (пьянства – А. Х.) не действительны, а скорее производят иногда восстание и укоризны, если члены причта не только отказываются от соучастия у преданных пьянству в пиришествах, но еще своими советами думают отклонить их самих от этого порока»*⁴³⁶. Специфическая крестьянская этика прямо или косвенно влияла на восприятие и оценку приходским духовенством окружавшей его действительности. Подтверждение этой точки зрения находим в отчете одного благочинного, довольно своеобразно интерпретировавшего проблему поднадзорного ему клирика: *«Псаломщик Никанор Троицкий замечен в нетрезвости, которая продолжается иногда целую неделю. Но слабость его, по отзыву местного священника, пока терпима, тем более что его слабость не производит соблазна в приходе и он человек многосемейный и характера кроткого»*⁴³⁷.

Для большей обоснованности представленных тезисов, приведем дополнительный пример. Биография епархиального священника Семена Ильинского изобиловала внушительным набором поведенческих аномалий. Несмотря на семинарское образование, складное чтение и пение, наличие семьи, а также архиерейской благодарности за обращение старообрядцев, в 1833 г. клирик был судим церковным судом⁴³⁸. Согласно консисторской справке, *«у него было обнаружено 739 руб. 80 коп. ассигнациями, завещанных в утягловскую церковь*

⁴³⁵ Interindividual-intergroup discontinuity as a function of trust and categorization: The paradox of expected cooperation / С.А. Insko, J.L. Kirchner, В. Pinter [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 2005. Vol. 88, № 2. P. 365–385.

⁴³⁶ Рапорт Чистопольского Николаевского Собора протоиерея Тихона Рождественского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 345 об.

⁴³⁷ Рапорт благочинного 1 округа Казанского уезда и его помощников (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 60.

⁴³⁸ Справка Казанской духовной консистории // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5601. Л. 1 – 2 об.

того села экономическим крестьянином Степаном Лукьяновым. <...> Но они не были вписаны в приходно-расходные книги и неправильно их использовали»⁴³⁹. Кроме прочего, пастырь пристрастился к вину, за что в 1850 г. «был оставлен в подозрении». За оскорбление, причиненное в пьяном виде своему сослуживцу священнику Кобзеву, о. Ильинский был сослан в монастырь на 4 месяца с запрещением священнослужения⁴⁴⁰. В последующем «за разные противозаконные деяния, учиненные якобы в нетрезвом виде, был обязан подпискою с предписанием местному благочинному чинить за ним надзор и о поведении его доносить»⁴⁴¹. Последней каплей стал хмельной призыв клирика к крестьянам не повиноваться полицейской власти, за что он был вызван к адъютанту губернатора для разъяснительной беседы⁴⁴².

Однако и после официального запрещения в священнослужении о. Ильинский продолжил пьянствовать. Так, на Пасху он «явился на Литургию до того пьян, что обыватели вынуждены были вывести его дабы отстранить народный соблазн»⁴⁴³. Но причт, включая настоятеля, продолжительное время не сообщали о происходящем на приходе церковным властям⁴⁴⁴. Объясняли они это тем, что, подогреваемые «христианской надеждой», верили в чудесное избавление их сослуживца от губительной страсти⁴⁴⁵. Тем временем моральное падение о. Ильинского усугублялось и дошло до крайности. Прихожане видели, как он «спал под бревнами», «ходил в безобразном виде в питейный дом без фуражки»⁴⁴⁶ и

⁴³⁹ Справка Казанской духовной консистории // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5601. Л. 1 – 2 об.

⁴⁴⁰ Там же.

⁴⁴¹ Там же.

⁴⁴² Там же.

⁴⁴³ Рапорт священника Ивана Орлова благочинному священнику Авксентию Алексеевичу Преображенскому от 14 июня 1861 г. // Там же, л. 9.

⁴⁴⁴ Там же, л. 9 об.

⁴⁴⁵ Там же, л. 10 об.

⁴⁴⁶ В дореволюционной России головные уборы (преимущественно, широкополые шляпы) были неотъемлемым атрибутом повседневной одежды православного священнослужителя. Однако в данном случае сосредоточенность крестьян на непокрытой голове запрещенного в служении священника имеет иную, прямо не связанную с церковной традицией благочестия, природу. Кроме прочего, появление фуражек во второй половине XIX в. вообще связано с распространением военной и позже прусской моды в России. Поэтому суть заключалась не в типе головного убора, а в покрытии головы как таковом. Н.И. Гаген-Торн, ссылаясь на Б.Л. Богаевского, отмечала магическое отношение к волосам именно в земледельческих

совершал иные, ВОПИЮЩИЕ ПОСТУПКИ. Со своей стороны они также до поры старались не придавать огласке происходящее: *«Хотя с самого поступления к нам его, Ильинского, мы не видели в нем безукоризненного поведения, но умалчивали об этом, с одной стороны, из сожаления к его Семейству, с другой потому что надеялись на его исправление»*⁴⁴⁷.

Тем не менее через некоторое время в приговоре сельского схода об удалении из прихода о. Ильинского крестьяне так обосновывали свое вынужденное решение: *«Апреля 10 числа почти под самыми стенами церкви во время литургии в пьяном виде испражнялся за большую нуждою. И когда его заметили, что он делает, отвечал, что это я после уберу. Неоднократно уносил из церкви книги и закладывал их за вино в питейном доме, откуда выкупались они бывшим благочинным. И случается даже так, что во время совершения литургии он, Ильинский, отлучается из церкви и бежит в питейный дом, чтобы выпить. А как по всем этим предосудительным проступкам, заключающим соблазн и бесчинство, он, Ильинский, не может быть более терпим в звании церковного причетника, то мы, прихожане, единогласно учинили сей приговор...»*⁴⁴⁸.

Таким образом, судя по всему, радикальное решение вопроса со стороны крестьян следовало тогда, когда пьянство члена приходского причта преодолеvalo порог допустимого даже крестьянской моралью. Безусловно, такая принципиальность не могла приветствоваться всеми прихожанами, поскольку это тормозило и усложняло исполнение клиром насущных треб. Но, оказавшись в безвыходном положении, крестьяне не только проявляли инициативу с

культурах. Волосы обладают определенной силой. Таким образом, в покрывании головы усматривается господство патриархального коллектива над индивидом, и, в то же время, его подчиненное положение, почтенное отношение к общепринятым нормам (см.: Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография. 1933. № 5–6. С. 76–88).

⁴⁴⁷ Приговор крестьян, май 1860 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5601. Л. 16.

⁴⁴⁸ Там же, л. 16 об.

требованием к епархиальной власти избавить их от неблагонамеренного клирика, но и самостоятельно искали ему замену на стороне⁴⁴⁹.

Однако, как и в предыдущих случаях, консистория два года не реагировала на решение схода. Тем временем священник беспрепятственно продолжал вести прежний образ жизни. Постепенно его безнаказанность стала оборачиваться агрессивными выпадами в сторону настоятеля. Это побудило крестьян в очередной раз обратиться к архиерею⁴⁵⁰. На сей раз с ними солидаризовался и причт, доносивший благочинному о творящихся в приходе бесчинствах. *«Ильинский своим пьянством и своими явлениями в пьяном-безобразном виде в Храм Божий довел прихожан до того, что уже некоторые не желают ходить в церковь»*⁴⁵¹.

Только в июне 1862 г. бывший священник был вызван в консисторию для назначения епитимьи. Впрочем, несмотря на исключительный характер содеянного, она заключалась лишь в отстранении от прихода и назначении ежедневно пятидесяти земных поклонов в течении недели. Но о. Ильинский самовольно покинул село и переселился в одну из деревень к сыну, не исполнив предписаний епархиальной власти. Санкций за этот поступок не последовало. Только в 1866 г. престарелый священнослужитель обратился к правящему архиерею с просьбой в восстановлении в священнослужении: *«А коли паче определения на священническое место, то, по крайней мере, я буду знать свою несчастную участь, которая при полных уже моих годах, я полагаю, что не закоснить»*⁴⁵². Но его прошение было проигнорировано. Так неформально заканчивались многие следственные дела. Исключения из духовного звания не происходило, но лишённые возможности кормиться от служения вследствие

⁴⁴⁹ Покорнейшее прошение крестьян села Рыбной Слободы Лаишевского уезда Высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и разных орденов кавалеру от 9 марта 1862 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5601. Л. 46.

⁴⁵⁰ Там же, л. 47.

⁴⁵¹ Рапорт священно-церковнослужителей Богородицкой церкви села Рыбной Слободы благочинному Александру Корсунскому от 5 марта 1862 г. // Там же, л. 53 об.

⁴⁵² Покорнейшее прошение дьячка Мамадышского уезда села Соколя Гора Введенской церкви Семена Ильинского Высокопреосвященнейшему Антонию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и разных орденов кавалеру от 26 марта 1866 г. // Там же, л. 82 об.

запрещения, бывшие клирики, больные алкоголизмом, нередко обрекались тем самым на печальную участь.

Нижнее звено клира – причетники – в ряде случаев демонстрировали и куда более неодобрительное поведение, нежели священнослужители. Негативную роль здесь играла, как указывалось ранее, традиционно низкая образованность и грубая бытовая культура. Наблюдая за повседневным бытом и нравами служащих причетников, благочинные в отчетах зачастую давали им крайне нелестную оценку. Слабое знание катехизиса, церковного календаря и устава, утренних и вечерних молитв, церковнославянского языка; плохое умение читать – обычные недостатки этой категории сельского причта. Случалось, некоторые пономари при проверках не могли объяснить смысл и значение двенадцатых праздников⁴⁵³. *«Из причетников, мне подведомых, – писал священник Александр Скворцов, – никто и не помышляет о том, чтобы отдать своего сына в училище. <...> Никто из них и не имеет их в Семинарии»*⁴⁵⁴. Образование в данном случае ограничивалось приходской школой и «полевыми» знаниями, полученными от родителей и окружения. Поэтому положительных культурных эффектов здесь ожидать не приходилось. Благочинный Казанского уезда о. Иоанн Черкасов докладывал в консисторию: *«Что касается низших членов причта, то они более разнообразны в нравственном отношении»*⁴⁵⁵: грубое отношение к прихожанам, нюханье табака, различные виды и формы религиозных вольностей и т.д. Священник приводит в пример одного из них, особенно диссонировавшего своим этическим образом на фоне благочестивых прихожан: *«Жители деревень Тимер и Берлякова, составляющие почти половину прихода, склонны к старине и чуждаются табака»*⁴⁵⁶. Но Троицкий без всякой предосторожности нюхает его и в церкви,

⁴⁵³ Рапорт благочинного Тетюшского уезда села Сумарокова священника Сергия Сунгурова (1871) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 161.

⁴⁵⁴ Рапорт благочинного 1-го округа Лаишевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова // Там же, л. 187.

⁴⁵⁵ Рапорт благочинного Казанского уезда села Ильинского Ильинской церкви священника Иоанна Черкасова // Там же, л. 310.

⁴⁵⁶ Ко второй половине XIX в. курение и нюханье табака достаточно широко распространились в России. Не только среди аристократии, но и непривилегированных слоев общества. В некотором роде, оно стало обыденным явлением. Однако от местности к местности

даже в стихаре и по домам прихожан во время отправления у них молебствий»⁴⁵⁷. Таким образом, не удивительно, что злоупотребления спиртным в среде причетников было явлением довольно распространенным. Для иллюстрации этого факта обратимся к делу пономаря села Коргузы Казанского уезда Флора Филиппова (1860).

Регулярная нетрезвость и возникавшие на этом фоне претенциозность и грубость, обернулись конфликтом причетника с прихожанами. «Старый пес», «мошенник», «бездельник», «суккин сын» – эпитеты, которыми он по обычаю оскорблял крестьян⁴⁵⁸. Вероятно, в иных случаях, сельчане вполне могли снести такое обращение, если бы клирик не стал проявлять придирчивость к подношениям, осуществлявшимся причту во время крестных ходов: «Видал, что поданный ему, Филиппову, при сборе хлеб-гречу, в которую попала нечаянно часть овса, он отдал обратно и с приметным негодованием упрекал его (подателя – А. Х.) в нарочитой низости поступка его»⁴⁵⁹. В конечном счете, упреки в дурном качестве подношений дошли до крайности, что вызвало общее негодование. Кроме прочего, и без того не слишком благочестивый образ жизни пономаря усугублялся

отношение к табаку менялось. Чем прочнее жители придерживались старинных традиций, тем большее неприятие вызывала практика табакокурения и нюханья. Как отмечает К.А. Богданов, вплоть до начала XX в. данный вопрос воспринимался в народе сквозь призму религиозного благочестия. «Историческая память о старообрядчестве и сектантстве способствует сохранению за курением в России контекста, – постулирует исследователь, – который, даже не имея непосредственного отношения к религии, оказывается выражающим ценности некоторого "высшего", квазирелигиозного порядка. Поэтому ассоциации, так или иначе возникающие, а главное, тиражируемые в связи с курением, делают образ курильщика символическим не только в смысле его "внешней", но и, так сказать, "внутренней" природы – души, совести, веры» (Богданов К.А. «Право курить»: к социальной истории курения в XX веке [Электронный ресурс] // Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001. С. 285–377. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/11.htm> (дата обращения: 23.10.2021)). Тем не менее с течением времени и эти нравственные установки претерпевали изменения, а масштабы табакокурения увеличивались. В 1899 г. благочинный Казанского уезда уже писал: «А за некоторыми причтами замечена приверженность к табакокурению. Которая, впрочем, не служит соблазном в народе; потому что курящее духовенство находится в таких приходах, в которых оно не считается пороком и не зазирается» (Рапорт благочинного 1 округа Казанского уезда и его помощников (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 60 – 60 об.).

⁴⁵⁷ Рапорт благочинного Казанского уезда села Ильинского Ильинской церкви священника Иоанна Черкасова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 310.

⁴⁵⁸ Лист опроса крестьян // Там же, л. 28–29.

⁴⁵⁹ Там же, л. 16 об.

назойливыми приставаниями к женщинам прямо во время молебнов⁴⁶⁰. Этого крестьяне снести уже не могли, и их жалобы благочинному полились бурной рекой.

В ответных показаниях в сумбурном виде и со значительным количеством ошибок Филиппов оправдывался. Он не только не признавал за собой названных пороков, но и обвинял прихожан в клевете, списывая недовольство последних на упорную приверженность архаичным обычаям, с которыми ортодоксальный причетник взялся было бороться. *«Это вознегодование на меня именно потому, что когда у них в доме родители младенцев, они по давнему обыкновению заведен порядок, чтоб младенцев всегда крестили в домах, а не в церкви, но я отговаривался тем что это таинство должно совершать в церкви, а не в домах, они более вознегодовали на меня и говорили, что мы вас из причетников изгнать хотим <...> Но как они не образованными <...> и не понимают законных правил и не обращают никакого внимания, а только говорят, что у нас этот порядок установлен издревле. Посему надобно в оправдание сказать, что если б я имел склонность к горячительным напиткам и перед ними был груб, тогда бы они могли явиться к приходскому своему священнику по той причине, что я нахожусь у священника почти каждый день лично и он мог бы меня заметить...»⁴⁶¹.*

Между тем, настоятель прихода желая разобраться в конфликте не проявлял, заняв позицию стороннего наблюдателя, хотя в его распоряжении и имелись компрометирующие подчиненного сведения. Согласно им, большую часть сознательной жизни Филиппов провел в пьянстве и на этой почве даже был судим уголовным судом за покушение в нетрезвом виде на жизнь консисторского писаря⁴⁶². Но священник не стал оглашать их, а тяжесть разбирательства полностью легла на уже фигурировавшего в нашем исследовании о. Петра Белорусова. Но в организации следствия о. Белорусова стабильно преследовали неудачи. Коргузинские крестьяне демонстративно отказались содействовать стороннему

⁴⁶⁰ Лист опроса крестьян // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 27 об.

⁴⁶¹ Показания пономаря Флора Филиппова // Там же, л. 25 – 26 об.

⁴⁶² Выписка благочинного Свяяжского уезда села Теньков Петра Покровского // Там же, л. 40 – 40 об.

дознавателю. Собрать их для общего опроса о Белорусову так и не удалось. Тем не менее по решению консистории Филиппов был отправлен на исправление в Казанский Спасо-Преображенский монастырь⁴⁶³, где через три года скончался.

Как видим, картина хмельной жизни представителей приходского духовенства порой имела драматичный оттенок. Тем не менее именно в пореформенное время во взаимных обвинениях клириков все чаще начинает фигурировать не фактическое, а выдуманное пьянство, как расхожий предлог дискредитации сослуживцев в глазах окружения и церковной власти. Виной этому в значительной степени была экономическая конкуренция в условиях ограниченности ресурсов. Однако примечательно, что, если ранее, за незначительным исключением, в документах практически не встречаются случаи вовлеченности в подобного рода конфликты благочинных, назначенных епархиальной властью для объективного регулирования противоречий, то теперь и они нередко становилась одним из участников противостояний, использовавших в неблагоприятных целях свое должностное положение. Ярким примером этого может служить история благочинного сельских церквей лаишевского кафедрального собора Константина Никольского, получившая некогда в Казанской епархии широкий резонанс.

В 1862 г. священник неудовлетворительно аттестовал нескольких священно- и церковнослужителей своего округа. Из отчетов следовало, что разнообразные пороки и правонарушения настолько распространились среди служителей церкви, что впору было требовать особого внимания архиерея⁴⁶⁴. Так, священник села Чирков Михаил Ямбиков был обвинен в разгульной жизни и оскорблении

⁴⁶³ Монастырь фигурирует в деле не случайно. Спасо-Преображенский мужской монастырь располагался на территории Казанского кремля, в котором размещалась резиденция епархиальных епископов. Перевод туда церковнослужителя, таким образом, означал стремление правящего архиерея поставить вопрос исправления клирика под личный контроль.

⁴⁶⁴ Подробнее об этом см.: Дело о неодобрительной аттестации в поведении за 1862 год священников Лаишевского уезда сел: Шумкова – Николая Демьянова, Мысов – Ивана Акрамовского, причетников: Смолдеярова – Михаила Малиновского и Корноухова – Павла Георгиевского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5901. 15 л.

благочинного⁴⁶⁵, дьячок села Карадул Николай Полиновский – в пьяном сквернословии в адрес о. Никольского⁴⁶⁶, дьячок села Державино Хрусталева – в пьянстве, священник села Лыково Иоанн Акрамовский – в «неодобрительном поведении»; причта церкви села Тарлашей полным составом – в неблагоповедении; священник села Емельяново Павел Тогашевский – в том, что тот явился к благочинному *«в безобразно пьяном виде»*, чем напугал домочадцев⁴⁶⁷.

Тревожные сообщения о. Никольского не могли остаться без реакции епархиальной администрации. Поднадзорное духовенство со всей строгостью было подвергнуто наказаниям. Священник Тогашевский и его пономарь Доринский получили выговоры и штрафы (однако, принимая во внимание ходатайства влиятельных почитательниц-помещиц, взыскание ограничилось выговором). Тех, кто не мог заручиться поддержкой высоких покровителей, наказали беспалляционно: Полиновского штрафом в размере 5 руб., Хрусталева выслали на месяц «для исправления» в Раифскую пустынь и т.д.

Но каково было удивление консистории, когда открылось, что приходские события были умышленно превратно истолкованы благочинным в целях вымогательства. Эта порочная практика в благочинии культивировалась годами. В случае, если пожелания о. Никольского не удовлетворялось причтами в должном размере, поднадзорное ему духовенство шантажировалось неодобрительными аттестациями. Так, к примеру, в случае со священником Ямбиковым оказалось, что при обзоре его церкви о. Никольский намеренно спровоцировал конфликт. Тогда *«церковный староста Петр Федоров за его (благочинного – А. Х.) труды и беспокойство предлагал ему 6 рублей, но он отбросил их и требовал 10 рублей. В этом требовании нами было ему отказано, на что огорчился и мне пригрозил, что как молодому человеку преградит путь к повышению»*, – печаловался

⁴⁶⁵ Объяснение священника села Чирков Михаила Ямбикова в Казанскую духовную консисторию от 28 июня 1862 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 94. Д. 54. Л. 33.

⁴⁶⁶ Объяснение дьячка села Карадул Николая Полиновского // Там же, л. 51.

⁴⁶⁷ Покорнейший рапорт священника Константина Никольского в Казанскую духовную консисторию // Там же, л. 138 – 138 об.

священник⁴⁶⁸. В одну из поездок по округу пастырь потребовал у дьячка Полиновского лошадь и проводника. Ввиду опасности ночного путешествия, последний отказал, уговаривая дождаться утра, за что и был своеобразно наказан⁴⁶⁹.

Одним из первых давление не выдержал священник Акрамовский и раскрыл архиерею обстоятельства укоренившегося в благочинии шантажа: *«Не раз принуждал меня к принесению ему благодарностей»*⁴⁷⁰. Церковный староста села Мыс крестьянин Осип Григорьев описывает случай, как причт трижды приносил благочинному на проверку приходно-расходные книги. Но тот их не принимал. *«Наконец, в третий раз принявши от нас книги, сказал мне, но без гнева, тихим образом так: тебе бы староста надо не первый раз поблагодарить... чем-нибудь»*⁴⁷¹. Симптоматично, что за недостоверные сведения консистория лишь единожды сделала замечание должностному лицу, не применив к нему, впрочем, никакого дисциплинарного воздействия.

Известны случаи, когда благочинные и причты готовы были жертвовать одним из своих членов в целях снижения финансовой нагрузки на прихожан и перераспределения высвободившейся части доходов. И далеко не каждое такое решение было этически безупречным. Благочинные, уступая ходатайствам или давлению населения и клира, сокращали численность последних прежде всего за счет избыточных священников, дьяконов и причетников, не обладавших нужными профессионализмом и морально-этическими качествами. Призраком голодной жизни их семейств в таких случаях далеко не всегда становился преградой. Склонность клирика к спиртному представлялась здесь весьма кстати. Так поступили с ядринским дьячком Николаем Дмитриевым (1870). Причетник был плохо образован, сквернословил, посредственно знал устав, но главное – злоупотреблял спиртным и курил табак. Крестьяне жаловались, что во время богослужений

⁴⁶⁸ Объяснение священника села Чирков Михаила Ямбикова в Казанскую духовную консисторию от 28 июня 1862 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 94. Д. 54. Л. 33 об.

⁴⁶⁹ Объяснение дьячка села Карадул Николая Полиновского // Там же, л. 51.

⁴⁷⁰ Объяснение священника села Лыкова Иоанна Акрамовского в Казанскую духовную консисторию // Там же, л. 98 об.

⁴⁷¹ Объяснение старосты О. Григорьева соборному протоиерею Лаишева Александру Высотскому // Там же, л. 105–106.

Дмитриев выбежал из церкви «угоститься дымком», за что те, стремясь проучить, однажды заперли его в амбаре⁴⁷². Но в целом, отзывы с их стороны были благожелательные, а решение об исключении Дмитриева из состава причта было принято благочинным, исходя из собственных мотивов и с упором на нетрезвость клирика⁴⁷³.

В другом случае бедность прихода также стала основанием для разбора штата (1873). В прошении, направленном казанскому архиепископу Антонию, прихожане села Три Озера Спасского уезда жаловались на финансовую несостоятельность, плачевное положение храма, неприглядность приходского училища⁴⁷⁴. Крестьяне заверяли, что в случае сокращения численности клира, быт оставшегося духовенства гарантированно улучшится. Благочинный о. Гумилевский солидаризовался с просителями⁴⁷⁵. Поиск «слабого звена» не был продолжительным. Им оказался второй священник Стефан Беляев, за которым числилось хроническое (совместное с супругой) пьянство, неряшливость, беспризорность детей и прочие пороки⁴⁷⁶. Правящий архиерей поддержал решение об отправке о. Беляева на исправление в монастырь «для научения трезвости». Правда, не обошлось и без курьезов. Благочинному, ставшему одним из инициаторов кадровой оптимизации, было вменено после прохождения о. Беляевым епитимьи взять священника под личный надзор в собственный приход «в сущем сане» на том основании, что неблагоповедение клирика не было

⁴⁷² Рапорт благочинного Ядринского уезда села Аликова священника Михаила Благовещенского в Казанскую духовную консисторию от 12 июня 1870 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6466. Л. 17 об.

⁴⁷³ Причетник, несмотря на просьбы, был отправлен в Космодемьянский мужской монастырь «для научения уставу». Судьба его обреченной на голодание семьи осталась неизвестной.

⁴⁷⁴ Покорнейшее прошение по доверенности от прихожан села Три Озера Спасского уезда Казанской губернии крестьянина деревни Парфировки Алексея Григорьева Бухарова Высокопреосвященнейшему Антонию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и разных орденов Кавалеру // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6747. Л. 2–3.

⁴⁷⁵ Всепокорнейший рапорт благочинного первого округа Спасского благочинного села Матвеевки священника Иосифа Гумилевского Высокопреосвященнейшему Антонию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и разных орденов Кавалеру // Там же, л. 1 – 1 об.

⁴⁷⁶ Справка духовной консистории // Там же, л. 12–13.

формально доказано⁴⁷⁷. Таким образом епископы решали сложнейшую проблему трудоустройства проблемных пастырей.

Чтобы не оказаться в числе голодающих и снискать благорасположение паствы, в особенности, если нравы священника были далеко не безупречны, духовенство нередко практиковало этическую поверхность и попустительство в отношении прихожан. Имели место случаи и откровенной лояльности и сервильности⁴⁷⁸. Впрочем, такое поведение священника далеко не всегда вызывало отторжение и порицание паствы. Парадоксально, но порой именно нравственная незапятнанность могла принести священнослужителю больше бед, чем открытое и общеизвестное злоупотребление спиртным или иные неблаговидные поступки. Так было в деле священника Иоанна Воронцова (1866). Церковный староста, движимый неприязнью к о. Воронцову, и пользуясь необразованностью сельского старосты, подсунул последнему под печать бумагу о якобы состоявшемся крестьянском сходе. В ней о. Воронцов и псаломщик Соколов обвинялись в пьянстве, сквернословии и растрате церковных сбережений⁴⁷⁹. За решением схода должно было последовать обращение к архиерею и, в случае утверждения, удаление из прихода клириков. Священник, узнав эту новость, едва не слег: *«...Церковный староста, члены приходского попечительства и сельские старосты, избирали меня в «председатели». Неужели я успел в течении нескольких дней дойти до такой нравственной порчи, что все доверяли мне попечительское достояние, через два или три дня стали укорять меня в растрате оного?»*⁴⁸⁰. Как впоследствии отмечал благочинный, направленный в приход для разбирательства, о. Воронцову попросту не простили неукоснительного следования церковному уставу, исключавшему возможность вольного толкования

⁴⁷⁷ Постановление архиерея для консистории // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6747. Л. 16 – 16 об.

⁴⁷⁸ Покорнейший рапорт благочинного Казанского уезда села Ильинского священника Иоанна Черкасова (1874) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 329.

⁴⁷⁹ Донос церковного старосты села Владимирского крестьянина Николая Алексеева Маганова и крестьянский приговор на священника Иоанна Воронцова и псаломщика Михаила Соколова (1866) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 98. Д. 25 а. Л. 30 об.

⁴⁸⁰ Дополнительное объяснение священника села Владимирского благочинному священнику Дмитрию Смирягин // Там же, л. 41.

канонических норм и, как следствие, искажения богослужебной практики в угоду местным обычаям. *«Крестьяне прихода означенного села грубые и склонны к ссоре и кляузам. Смотрят на священника не как на служителя алтаря Божия, а как на лицо собственно от них зависящее, действительно имеющее беспрекословно и обязательно исполнять все их прихоти...»*, – писал благочинный⁴⁸¹. Церковный староста, при случае, любил публично припугивать несговорчивый причт: *«Приход – великий человек, что захочет, то и будет»*⁴⁸².

В тяжелых и однообразных условиях сельского быта потребление алкоголя для части клира являлось приемлемым средством психологического расслабления и снятия напряжения. Случай священника Николая Нурминского (1873) прочитывается именно в таком ключе. *«При обозрении церковью округа, – сообщал благочинный Рождественский, – представилось мне следующее зрелище. Священник Николай Нурминский нетрезвый сидит на среднем окне, которое растворено, а верхние стекла этого окна разбиты. Стулья иные переломанные, а иные целые валяются на улице под окном. Народ, собравшийся на это невиданное до того зрелище, стоит на улице и смотрит, что будет дальше. Пономарь <...> тут же стоит не пьяный. Дьячок Федор Молчанов смотрит в окно из дома священника пьяный и кричит к народу: «Дать сей час Благочинному квартиру!» хотя об этом никто его не просит»*⁴⁸³.

В ходе наскоро организованного разбирательства, о. Нурминский поведал, что страдает психическим расстройством⁴⁸⁴. Подтвердить данный факт, с его слов, могли директор дома умалишенных, к которому священник обращался с просьбой

⁴⁸¹ Покорнейший рапорт благочинного 2 округа Свияжского уезда священника Дмитрия Смирягина // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 98. Д. 25 а. Л. 32 об.

⁴⁸² Там же, л. 33.

⁴⁸³ Рапорт благочинного Иоанна Рождественского архиерею от 2 июня 1873 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6702. Л. 4. Благочинный, при виде столь тревожной картины, повел себя неоднозначно. Выступая как сторонний наблюдатель, он не счел нужным вмешиваться в ситуацию. Дав указание крестьянам успокоить пьяных, он спокойно отправился на ночлег.

⁴⁸⁴ Объяснение священника Николая Нурминского в Казанскую духовную консисторию // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6702. Л. 7.

о госпитализации⁴⁸⁵. *«Действительно, на мой взгляд, – заключил о. Рождественский, – Нурминский более походит на помешанного, чем на пьяного, ибо собою владеет хорошо. И находившиеся у него в течении ночи крестьяне утром сообщили мне, что он вскоре просил <...> скрипку и играл на оной совершенно как трезвый, но говорил бессвязно и смешно»⁴⁸⁶.*

Между тем, церковное хозяйство и убранство храма своей стройностью и чистотой отнюдь не намекали на алкоголизм настоятеля. Осмотр показал, что при церкви действовала школа, воспитанники которой на удивление слаженно и хорошо пели. Священник Нурминский умудрялся учить крестьянских детей музыке с помощью сложного и редкого на селе инструмента – скрипки. Крестьяне заверили благочинного, что их священник в трезвости – добрый и предсказуемый пастырь. И только когда пьян, склонен к глупостям (не в пример дьячку, невыносимому и в трезвости, и во хмелю, и промышлявшему к тому же вымогательством)⁴⁸⁷. В заключении крестьяне не без гордости отмечали, что в целом отношения с клиром у них ровные, а сами они щедры и за крестильные и прочие услуги непременно благодарят свой причт спиртным.

Не исключено, таким образом, что пресловутое «психическое помешательство», о. Нурминского было следствием заглушаемого алкоголем душевного кризиса талантливого пастыря, волею обстоятельств вынужденного жить среди крестьян. Собственно, рекомендация доктора большее внимание уделять чтению книг и общению с образованными людьми на фоне отказа в

⁴⁸⁵ В стационарном лечении священнику Нурминскому было отказано, однако доктор прописал ему простую терапию: пить успокоительные средства, читать книги, гулять и общаться с людьми образованными. Вероятно, в окружении сельского пастыря образованных людей было немного, исходя из чего, он и обращался к монахам. Те, в свою очередь, посоветовали ему альтернативный общению, путь исцеления верой. Правда, в духе не канонического, а скорее «народного православия»: носить на шее ладанку с песком от святых гробов (мощей – А. Х.) (Рапорт благочинного Иоанна Рождественского архиерею от 2 июня 1873 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6702. Л. 4).

⁴⁸⁶ Там же.

⁴⁸⁷ Там же, л. 5.

госпитализации наводит на мысль именно о таком понимании проблемы специалистом⁴⁸⁸.

Спиртное, столь ценимое на селе и добродушно поставлявшееся крестьянами, конечно, не исцеляло, а усугубляло проблемы⁴⁸⁹. В особенности в тех случаях, когда они граничили с психическими отклонениями, объективно встречающимися в любых социальных и возрастных группах⁴⁹⁰. И тем не менее гораздо чаще речь шла о своеобразном «алкогольном эскапизме»⁴⁹¹, как

⁴⁸⁸ Счастливого поворота в судьбе священника Нурминского не случилось. Несмотря на благожелательные отзывы крестьян, духовные власти отправили его «для исправления» монастырь с перспективой перевода в один из соседних приходов, который к тому времени погряз в тотальном пьянстве причта во главе с настоятелем. Но здесь крестьяне встали горой за свое духовенство, почитая священника «как человека всегда трезвого, кроткого, сообразительного, для больших и малых хорошего наставника, всегда без опущения исполнительного...» (Покорнейшее прошение Царевококшайского уезда села Щапова прихожан // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6702. Л. 9 об.). Одиночество, вдовство и знание им марийского языка, с их точки зрения, вполне оправдывали периодическую нетрезвость пастыря. В итоге, после прохождения курса монастырской реабилитации, о. Нурминский был определен в один из приходов Свияжского уезда.

⁴⁸⁹ Рапорт благочинного 2-го округа Свияжского уезда села Утякова священника Дмитрия Смирягина (1879) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 111. Д. 5. Л. 18 – 18 об.

⁴⁹⁰ Там же, л. 18 об.

⁴⁹¹ Данный тезис требует пояснения. Казалось бы, сельский быт по сравнению с городским, во всех отношениях отличался однообразием. Исходя из чего, можно предположить, что село в большей степени было погружено в проблему пьянства, нежели город. Однако здесь необходимо сделать поправку на конкретный период. Российские города второй половины XIX – начала XX вв. отнюдь не были такими, какими они обычно представляются нашим современникам: и в плане благоустройства, и бытовых условий, и логистики, и уровня благосостояния основного населения. Описаний столичных, губернских и уездных городов рассматриваемого периода в научной литературе и беллетристике можно встретить множество. Но имеет смысл обратить внимание на одну деталь. В связи с распространением капиталистических отношений в крупные города шел бурный поток людей, приводивший к скученности и необратимо менявший их прежний полу-сельский патриархальный облик. Миграция и социальная мобильность, повышение ритма жизни оборачивались ростом психоэмоционального напряжения у горожан, которое снижалось ими преимущественно с помощью алкоголя. Ю.П. Лисицин и Н.Я. Копыт, ссылаясь на данные В.И. Покровского, показали, что на рубеже веков на одного взрослого в деревне приходилось 18,4 литра водки, в городах – 49,2 литра, в крупнейших центрах – 86,1 литра (Лисицин Ю.П., Копыт Н.Я. Алкоголизм. Социально-гигиенические аспекты. М.: Медицина, 1983. С. 73–74). При этом специалисты констатируют: «С точки зрения социально-психологических функций алкоголь рассматривается как неадекватный посредник между личностью и обществом... Алкоголь, с одной стороны, нередко выступает в роли универсального компенсатора, как средство снятия напряжения, обусловленного явлениями социального порядка (тяжелый физический труд, нестабильность общества, безработица); с другой стороны, социально-психологическая функция алкоголя <...> состоит в том, что он становится средством ухода от реальной действительности в форме «эскапизма» (индивидуального психологического бегства личности от гнетущей

специфической реакции человека на тяжесть и противоречивость существования⁴⁹². Унылая отповедь нравственных увещаний благочинного со стороны пьянствующего дьячка Покровского наглядно свидетельствует об этом: *«Не раз, уговаривая его, я советовал ему, чтобы он вел себя кротко и степенно, иначе о поступках его доведено будет до сведения Высшего Начальства; но он относился к этим увещаниям с какой-то небрежностью и пропитан какою-то самонадеянностью, говоря так: «Не очень дорожу я дьяческой должностью, ибо незавидна»*⁴⁹³.

Семейные трагедии в описываемой картине занимали значимое место. Драматичная судьба священника Аркадия Политова, после скоропостижной смерти жены, оставшегося отцом-одиночкой, и от переживаний и трудностей пристрастившийся к спиртному, довольно показательна⁴⁹⁴. Впрочем, гораздо чаще

социальной реальности)» (там же, с. 157). В.А. Геодакян в данном вопросе идет дальше. Его логика строится на фиксации тесной связи психоэмоционального стресса и соматических заболеваний. Формула исследователя выглядит следующим образом: алкоголь способствует снятию стресса, а, следовательно, в некотором роде, купирует вероятность заболеваний. (Геодакян В.А. Два пола. Зачем и почему? Эволюционная теория пола. М.: [Б. и.], 2012. С. 128–129). Ученый обосновывает свои выводы довольно любопытной статистикой. Таким образом, винопитие может рассматриваться не только в психологическом контексте, но и как древний и устоявшийся способ специфической профилактической терапии. В свою очередь, А.С. Акопян добавляет, что в животном мире скученность (аналогично перенаселенности у людей) – причина растущей отчужденности, агрессивности и конфликтности, а также роста числа аномалий и девиаций через нейроэндокринные (стрессовые) механизмы (Акопян А.С. Роль семейных ценностей в перерождении институтов государства: биосоциальный аспект // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4, № 1. С. 148). Ученый приходит к неожиданным выводам: злоупотребление алкоголем и ассоциированная с ним смертность от различных заболеваний и насильственных (внешних) причин в человеческом социуме завуалированно выполняют роль инструмента снятия межличностной и групповой агрессии и регулирования численности популяции (Там же). Мужчины, которые, по утверждению В.А. Геодакяна, выступают в эволюционном процессе авангардом изменений, берут на себя основную часть бремени обозначенного процесса. Тезис находит подтверждение в обширной статистике за любой исторический период: соотношение мужчин и женщин среди тех, кто злоупотребляет алкоголем, в среднем выглядит как 20:1. Эти внешне парадоксальные и не укладывающиеся в общепринятую логику факты, безусловно, требуют внимания. В нашем случае они подтверждают тезис о том, что пьянство приходского духовенства нельзя рассматривать в отрыве от общественного организма и иррациональных, эволюционно обусловленных механизмов его функционирования.

⁴⁹² Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб.: Гуманит. академия, 2010. С. 275.

⁴⁹³ Рапорт благочинного 2 Тетюшского округа села Флорова Ясака священника Василия Давыдова (1873) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 15 об.

⁴⁹⁴ См., напр.: Дело о нетрезвой жизни священника села Аркатова Аркадия Политова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 670. 32 л.

случалось и противоположное: именно алкогольная зависимость становилась первопричиной разлада и распада священнических семей. Характерный случай – дело священника Платона Садовского (1874). Пьяная жизнь некогда добропорядочного пастыря привела к запрету в служении, потере прихода и уходу жены. Последняя, втайне обзаведясь документом мужа о праве проживания в Казани, поселилась в одной из кондитерских лавок в центре города вместе со своей матерью. Спустя время, о. Садовский получил причетническое место, о чем на радостях явился сообщить супруге: *«Но вместо приятного разговора, теща и жена моя кинулись на меня как тигры разъяренные – всячески стали позорить и ругать, поставили хуже всякого разбойника»*⁴⁹⁵. Конфликт закончился избиением несчастного. Рабочие лавки, по наущению родственниц, догнав о. Садовского на улице, нанесли ему побои. Досаде клирика не было предела: *«Теща с мужем-то жила дурно. Так и у дочери должно быть... Тесть с тещей раз до пяти разводились»*, – сетовал он архиерею⁴⁹⁶.

Однако на этом злоключения священнослужителя не закончились. Временно поселившись в Казанском Иоанно-Предтеченском монастыре, о. Садовский в скором времени стал соучастником уголовной истории. *«Однажды вечером, – доносил архиерею наместник игумен Сергей, – Садовский, находясь в комнате, схватил послушника Евгения Леванова сзади за плечи. Леванов оттолкнул его. Началась драка. Взаимные удары закончились тем, что Садовский ударил Леванова железной задвижкой по голове. У того пошла кровь»*⁴⁹⁷. Ситуация отягощалась нетрезвостью виновника инцидента. К делу подключилась полиция, о. Садовский был оперативно исключен из монастырской братии и предан государственному суду.

⁴⁹⁵ Дело о нетрезвой жизни безместного священника Платона Садовского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6871. 42 л.

⁴⁹⁶ Объяснение бывшего священника Павла Садовского в Казанскую духовную консисторию // Там же, л. 34.

⁴⁹⁷ Покорнейший рапорт настоятеля Иоанно-Предтеченского монастыря игумена Сергея // Там же, л. 38.

Связанные с пьянством поведенческие девиации представителей приходского духовенства в отдельных случаях вторгались и в область сексуальных отношений⁴⁹⁸. Так, буйство, драки и, наконец, распутство в деле причетника Василия Соколова стали прямым следствием вольного отношения к спиртному. Хмельные увеселения пономаря обернулись преступной связью с молодой девушкой и ее беременностью. Почувствовав положение, женщина затребовала от отца ребенка заключения брака или материального вспоможения. Но Соколов отказался как от того, так и от другого. *«Узнав, что его проступок открывается и послан рапорт на него священником, – докладывал в консисторию благочинный, – он тотчас, не испросив билета, самовольно отправился в город Казань и, дабы выйти незамарану, подал в отставку, а, возвратившись из Казани, перестал исправлять и дьяческую должность»*⁴⁹⁹.

Пореформенная модернизация, несмотря на масштабы и всепроникающий характер, не означала полного и окончательного демонтажа и забвения традиционной этики и правил поведения. Нравственное самосохранение было тем фактором, который удерживал общество от «сваливания в штопор». Психотерапевтический эффект спиртного в сельском социуме конкурировал с насущной необходимостью обеспечения крестьянских семей пропитанием. Последняя диктовалась жестким правилом: какое количество продукта труженики наработывали в страду, на то и могли рассчитывать в последующую часть года. Хроническое пьянство наносило значительный урон работоспособности общин, а применительно к служителям церкви – бесперебойности совершения богослужений и требоисполнения, что в перспективе было чревато экономическими и психологическими трудностями.

Противодействуя пьянству, крестьяне с середины XIX в. по собственной инициативе стали организовывать команды трезвости, в задачи которых входило

⁴⁹⁸ См.: Дело о нетрезвой жизни священника, состоящего на причетнической вакансии в селе Кабанах Казанского уезда Михаила Добросмыслова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5808. 89 л.

⁴⁹⁹ Дело с ведомостями о лицах, бывших в 1874 г. под епитимьею в монастырях Казанской епархии // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6878. 18 л.

пресечение пагубной страсти среди мужиков. Делалось это не столько словесными увещеваниями, сколько при помощи более действенных и понятных простому народу методов⁵⁰⁰. Так, нередко снаряжались караулы к питейным домам в целях недопущения в них постоянных клиентов⁵⁰¹. Священники в таких случаях выступали учителями нравственности и подбадривали прихожан в благом деле народной трезвости. В 1874 г. в одном из сел Чистопольского уезда *«в виду ограждения от вредного влияния развившегося между крестьянами пьянства, постановили 7 января приговор, которым не только навсегда закрыли на своей земле продажу вина, но определили, кто из них будет предаваться пьянству, тех подвергать денежному штрафу, каждого по 1 рублю серебром в пользу строящейся приходской церкви»*⁵⁰². В дальнейшем подобная практика в Казанской епархии постепенно расширялась.

Церковь старалась если не возглавить эту инициативу, то, по крайней мере, стать одним из ее активных воплощений. Еще в конце 1850-х гг. Синод благословил всем пастырям *«живым примером собственной жизни и частым проповеданием в Церкви Божией (свидетельствовать) о пользе воздержания»*⁵⁰³. Правда, сделано это было не без государственного стимула⁵⁰⁴. Но многие священники действительно активно включились в процесс нравственного

⁵⁰⁰ Уведомление Казанской палаты государственных имуществ управляющему Казанской епархией за № 8509 от 23 мая 1859 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5454. Л. 1.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Сообщение мирового посредника 1-го участка Чистопольского уезда Казанской губернии архиепископу Казанскому и Свияжскому Антонию от 8 января 1874 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 323.

⁵⁰³ Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода архиепископу Казанскому и Свияжскому от 31 ноября 1859 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5454. Л. 6 об.

⁵⁰⁴ Практика обращения государственных структур к Синоду и епархиальным начальствам по вопросу активизации антиалкогольных проповедей среди населения известна и не нуждается в дополнительном освещении. Она отражена во многих исследованиях. Случалось, что Синод даже шел против некоторых неэтичных пожеланий светских властей. Так, Министерство финансов безуспешно пыталось заблокировать издание обозначенного синодального указа от 31 ноября 1859 г. Однако крылась ли в этом подлинная забота высшей церковной власти о благе народа, или принципиальное сопротивление церковных чиновников таило в себе элемент аппаратной интриги с намерением поддержать одну структуру в пику другой, достоверно сказать мы не можем.

перевоспитания народа, лично подавая пример трезвости и благоразумия⁵⁰⁵. Порой, своими пламенными проповедями некоторые из них и вовсе склоняли крестьян и землевладельцев к ликвидации в деревнях питейных заведений⁵⁰⁶. Это способствовало некоторому повышению уровня трезвости крестьянской массы⁵⁰⁷.

Часть помещиков также проявляла заинтересованность в обуздании пьянства населения. Но, скорее не в силу заботы о нравственном состоянии народа, сколько из прагматических соображений: трезвые крестьяне эффективней работали. Так, «в селе Зюзине крестьяне дали обязательство землевладелице Г-же Безобразовой не позволять открывать на своей земле питейного в течении трех лет начиная с 1875 года и Г-жа Безобразова, со своей стороны, заявила, что она никому не дозволит в течении этого времени торговать вином на ее земле. Таким образом, питейного в Зюзине нет теперь и не будет три года. Найдет ли пример этот подражателей покажет время»⁵⁰⁸.

Однако подобные примеры все же следует считать исключением. Священник Скворцов констатировал, что в целом помещики хоть и были наиболее прогрессивными и образованными из всех категорий сельского населения, но это не мешало им, основываясь на сугубо меркантильных интересах, заново открывать закрытые ранее кабаки и тем самым нивелировать усилия священнослужителей по упрочнению трезвости среди крестьян⁵⁰⁹. В итоге, казалось, навсегда ушедшая в прошлое крепостная кабала, по образному выражению Д. Н. Бородина, обернулась

⁵⁰⁵ Сообщение мирового посредника 1-го участка Чистопольского уезда Казанской губернии архиепископу Казанскому и Свияжскому Антонию от 8 января 1874 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 323.

⁵⁰⁶ Рапорт благочинного 1 округа Лаишевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова (1874) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 234 об.

⁵⁰⁷ П.И. Поляков, основываясь на личных наблюдениях, обратил внимание на примечательную поведенческую особенность крестьян. Нередко приходской батюшка был для прихожан поведенческим ориентиром: если сам он выпивал, то пил и приход; воздерживался – воздерживались и пасомые. Получалось, что утвердившееся в народной культуре выражение «Каков поп – таков приход» отнюдь не было лишено смысла. «Народ видя, что его пастыри склонились в сторону трезвости (хотя пока и не абсолютной), решительно не находил опоры в своих аргументах в пользу винопития» (Поляков П.И. Указ. соч., с. 4).

⁵⁰⁸ Покорнейший рапорт благочинного 1-го округа Лаишевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова (1874) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 240.

⁵⁰⁹ Там же, л. 234 об.

кабалой кабацкой⁵¹⁰. Землевладельцы, любыми средствами, стремясь сохранить прежний уровень доходов, нередко в плотной связке работали с поставщиками алкоголя и организаторами питейных заведений – шинкарями, выстраивая посреди крестьянской земли на заблаговременно присвоенных участках питейные дома. Их союзниками выступали сельские власти, мотивированные прибылью, что порождало конфликтные ситуации с участием церкви⁵¹¹.

Шинкари шли на различные ухищрения, не обращая особого внимания на нравственность, в том числе, активно «обрабатывая» духовенство и добиваясь его благорасположения в щепетильном вопросе. В этом им в ряде случаев помогали церковные старосты. Интересно, что последние иногда были напрямую связаны с виноторговлей. В должностной инструкции, утвержденной высочайшим указом от 12 июня 1890 г., такая деятельность вне пределов городских поселений старостам запрещалась. Но допускалась для старост городских приходов⁵¹². Между тем, указания на действующую правовую норму периодически публиковались в епархиальных водноостях, что косвенно наводит на мысль о имевших место нарушениях данных установлений. В итоге, как сообщает П. И. Поляков, подчиня клир, кабацники действовали смелее и упорней⁵¹³. Очевидно, что взамен первые получали мзду, подчас оказываясь соблазнены бесплатным спиртным, преподносившимся в качестве платы за лояльность. Таким образом, священник рассматривался виноторговцами как важное звено в продаже алкогольной продукции населению, от позиции которого зависела трезвость или пьянство всего прихода.

В этом конфликте между церковью с одной стороны, и помещиками и органами местного самоуправления – с другой, государство занимало противоречивую позицию. Действительно, повальное пьянство наносило демографический и экономический урон – пьяницы скоро умирали, часто болели и

⁵¹⁰ Бородин Д.Н. Кабак и его прошлое. СПб.: Типо-лит. «Виленчик», 1910. С. 62.

⁵¹¹ Известия по Казанской епархии. 1872. № 10. С. 312.

⁵¹² Там же. 1893. № 15. С. 483.

⁵¹³ Поляков П.И. Указ. соч., с. 10.

редко были платёжеспособны. Количество и характер преступлений и иных социальных проблем также коррелировало с уровнем потребления спиртного. В то же время, самодержавие было заинтересовано в благорасположении дворянства и местных администраций, тогда как виноторговля составляла важную часть государственных доходов и в значительном снижении продаж спиртосодержащей продукции правительство не было заинтересовано. С введением в 1863 г. акцизной системы, акциз на алкоголь резко упал. Спирт существенно подешевел, что обернулось значительным ростом прибыли казны, но одновременно и народного пьянства⁵¹⁴. По оценке Н. Е. Горюшкина, в период с 1863 по 1873 гг. объем выпитого в России спиртного впечатляюще вырос⁵¹⁵. В поисках баланса правительство устремилось к церкви, пытаясь заручиться ее поддержкой, и стимулируя и расширяя ее антиалкогольные усилия. Так, в 1886 г. Министерство финансов запретило открывать новые трактиры на расстоянии от храмов менее чем 85 метров, вводя при этом и ряд других общественных ограничений в целях поддержания нравственного авторитета и благотворного наставничества церкви⁵¹⁶. Однако одновременно целенаправленно ограничивая ее активность сугубо назидательной сферой: проповеди, беседы, наставления и т.д. Там же, где вопрос упирался в реализацию практических шагов экономического плана, оно стремилось не допустить чрезмерной эффективности трезвеннических мероприятий, попросту объявляя их незаконными. *«Попытки эти к обузданию чрезмерно развитого в селениях порока пьянства – это проявление отрезвляющегося разума народа – в высшей степени возбудили всеобщую симпатию людей просвещенных и благомыслящих»,* – говорится в одном из писем Палаты государственных имуществ, направленном казанскому архиерею. *«Но высшее Императорское Правительство, признавая весьма похвальным благонамеренное стремление к воздержанию от пьянства, находит, что к*

⁵¹⁴ Бородин Д.Н. Указ. соч., с. 61.

⁵¹⁵ Горюшкина Н.Е. Пьянство и борьба с ним в эпоху винного акциза (1863–1894 гг.) // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2011. № 143. С. 8.

⁵¹⁶ Известия по Казанской епархии. 1886. № 5. С. 124.

искоренению его должно стремиться наблюдением и внушениями, но что составление сходами приговоров с принудительными мерами, как не разрешаемое положительным законом, не должно быть допускаемо»⁵¹⁷. «Теплое слово служителя алтаря, с убеждением сказанное и впоследствии повторенное, должно иметь успех несомненный»⁵¹⁸.

Однако подход, основанный на двойных стандартах, давал слабый эффект. Практика организации на местах церковных обществ трезвости, заря которой пришла на 1870-е–1880-е гг., изначально носила сугубо ограниченный характер. Во-первых, далеко не в каждом населенном пункте даже к началу XX в. удалось создать такое общество. Сказывались значительные расстояния и ограниченность кадровых и материальных ресурсов. В начале 1900-х гг. в Казанской епархии собственно церковных трезвеннических ячеек едва ли насчитывалось более трех десятков. Да и их численность редко превышала сотню-две человек. В большинстве случаев, обязанность по организации обществ трезвости, налаживанию и поддержанию в них просветительской работы возлагалась на приходских священников, которые и в без того тяжелых условиях, и при обилии иных обязанностей попросту не были заинтересованы в успешности этих потенциально конфликтных инициатив, подразумевавших практику штрафов за нарушение обетов трезвости⁵¹⁹. Активная проповедь воздержания нередко воспринималась сельскими жителями как покушение «на святое» и единственное доступное «развлечение». Так, в одном из марийских сел жители вознегодовали на своего пастыря (1866). Причина оказалась банальной: нарушение последним старинного обычая. Ранее за венчание сельчане благодарили священника полштофом водки⁵²⁰. Но новый батюшка оказался приверженцем трезвости и заменил его на денежное пожертвование в 40 коп. *«Вот, бывало, принесешь батюшке полштофа водки, – сетовали раздосадованные крестьяне, – а он и угостит тебя из полштофа*

⁵¹⁷ Уведомление Казанской палаты государственных имуществ управляющему Казанской епархией за № 8509 от 23 мая 1859 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп.1. Д. 5454. Л. 1 об.

⁵¹⁸ Там же, л. 6 об.

⁵¹⁹ Известия по Казанской епархии. 1894. № 5–6. С. 124.

⁵²⁰ 0,77 литра.

*стаканчиком или двумя. А этот священник только деньги берет, а нам и рюмочки не поднесет»*⁵²¹. Поэтому всецело зависимое от своего прихода духовенство, особо не желало радикально портить отношения с прихожанами, да и друг с другом. Между тем, в городе дела обстояли ненамного лучше. Так, согласно донесению казанского благочинного, в 1900-м г. приходских обществ трезвости в Казани заведено не было, на том основании, что *«прихожане интеллигентные и надобности нет»*⁵²².

Приходской клир под любым предлогом старался найти отговорки от исполнения обременительных консисторских циркуляров, а дело трезвеннического просвещения населения становилось уделом отдельных социально ответственных и равнодушных пастырей. Во-первых, священнослужитель попросту не всегда мог быть авторитетом и образцом благонравия, поскольку сам был равнодушен к спиртному, в чем крестьяне были осведомлены. К примеру, в 1886 г. в Тетюшском уезде произошел курьезный, но вполне характерный случай. При посещении церкви в селе Флоровом-Ясаке епископом Чебоксарским – событие по местным меркам значимое – диакон Иоанн Комаров, не будучи в силах проявить воздержанность, на виду у народа встречал преосвященного в крайне хмельном состоянии⁵²³. Такие случаи были не единичны. Во-вторых, содержательная и организационная составляющие обществ были представлены в малоэффективной назидательной форме: молебны об избавлении от недуга пьянства, собрания, беседы и совместное чтение брошюр. Унылость и монотонность таких встреч при отсутствии адекватных альтернатив никак не могла составить конкуренцию

⁵²¹ Рапорт благочинного священника Мариинского Посада Петра Васильевского (1886) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7243. Л. 51.

⁵²² Рапорт благочинного 3-го округа Лаишевского уезда священника Алексея Сельского Высокопреосвященнейшему Арсению, архиепископу Казанскому и Свияжскому (1900) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 101.

⁵²³ Рапорт 2-го Тетюшского округа села Флорова-Ясака священника Василия Давыдова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7243. Л. 15 об.

Двумя годами ранее диакон попал в поле зрения духовной консистории в связи с обращением прихожан об удалении его из прихода на основании пропития выданного ими 50 руб. к новогоднему жалованию (Дело о нетрезвой жизни диакона села Флорова-Ясака Иоанна Комарова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7159. 27 л.).

безудержному веселью, не требовавшему тяжелых раздумий, к которым народ эксплицитно предрасположен не был и которыми мучительно тяготился: *«Как трудно располагать крестьян вступить в число трезвенников, так же трудно привлечь их к посещению бесед»*⁵²⁴. Исходя из этого, трезвенническое движение становилось предприятием антагонистичной духовенству сельской интеллигенции, широко не востребованным, и не находившим понимания в широких крестьянских массах. Показательны в связи с этим попытка антиалкогольной проповеди в трактире одного из священников и пассивно-агрессивная реакция на нее крестьян (1875): *«А ты, батюшка, нечего нас здесь учить-то пьяных. Гавриил Антонович, настоящий благочинный о. Мирюлюбов, учил нас не в кабаке, а в Божьем храме»*⁵²⁵.

С принятием в 1885 г. новых правил о питейной торговле, количество легальных питейных домов, заслуживших к тому времени дурную славу «пьянственных мест», значительно сократилось. Вместо них появились патентованные лавки и трактиры, которые должны были руководствоваться жесткими правилами при отпуске населению винной продукции не «в народ», а «на дом». Однако и этот закон оказался малоэффективным. Меры правительства к обузданию пьянства привели к взрывному росту непатентованных подпольных заведений, суррогатной торговле спиртным. Торговых лавок, осуществлявших продажу винной продукции, стало настолько много, что масштабы явления буквально обескураживали современников: *«Питейные лавки в каждом селении, даже малолюдном. Если бы народ не был слаб к винопитию, не было бы такого обилия питейных заведений»*⁵²⁶. Таким образом, радикального изменения общественной культуры в аспекте потребления спиртного и борьбы с пьянством после 1885 г. не произошло. Так что неблагоприятный социальный фон в равной

⁵²⁴ Рапорт благочинного 1 округа Казанского уезда и его помощников (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 63.

⁵²⁵ Протокол № 2 от 11 марта 1875 г. опроса крестьян // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6841. Л. 13 об.

⁵²⁶ Рапорт благочинного 1 округа Казанского уезда и его помощников (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 66 об.

степени сохранялся и для крестьян, и для их духовенства на протяжении всего пореформенного периода.

Подводя черту под рассматриваемой проблемой, целесообразно обратиться к примечательному документу, сохранившемуся в архиве Казанской духовной консистории. Речь идет о донесениях священника подгороднего села Вознесенского Василия Бетяковского. В 1885 г. он, движимый тяжелыми проблемами на приходе, решился на откровение с викарием Казанской епархии епископом Кириллом по поводу того мрачного положения, в котором оказался вознесенский причт в связи с пьянством штатных священнослужителей и причетников. Инициатива вылилась в несколько посланий, обладающих особой информативной ценностью. Их достоинство не ограничивается констатациями фактов из окружавшей приходской действительности. Священник Бетяковский пытался открыть епископу глаза на масштабы проблемы в целом, увязывая их с системным кризисом церкви.

Священник уведомлял архиерея о тяжелых запоях дьякона Источникова и псаломщика Кудрявцева. Первый, по его словам, – алкоголик. Но его хоть отчасти извиняла неподдельная любовь к богослужению⁵²⁷. В некотором роде, диакон – человек прошлого: греховный, но религиозный. Кудрявцев – новый тип. *«Прежде всего, Кудрявцев стремится зашибить копейку каким бы то ни было образом: обманом, насилием и проч. Не гнушается при этом всем, что только под руку попадет (а разве материальные приобретения не ставятся всеми выше всего и разве наши патентованные богословы не проповедают, что цель оправдывает средства?)»*⁵²⁸. Причетник не постыдился обмануть приходского гостя – почтенного казанского протоиерея, в результате чего о. Бетяковский вынужден был извиняться. Жажда легкой наживы, соседствовавшая с безобразным алкоголизмом, преодолела в Вознесенском все мыслимые барьеры. Часть клира погрузилась в

⁵²⁷ Рапорт Казанского уезда села Вознесенского священника Василия Бетяковского Преосвященному Кириллу, епископу Чебоксарскому, викарию Казанской епархии // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7218. Л. 1 об.

⁵²⁸ Там же, л. 2.

пучину греха и сребролюбия – состояние, при котором оно не могло уже не только радеть о народной нравственности, но и блости свой духовный авторитет. *«Такая грубость, чуть ли не драка из-за грошей, для меня невыносима»*, – печаловался о. Василий⁵²⁹.

Пытаясь понять глубинные причины разрушительных тенденций, о. Бетяковский указывал на религиозную индифферентность значительной части духовенства. По его словам, клир состоял из «кудрявцевых», которые и малообразованные, и применять к жизни слово Божье не хотят. *«И это после пятнадцатилетней службы и кочевок чуть ли не по всей епархии. Значит – хороши были о. о. настоятели, под ведомством которых приходилось ему (Кудрявцеву – А. Х.) служить. Хороша, должно быть, их служба, когда чтец слова Божия не умеет или не хочет двух-трех строчек прочитать правильно. Нет, здесь, вероятно, преследовалось более всего служение мамоне, а не Богу. И из подобной-то школы и выходят подобные нравственные уроды, как Кудрявцев <...> При таком составе причта, какой является соблазн для мирян и особенно в здешнем подгороднем приходе, где народ более или менее развитой?! Вот, пьяный диакон, служитель алтаря валяется в грязи у кабака, а там удалось дьячку обмануть недогадливого поселанина, или стащить что-нибудь, и тут же нередко начинается расправа и примирение в кабаке. Но вот являются к божественной службе грязные, оборванные, с невыносимым запахом табака и водки, внося в храм Божий атмосферу кабака и ухватки кабацких завсегдаево. И эта-то развратная дрянь является в роли служителей Церкви Христовой?! Что тут делать священнику, если он не потерял еще сознание своей обязанности? И вот большая часть энергии его тратится на парализование вредного действия причта на прихожан, чем на прямое нравственное воздействие на этих последних»*⁵³⁰. Не удивительно,

⁵²⁹ Рапорт Казанского уезда села Вознесенского священника Василия Бетяковского Преосвященному Кириллу, епископу Чебоксарскому, викарию Казанской епархии // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7218. Л. 2 об.

⁵³⁰ Там же, л. 3.

приходил к выводам священник, что после такой картины прихожане испытывали презрение к пастырям церкви и называли их оскорбительными прозвищами.

Раскрывая скрытые грани приходской жизни, пастырь не ограничивал круг виновных перечисленными персонами. Он видел в лице своих подчиненных отражение системной проблемы церкви: «...подобные личности – продукт нашей прогнившей среды. Если мы на страницах епархиального органа, как, например, нашего встречаем, что о. о. иереи или даже протоиереи угощают друг друга эпитетами «иудей», «рыцарь чести» и обвиняют друг друга в не совсем-то чистых делишках по поводу наживы, то как можно требовать деликатности, честности и справедливости от низших членов причта?»⁵³¹. Описывая случай появления диакона Источникова в пьяном виде в храме к началу богослужения и вмешательство в благочестивую беседу священника с прихожанами, о. Бетяковский констатировал: «После этого не знаю, кто более является врагом Церкви: старообрядец ли, иногда грубо заблуждающийся, или лица, подобные Источникову, для которых нет ничего святого?»⁵³².

Таким образом, пьянство следует считать одной из наиболее значительных дисциплинарных проблем в среде приходского духовенства Казанской губернии рассматриваемого периода. В пользу этого говорит не только внушительный набор соответствующих дел, отложившихся в архивных фондах духовной консистории, по совокупному объему, превышающему прочие вместе взятые, но и тот факт, что проблема становилась центральным сюжетом в отчетах благочинных с конца 1850-х гг. до начала XX в. О точных масштабах явления на уровне епархии, в силу ограниченности источников, достоверно судить сложно. Можно говорить лишь о его однозначном присутствии в приходской жизни на протяжении всего пореформенного времени. Тем не менее само по себе пьянство, как социокультурный и медицинский феномен, нельзя назвать присущим только

⁵³¹ Рапорт Казанского уезда села Вознесенского священника Василия Бетяковского Преосвященному Кириллу, епископу Чебоксарскому, vicарию Казанской епархии // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7218. Л. 4 об.

⁵³² Там же, л. 10 – 10 об.

духовному сословию. Злоупотребление спиртным было характерно в целом для российского социума. Вместе с тем, в документах довольно четко просматривается и другая грань проблемы, упоминание о которой до сих пор не встречается в исследовательской литературе. Речь идет о широко распространенной практике обвинений в пьянстве клириков в целях дискредитации того или иного члена причта. При всей обычности в народной жизни, злоупотребление алкоголем в массе все же оценивалось как явление негативного порядка, уклонение от норм христианского благочестия даже в его простонародном понимании. Исходя из этого, обвинение неизбежно бросало тень на репутацию священника или причетника. Впрочем, отношение к проблеме со стороны паствы зависело от ряда условий и выстраивалось на основе специфического и во многом утилитарного восприятия, ставшего общеизвестным факта – тяжелого, но не фатального. Лояльность прихожан к алкогольной зависимости их пастырей проявляла себя там, где пьянственный образ жизни клирика не нарушал негласные правила крестьянского общежития, не влиял на совершение богослужений и ход требоисполнения, не выходил за границы допустимых в этой среде этических норм.

3.2. Агрессия, рукоприкладство и членовредительство

Факты агрессивного поведения в среде приходского духовенства представлены в источниках хотя и не в столь многочисленном виде, как пьянства, но, тем не менее, также имеют место. Это, в некотором роде, закономерно, поскольку агрессия присуща человеческой природе, а, следовательно, принципиально неустранима, вне зависимости от принадлежности индивида к конкретному социальному классу. Психологическое и физическое насилие являются формой выражения имманентных агрессивных импульсов, древнейшим механизмом разрешения конфликтов, подавления конкурентов в борьбе за ресурсы, достижения социального лидерства; способом регулирования межличностных и групповых отношений, разрядки психоэмоционального напряжения в норме и патологии.

Однако в рамках исследования структуры агрессивного поведения пореформенного клира информативная дефицитность источников накладывает определенные ограничения. Ретроспективно едва ли возможно проникнуть в такой аспект проблемы, как нюансы биографии того или иного персонажа, особенности его личности и условия ее формирования. Иными словами, сложно с достаточной достоверностью определить характерологический профиль человека. Между тем, именно он является важным элементом всего явления или, по крайней мере, одной из его важнейших составляющих. Так, А. Е. Личко показал, что закладка социально обусловленных основ поведенческих аномалий зрелой личности приходится на детский и подростковый возраст⁵³³. Но данный факт в нашем случае вырастает в масштабную проблему. Документальные сведения об этом периоде жизни представителей клира скупы и не выходят за рамки кратких записей в ведомственных документах. Поэтому они едва ли способны сыграть конструктивную роль в установлении полноты истины, а тем более определить границу между нормой, присущей конкретной культурной среде, и отклонениями, в том числе, психопатологической природы. Исходя из этого, наш подход ограничивается уверенной квалификацией лишь тех случаев, которые однозначны по своим проявлениям.

Опираясь на данные источников, структуру агрессивного поведения епархиальных священно- и церковнослужителей условно можно представить следующим образом.

1. *По характеру: словесные угрозы, избиения, покушения на жизнь, аутоагрессия, сексуальное насилие;*
2. *С позиции причинности: на фоне алкогольного опьянения, финансовых противоречий, личной неприязни, болезни, экономических проблем, полового влечения);*
3. *С точки зрения объектности: в отношении прихожан, сослуживцев, членов своих семей.*

⁵³³ См.: Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1983. 255 с.

Хоть и крайне редко, но также имели место и *убийства*. В особую категорию следует выделить нереальные (чаще – вымышленные) случаи, злонамеренно приписанные клирикам недоброжелателями, но впоследствии не подтвердившиеся.

Представленная типология во многом условна, поскольку в повседневности акты агрессии нередко имели комплексный, а по течению – взаимообусловленный характер. Так, финансовые противоречия порождали личную неприязнь (и наоборот), провоцируя односторонние или взаимные оскорбления и столкновения; предвзятое отношение могло быть следствием расстройства личности и выражаться в провокационном поведении; хроническое злоупотребление алкоголем становилось основой отклонений психопатологической природы и выступало катализатором того или иного конфликта и т.д.

Естественно, что повседневное взаимодействие членов причтов не ограничивалось богослужениями и пространством храма. Многогранность реального быта предопределяла сложность каждой конкретной ситуации, обуславливала переплетение факторов, индивидуальных мотивов и реакций. Но очевидно при этом и то, что их невозможно рассматривать вне общего социокультурного и культурного контекста, о чем ранее уже неоднократно говорилось. Архивные материалы надежно свидетельствуют о том, как социокультурная среда выступала фактором, определяющим причины, ход, характер и специфику того или иного происшествия. Рассмотрим это на конкретных примерах.

На фоне алкогольного опьянения. В предыдущей части работы, разбирая дело священника Василия Сереброва, мы обратили внимание на то, как агрессия проявляла себя на фоне злоупотребления спиртным. Категория детерминированных алкоголем разрушительных поступков духовенства в целом довольно внушительна и четко представлена в источниках.

Дело причетника села Акрамова Космодемьянского уезда Виктора Троицкого (1860). Хроническое пьянство вызывало в клирике безудержную агрессию, и оборачивалось жестоким рукоприкладством в отношении первого

попавшегося под руку человека. *«Немного в году проходит базаров, – писал благочинный, – на которых причетник Троицкий не завел бы ссоры или драки»*⁵³⁴. Случалось, что буян и сам был бит, но чаще его жертвами становились посторонние. Ни статус, ни личность объекта насилия не играли для него принципиальной роли. Так, в один из крестных ходов Троицкий причинил тяжелые побои двум крестьянам-чувавам, от которых один из них едва не скончался⁵³⁵. Церковный причт страдал от этого не менее прихожан. В 1861 г. Троицкий жестоко избил своего сослуживца диакона Михаила Болдинского, в момент расправы кощунственно выбив у него из рук ковчег с крестом⁵³⁶.

От побоев страдали не только мужчины, но и женщины и дети. *«Просвирня села Акрамова Матрона Стефанова, которая вместе с тем есть и родная свояченица причетнику Троицкому, в мае месяце текущего 1861 года явилась ко мне вся избитая и изъязвленная, – печаловался епархиальным властям местный священник Михаил Краковский, – жаловалась <...> что Троицкий, бывший в весьма пьяном виде, избил ее, Стефанову, с нанесением ран, а жену свою от побойств едва не лишил жизни»*⁵³⁷. Пономарь Федор Кузьминский доносил, что однажды причетник без всякой причины избил его жену и изорвал на ней верхнюю одежду⁵³⁸. Другой клирик подтверждал: *«Троицкий, настигши в пьяном виде на дороге его жену, ударил ее так сильно, что она выронила из рук младенца, а потом, сорвавши с нее шаль, унес сию последнюю в свой дом»*⁵³⁹. Драматичную картину обрисовал и купец Никита Мамутин, проживавший в том же селе. В декабре 1861 г. священник Евгений Разумовский и Виктор Троицкий без приглашения явились к нему в дом и намеренно завели оскорбительный разговор. Хозяин пытался унять и

⁵³⁴ Покорнейший рапорт благочинного священника Михаила Краковского от 19 декабря 1860 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5707. Л. 15 об.

⁵³⁵ Покорнейший рапорт благочинного села Черлевишева священника Михаила Краковского в Казанскую духовную консисторию от 28 ноября 1861 г. // Там же, л. 36 об.

⁵³⁶ Покорнейший рапорт благочинного священника Михаила Краковского в Казанскую духовную консисторию от 9 декабря 1861 г. // Там же, л. 41.

⁵³⁷ Покорнейший рапорт благочинного села Черлевишева священника Михаила Краковского в Казанскую духовную консисторию от 28 ноября 1861 г. // Там же, л. 36 об.

⁵³⁸ Там же, л. 37 об.

⁵³⁹ Там же.

выпроводить непрошенных гостей. Но Троицкий оборвал вразумления рукоприкладством. Побои были нанесены и купеческой жене, и его малолетним детям. *«У самого Мамутина вся голова и шея остаются доселе в неестественном положении. При этом буйстве причетник Троицкий одного мальчика окровенил, выбив в доме стекла и, наконец, угрожал самому Мамутину лишением жизни»,* – информировал консисторию возмущенный и встревоженный благочинный⁵⁴⁰.

Однако самые беспрецедентные события развернулись в доме диакона Михаила Болдинского. *«В это время семейство мое обедало, – писал он священнику Михаилу Краковскому, – а как застал он (Троицкий – А. Х.) их за столом, сказал: «Кормите меня, я есть хочу. Дочь моя подала на стол ему то, что было сготовлено детям»*⁵⁴¹. Затем гость принялся требовать вино, в котором ему предусмотрительно было отказано. В ответ Троицкий стал громогласно обвинять семейство Болдинского во лжи и угрожать убийством. *«Жена моя, – продолжал диакон, – видя его наглость, обратно (собралась) уходит от него в горницу. <...> Он погнался за ней с произношением ругательных и поганных слов: «Врешь ты, курва, блядь, куда бежишь, давайте вина, я знаю, вы купили!».* Жена моя едва успела выбежать в горницу, но не успела закрыть дверь, и он подбежал к двери, схватил за скобу вдруг дернул дверь и вместе с нею вымахнул жену мою в сени»⁵⁴². Находившийся там же брат Троицкого попытался остановить буяна. Будучи схваченным, но заметив о. Болдинского, причетник попытался вырваться, *«не переставая изрыгать свою блевотину и плевать на нас обоих. Дошел до самой низости, что вытащил естество свое и начал трясти им и говоря, что вы оба естества моего не стоите»*⁵⁴³.

Рассматриваемое дело примечательно не только совокупностью поведенческих крайностей, транслируемых большим алкоголизмом

⁵⁴⁰ Покорнейший рапорт благочинного священника Михаила Краковского в Казанскую духовную консисторию от 9 декабря 1861 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5707. Л. 41.

⁵⁴¹ Письмо диакона Михаила Болдинского священнику Михаилу Краковскому от 18 марта 1862 г. // Там же, л. 46 об.

⁵⁴² Там же, л. 47.

⁵⁴³ Там же.

церковнослужителем. Заслуживает внимания реакция на них церковных властей, до которых регулярно доходили сведения о бедах в акрамовском приходе. Еще в 1859 г. вопрос о Троицком поднимался в Чебоксарском духовном правлении. Причиной внимания административного органа стало избиеение пономаря Федора Успенского. Однако, в силу нежелания чиновников разбираться в деле, церковнослужители при посредничестве первых вскоре пошли на мировую: *«Во избежание излишней переписки и делопроизводства, могущего служить к обременению Начальства и согласно поданному прошению причетника Федора Успенского и Виктора Троицкого <...> дело прекратить. <...> Предписать Вашему Благочинному священнику Краковскому <...> вести себя на будущее время кротко и благонравно»*⁵⁴⁴.

Тем не менее через год ситуация вынудила правление вновь начать следствие по поступавшим на Троицкого заявлениям. Дознавателем был назначен окружной священник Андрей Сокольский. Но на его запрос настоятель акрамовской церкви о. Евгений Разумовский ответил, что пороков за причетником не наблюдается⁵⁴⁵. Сам же подозреваемый поторопился обвинить в происках своих давних конкурентов, якобы инициировавших безосновательное разбирательство. Примечательно, что вслед за своим настоятелем опрошенные крестьяне в один голос утверждали отсутствие предосудительных поступков со стороны Троицкого. Впоследствии следователь священник Михаил Краковский, направленный вместо нераспорядительного о. Сокольского, установил, что, вопреки присяге, его предшественник провел дознание настолько необъективно, что даже обратил очевидные факты преступного поведения пономаря в его оправдание⁵⁴⁶. Тогда же прояснились и мотивы десятков крестьян, вопреки истине и присяге, сообщивших следователю недостоверные сведения. *«Следователь, депутат священник Сокольский, – писал о. Краковский, – производил следствие в доме родного шурина*

⁵⁴⁴ Указ Чебоксарского духовного правления // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5707. Л. 39 – 39 об.

⁵⁴⁵ Покорнейший рапорт благочинного священника Михаила Краковского от 19 декабря 1860 г. // Там же, л. 22.

⁵⁴⁶ Покорнейший рапорт благочинного села Черлевишева священника Михаила Краковского в Казанскую духовную консисторию от 28 ноября 1861 г. // Там же, л. 36.

причетника Троицкого крестьянина Ильи Стефанова, который вместе с тем есть и заседатель Акрамовского Волостного правления. Постоянное нахождение сего заседателя при производстве дела удерживало допрашиваемых Акрамовских прихожан от показаний, клонящихся к обвинению ответчика Троицкого...»⁵⁴⁷.

Родственный фаворитизм, таким образом, выступил решающим фактором при разборе дела. Однако крестьяне в массе пошли на предосудительный шаг не только по нежеланию нарушать негласные принципы отношений с причтом или из опасений перед мезью обладавшего связями буйного церковнослужителя. Смеем полагать, среди них было немало, готовых постоять за себя. Священник Краковский обращает внимание на тот факт, что в целях склонения подлежащих допросу крестьян на свою сторону, Троицким в ход был пущен излюбленный в народе метод – «опаивание» свидетелей вином⁵⁴⁸. После угощений крестьяне изъявляли желание дать любые показания. Заслуживает внимания и позиция членов причта. Они не только покрывали предосудительное поведение своего сослуживца, но и в лице настоятеля прихода фактически являлись соучастниками бесчинств Троицкого⁵⁴⁹.

Схожим по характеру был случай псаломщика с. Нырьи Дмитрия Петрова (1880)⁵⁵⁰. В случаях регулярного опьянения от жестоких побоев причетника страдали как жена и дети, так и престарелые родители. Нестерпимое насилие

⁵⁴⁷ Покорнейший рапорт благочинного села Черлевишева священника Михаила Краковского в Казанскую духовную консисторию от 28 ноября 1861 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5707. Л. 37 об.

⁵⁴⁸ Там же, л. 38.

⁵⁴⁹ В конечном счете, благодаря настойчивости священника Краковского, причетник Троицкий, по решению консистории, был выслан в Раифский Богородицкий мужской монастырь «научению послушанию и смирению». Там он хоть и продолжал злоупотреблять спиртным и практиковать самовольные отлучки, но, по сообщению наместника, вел себя невероятно кротко. В один из дней причетник окончательно исчез. По ходатайству наместника пустыни игумена Антония, Троицкий был выведен из состава насельников монастыря и исключен из духовного звания (Покорнейший рапорт наместника Казанской Раифской пустыни игумена Антония в Казанскую духовную консисторию от 22 февраля 1865 г. // Там же, л. 102 – 102 об.). Священник Евгений Разумовский для отбывания епитимьи был направлен в Цивильский Тихвинский мужской монастырь (Нижайший рапорт настоятеля иеромонаха Иллариона Высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и кавалеру от 5 ноября 1864 г. // Там же, л. 112 – 112 об.).

⁵⁵⁰ Дело о пьянстве псаломщика с. Нырьи Д. Петрова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 112. Д. 13. 120 л.

однажды вынудило отца Петрова обратиться к сельскому старосте с просьбой, во избежание смертоубийства, выставить у дома буяна караул. Но это имело временный эффект. Причетник переориентировался на приходского настоятеля⁵⁵¹. Только тогда духовная консистория поспешила проявить участие и после краткого дознания сослала проблемного клирика в дальний монастырь на исправление.

Приведенные примеры в ряде случаев позволяют констатировать условность применения в епархиальной дисциплинарной практике канонических норм даже в случаях табуированного насилия. На этом основании мы приходим к выводу, что фактически повседневная жизнь приходов протекала и регулировалась вне этико-нормативной и правовой традиции церкви. Судя по всему, в глазах церковных властей агрессивные действия сельских клириков, сколь бы ни были они радикальны, не относились к категории экстраординарных, пока ограничивались низовым духовенством и крестьянами, и не были сопряжены с прямой угрозой жизни жертв агрессии. Маргинальный статус обозначенной социальной группы расценивался в качестве вполне естественного. Куда более острая реакция архиерея и консистории возникали тогда, когда объектами насилия становились либо статусные клирики, либо представители более высоких социальных групп. Так, агрессивный выпад спасского дьячка Лавинского в адрес жены одного из уездных бухгалтеров, обернулся громким скандалом, вынудив церковные власти унижительно оправдываться (1862)⁵⁵². На святках причетник в хмельном состоянии явился с односельчанином к чиновнику и настойчиво потребовал взаймы денег. Хозяина дома не оказалось, и разговор состоялся с его женой. Не приняв отказ, Лавинский обрушился с угрозами на женщину, едва не разбив оконное стекло и повредив сруб дома. Жалоба в консисторию последовала незамедлительно, а многотрудное урегулирование скандала легло на плечи местного благочинного.

⁵⁵¹ Рапорт Мамадышского уезда Космодемьянской церкви села Нырьи священника Петра Нечаева от 7 марта 1880 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 112. Д. 13. Л. 14.

⁵⁵² Дело о неодобрительной жизни причинении Спасского собора заштатного дьячка Михаила Лавинского обиды жене бухгалтера Спасского уездного казначейства Кафарова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5810. 71 л.

Еще один пример (1873). В уездном Цивильске двое священнослужителей в одно из ночных посещений питейного дома оскорбили полицейского. Причем один из них вознамерился подкрепить оскорбления побоями⁵⁵³. Причиной негодования клириков стало требование стража общественного порядка прекратить предосудительное для духовенства распитие спиртного, курение и присутствие в трактире⁵⁵⁴. Рукоприкладство, к счастью, не состоялось. Однако один из участников конфликта – священник Петр Добромыслов – в ту злополучную ночь, будучи в крайней нетрезвости, не смог добраться до дома, переночевав на улице на глазах у публики. О противоправном и аморальном поведении священнослужителей архиепископу было приватно сообщено через канцелярию губернатора, что поставило архиерея в щепетильное положение⁵⁵⁵. Дело оперативно подвергли строгому разбору.

И тем не менее принципиальным и в чем-то закономерным видится тот факт, что фигурантами абсолютного большинства случаев алкогольной агрессии выступали представители низового клира. Участие в них священников и дьяконов было крайне редким. Это еще раз наводит на мысль о наличии социокультурных коррелятов ненормативного поведения членов причтов. К примеру, после 1870-х гг. случаев алкогольного буйства епархиальных священнослужителей документами практически не фиксируется. В качестве исключения можно упомянуть разве что дело о побоях, нанесенных аксубаевским священником Афанасьевым церковному сторожу Ермолаеву (1887)⁵⁵⁶. Но это единичный случай. Травмы тогда оказались несерьезными, а конфликт не возымел последствий. При содействии крестьян, приходской мир был быстро восстановлен: сторож уволился,

⁵⁵³ Рапорт благочинного Цивильского уезда села Байтеева Алексея Алтарева архиепископу Казанскому и Свияжскому и орденю кавалеру // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6719. Л. 2 – 2 об.

⁵⁵⁴ Там же.

⁵⁵⁵ Сообщение канцелярии казанского губернатора архиепископу Казанскому и Свияжскому и орденю кавалеру от 8 сентября 1873 г. // Там же, л. 6 – 6 об.

⁵⁵⁶ Дело по донесению Чистопольского исправника о нанесении побоев священником села Аксубаева Анастасьева крестьянину Ермолаеву // ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7121. 4 л.

а сельским сходом было решено снарядить у церкви караул для пресечения впредь подобных случаев (!).

Гарантом неприкосновенности потенциальных жертв, таким образом, нередко выступали именно прихожане, объединявшиеся в этих целях во временно действующие народные дружины. Эти неформальные объединения занимались патрулированием села, пресечением стычек и драк, в том числе, с участием клириков. Благодичные в таких случаях ограничивались лишь наблюдением за общей обстановкой на приходе и играли роль осведомителей архиерея и консистории. Степень влияния сельского общества на приходские дела, исходя из этого, трудно переоценить. Их связь имела глубокие корни, а духовенство во многом именно поэтому рассматривалось епархиальной властью как часть народа, лишь немногими признаками выделявшуюся из крестьянской массы.

Тем не менее реакция архиереев и консистории на буйства и прочие формы агрессивного поведения приходского клира обуславливалась характером побудительных стимулов. Так, если в результате столкновения членов причтов прямо или косвенно страдала *неприкосновенность сакрального пространства* – храма, то дело обстоятельно подвергалось разбору. Не всегда ему сопутствовали оперативность и беспристрастность, что вообще следует считать отличительной особенностью епархиального судопроизводства пореформенного времени, но серьезность инцидента оценивалась сообразно.

В 1862 г. в алтаре уездного Софийского собора г. Лаишева возникла словесная перепалка между причетником Вознесенским и ранее фигурировавшим в нашем повествовании священником Константином Никольским. Перебранка переросла в схватку. Из донесения секретаря Казанской духовной консистории обер-прокурору Синода: *«Воспользовавшись уединением, (причетник) вытащил его (священника) из алтаря, где он готовился к служению на середину церкви, свалил его на пол, сел на него и стал таскать за волосы и бить... Священник кричал караул, а причетник затыкал ему рот, но никто не явился к нему на помощь»*⁵⁵⁷.

⁵⁵⁷ Рапорт секретаря Казанской духовной консистории Его превосходительству обер-прокурору Святейшего Синода Алексею Петровичу Ахматову // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 94. Д. 58. Л. 9.

Впоследствии выяснилось, что причина столкновения заключалась в давней неприязни между сторонами, причем провокатором выступил именно о. Никольский: *«с самого начала священник не был расположен к пономарю. И при всех сказал «Давно хотел иметь с тобой дело, да случая не было»*⁵⁵⁸. Благодочинный протоиерей Александр Высотский отмечал, что *«священник Никольский, дыша злобою на Вознесенского, готов был, если возможно, согнать его с клироса и даже из церкви, о чем несколько раз и настоятельно предлагал мне на словах. По долгу звания моего, я напоминал ему, что такая ненависть его к Вознесенскому весьма неприлична его сану»*⁵⁵⁹. Прихожане также жаловались на язвительный, жесткий и дерзкий характер священнослужителя. Так что по единодушному мнению, *«Вознесенский решился на драку, будучи вынужденным»*⁵⁶⁰.

Но, стремительно начавшись, следствие постепенно застопорилось, растянувшись на четыре года. Причина этого, по всей видимости, заключалась в ряде обстоятельств, демонстрирующих особенности принятия дисциплинарных решений на епархиальном уровне. Во-первых, священник Никольский был в округе человеком известным и влиятельным. Выпускник семинарии по первому разряду, он некогда занимал должность благочинного и имел как знакомства среди чиновников консистории, так и множество благодарностей и наград от государственных и духовных органов власти. Не исключено, что епископу и консистории непросто было применить меры воздействия к его персоне, не придав делу широкой огласки. Даже многолетние поборы и вымогательства с подведомственного духовенства парадоксальным образом не становились основанием для справедливого наказания клирика. Впрочем, в конечном счете, чаша терпения архиерея переполнилась и за очередное посягательство на чужие средства о. Никольский был лишен должности благочинного⁵⁶¹. Во-вторых,

⁵⁵⁸ Рапорт секретаря Казанской духовной консистории Его превосходительству обер-прокурору Святейшего Синода Алексею Петровичу Ахматову // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 94. Д. 58. Л. 10.

⁵⁵⁹ Объяснение протоиерей Лишевского Софийского собора и благочинного Александра Высотского // Там же, л. 45.

⁵⁶⁰ Постановление Казанской духовной консистории // Там же, л. 197 об.

⁵⁶¹ Случилось это в 1865 г. Священник виновным себя так и не признал и за защитой обратился в Синод, вопреки правилам, написав заявление на саму консисторию. Скандальность

причетник Вознесенский не единожды заявлял в консисторию на своего оппонента, проводившего кулуарные «консультации» с местным духовенством по делу о драке, и подбиравшего таким образом лжесвидетелей⁵⁶². Данный факт дискредитировал всю систему епархиального управления и закономерно не мог вызвать положительного отклика администрации. В итоге, ответом на заявления Вознесенского становились бюрократические проволочки и откровенное затягивание следственных мероприятий.

В конце концов, решение по делу все же было принято. Но виновными в равной степени были определены оба участника потасовки и оба в наказание подверглись исключению из состава причта. Небезынтересно, что о. Никольский, согласно определению консистории, был наказан отнюдь не за провокационное поведение и фактическое разжигание конфликта. В вину ему вменялся тот факт, что, не удовлетворяясь церковным разбирательством, священник опрометчиво обратился в светские органы власти, чем нарушил каноническую норму «*не судиться у внешних*»⁵⁶³. Тяжесть же наказания за произошедшее в храме кощунство, полностью была возложена на пономаря Вознесенского⁵⁶⁴.

Финансовые противоречия. Этот фактор в пореформенное время следует считать одним из ключевых среди причин роста напряженности на приходах и проявлений агрессивного свойства со стороны клира. В ряде случаев конфликты на этой почве были столь остры, что выплескивались за пределы причтов, вовлекая в

и агрессивность, впрочем, могли быть следствием некоего заболевания. Консисторские служащие отмечали, что о. Никольский испытывал нескрываемое удовольствие, причиняя окружающим неприятности. Не раз он избивал и свою жену, а однажды вырвал клоч волос ее брату священнику Григорию Ямбикову, вознамерившемуся вступить за сестру (в деле об этом имеется вещественное доказательство – прядь волос). Апогеем безудержности о. Никольского стал инцидент, датируемый 1864 г. «В январе месяце, – сообщают документы, – после Богоявления священник Никольский, забравшись в пьяном виде в публичный развратный дом, был там бит уследившими его там жителями г. Лаишева, отчего в продолжении трехмесячной болезни принужден был прибегнуть к лечению в клинике» (Там же, л. 190 об.).

⁵⁶² Всепокорнейшее прошение города Лаишева Софийского собора пономаря Артемия Вознесенского // Там же, л. 14 об.

⁵⁶³ Там же, л. 197 об.

⁵⁶⁴ В данном факте усматривается противоречие, поскольку общепринятыми правилами поведения клирика в церкви традиционно вменялось особое благоговейное отношение к святыне храма именно священнику, выступавшему образцом для причта и паствы (см., напр.: Известия по Казанской епархии. 1872. № 7. С. 219–223).

свою орбиту прихожан. Собственно, вопросу финансовых злоупотреблений клира в следующей главе диссертации будет посвящен отдельный раздел, здесь же мы затронем лишь его реактивную сторону. Так, в 1862 г. спасский крестьянин Фома Кувшинов направил казанскому архиепископу Афанасию прошение с просьбой дисциплинарного воздействия на местного причетника Якова Лебедева. Лебедев имел давний долг перед Кувшиновым, о чем последний при встрече решил напомнить церковнослужителю. Однако конструктивного разговора не получилось. Сцена разыгрывалась по стандартному сценарию жестоких деревенских драк. За бранью в адрес кредитора последовало публичное нанесение ему тяжелых побоев. Вот как описал происходившее Кувшинов: *«Но Лебедев вдруг подскочив ко мне и так ударил меня кулаком в лицо по левой скуле, что даже сделал кровавый знак. Потом, не удовлетворившись этим, схватил лежащий близ меня на полу рычаг, толкнул меня им в грудь. Этот удар я не мог вынести и упал и, будучи уже в беспамятстве, взял я лежащий на полу небольшой камень для предосторожности и защиты себя... Опомившись, бросил имевшийся у меня в руках камень, встал и пошел... Лебедев, не довольствуясь причинением мне этого побойства и видя, что я встал и пошел, вышел опять со двора, схватил брошенный мною камень, догнал меня на улице, взял за руку, изорвал рукава рубахи, стал плевать мне в лицо, начал вторично бить тем камнем по спине, причиняя тем жестокие побойства. Немогши стерпеть эти побойства, и опасаясь буйства, чтобы удержаться от наносивших мне ударов по горбу и голове, успел схватить его за волосы, удерживая от побоев. Но Лебедев сказал: «Брось держать за волосы!»⁵⁶⁵.*

Крестьянин, требуя правосудия, подал жалобу благочинному. Однако и здесь блокирующую роль сыграло родство последнего с причетником, поэтому никакой реакции не последовало. Между тем, консистории были известны и более ранние проступки дьячка. В биографической справке, некогда подготовленной по

⁵⁶⁵ Покорнейшее прошение Казанской губернии Спасского уезда села Болгар государственного крестьянина Фомы Петрова Кувшинова Высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Свияжскому // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5828. Л. 1–2.

требованию архиерея, значилось, что Лебедев «характера совсем не спокойного»⁵⁶⁶. Тем не менее никаких превентивных мер епископом предпринято не было, что постепенно усугубляло ситуацию.

Случившееся жестокое и публичное избиение крестьянина в конечном счете все же простимулировало консисторскую активность. В целях предупреждения вмешательства в ситуацию государственных органов, Лебедева спешно наказали ссылкой в Раифский монастырь на три месяца «в черные труды», где он, впрочем, также умудрился спровоцировать драку⁵⁶⁷. Однако данные в долг деньги пострадавшему вернуть так и не удалось, поскольку формальных доказательств займа им представлено не было. Принуждать причетника к возврату долга консистория не сочла нужным, в чем наглядно просматривается ин групповой фаворитизм, перманентно проявлявший себя в самых разных конфликтных ситуациях.

«Дело о побойстве, причиненном крестьянину Цивильского уезда деревни Митницы Козьме Иванову причетником села Шигалей Григорием Тихоплесским вместе с женою своею Марьею Петровою» (1862) по степени ожесточенности не уступало предыдущему. Однако оно демонстрирует пример не только особенностей поведения собственно клириков, но и членов их семьи в условиях, когда проблемы материального плана становились во главу угла отношений между односельчанами.

В один из дней дьячок Тихоплесский, будучи пьян и агрессивно настроен по отношению к крестьянину Иванову, явился в его дом с топором и стал демонстративно рубить стену жилища⁵⁶⁸. Через некоторое время вновь, будучи в нетрезвом виде, он вместе с сыном Иваном (учеником Казанской духовной семинарии), подкараулил и напал на Иванова, жестоко избив его и выдрав из

⁵⁶⁶ Справка Казанской духовной консистории // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5828. Л. 52.

⁵⁶⁷ Покорнейший рапорт Казанской Раифской пустыни игумена Антония в Казанскую духовную консисторию // Там же, л. 71.

⁵⁶⁸ Прошение Цивильского уезда Айдановской волости деревни Житницы казенного крестьянина Козьмы Иванова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5815. Л. 3.

головы клок волос⁵⁶⁹. По странному стечению обстоятельств, расправа произошла после посещения Тихоплесским дома местного священника. Как впоследствии показал крестьянин, член местного причта диакон Алексеев по его просьбе докладывал настоятелю об агрессивном поведении причетника, однако *«отец Алексей сказал, что так меня и надо бить»*⁵⁷⁰.

Обращения Иванова к земским властям о заступничестве эффекта также не имели. Между тем, вскоре в ситуацию вмешалась Мария Тихоплеская – жена причетника. Пострадавший так описывал ее роль в ходе одного из столкновений: *«Видевши, что меня увечат, родительница моя Наталья Ивановна, лет 70-ти, из окошка уговаривала жену дьячка Марию Петрову, но эта последняя, вышибши в окне раму, ударила через оное мать мою палкой в грудь, отчего она пролежала в постели около месяца»*⁵⁷¹. Потасовка происходила на виду у всего села. Но и члены причта, и крестьяне лишь безучастно наблюдали за происходящим. Не удивительно, что вскоре конфликт между семьями дошел до предела.

В один из зимних вечеров Иванов чистил снег возле своего дома. К несчастью, в это время мимо верхом на лошади проезжал Иван Тихоплеский. Остановившись, он *«начал просить у меня 1 руб. 30 коп. серебром за взятые мною у него девять мер овса»*, – рассказывал крестьянин. *А я просил его зачесть эти деньги в счет долга шести рублей серебром, взятых отцом его, Тихоплеским, у покойного моего родителя»*⁵⁷². В гневе семинарист замахнулся на Иванова плетью, но тот отбил ее лопатой. Тогда юноша спешил и послал гулявших деревенских детей за отцом. Вскоре причетник был на месте, и они с сыном принялись в очередной раз жестоко избивать крестьянина прямо посреди улицы. Изорвали полушубок, вырвали волосы и били до того, что у жертвы *«из носа и изо рта пошла кровь»*⁵⁷³. Не выдержав натиска, Иванов выкрикнул: *«Караул!»*. Его мать, услышав

⁵⁶⁹ Прошение Цивильского уезда Айдановской волости деревни Житницы казенного крестьянина Козьмы Иванова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5815. Л. 3 об.

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ Там же.

⁵⁷² Показание Козьмы Иванова // Там же, л. 7 об.

⁵⁷³ Там же.

зов сына, позвала мужа, но и примчавшийся на помощь сыну старик-отец попал под руки молодчиков. Сбежавшиеся крестьяне, наконец, остановили расправу. Одержав победу над оппонентами, юноша на следующий день самодовольно хвастался перед односельчанами: *«славно прибили Иванова и его родителей»*⁵⁷⁴.

Известия о случившемся все же вырвались за пределы села и дошли до церковных властей. Впрочем, семейство Тихоплесских в содеянном упорно не признавалось, обвиняя жертву побоев в оговоре. Однако консистория имела иные, компрометирующие сведения: некогда дьячок уже проходил по делу «о нанесении обиды» жене местного священника Марии Лебедевой. Отметился он и в совместном с диаконом избиении самого настоятеля⁵⁷⁵. Но, вопреки всему, епархиальная администрация сочла показания пострадавшей стороны *«не заслуживающими доверия»*. Исходя из этого, дисциплинарных санкций в отношении буйного причетника и его сына применено не было. Церковные власти ограничились предупреждением клирику *«дабы удерживал свою жену от дерзких поступков, не свойственных духовному званию»*. Этим следственные мероприятия и ограничились. Таким образом, в данном случае имеются основания констатировать фактическую неподсудность приходского духовенства перед лицом менее привилегированных прихожан, мотивы которой, впрочем, не столь однозначны.

Личная неприязнь в подобного рода случаях определенно играла роль. Однако какой из двух факторов в конкретной ситуации был определяющим – финансовый или психологический, установить сложно. В качестве примера обратимся к делу «О причинении священником Чистопольского уезда Архангельской слободы Иоанном Ляпидевским побоев крестьянину той же слободы Андрею Константинову Семенову» (1863)⁵⁷⁶. Крестьяне обвиняли о. Ляпидевского в том, что он в припадке ярости оттащил их односельчанина за волосы и даже вырвал из головы клочок волос. Происходило это, по их словам, в

⁵⁷⁴ Показание Козьмы Иванова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5815. Л. 13 об.

⁵⁷⁵ Справка Казанской духовной консистории // Там же, л. 67 об.

⁵⁷⁶ ГА РТ. Ф. 4. Оп. Д. 5887. 50 л.

храме на виду у прихожан в тот момент, когда Семенов, по совету диакона, решил подойти к священнику с извинениями по поводу одного недоразумения. Но, судя по всему, настоящая причина конфликта заключалась в нежелании крестьянина снабжать священнослужителя продуктами. Однако было ли это обусловлено неприятием Семеновым именно о. Ляпидевского, о том источники не сообщают. Так, в один из дней в селе состоялся общественный молебен с окроплением святой водой жилищ. Дойдя до дома Семенова, священник обнаружил ворота запертыми, а хозяин дома уведомил пастыря, что процессия опоздала⁵⁷⁷. Демонстративный саботаж прихожанина, решившего не пускать священнослужителя в свой дом (и, соответственно, не благодарить его продуктами), вызвало негодование последнего, воспринявшего поведение молодого человека «как дерзость»⁵⁷⁸. Таким образом, личная позиция крестьянина изначально стала причиной резкого поведения священника⁵⁷⁹.

Впрочем, не следует упускать из виду и особенности межэтнической коммуникации, которые создавали фон конфликтных ситуаций. Рядом документов фиксируются случаи предвзятого отношения русского клира к нерусскому населению, осознававшего, вероятно, не только свое правовое и социальное, но и культурное превосходство⁵⁸⁰. В отдельных случаях это способствовало снижению порога ненормативного поведения. В указанном плане симптоматично дело «О причинении священником Ядринского уезда села Чувашской Сормы Евграфом Ломоносовым крестьянке Анне Яковлевой побоев» (1863)⁵⁸¹. Молодая чувашка Яковлева после поста рекрутов, забеременела. Будучи на сносях, она по какой-то нужде отправилась из своей деревни в г. Чебоксары, но по пути родила. За родами последовала тяжкая болезнь. Сердобольными сельчанами для крещения ребенка

⁵⁷⁷ Покорнейшее прошение Чистопольского уезда Слободы Архангельской казенного крестьянина Андрея Константинова Семенова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. Д. 5887. Л. 9.

⁵⁷⁸ Там же, л. 13 об.

⁵⁷⁹ Дело было прекращено за смертью ответчика.

⁵⁸⁰ В общесоциальном контексте данную проблему прекрасно обрисовал Г.А. Николаев. См.: Николаев Г.А. Заметки о чувашско-русских взаимоотношениях в средневожской деревне на рубеже XIX–XX столетий // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 38–52.

⁵⁸¹ ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5897. 49 л.

был приглашен местный священник. Но тот стал грубо бранить женщину: «Куда, дура, в таком положении поперлась?!»⁵⁸². Священник требовал за крещение значительную сумму в 4 руб. серебром. У роженицы таких денег не оказалось. Тогда раздосадованный клирик несколько раз ударил женщину по щекам. Увидев ее национальный головной убор (хушпу), обшитый монетами, он грубо потребовал их в качестве платы. Женщине ничего не оставалось, как отрезать рубль⁵⁸³. Благодичный, направленный для расследования инцидента склонялся к виновности приходского священника. Духовная консистория солидаризовалась с ним. Однако ответственность духовного лица так и не наступила: следствие растянулось на целых три года, а в 1866 г. о. Ломоносов скончался и дело было закрыто⁵⁸⁴.

К слову, некоторые недобросовестные пастыри подчас использовали «инородцев» в своекорыстных интересах. В 1862 г. епархию сотряс скандал, связанный с якобы имевшим место избиением священником села Утякова Свяжского уезда Гавриилом Рутовым татарского крестьянина Бахтияра Бакаева⁵⁸⁵. Во время драки клирик не только «топтал ногами» Бакаева, но и отнял

⁵⁸² Постановление Казанской духовной консистории // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5897. Л. 48.

⁵⁸³ Подобное поведение клириков в отношении «инородцев» фиксировалось и в предыдущие периоды (см., напр.: Дело по сообщению Казанской палаты уголовного суда, о рассмотрении поступка священника Ивана Федорова с. Кукмор в отнятии лошади и денег у черемиса крещенного Ивана Ильина (1819) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 969. 11 л. Священник, будучи пьян, отнял лошадь у мариийца Ильина и обокрал его на 50 руб. За выкуп коня потребовал еще 25 руб. Следствие растянулось до 1826 г., но так ничем положительным для пострадавшего не закончилось – краденное имущество не вернули, а в отношении о. Федорова ограничились словесным вменением трезвого образа жизни и обязательством «удерживаться от самоуправства»).

⁵⁸⁴ В контексте уникальных черт бытовавшей повседневности, вызывает интерес краткий отчет благодичного о поездке к месту расследования. Он настоятельно просил консисторию возместить ему прогонные деньги в размере 2 руб. 20 коп., отмечая попутно, что ему не только приходилось преодолевать значительные пространства, но и терпеть ноябрьскую непогоду и дорожную грязь. Свое прошение священник подкрепляет ссылками на государственное законодательство. Очевидно, «тяжелый» аргумент был пущен в ход из-за неуверенности в финансовой ответственности духовной консистории (Покорнейший рапорт депутата Космодемьянского уезда села Ишак священника Александра Кречетникова в Казанскую духовную консисторию // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5897. Л. 5).

⁵⁸⁵ Дело о причинении священником села Утякова Свяжского уезда Гавриилом Рутовым побоев крестьянину деревни Тенебяковой Бахтияру Бакаеву с отнятием у него лучины // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5818. 19 л.

у него связку лучин. Против о. Рутова свидетельствовал тот факт, что ранее он уже проявлял агрессию к окружающим и предпринимал попытки кражи чужого имущества. Однако следствие вскрыло принципиально иную, куда более неоднозначную картину. В один из дней, проезжая мимо Тенибяково – родной деревни Бакаева, священник увидел бесхозно валяющуюся на обочине дороги плаху лучин и подобрал ее. Но в деревне его остановила группа татар с расспросами о приобретении. Получив ответ, сын Бакаева, находившийся среди прочих, бесцеремонно отнял связку. Спустя некоторое время, Бакаев, узнав о случившемся, отправил своего отпрыска к о. Рутову с извинениями. Примирение состоялось, и священник не стал сообщать о неприятном недоразумении властям. Однако пока юноша примирялся со священником, Бакаев поспешил подать церковному руководству жалобу на неправомерные действия представителя духовенства. При этом на данный шаг он решился не по собственной инициативе, а по подговору бывшего благочинного округа священника Владимирского и его подельника волостного головы⁵⁸⁶. Примененная схема по дискредитации о. Рутова стала мстью за несогласие священника на сокрытие фальшивого завещания на его приходе в интересах о. Владимирского. Для этого и был задействован (вероятно, не безвозмездно) «инородец» Бакаев. Парадоксально, но финансовое преступление духовного лица консисторию не заинтересовало. Гораздо более ее заботило, действительно ли не имело ли место избиение Бакаева. Когда факт не подтвердился, в Свияжское уездное полицейское управление было послано уведомление об отсутствии состава преступления и дело спешно закрыли. Инициаторы и участники оговора наказанию подвергнуты не были⁵⁸⁷.

⁵⁸⁶ Объяснение священника Свияжского уезда села Утякова Гавриила Рутова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5818. Л. 17.

⁵⁸⁷ Аналогичный случай датируется 1899 г. Судя по документам, крещеная еврейка Фарбер, трудившаяся в одном из приходов Казанской губернии просфорницей, была изгнана настоятелем В. Тихомировым за дурные поступки. Женщина написала слезное обращение к правящему архиерею с жалобами на священника: «Во время проповеди 70-летней старушке ударил в лоб крестом, а на 2-й день просил у нее прощения. Вместо благословения дал ей проклятье, меня же называл жидовкой, из церковной кружки приказал вытряхнуть деньги, собранные трудами, и эти деньги пошли на водку. А как я была еврейка, никогда не видела подобного от еврейских раввинов». Писала женщина настолько жалобно и уверенно, что

В результате столкновений с участием духовенства имели место и *летальные исходы*. Один из таких случаев произошел в 1869 г. Жители села Покровского Чебоксарского уезда сын диакона Скворцов и его поделщик крестьянин Федоров жестоко избили диакона местной церкви⁵⁸⁸. Мотивы и обстоятельства расправы неизвестны, но через несколько дней пострадавший скончался. Вскрытие указало на побои, как на непосредственную причину смерти⁵⁸⁹. Трагедия не только получила огласку, но и обратила на себя внимание полиции. Виновных судили государственным судом.

Другой пример. Конфликт двух священнических семей. *«В один из дней, – сообщается в документах, – между священником Иваном Сильвиным и женой священника Симонова произошла перебранка. Сильвин, будучи нетрезвым, набросился на попадью и откусил ей большой палец»*⁵⁹⁰. Рана привела к заражению крови и гангрене конечности. Через три недели Симонова умерла от сепсиса. Вдобавок брат Сильвина с товарищами из числа местных крестьян подожгли баню Симонова. Когда дело вскрылось, братьев привлекли к уголовному суду. Но доказать их виновность государственному обвинителю не удалось. Тем не менее о Сильвин был запрещен в служении и на длительный срок оставлен под подозрением⁵⁹¹. Лишенный жалования, клирик со временем настолько обнищал,

растроганный епископ передал ей утешение в виде денежной суммы (случай невиданный). Однако, как впоследствии оказалось, Фарбер всего-навсего сыграла роль орудия в руках благочинного И. Черкасова по сведению счетов с настоятелем храма, к которому тот испытывал неприязнь. Благочинного выдала секретная записка с планом дискредитации клирика, неизвестно каким образом попавшая в консисторскую канцелярию. Священник вынужден был оправдываться. Сконфуженный архиерей обратился в Казанское городское полицейское управление с заявлением об уведомлении Фарбер о вскрытии обмана и справедливости ее увольнения. Благочинного, впрочем, не наказали, что дало ему возможность в скором времени «добить» о. Тихомирова (см.: Дело о лишении священнического сана священника Казанского уезда села Каймар В. Тихомирова за нетрезвую жизнь и перемещение его в псаломщики // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 123. Д. 1. 190 л.).

⁵⁸⁸ Рапорт Чебоксарского уездного исправника казанскому губернатору № 158 от 27 января 1869 г. // ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2127. Л. 1.

⁵⁸⁹ Рапорт Чебоксарского уездного исправника казанскому губернатору № 125 от 21 февраля 1869 г. // Там же, л. 3.

⁵⁹⁰ См. Дело об умершей жене священника села Чернышевки Тетюшского уезда Анны Никитиной Симоновой (1862) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5835. 14 л.

⁵⁹¹ Уведомление Казанской палаты уголовного суда Казанской духовной консистории от 16 марта 1864 г. // Там же л. 8 – 8 об.

что его семейство стало голодать. Дело дошло до попытки суицида. Тогда сын о. Сильвина священник Александр Сильвин обратился к архиерею с просьбой дать его отцу хотя бы место диакона. Но епископ остался глух к просьбе. В скором времени истощенный от недоедания Иван Сильвин умер в Казани от чахотки в одной из лечебниц для нищих. Таким образом, отчаянное положение могло побудить на крайний шаг даже священника, а принципы христианского милосердия понимались довольно специфически и находилось в зависимости от множества условий.

Обратим внимание на то, что в обоих случаях союзником клириков в действиях, связанных с физическим насилием, выступали местные крестьяне. Такое случалось довольно часто. Поэтому повседневную близость двух социальных групп действительно трудно переоценить. Тем не менее иногда духовенство само становилось стать объектом нападков со стороны паствы. Так, в 1886 г. *«священник села Можарок Цивильского уезда Григорий Салмин рапортом от 24 минувшего сентября донес Казанскому епархиальному начальству, что крестьянин того же села Никита Федотов, как заявил ему, священнику Салмину, крестьянин деревни Адигитовой Шакир Ахмеров при свидетелях, высказал намерение убить его»*⁵⁹². Причиной стали жалобы клирика епархиальному начальству *«о совращении его прихожан из православия в раскол лжепопом Давыдом Цапиным»*⁵⁹³. Над священником определенно учинили бы расправу, если бы не своевременное вмешательство полиции⁵⁹⁴. Мотивом, как видим, служили религиозные противоречия.

«Черное» духовенство – монашество – занимало обособленное положение в структуре епархиального клира. Но комплектовалось оно так же преимущественно

⁵⁹² Уведомление архиепископа Казанского и Свияжского Палладия казанского губернатора № 316 от 6 октября 1886 г. // ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7120. Л. 1.

⁵⁹³ Там же.

⁵⁹⁴ Начиная с середины XIX в., во всех без исключения епархиях в среде крестьянства активно распространялись сектантские учения, вступавшие в антагонизм с официальной церковью. В их основе лежали преимущественно социальные причины, желание «воли» и неудовлетворенность церковной проповедью «о смирении, подчинении и вечной тяжкой покорности своему подневольному существованию» (Бонч-Бруевич В.Д. Из мира сектантов. М.: Гос. изд-во, 1922. С. 26).

из низших сословий, с которыми монашество даже после реформы секуляризации (1762–1764 гг.) и перевода значительной части монастырских крестьян из церковной в государственную собственность, продолжало оставаться крепко связанным. И хотя эта категория церковных людей выходит за границы объекта нашего анализа, сравнительный взгляд на него вполне целесообразен.

В монастырях, несмотря на суровый устав, случаи контактной агрессии также имели место. Хотя судить о масштабах явления в данном случае проблематично – монастырских документов в консисторском архиве практически не сохранилось. Наше внимание привлекло одно из немногих уцелевших дел – «О злогубительном намерении послушника Царевококшайской Мирносицкой пустыни Николая Парийского на жизнь настоятеля иеромонаха Епифания и о неблагоприятных действиях священника того же монастыря Стефана Цивильского» (1862). Суть его сводилась к следующему.

Настоятель монастыря иеромонах Епифаний донес архиерею об угрозах расправы в свой адрес, поступавших от послушника Николая Парийского. Подобное поведение рядового члена монастырской братии – явление по всем признакам экстраординарное. Социальный и духовный статус настоятеля был достаточно высок и наказание послушнику грозило суровое не только с точки зрения церковного, но и государственного закона. Мотивом поступка монаха было то, что в непосредственной близости с пустыней располагались избы, образовавшие своеобразную слободку. В них на постоянной основе проживали благочестивые женщины и девушки, звавшиеся в округе «келейницами», и обслуживавшие хозяйство монастыря. К ним и повадились ходить в гости насельники Парийский и иеромонах Цивильский. Узнав об этом, настоятель объявил строжайший запрет на недопустимые монашеской этикой визиты братии, но те, нарушив обет послушания, тайно продолжали гостевать. Тогда *«для избавления от обличения и нарекания я (иеромонах Епифаний – А. Х.) своим отношением от 5 июня за № 26 просил Царевококшайский земский суд о том,*

чтобы благоволил оный очистить пустынскую землю, заселенную бабами и девками, не имеющими на оную землю никакого права»⁵⁹⁵.

По постановлению местного гражданского суда, в один из дней к монастырю прибыл земский исправник и приказал начать снос изб. Видя это, Парийский и о. Цивильский *«сильно вознегодовали на настоятеля»*. Послушник пришел в такую ярость, что при свидетелях угрожал убить последнего, ударяя себя в грудь и во всеуслышание заявляя: *«Не я буду, если не убью настоятеля!»⁵⁹⁶*. В продолжении нескольких дней Парийский терроризировал местных крестьян и нищих, побиравшихся у стен монастыря, кулаками вымещая на них злобу, предназначавшуюся для настоятеля, но не решаясь на задуманное. Как сообщают документы, послушник и до описываемых событий нрава был буйного, время от времени злоупотреблял спиртным, а на святках того же года даже избил монастырского диакона. Эти факты и побудили иеромонаха Епифания поторопиться с обращением за защитой к властям.

Организованное со стороны духовной консистории дознание, однако, не подтвердило предосудительности контактов с женщинами. Но некая эмоциональная связь между ними, по всей видимости, все же имела место, что, вне всякого сомнения, противоречило смыслу и уставу монашеского служения. Дружба с келейницами и побудила монахов встать на их «защиту». Однако после заявления настоятеля дело приобрело серьезный оборот. Страх наказания обратил Парийского в бегство. Он покинул обитель и самовольно перебрался в Казанский Зилантов монастырь, где его след теряется. Священник Цивильский от душевных переживаний скоростижно скончался до окончания следствия.

Таким образом, даже строгие монастырские правила, не говоря уже о канонических принципах приходской жизни, не всегда были эффективны в вопросе предупреждения агрессивных столкновений. Впрочем, к чести монашествующих,

⁵⁹⁵ Покорнейший рапорт Царевококшайской Мироносицкой пустыни настоятеля иеромонаха Епифания Афанасию, архиепископу Казанскому и Свияжскому // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5827. Л. 12.

⁵⁹⁶ Там же, л. 12 об.

следует отметить, что Парийский предпринимал попытку вымолить прощение у наместника. Однажды он явился к пастырю и публично встал на колени. Но последний оказался последовательным: «Простил бы по-христиански, но едва ли простит закон»⁵⁹⁷. Вероятно, иеромонах Епифаний не был уверен в искренности послушника и, зная его буйный нрав, продолжал опасаться за свою жизнь. Между тем, епархиальные власти несогласованное с ними обращение к светским властям, в вину наместнику не поставили в силу экстраординарности случая. И данный факт, несомненно, указывает на наличие некоего негласного перечня исключений, позволявших клирикам от случая к случаю проявлять «своеволие». И угроза физической расправы – одно из них.

На этом этапе впервые заявляет о себе «женский вопрос». Безусловно, в подавляющем большинстве случаев виновниками документально зафиксированных актов агрессивного поведения выступали мужчины, что вполне объяснимо. В силу природных причин, женщины менее агрессивны, а их проявления агрессии чаще носят непрямой и скрытый характер⁵⁹⁸. Исходя из этого, женщины, как виновницы насилия, в консисторских документах практически не представлены. Единственным исключением является случай, произошедший в Чистополе, датируемый 1868 г. и нашедший отражение в полицейских материалах⁵⁹⁹. На одном из приходов трагически погиб священник Андрей Добромыслов. Подозрение в отравлении клирика пало на его супругу. Дело, минуя консисторию, было передано в полицейское управление и засекречено. В рамках следственных мероприятий правящий архиерей дал разрешение на эксгумацию тела погибшего священнослужителя. Но результат расследования, вследствие плохой сохранности документов, нам неизвестен. В прочих случаях роль жертвы неизменно доставалась именно женщинам.

⁵⁹⁷ Рапорт следователя Царевококшайского Воскресенского собора протоиерея Василия Смирнова в Казанскую духовную консисторию // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5827. Л. 10.

⁵⁹⁸ Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека. М.: Науч. мир, 2006. С. 19, 45.

⁵⁹⁹ Дело о неестественной смерти священника села Ермакова Чистопольского уезда Добромыслова // ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1761. 19 л.

Значительное влияние на конфликтный фон в семьях духовенства оказывала традиционная патриархальная атмосфера, царившая в сельской местности. У тех же крестьян муж имел право наказывать провинившуюся жену физически по самому широкому кругу обстоятельств. В особенности, если это касалось случаев супружеской неверности⁶⁰⁰. Однако в пореформенное время ситуация постепенно начинала меняться, а явления женской эмансипации – усиливаться. Трансформация традиционной семьи и изменение ролей мужа и жены, впрочем, не столько делало женщину более защищенной и самостоятельной в правовом плане, сколько усугубляли конфликтогенность семейных отношений. Однако данные противоречия не могли изменить вектор общественных тенденций и по желанию мужа повернуть их вспять. Поэтому их масштабы и острота закономерно росли.

Особенно чутко на происходящее реагировала церковь с ее консерватизмом и преданностью патриархальным устоям. *«Если, наконец, истинная христианка, довольная своей скромной долей семейной, не порывается необдуманно и самонадеянно к шумной и сложной деятельности общественной, не ищет, не кричит о каких-то особенных, нужных ей, правах; то большинство современных интеллигентных женщин до того эмансипировали себя, что знать не хотят ни мужа, ни семьи, ни дома, бредят все время какими-то успехами общественной и даже политической деятельности»*, – сетовал ректор Казанской духовной академии епископ Алексей (Молчанов)⁶⁰¹.

Церковная традиция всячески стремилась абстрагироваться от эмансипации как идейно, так и в быту. Впрочем, для нее в равной степени были неприемлемы и радикальные практики простонародной среды унижения женщины и попрания ее достоинства. Женщина должна была соответствовать особому образу, который связывался с ключевыми христианскими добродетелями: верой, религиозностью, состраданием, любовью, терпением⁶⁰². Вместе с тем, их истолкование, так или

⁶⁰⁰ Лештаева Н.В. Внутрисемейные отношения русского сельского населения Казанского Поволжья, вторая половина XIX – начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1994. С. 120.

⁶⁰¹ Известия по Казанской епархии. 1904. № 4. С. 106.

⁶⁰² Там же. 1880. № 16. С. 434–437.

иначе, осуществлялось в рамках всесторонней приверженности традиционной культуре с ее гендерной иерархией. Так, один из епархиальных архиереев, наставляя выпускниц женского учебного заведения, среди *«необходимых свойств истинно достойной женщины»*, особенно выделяя кротость и молчаливость⁶⁰³. Обозначенные тенденции, таким образом, находили отражение как в повседневных отношениях членов семей духовенства, так и специфике приходской коммуникации.

В архиве Казанской духовной консистории за пореформенный период встречаются до десятка дел, содержащих следственные материалы по факту насилия со стороны представителей приходского клира в отношении женщин⁶⁰⁴. Учитывая тот факт, что практически каждому из них нами посвящена отдельная публикация с тщательным разбором случая, здесь, в целях наглядной демонстрации проблемы, мы проанализируем лишь те, которые не вошли в пласт журнальных публикаций. Первым, заслуживающим внимания, следует считать дело подгородного приходского священника Красногорского (1873).

Агрессивным поведением священник превратил жизнь супруги в каждодневный кошмар. С наступлением вечера мужчина приходил в неистовство – набрасывался на жену и избивал ее так, что женщина вынуждена была укрываться

⁶⁰³ Известия по Казанской епархии. 1880. № 15. С. 415.

⁶⁰⁴ В целях научной объективности, не можем не упомянуть о единственном обнаруженном нами деле, связанном с явлением гомосексуализма (1903) (Дело о монахе Свяжского Успенского Богородицкого монастыря Евгении по обвинению в мужеложстве // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118935. 18 л.). Его суть заключалась в следующем. Насельник Свяжского монастыря монах Евгений, однажды пригласив к себе 18-летнего крестьянского юношу, попытался совершить с ним действия сексуального характера. Но молодой человек вырвался и сообщил о случившемся полицейскому исправнику, а тот – архиерею. Духовные власти признали у монаха проблемы и, во избежание инцидентов в будущем, выслали его в монастырскую тюрьму – Чебоксарский Свято-Троицкий монастырь. Но и там арестант умудрялся нарушать правила, о чем наместнику в негодовании сообщил братский духовник. Согласно указу Синода № 10780 от 30 июля 1841 г., монаха подвергли строжайшему надзору, фактически заперев в монастыре. В Российской империи гомосексуализм, согласно Уложению о наказаниях, относился к разряду уголовно наказуемых преступлений. Отягчающим обстоятельством считалось насилие (ст. 516). Однако дело было не только в позиции государства. Сексуальная сфера в Православной церкви традиционно относилась к разряду наиболее жестко регулируемых, и подобные явления не воспринимались не только как норма, но и безапелляционно порицались.

у соседей⁶⁰⁵. Постепенно конфликт вырвался за пределы семьи и расправы мужа над женой все чаще случались на людях. Благочинный докладывал архиерею: *«Священник и после сделанного ему внушения дом свой добре правити и не навлекать на себя укоризны неблагоразумными мерами, какие он будто бы вынуждается употреблять для установления надлежащих отношений к себе жены своей, не оставляет прибегать к таким мерам, сопровождая оныя непристойными выражениями, чем весьма недовольны и хозяйка дома, в котором квартирует Красногорский, вдова мещанка Татьяна Кукарникова и другие ее квартиранты, жалующиеся, что и им нет покоя от ссоры священника с женой»*⁶⁰⁶.

В один из дней после очередной ссоры женщину поразил инсульт, и она оказалась прикована к постели. Об этом донес в консисторию священник, исповедовавший больную. Женщина в слезах поведала пастырю об имевшем место ударе подсвечником, который и стал причиной недуга. *«Посмотрите, батюшка, дерутся ли так мужья?»*, – жаловалась страдальца⁶⁰⁷. Опасность гибели женщины побудила консисторию спешно вмешаться. Однако о. Красногорский вины категорически не признавал, обвиняя в семейных неурядицах исключительно жену и ее родственников.

Когда дело все более стало приобретать признаки формального разбирательства, пострадавшая начала отказываться от прежних жалоб и настойчиво защищать мужа: *«Что я была избита им до полусмертного состояния совершенно неправда. Был встречен мной один ...со стороны мужа удар, но я осталась в то время и теперь совершенно здорова»*⁶⁰⁸. Между тем, следствие показало, что священник периодически злоупотреблял спиртным. Это способствовало у окружающих формированию о нем мнения как о человеке,

⁶⁰⁵ Показания благочинного священника Александра Целерецкого // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6669. Л. 4 об.

⁶⁰⁶ Покорнейший рапорт благочинного священника Борисоглебской церкви Симеона Красовского // Там же, л. 1.

⁶⁰⁷ Там же, л. 5 об.

⁶⁰⁸ Показания Елизаветы Федоровой Красногорской // Там же, л. 11.

склонном к нетрезвости и, на этом фоне, к буйству. Тем не менее, со слов супруги, медицинское освидетельствование надежно указывало на *«болезнь печени и нервного расстройства»* как первопричину агрессивного поведения пастыря⁶⁰⁹. *«Муж мой по болезни действительно вспыльчивого характера, но не до побоев по жестокости как в стенах нашего дома заключают посторонние люди»*, – настаивала она перед следователем. Церковные власти, однако, заключили, что проблема крылась не в болезни и не в пьянстве, а в деструктивном влиянии на семейство родственников супруги. На этом основании чету Красногорских сослали в дальний сельский приход, где их след и теряется.

Рассмотренное дело хоть и неявно, но указывает на медицинские аспекты проблемы. Безусловно, их не следует полностью исключать при анализе вопроса и итоговых выводах. И хотя сведения подобного плана ограничены, они косвенно говорят в пользу точки зрения, что далеко не каждый акт насилия обуславливался явлениями собственно этического плана. Тем не менее психологические грани женского поведения не теряют своей уникальности и показательны тем, что для супруги священника Красногорского побои со стороны мужа, судя по всему, не были вопиющим проступком. Хотя и носили характер регулярный. Неприятие вызывало избиение *«до полусмертного состояния»*, но не более того. В остальном конфликты не рассматривались как основание для обращения к правящему архиерею за защитой. Действительно, о проблемах в семье Красногорских духовная консистория в принципе узнала случайно. Таким образом, женская покорность, ставшая хрестоматийной во множестве описаний судеб замужних женщин пореформенного времени⁶¹⁰, в равной степени была характерна и для семей приходского духовенства⁶¹¹. Тогда как категории «кротость» и

⁶⁰⁹ Показания священника Симеона Красовского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6669. Л. 9 об.

⁶¹⁰ См.: Мухина З.З. Указ. соч., с. 212–226.

⁶¹¹ М.В. Пулькин в связи с этим настаивает: «Важно попытаться оценить события с позиции современников: субъективного ощущения приниженности, подавленности у женщин XVIII–XIX вв., скорее всего не возникало. Они расценивали свое положение как обычное, освященное веками состояние дел, и вряд ли могли представить себе иную ситуацию» (Пулькин М.В. Жизнь женщины в Олонецкой епархии: будни и праздники (конец XVIII – начало XX в.) // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 394).

«молчаливость» интерпретировались современниками именно в рассматриваемом ключе.

Эпизоды *сексуального плана* в архивных материалах также встречаются. Им практически не посвящались специальные разбирательства, и внимание органов власти расплывчато в делах по другим обстоятельствам⁶¹². Только в двух случаях, датированных 1864 и 1903 гг., вопрос предметно рассматривался архиереем и консисторией⁶¹³. В целом, судя по материалам Губернской Палаты уголовного суда, данный вид преступлений в прочих социальных группах в рассматриваемый период был не столь уж редким⁶¹⁴. В том числе, это касалось правонарушений, связанных с растлением несовершеннолетних⁶¹⁵. Исходя из чего, единичность случаев, связанных с половой неприкосновенностью, стороной в которых выступали представители клира, свидетельствует в пользу довольно высокого уровня правовой и этической культуры епархиального приходского духовенства в обозначенном аспекте⁶¹⁶.

⁶¹² См., напр.: Дело о взаимных несогласиях между священником села Корноухова Свияжского уезда Николаем Малиновским и его женой Людмилой Капитоновой // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118868. 56 л.; Дело о привлечении к ответственности псаломщика с. Богатырева А.В. Цивильского за бесчестие дочери псаломщика того же села Ядринского уезда М. Богатырева девицы Марии // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 124. Д. 2. 81 л.

⁶¹³ Дело о причинении диаконом Цивильского уезда села Багильдина Артемием Десницким побоев крестьянской девке Прасковье Федоровой // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 37. 46 л.; Дело о священнике села Вязовых Свияжского уезда Александре Вишневецком по обвинению в растлении девицы Елизаветы Соколовой // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118783. 15 л.

⁶¹⁴ К слову, за пределами Казанской епархии такие эпизоды также имели место и даже становились предметом обсуждения в церковной периодике. См., напр.: О порядке исполнения постановленных светскими судами приговоров, коими священнослужители присуждаются к тюремному заключению // Известия по Казанской епархии. 1873. № 5. С. 134–138.

⁶¹⁵ Указанные пороки выходили далеко за пределы не только народной среды, но и российского общества в целом. В данном случае речь идет о проблеме общечеловеческого порядка. Так, в 1913 г. В.И. Ленин, находясь в Кракове, с возмущением писал А.М. Горькому о «католическом попе, растлевающем девушек», о котором прочел в немецкой газете (Письмо В.И. Ленина к А.М. Горькому, ноябрь 1913 г. // Сочинения / В.И. Ленин. М., Л.: Госиздат, 1929. Т. 17. С. 81).

⁶¹⁶ В некотором роде, это закономерно. Историк сексуальности И.С. Кон писал: «Очень сурово осуждалось церковью сексуальное насилие. Во всех древних обществах оно было массовым явлением, особенно в периоды войн и мятежей, которые происходили, в сущности, постоянно. Православная церковь занимала в этом вопросе самые непримиримые позиции. В отличие от права многих других народов, рассматривавших изнасилование как разновидность блуда или прелюбодеяния, православная церковь выдвигает на первый план наносимое женщине

В первом случае обвинение пало на диакона, несколько лет к ряду агрессивно преследовавшего крестьянку, избивавшего ее и склонявшего к порочной связи. Во втором объектом дознания выступил священник, обвиненный в растлении несовершеннолетней. Однако в обоих случаях доказать виновность клириков жертвам не удалось. Справедливости ради, следует заметить, что данные дела свидетельствуют о довольно своеобразном следственном подходе синодальной и епархиальной власти. Их позиция была ориентирована прежде всего на сохранение церковной репутации и традиционных культурных устоев с их принципами гендерной иерархии в ущерб следственной объективности. Иными словами, ингрупповой фаворитизм и здесь проявлял здесь себя в полную силу⁶¹⁷.

Таким образом, агрессия в среде приходского духовенства Казанской епархии была представлена широким спектром проявлений. Масштабы данного явления, однако, нельзя назвать существенными. При этом инциденты имели социальные корреляты и наиболее яркое отражение находили в низовом звене причтов. Между тем, вопреки каноническим и законодательным принципам, агрессивное поведение и даже физическое насилие со стороны клира на практике не во всех случаях воспринимались как явления однозначно преступные и преследуемые. На этом основании применение духовным начальством дисциплинарных мер к проштрафившемуся духовенству не всегда имело место и зачастую носило условный характер. Судя по всему, такой подход бы обусловлен традиционным восприятием приходского духовенства как неотъемлемой части простого народа. Последний, в силу особенностей коллективной психологии и культуры, не претендовал на моральный ригоризм в его церковно-христианском понимании, невольно занижая таким образом планку этических требований и для своих пастырей. В этой противоречивости и кроется корень специфики рассмотренной проблемы.

"бесчестье"» (Кон И.С. Сексуальная культура России: «клубничка» на березке. М.: Объед. гуманитар. о-во, 1997. С. 8).

⁶¹⁷ Хохлов А.А. Специфика епархиального судопроизводства... Указ. соч., с. 214–224.

3.3. Доносительство, оговоры и жалобы

Доносительство исстари пронизывало и народные нравы, и законодательство. Еще историк П. К. Щербальский выделял склонность к доносу как отличительную черту психологии и культуры русского человека: *«страсть или привычка к доносам есть одна из самых выдающихся сторон характера наших предков»*⁶¹⁸. Изучая документы отечественного судопроизводства XVIII в., историк констатировал: *«Следственные дела, которые передо мною, дают крайне печальное понятие о нравственных началах старинной Руси; доносы делались с такою легкостью, с такою, так сказать, развязностью, по таким, большей частью, маловажным побуждениям, что не знаешь, чему более удивляться, моральной или физической бесчувственности наших предков»*⁶¹⁹. Те современные исследователи, которые когда-либо приступали к данной теме⁶²⁰, придерживаются аналогичной точки зрения. Отмечается, в частности, что *«заявления на собутыльников во время пьяных ссор и драк»*⁶²¹ были едва ли не самым распространенным средством острастки потенциальных или реальных недругов. И в ряду прочих социальных групп духовенство не было исключением. *«Печальное явление со священником села Малой Шатьмы Андреем Клонским, подвергшимся запрещению священнослужения по доносу до него полиции, объясняется неуместным его общением с чином полиции при совместном употреблении ими вина»*, – докладывал в Казанскую духовную консисторию один из благочинных⁶²².

⁶¹⁸ Щербальский П.К. Черты из народной жизни в XVIII веке // Отечественные записки. 1861. Т. 138. С. 438.

⁶¹⁹ Там же, с. 444.

⁶²⁰ В.А. Коршунков фиксирует тенденцию уклонения современных церковных и светских исследователей от рассмотрения данного вопроса, в чем сложно не усмотреть влияние идеологической конъюнктуры (Коршунков В.А. Указ. соч., с. 66–67).

⁶²¹ Игнатов В.Д. Доносчики в истории России и СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://coollib.com/b/284416/read> (дата обращения: 31.10.2021).

⁶²² Отчет о состоянии церквей, причтов и приходов 2-го благочиннического округа Ядринского уезда за 1905 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. Л. 396.

В 1904 г. благочинный 3-го округа Казанского уезда священник Павел Измайлов представил епархиальным властям годовой отчет. В нем он обрисовал беды приходского клирика, его униженное положение, а также проблему доносительства, в которую оно всецело было вовлечено⁶²³. *«Ему все начальники: и земский, и исправник, и члены училищного совета, и становой пристав, и даже полицейский урядник. Не угоди чем-либо кому-нибудь из них священник и вот, на него готова жалоба. И благо. На него можно жаловаться во всем: и в невнимательности по службе, и в грубости, и в нетрезвости, и в вымогательстве, и в неблагоповедении, которые все такие растяжимые понятия, что хоть кого так можно под них подвести. Даже всякий мужик, если священник его не учестит, а тем более, если его чем-то оскорбит, может наделать ему много зла. По-всякому ничего не значащему обстоятельству на него может быть подана жалоба Епархиальному начальству. Уже одна подсудность так сильно роняет авторитет священника в глазах народа. А что, если эта подсудность благодаря подставке мирожан ко священнику своих клеветов, готовых наврать на своего батюшку, и, Бог знает, что, лишь бы только научить его «знать наших»...? Тогда, конечно, нравственные страдания озлобят его против всего и он, махнув рукой на все, чтобы заглушить свое горе, принимается за горькую»*⁶²⁴. Так духовенство по своеобразному обычаю выступало объектом худших социокультурных практик, среди которых злонамеренное доносительство представляло собой одно из наиболее распространенных и закоренелых явлений приходской жизни. Не случайно один из благочинных сетовал на неискоренимую склонность своей паствы по любому незначительному поводу писать епархиальному начальству доносы на своих пастырей⁶²⁵. Но, случалось, инициаторами и проводниками таких поступков были и сами лица духовного звания.

⁶²³ Покорнейший рапорт благочинного 3-го округа Казанского уезда села Алат священника Павла Измайлова (1903) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118579. Л. 181 об.

⁶²⁴ Там же, л. 181 об.

⁶²⁵ Отчетные сведения благочиннического совета 2 округа Мамадышского уезда // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 23. Л. 207–219.

Лживые доносы (письменные или устные) следует считать наиболее распространенным видом доносительства и в среде приходских причтов. Их инициаторами могли быть как лица духовного звания, так и представители других сословий, соприкасавшихся с повседневной жизнью приходов и не гнушавшихся оказанием сомнительных услуг по просьбе самих клириков. Мотив таких поступков далеко не всегда очевиден и во многих случаях может быть отнесен к природе сугубо иррациональной. При этом масштабы проблемы выглядят впечатляющими. Она регулярно становилась предметом обсуждения и внимания властей. Судя по всему, ее выход на пик приходится на 1880-е-1890-е гг. По крайней мере, именно в это время проблема доносительства в среде духовенства особенно часто фигурирует в общецерковных и епархиальных источниках. Так, в 1885 г. митрополит Киевский и Галицкий Платон (Городецкий) опубликовал «Пастырское вразумление посылающим безымянные письма». Архипастырь жаловался на шквал анонимок и пасквилей, поступающих к нему с мест, в чем видел недопустимость с христианской точки зрения⁶²⁶. Приводя массу доводов правового и религиозного плана против этой порочной практики, епископ призывал причты и паству к честности и открытости, искреннему обсуждению приходских проблем, грозя тем, *«что злоречивые и лжецы Царствия Божия не наследуют»*⁶²⁷. Вопрос находил отклик и у казанских архиереев. Архиепископ Арсений (Брянцев), вступая в управление епархией в 1897 г., с прискорбием писал в епархиальных Известиях: *«С миром и любовью вступил я в управление Казанской паствой... Но к удивлению и огорчению моему, сразу же, едва прикоснувшись к делам, мне пришлось натолкнуться на крайне уродливое явление... Только нравственно-уродливым явлением, а не иным словом, могу назвать те анонимные письма, какие мне одними из первых пришлось распечатать, предполагая, что в представленных мне конвертах заключаются деловые бумаги... С грустью пришлось убедиться, что в них вместо дела, излагались грязные доносы, авторы*

⁶²⁶ Известия по Казанской епархии. 1885. № 17. С. 778.

⁶²⁷ Там же, с. 801–802.

которых — или стыдились, или боялись подписать под ними свои имена»⁶²⁸. Годом позже, поучая приходское духовенство, архиепископ вновь призывал отказаться от порочащей духовной сан традиции⁶²⁹. Впрочем, словесные убеждения действовали не всегда, в результате чего, консистория периодически публиковала циркулярные распоряжения о запрете доносительства и отказах в приеме поступавших к ней анонимных изветов⁶³⁰. И хотя отдельные добропорядочные священники видели в обозначенном пороке серьезную проблему и на собственном уровне предпринимали отчаянные усилия для ее изживания, архиереи и консистории, как ни странно, на практике не столь усердствовали в ее пресечении. В этом заключался ключевой парадокс епархиального администрирования, на который ранее уже обращалось внимание и на который в рамках данного раздела диссертации нам предстоит ответить.

Наиболее уязвимой категорией клира в контексте обозначенной проблемы были причетники, не обладавшие высоким статусом, но находившиеся при этом в полной зависимости не только от епархиальной власти, благочинных и прихожан, но и от своих непосредственных начальников – настоятелей храмов. В условиях острых приходских противоречий, усиливавшихся в связи с социально-экономической и политической нестабильностью, именно причетники чаще других оказывались проигравшей стороной, выполняя роль своеобразного громоотвода. Учитывая тот факт, что единение причтов в повседневных условиях оставалось идеалом недостижимым⁶³¹, указанные обстоятельства оборачивались острой проблемой, разбалансировавшей весь строй приходской жизни. Дело причетника села Александровки Казанского уезда Адриана Новикова (1861) в этом смысле весьма показательно.

Биография этого некогда штатного священника не отличалась благочестием: выговоры от консистории, попойки и, наконец, в 1854 г. запрещение в

⁶²⁸ Известия по Казанской епархии. 1897. № 23. С. 628.

⁶²⁹ Там же. 1898. № 5. С. 162.

⁶³⁰ Там же. 1890. № 1. С. 1; 1893. № 24. С. 771–774.

⁶³¹ Там же. 1905. № 38. С. 1163.

священнослужении с последующим низведением в причетники. Однако приходские крестьяне отзывались о нем вполне комплиментарно: вопиющих проступков не совершал, с прихожанами приветлив. Им вторил и причт: Новиков не равнодушен к спиртному по праздникам, но не до крайности и к возложенным на него обязанностям относится ответственно⁶³². На неудачу, с доносом на него поспешил не рядовой крестьянин, а камер-юнкер императорского двора, статский советник и помещик того же села граф Алексей Евграфов-Комаровский. Со столь влиятельной персоной архиерей и консистория не считаться не могли. Граф доносил: *«...он немного не исправился: ибо и ныне нередко предаётся пьянству, которое служит немалым соблазном для приходских крестьян, в особенности для новокрещенных и старокрещенных из татар, которых в означенном приходе до 450 душ мужского пола. Доводя об этом до сведения Вашего Высокопреосвященства, вынужден вместе с тем покорнейше просить Вас, Милостивейший Архипастырь, сделать <...> распоряжение о перемещении означенного запрещенного священника Новикова в другой приход, где нет новокрещенных и временно-обязанных крестьян, и где неблагоповедение его могло менее причинять соблазна прихожанам»*⁶³³.

Защищаясь, Новиков доказывал благочинному, что доносчик не мог знать в деталях его образа жизни, поскольку большей частью проживает в Санкт-Петербурге, а в Казанской губернии чаще бывает в Спасском уезде; уверял, что соседний помещик, напротив, довольно хорошего о нем мнения, свидетельством чего служит его ходатайство к архиерею о назначении Новикова на вакантный приход в одно из близлежащих сел. Доказательством неосведомлённости графа Новиков объявил и незнание последним того факта, что причетник уже несколько

⁶³² Объяснение священно-церковнослужителей Казанского уезда села Александровки // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5725. Л. 10 об.

⁶³³ Прошение помещика Казанского уезда села Троицкого-Александровка также Камер-юнкера Двора Его Императорского Величества Статского советника графа Алексея Евграфова-Комаровского Высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и разных орденов кавалеру от 29 июля 1861 г. // Там же, л. 4 – 4 об.

лет был разрешен в священнослужении, и только за неимением места продолжал оставаться в числе низового клира⁶³⁴.

Тем не менее, вопреки очевидным фактам, консистория приняла положительное решение по доносу, в то время как настоятель церкви и непосредственный начальник Новикова священник Иванов не счел нужным хотя бы декларативно обозначить свою позицию. Между тем, обвиняемый видел причину своих неприятностей именно в настоятеле. Как впоследствии выяснилось, о. Иванов подтолкнул помещика к доносу, сообщив последнему о неблагоприятных эпизодах биографии своего сослуживца. Мотив поступка был прост: брат священника занимал должность второго причетника той же церкви, находясь в конкурентных отношениях с Новиковым. Наличие большого штата священно- и церковнослужителей даже на состоятельных приходах закономерно сужало их доходную базу, и родственные связи в подобных случаях приобретали коалиционный характер, направленный на монополизацию приходских доходов.

Прочие детали консисторского решения по делу Новикова не менее интересны. Причетник против смены места служения отнюдь не возражал. Однако просил епархиальную администрацию защитить его доброе имя и дать время подыскать другой приход: *«Объяснив о сем Казанской духовной консистории, всепокорнейше прошу оную защитить меня от этой клеветы и, во избежание неудовольствия как со стороны помещика Г. Комаровского, так равно и причта села Александровки, переместить меня из этого прихода на другое место, когда я найду кого-либо из желающих поменяться со мной местами»*⁶³⁵. Но ни той, ни другой просьбе пономаря консистория не вняла, спешно исключив его из состава клира и строго вменив *«приискивать причетническое место в таком приходе, где не будет соблазна новокрещенным и старокрещенным и строгий надзор*

⁶³⁴ Объяснение Его Благодению отцу Благодичному Казанского уезда села Чурилина Священнику Матвею Политову от Казанского уезда села Александровки на причетнической вакансии находящегося священника Адриана Новикова от 22 ноября 1861 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5725. Л. 4 – 4 об.

⁶³⁵ Объяснение на причетнической вакансии находящегося, священника Адриана Новикова // Там же, л. 24 об.

благочинного»⁶³⁶. Иными словами, статус заявителя определял оперативность и характер епархиального решения.

Справедливости ради, следует сказать, что далеко не все клирики промышляли столь предосудительными способами устранения конкурентов. Да и епархиальная власть не всегда и не во всех случаях следовала сословной конъюнктуре, уступая настойчивым просьбам статусных и влиятельных лиц. Реакция на донос напрямую зависела от характера и убеждений правящего архиерея, формально обязанного опираться на требования консисторского Устава. Так, в 1856 г. жандармский генерал Львов обратился к архиепископу Григорию (Постникову) по поводу причетника села Базякова Спасского уезда Семена Нечаева. Не утруждая себя в доказательствах и ссылаясь на показания своего родного брата – главы местной вотчинной конторы – представитель государственного политического сыска сообщил, что Нечаев ведет жизнь нетрезвую и *«в развращенном виде бесчинствует над женщинами»*⁶³⁷. *«С церковным старостой, человеком честным и всеми обывателями уважаемым, – возмущался генерал, – постоянно бранится и пугает, что он может его услатить в Сибирь и даже самого главного бурмистра этой вотчины разбранил при всех в конторе за то, будто бы, что он не дозволил пускать в господское стадо овец»*⁶³⁸. В заключении – стандартная просьба: удалить причетника из прихода.

Как и в предыдущем случае, настоятель проявил демонстративную безучастность и ровно по той же причине: за братьями Львовыми стоял он сам по сговору с приходским старостой. В силу каких-то причин, Нечаев не вписывался в причт и методом решения вопроса был избран злонамеренный донос через благоволивших священнику влиятельных лиц. Небезынтересно, что повальный обыск с участием пятидесяти прихожан в целом не подтвердил обвинения в адрес Нечаева. Поэтому к чести архиерея, пономарь был оставлен на прежнем месте.

⁶³⁶ Постановление Казанской духовной консистории // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5725. Л. 26 об.

⁶³⁷ Прошение Высокопреосвященнейшему Григорию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и Кавалеру от 6 июля 1856 г. от казанского жандармского генерала П. Львова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 4. Л. 3 об.

⁶³⁸ Там же.

Однако с дисциплинарным внушением, *«чувствуя монаршую милость, постарался загладить (вину) совершенно неукорительным благоповедением»*⁶³⁹.

Такой исход дела не мог удовлетворить интересантов. На их счастье, в ноябре 1856 г. в Казани произошла смена епископа. Архиепископа Григория перевели на петербургскую кафедру, а вместо него Синодом был назначен иркутский архиепископ Афанасий (Соколов). Дело Нечаева вскоре и, вероятно, не без участия все тех же лиц, попало под пересмотр, но на сей раз уже с желаемым результатом. Для последнего, судя по документам, это стало ударом. В слезном обращении архиерею причетник печаловался, что семья его состоит из семи человек, все они нуждаются в содержании, старший сын обучается в семинарии, а учеба требует платы. *«Не меньше меня убивает и то, что я в продолжении в этом селе Базякове десятилетней службы, никогда ни в чем непорочный, должен навек нести по прихотям Священника незаслуженное пятно, опорочивающее мою и честь, и службу»*⁶⁴⁰. Но прошение было оставлено без удовлетворения.

Еще один случай. В 1861 г. в Космодемьянске произошел конфликт между священником Яковом Виноградовым и черемисским крестьянином Федором Зиновьевым. Формальной причиной послужила неуплата священником Зиновьеву суммы за два пуда муки в базарный день⁶⁴¹. Крестьянин письменно обратился к о. Виноградову о возмещении средств за товар, фактически тем самым обвиняя клирика в краже имущества. Однако положительных результатов это не принесло. Впрочем, интересно, что ранняя биография священника действительно хранила в себе эпизоды утаивания им от остального причта части прибыли, а также финансового притеснения прихожан. Поэтому по требованию консистории о. Виноградов был принужден дать письменное объяснение. Священник заверял духовные власти в своей невиновности. Поскольку же обвинителем никаких

⁶³⁹ Указ Казанской духовной консистории от 12 ноября 1856 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 88. Д. 4. Л. 14 об.

⁶⁴⁰ Прощение причетника С. Нечаева к его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и разных орденов кавалеру от 9 июля 1957 г. // Там же, л. 17 – 17 об.

⁶⁴¹ Покорнейший рапорт Благочинного города Космодемьянска Троицкого Собора священника Гавриила Ястребова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5715. Л. 4.

доказательств представлено не было, клирик был освобожден от ответственности. Тем не менее прочие нюансы дела указывают на неоднозначную активность благочинного – протоиерея Гавриила Ястребова. Его версия инцидента, изложенная в сообщениях в консисторию, склонялась к признанию виновности о. Виноградова: *«Нахожусь вынужденным благопочтительнейше донести Вашему Высокопреосвященству, сколько по обязанности своей, столько же и по настоятельному требованию черемисина Зиновьева, объявившего мне, что, в случае не обращения мною внимания на его жалобу, он будет искать с Виноградова в гражданских присутственных местах, и тем невольно сделает посрамление духовному званию»*⁶⁴². Острастка светскими властями епархиальных чиновников, впрочем, не смутила. Но ключевое значение содействия благочинного, через которого на о. Виноградова и поступил донос, а также факт неграмотности Зиновьева, ставит вопрос о степени заинтересованности в деле самого Ястребова.

Итак, прихожане нередко добровольно выступали инструментом разрешения приходских противоречий и конфликтов посредством доносительства. Вероятно, в ряде случаев, просьба или совет священнослужителя воспринимались как заслуживающие внимания, поскольку кому, как не пастырю, работающему «на земле», знать все особенности жизни прихода и его проблемы. С другой стороны, фактор традиционно благоговейного и даже сакрализованного отношения к духовному сану, которым были движимы прихожане вне зависимости от их сословной принадлежности и статуса. Даже если священник не отличался духовными дарованиями и нравственным достоинством, почтительность и отзывчивость к некоторым духовным лицам являлись как бы сами собой разумеющимися⁶⁴³. Иными словами, здесь мистическая причинность превосходила самую очевидность⁶⁴⁴.

⁶⁴² Покорнейший рапорт Благочинного города Космодемьянска Троицкого Собора священника Гавриила Ястребова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1 Д. 5715. Л. 5.

⁶⁴³ Громько М.М. Отношение к храму и священнику // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. М.: Наука, 2001. С. 97.

⁶⁴⁴ Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 71.

Случалось, что донос в консисторию на клирика поступал не по инициативе конкурирующих членов причта, а исходя из личной неприязни кого-либо из прихожан. В архиве сохранилось дело, заявителем в котором был неграмотный крестьянин Волков (1886)⁶⁴⁵. Впрочем, впоследствии доносчик признал необоснованность своего поступка: *«Выслушано заявление истца Волкова о том, что он производством следствия остается доволен и донос свой на священника признает недобросовестным, написанным со слуха и при этом в присутствии следственной комиссии изъявил желание испросить прощение у оскорбленного им священника о. Зефирова, поклонясь в ноги»*⁶⁴⁶. Но симптоматично, что следователей не заинтересовало, кто содействовал Волкову в составлении письменной кляузы. В сельской местности грамотных людей было немного и установить сподручного не составляло труда. Круг таких лиц ограничивался фельдшерами, учителями, мелкими чиновниками (зачастую заезжими) или представителями духовенства. В 1905 г. казанский благочинный Иоанн Черкасов обратился к правящему архиерею в связи с разбором одного из приходских конфликтов и указал, кто помогал неграмотным крестьянам писать донос: *«...прошение прихожанам написал учитель церковной школы в деревне Коноваловой Яков Якимов, о чем объяснил мне староста Кузин, а подать это прошение Вашему Высокопреосвященству Кузин поручил Чернову, который и был исполнителем сего поручения. Хотя Кузин и отказался от прошения, когда началось следствие, но все-таки он нанес священнику тяжелейший удар оным, так как в прошении были описаны деяния, в которых будто бы виновен священник, что клевета и изветы на невиновного человека могли подействовать потрясающим образом»*⁶⁴⁷. Священник Черкасов

⁶⁴⁵ Дело о священнике Екатерининской слободы Чистопольского уезда Николае Зефирове, обвиняемом в нетрезвости и небрежном отношении к своим обязанностям // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7250. 69 л.

⁶⁴⁶ Ознакомительный следственный лист // Там же, л. 39.

⁶⁴⁷ Покорнейший рапорт благочинного 1-го округа Казанского уезда протоиерея Иоанна Черкасова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. Л. 481.

просил наказать незадачливого учителя, дабы тот впредь не содействовал церковным распрям⁶⁴⁸.

Жалобы формально не относились к категории доносов и имели вполне законный статус⁶⁴⁹. Нередко, жалоба была единственной возможностью донести архиерею о неблагополучном положении дел на приходе, попыткой выправить ситуацию или предупредить ее негативные последствия, способом защиты личных или коллективных прав. Жалобы были чрезвычайно многочисленны и разнообразны по содержанию, а их адресатами выступали и благочинные, и консистория, и даже Святейший синод. Следует отметить, что в XIX в. специальные государственные органы приема жалоб от населения функционировали как важный элемент коммуникации между монархом и подданными. Так, в 1810 г. в рамках административной реформы в системе Государственного совета была создана Комиссия прошений⁶⁵⁰. В 1895 г. вместо нее была учреждена Канцелярия Его Императорского Величества по принятию прошений на Высочайшее имя⁶⁵¹. В церкви, при наличии регламентированной возможности подачи жалоб, подобные специальные органы, однако, отсутствовали. Тем не менее, не только консистории, но и канцелярия обер-прокурора, случалось, принимали и рассматривала жалобы с мест, поток которых

⁶⁴⁸ Тем не менее, доносы на духовенство светских лиц, не связанные с приходскими делами, хоть и были крайне редки, но все же имели место. Об одном таком случае сообщает гражданский благочинный (1905): «Священник села Татмышева Андрей Брагин по протоколу околоточного надзирателя 2-й части г. Казани привлекался к ответственности по жалобе содержательницы номеров в Казани мещанки Лидии Заболотской в неблагоповедении и нетрезвости за что епархиальным начальством был запрещен в священнослужении, но по судебному следствию, произведенному протоиереем Тихвинской г. Казани церкви Михаилом Меньшиковым, признан в возведенном на него обвинении по суду оправданным со снятием с него запрещения в священнослужении» (Отчет о состоянии церквей, причтов и прихожан по 1-му благочинническому округу Цивильского уезда за 1905 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. Л. 234 об.). Перечисленными случаями данный список, пожалуй, и исчерпывается.

⁶⁴⁹ Устав духовных консисторий в редакции 1883 г. разделом № 2 обозначает виды частных жалоб и процесс их рассмотрения архиереем или епархиальным судом.

⁶⁵⁰ Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801–1917 гг. Т. 1. Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. С. 164.

⁶⁵¹ Бацева О.А. Институт обращения граждан в дореволюционной России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2-2. С. 91.

год от года увеличивался в связи с низкой эффективностью и грузностью системы епархиального администрирования.

Чтобы ограничить поток обращений с приходов непосредственно в Петербург, в 1873 г. канцелярия обер-прокурора издала специальный указ-подтверждение более раннего акта, датируемого 31 декабря 1856 г. В нем клир повторно информировался о принципе субординации в вопросе подачи жалоб: *«Всякие просьбы, минуя епархиальные начальства, будут оставляться без рассмотрения»*⁶⁵². Указом подтверждалось ранее данное право членам причтов на справедливые прошения и ходатайства, однако строго вменялось соблюдение прописанных норм и сопутствующих бюрократических процедур, включавших оплату пошлины. Как отмечает С. Л. Фирсов, повторение могло означать лишь одно: ранее изданное предписание не действовало⁶⁵³.

Примеры жалоб в Казанской епархии нам известны благодаря довольно многочисленному корпусу дел. Так, дело о жалобе прихожан села Муратова на местного священника Евлампия Петропавловского (1873)⁶⁵⁴ может служить образцом обоснованного прошения архиерею. К конфликту привели следующие обстоятельства. Жители села состояли из русских – потомков переселенцев из центральных регионов России, оказавшихся в Поволжье еще на заре московской колонизации края. Русские крестьяне выделялись на фоне других христианизированных этнических групп (чувашей, мордвы, черемисов и проч.) сравнительно более добросовестным соблюдением церковных предписаний, участием в таинствах и обрядах. Вот и муратовские обыватели исстари прекрасно знали богослужебный устав, а потому пристально следили за его исполнением духовенством⁶⁵⁵. Но о. Петропавловский систематически нарушал Типикон,

⁶⁵² Дело относительно порядка принесения Святейшему Синоду со стороны духовных лиц просьб и жалоб на действия непосредственных их начальств // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6757. 2 л.

⁶⁵³ Фирсов С.Л. «Якорь спасения». Православная церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I: очерки истории. СПб.: Изд-во С.-Петербург. духовной акад., 2021. С. 147.

⁶⁵⁴ Дело по жалобе прихожан села Муратова на местного священника Евлампия Петропавловского (1873) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6738. 7 л.

⁶⁵⁵ Там же, л. 1.

службы и требы исполнял с искажениями, опуская важные уставные моменты. Плюс ко всему, священник прослыл алчным: опустошил приходскую казну и отказывался служить молебны, если плата не была гарантирована. Причем делал это довольно своеобразно – неожиданно заболел, поступи к нему просьба⁶⁵⁶. Крестьяне решили просить архиерея о замене священника. Однако епархиальные власти потребовали доказательств злоупотреблений клирика. Таковых муратовцам представить не удалось, и их жалоба осталась без удовлетворения.

Другой случай. В 1899 г. один из казанских благочинных – священник Павел Измайлов – упомянул в одном из отчетов в консисторию о вопиющем поведении некоторых городских священников. Речь шла о посещении теми светских салонов и их бросающейся в глаза унижительной сервильности перед знатыми и богатыми горожанами. Демонстрировалась она, по мнению о. Измайлова, исключительно в корыстных целях. Однако, когда консистория потребовала от священника письменного разъяснения ситуации и раскрытия имен дискредитирующих церковь пастырей, благочинный не выдал своих сослуживцев, ограничившись обтекаемым описанием проблемы: *«Имена этих лиц я не обозначаю из предосторожности, дабы обозначением их не оскорбить тех высокопоставленных лиц, которые могли быть вмешаны в эту не совсем приятную для них историю»*⁶⁵⁷.

Тем не менее обоснованные жалобы были сравнительно редки. Чаще в документах встречаются злонамеренные жалобы, содержавшие в себе недостоверные, либо частично достоверные сведения. Их мотивом являлось не столько установление истины, устранение неблагоприятных обстоятельств или наказание подлинно виновных лиц, сколько взаимная (или односторонняя) неприязнь прихожан и клириков, членов причта между собой⁶⁵⁸. Обратимся к

⁶⁵⁶ Дело по жалобе прихожан села Муратова на местного священника Евлампия Петропавловского (1873) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6738. Л. 1 об.

⁶⁵⁷ Рапорт 3-го округа Казанского уезда села Алат священника Павла Измайлова в Казанскую духовную консисторию (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 419 об.

⁶⁵⁸ Ю.Г. Липко выделила достаточно четкие критерии, по которым жалоба может быть идентифицирована как ложная и считаться доносом. Во-первых, это контекст. «С помощью контекста, – отмечает специалист, – в данном случае объяснений самой заключенной, мы понимаем, что они хотят, чтобы им заменили ту надзирательницу, которая доставляет им слишком много неприятностей. Для этого заключенные начинают жаловаться на нее, пытаются

конфликту прихожан села Индырчей Тетюшского района и их священника Иоанна Можаровского, обвиненного первыми в вымогательстве денег и нарушении старинного обычая молебнов и крестных ходов⁶⁵⁹. Категоричность сельчан обернулась требованием правящему архиерею замены приходского священника: *«Просим священника Можаровского уволить и вместо него снабдить нас таковым же другим и, если не будет противно Духовному закону, предоставит приходу нашему право, пригласить к нам такового по приговору и усмотрению нашему, кого найдем мы по желанию с обеих сторон»*⁶⁶⁰. Ощутив себя свободными распорядителями собственных судеб и хозяевами положения вследствие ликвидации крепостного права, крестьяне все активней нацеливались на самостоятельное регулирование приходских вопросов сообразно частным предпочтениям. Однако, в силу специфики психологии и культуры, их инструментарий практически не менялся и часто сводился к обычным кляузам. Жалобы властям буквально были перенасыщены всевозможными небылицами и искажениями⁶⁶¹. Благо, наказаний за такие действия церковное законодательство не предусматривало.

таким путем добиться своей цели. На самом деле, содержание этих многочисленных жалоб ложно, и жалоба использована в качестве стратегии». Во-вторых, психологическая текстура речевого акта, базирующегося на неискренности, а, следовательно, обладающего манипуляторным преимуществом. Таким образом, внешне послание выглядит как стандартная жалоба, в подлинном смысле, являясь изветом (Липко Ю.Г. Стратегическое использование жалобы // Вестник Тамбов. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2006. Вып. 2. С. 243).

⁶⁵⁹ Дело о священнике села Индырчей Иоанне Можаровском по жалобе на него местных прихожан (1873) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6715. 30 л.

⁶⁶⁰ Покорнейшее прошение прихожан Индырчинского прихода архиепископу Казанскому и Свяжскому Антонию и разных орденов кавалеру // Там же, л. 10–11.

⁶⁶¹ Обвинить могли в чем угодно. Например, в физическом и сексуальном насилии. В архивных материалах по этому поводу см., напр.: Дело о снятии священнической женою Ядринского уезда села Асакас Марию Никифорововою Троицкой платья с Ядринского мещанского сына Владимира Шадрина (1863) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5885 23 л.; Дело о причинении священником села Чернышевки Тетюшского уезда Алексеем Симоновым побоев в священническом облачении крестьянину деревни Ивановки Филиппу Семенову (1861) // Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5722. 84 л.; Дело об избииении диаконом села Подберезья Свяжского уезда Степаном Разумовым 11-летнего сына того же села крестьянина Онуфрия Петрова Василия (1862) // Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5689. 16 л.; Дело о причинении диаконом Свяжского уезда села подберезья Степаном Разумовым бывшем в нетрезвом виде побоев в кабаке крестьянину того же села Степану Мартимианову (1863) // Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5918. 36 л.

Между тем, корень проблемы о. Можаровского крылся не в его халатном отношении к своим обязанностям, а в принципиальном стремлении переселиться в соседнее село. Отношения с индырчанами у пастыря не сложились изначально. Внятно донести свое желание до крестьян клирик, по всей видимости, не смог. Исходя из этого, его намерение было воспринято последними как грубый демарш и оскорбление всецело зависимого от общины служителя. Реакцией на него и стал роспуск дискредитирующих слухов с последующей жалобой епископу. Дознание, проведенное благочинным по поручению консистории, показало, что информация о злостном уклонении о. Можаровского от служения молебнов соответствовала действительности лишь отчасти⁶⁶². Сведения же о вымогательствах и вовсе основывались на сплетнях⁶⁶³.

Тем не менее вскрытие истинных мотивов конфликта крестьян не смутило, и они потребовали повторного дознания. Но и при его проведении,

⁶⁶² Покорнейший рапорт благочинного 2-го Тетюшского округа села Флорова-Ясака священника Василия Давыдова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6715. Л. 3 – 3 об.

⁶⁶³ О роли слухов как массового социально-психологического и культурного явления, а также сплетен (индивидуальное явление) в вопросе организации доносов и жалоб следует сказать несколько слов. Во-первых, слухи и сплетни – явления архаичного порядка, целью которых является передача той или иной информации как можно более широкому кругу лиц. Поэтому и в пореформенное время они, как способ неформальной коммуникации, были крайне распространены. Как отмечают специалисты, в подавляющем большинстве слухи носят недостоверный, либо сомнительный характер, в то время как сплетни могут быть и правдоподобны, но неизбежно пристрастны (Максимова Е.Р., Муханалиева А.Р. Слухи и сплетни [Электронный ресурс] // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6, № 5. С. 599. URL: <https://medconfer.com/files/archive/2016-05/2016-05-27-T-7119.pdf> (дата обращения: 27.11.2023)). Во-вторых, деструктивная социально-психологическая эффективность слухов и сплетен заключается в их способности формировать общественное мнение относительно имиджа организации или личности. Исходя из этого, они нередко становились причиной конфликтов и личных драм. В рамках рассматриваемой нами проблемы данный тезис имеет одно из ключевых значений. Обратимся, например, к конфликту чистопольского псаломщика Дмитриевского и священника Соколова (1905). Псаломщик Дмитриевский, по отзыву благочинного, был человеком нерелигиозным, нечестным, пьяницей, буяном, кляузником, интриганом, заводящим нескончаемые ссоры с настоятелем и подбивающим крестьян к таким же аморальным поступкам (Отчет о состоянии церкви, причтов и прихожан по 1-го благочинническому округу Чистопольского уезда // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. Л. 355). Но, «священник Соколов и сам отчасти является не совсем правым в существующих между ним и псаломщиком враждебных отношениях. Дело в том, что священник слишком подозрителен и, вследствие этого, слушая различные сплетни дурных людей и принимая их за правду, так или иначе, с предубеждением и недоверием относится к псаломщику» (Там же, л. 355 об.). Таким образом, индивидуальная восприимчивость к сплетням в конкретном случае выступала фактором межличностных обострений на приходе и косвенно способствовала поддержанию практики кляузничества.

ознаменовавшемся всяческими оговорами священника, удача им не сопутствовала – новый дознаватель пришел к тем же выводам, что и предыдущий. Во избежание дальнейшего обострения, консистория приняла решение об удовлетворении намерений о. Можаровского и возложив проблему с обустройством быта пастыря на новом месте на принимающую сторону.

Примечательна роль в организации доносов и жалоб и поддержании этой практики на местах такой категории приходских служащих, как церковные старосты. Старосты избрались из состава грамотных прихожан в качестве представителей с целью контроля над финансами храма. В повседневной жизни старосты были наиболее приближенными к причту лицами, чаще и плотнее контактировали с духовенством, знали о его достоинствах и недостатках больше любого из прихожан. Пользуясь поддержкой последних, старосты нередко десятилетиями занимали свои должности, принимая активное участие в приходских конфликтах как одна из сторон, выступая в составе коалиций или обособленно. Внушительный процент доносчиков, злонамеренных жалобщиков и кляузников был представлен именно церковными старостами.

В 1874 г. царевкокшайский Вознесенский приход потряс острый конфликт старосты Шляпина, к тому времени занимавшего должность более трех десятков лет, и молодого священника Петра Парисова⁶⁶⁴. Староста слыл среди прихожан человеком неуживчивым, высокомерным и склонным к сутяжничеству. Однако способность заводить выгодные знакомства и умело пользоваться другими приемами, обеспечивали ему должностное долголетие. Шляпину удалось превратить церковную кассу в личную и свободно распоряжаться поступавшими извне суммами, не обращая внимания на позицию священника. Новый настоятель вознамерился пресечь эту практику и попытался заблокировать переизбрание Шляпина на очередной срок. Ответом стали козни и вояж старосты по приходским селам с целью составления крестьянского приговора об удалении несговорчивого священника. Однако низовым уровнем его активность не ограничилась. Шляпин

⁶⁶⁴ Дело об увольнении церковного старосты и о ложном показании на священника П. Парисова о нетрезвой жизни // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 106. Д. 9. 10 л.

направил несколько доносов на о. Парисова непосредственно архиерею с откровенной клеветой о беспробудном пьянстве священника и его уклонении от богослужений. *«Встану на колени, слезно буду плакать, но получу желаемое – выкурю попа вон!»*⁶⁶⁵. Принужденный давать письменные объяснения, священник так характеризовал своего визави: *«Во что бы то ни стало, не пренебрегая никакими средствами, унижить, оскорбить меня, забросать меня грязью, запятнать мое честное имя. «Благо» – говорит староста – «свидетели найдутся. Что ни полштофа, то и свидетель». Шляпину ничего не стоит оговорить меня: оправдается ли его оговор или не оправдается – для него все равно; он от этого ничего не теряет»*⁶⁶⁶.

Неуживчивость Шляпина, проявившая себя еще до поступления на приход о. Парисова, в итоге привела к решению консистории о снятии его с должности. Но, как ни парадоксально, пострадал и священник. В острой реакции Шляпина на наведение настоятелем административного порядка на приходе, духовные власти усмотрели потенциальную вину самого клирика, как не способного решить застарелую проблему менее конфликтными методами. И хотя ни один донос по существу не подтвердился, о. Парисов был показательно уволен с должности учителя церковно-приходской школы, понеся тем самым финансовые и репутационные потери. Вероятно, двоякое решение епархиальной власти базировалось на стремлении к умиротворению прихожан посредством «принесения в жертву» не только их многолетнего избранника в лице старосты, но и священника, вне зависимости от фактической степени виновности каждого из них.

Превентивные подходы старост по обузданию не в меру самостоятельных и амбициозных священников едва ли не следует рассматривать как одну из отличительных профессиональных черт этой категории деятелей, всячески

⁶⁶⁵ Рапорт священника Петра Парисова от 17 июня 1874 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 106. Д. 9. Л. 8.

⁶⁶⁶ Покорнейший рапорт Царевококшайской вознесенской церкви настоятеля Петра Парисова Высокопреосвященнейшему Антонию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и разных орденов кавалеру // Там же, л. 2 об.

стремившейся к выстраиванию приходской иерархии таким образом, чтобы полномочия и авторитет старост не подвергались оспариванию или ущемлению. Спусковым механизмом столкновений и здесь часто становилось алкогольное опьянение участников конфликта, которое, как мы убедились, было явлением крайне распространенным. К примеру, в 1873 г. в доме кукморского священника Феодора Скворцова произошла пьяная ссора между старостой Савыковым и содержателем местного базара. Раздосадованный священник удалил обоих из помещения, чем мгновенно вызвал ответные действия мстительного старосты⁶⁶⁷. Спустя несколько минут после ухода, хмельной Савыков разбил стекла в доме клирика, чем напугал спящих детей и их няньку. *«Объяснив так, священник присовокупил, что он о таком позорном оскорблении возбудит на церковного старосту жалобу у мирового Судьи и при этом крайне затрудняется: как ему без возмущения духа отправлять богослужение, в котором будет участвовать и церковный староста?»*, – докладывал в консисторию благочинный⁶⁶⁸. Однако с жалобой священник опоздал: Савыков опередил его доносом, обвиняя священника в организации пооек на дому, пьянстве и пропуске богослужений⁶⁶⁹. Часть обвинений, в виду абсурдности, епархиальным начальством была отвергнута сходу. Но по вопросу о хронической нетрезвости священника было назначено дознание. Подозреваемого «спасло» только то, что в 1875 г. он скоропостижно скончался и дело было закрыто.

Иногда старосты сами становились инструментом сведения счетов, подпадая под влияние недобросовестных членов причта и используя свою грамотность и влияние в ущерб приходскому миру и благополучию. *«А морквашинский староста Кузин по подстрекательству удаленного от должности псаломщика крестьянина Стефана Чернова, называл своего священника М. Троицкого вором, утаивающим*

⁶⁶⁷ Дело о священнике села Кукмора Феодоре Скворцове по жалобе на него местного церковного старосты крестьянина Якова Савыкова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6751. 5 л.

⁶⁶⁸ Всепокорнейший рапорт благочинного протоиерея Мамадышского Троицкого собора Евгения Антенорова // Там же, л. 2 – 3 об.

⁶⁶⁹ Журнал заседания Казанской духовной консистории от 8 декабря 1875 г. // Там же, л. 4 об.

будто бы при крестинах и похоронах доходные от треб пятаки и другие мелкие монеты. По подстрекательству того же негодяя Чернова, он, Кузин, восстановил некоторых прихожан против священника и склонил их к тому, чтобы они вместе с ним подали на священника прошение», – читаем в одном из частных донесений⁶⁷⁰. Таким образом, интенсивной эксплуатацией доноительства отличались именно члены причтов.

Приведем еще один пример. Дело аксубаевского священника Михаила Курганского (1858), обвиненного в небрежном ведении метрических книг и умышленном невнесении в них записей. Составление и учет метрик были одной из основополагающих профессиональных обязанностей священнослужителей, закрепленной государством в Собрании законов Российской империи: «...внести <...> выписку о количестве рожденных младенцев, также о вступивших в супружество и умерших людях...»⁶⁷¹. Приходские реестры содержали в себе записи актов гражданского состояния населения (рождение, брак, смерть) и имели государственное значение. Исходя из этого, требования к клиру в этой части были строгими. В свою очередь, должностные злоупотребления нередко проистекали из практики сторонних заработков духовенства, когда, к примеру, правомочность венчания, с законной точки зрения, носила сомнительный характер, но священник, рассчитывая на финансовое вознаграждение, совершал таинство. Такие случаи встречаются в документах не столь уж редко.

В рапорте архиепископу благочинный протоиерей Иаков Виноградов перечислял и другие проступки Курганского. Якобы на заказные требы священник из-за жадности никого из низшего причта не приглашал: «жена его – Татьяна Егорова – за каждой свадьбой занимает должность свахи и в нетрезвом виде делает разные неблагопристойные и укоризненные для священнической чести

⁶⁷⁰ Покорнейший рапорт благочинного 1 округа Казанского уезда протоиерея Иоанна Черкасова (1905) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. Л. 481.

⁶⁷¹ Полное Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ Канцелярии, 1830. Т. 23. С. 504.

поступки»⁶⁷². О. Виноградов указывал, что источником порочащих священника сведений был заштатный диакон Иван Николаев, находившийся под дисциплинарным надзором на приходе о. Курганского. Сам диакон благочестием при этом не отличался: выпивал, год находился под епитимьей в монастыре и т.д. Сомнительный характер обвинений и ненадежность информанта, тем не менее, не стали препятствием для проверки.

Прибывший на место благочинный подтвердил отсутствие записей в реестрах. Повальный обыск и дальнейшее разбирательство, однако, вскрыли иную картину. Оказалось, что Николаев в каждой требе сопровождал о. Курганского и, вопреки своим сообщениям, получал полагающуюся часть дохода. Однако, прежде всего, по собственной беспечности и лености диакон злоупотреблял своевременным заполнением формуляров. Часть пробелов в документах и вовсе относилась ко времени предыдущего настоятеля. Выход из ситуации клирик нашел в ложном доносе на своего священника⁶⁷³. Таким образом, личная неприязнь и стремление отменить собственные профессиональные упущения стали побудительным стимулом дискредитации вполне благонаправленного пастыря⁶⁷⁴.

Показателен и случай казанского кафедрального священника Петра Аретинского. Неустановленным лицом епархиальному начальству было сообщено, что о. Аретинский на похоронах архиепископа Владимира (Ужинского), состоявшихся в Свияжске в декабре 1855 г., присутствовал в пьяном виде⁶⁷⁵. Несмотря на анонимность обличения, отсутствие доказательств и давний характер

⁶⁷² Покорнейший рапорт благочинного Чистопольского уезда села Кубаса священника Иакова Виноградова Высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и Кавалеру от 12 марта 1858 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5417. Л. 6 об.

⁶⁷³ Лист допроса священника Михаила Карганского // Там же, л. 18.

⁶⁷⁴ К чести прихожан, они встали на сторону семейства священника, опровергнув все выдвинутые в его адрес обвинения (Лист допроса крестьянина Андрея Трофимова, 42-х лет // там же, л. 23 об.) Судя по всему, бездетная чета Курганских пользовалась в селе уважением, так что сельчане обращались за символическим благословением не только к настоятелю церкви, но и к его жене. Этого епархиальному следователю было достаточно. О. Курганский, как невиновный, был освобожден от суда. Однако диакон Николаев за клевету наказания не понес.

⁶⁷⁵ Рапорт члена Казанской духовной консистории священника Евдокиевской церкви Алексея Самосатского в Казанскую духовную консисторию от 15 сентября 1856 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5271. Л. 2.

события (со дня похорон прошло более полутора лет), а также, что священник заявил протест по факту «черной клеветы»⁶⁷⁶, дознанию был дан ход. Опрос присутствовавших на похоронах, за давностью событий, закономерно результатов не принес. Все что удалось подтвердить – имевшее место лихорадочное состояние о. Аретинского⁶⁷⁷, которое легко объяснялось обычной простудой. На этом основании последний был предоставлен «суду Божию и своей совести»⁶⁷⁸, тогда как имена доносчиков следствие не заинтересовали.

Анонимность была отличительной чертой значительной части изветов. Причем, судя по материалам, клирики часто использовали именно опосредованные доносы. В таком подходе крылось стремление остаться неузнанными, достигая при этом желаемой цели. Впрочем, сравнительно узкий круг причтов даже в условиях отсутствия ориентации епархиальных властей на выявление анонимных информантов, делал установление их персоналии не столь уж сложной. Особой искусностью в этом отличались благочинные, регулярно взаимодействовавшие с причтами, и достоверно знавшие о нестроениях и отношениях на приходах. Так, в 1905 г. цивильский благочинный, описывая конфликт в селе Крезине, дал понять архиерею, что анонимность доноса – «секрет полишинеля»: *«Священник села Крезина Алексей Кратов вследствие неприязненного к нему отношения учителя Дмитрия Михайлова едва не подвергся было невольному перемещению по анонимной жалобе прихожан (имена подписавших жалобу оказались вымышленными), якобы за неуравновешенный характер, придирчивость и бестактность в общении с прихожанами – чувашами. И только в виду умелого объяснения оставлен на прежнем месте»*⁶⁷⁹.

⁶⁷⁶ Протокол расспроса священника Казанского кафедрального собора Петра Аретинского, данное Казанской духовной консистории 29 сентября 1856 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5271. Л. 12.

⁶⁷⁷ Сообщение секретаря Казанской духовной консистории Николая Бекова члену Казанской духовной консистории священнику Евдокиевской церкви Алексею Самосатскому от 13 сентября 1856 г. // Там же, л. 10 – 10 об.

⁶⁷⁸ Решение Консистории, утвержденное правящим архиереем 15 ноября 1856 г. // Там же, л. 14 об.

⁶⁷⁹ Отчет о состоянии церквей, причтов и прихожан по 1-му благочинническому округу Цивильского уезда за 1905 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. Л. 234 об.

Мечь, неприязнь, зависть выступали ключевыми причинами ложного доносительства. В рамках межличностных отношений конфликты, обусловленные этими пороками, подчас приобретали откровенно безнравственные формы. 1886 г., Мамадышский уезд. Диакон Иоанн Минеев при поступлении на служение в церковь села Красной Горки был радушно принят настоятелем о. Лебедевым. Но взаимопонимание длилось недолго. Диакон оказался ленив и склонен к пьянству. Увещевания настоятеля оставались без последствий. Тогда священник в подтверждение праздной жизни Минеева стал записывать его проступки в дисциплинарный журнал с целью подтверждения, в случае начала епархиальной проверки. Когда диакон узнал об этом, то осыпав настоятеля нецензурной бранью, на упреждение написал на него два лживых доноса архиепископу⁶⁸⁰.

Другой случай, датируемый 1901 г. Ядринский уезд. Псаломщик Фиалков под влиянием священника Отарского, враждебно настроенного по отношению к своему сослуживцу священнику Смирнову, наладил изготовление доносов на последнего «конвейерным» способом *«с явным намерением опорочить священника Смирнова»*⁶⁸¹. Сам же Отарский предусмотрительно оставался в стороне.

Известны и курьезные случаи. К 1905 г. всеобщая борьба с пьянством в епархии достигла пика. Отставной солдат Терентьев на одном из приходов создал общество трезвости. Привыкнув по долгой военной службе быть под жестким управлением, освободившийся из-под опеки командиров солдат, решил принять на себя командование сельскими обывателями. Горя благочестием, и собрав вокруг себя группу последователей-трезвенников, часть которых была представлена бывшими пьяницами, Терентьев встал в неприязненные отношения к священнику Александру Шумилову⁶⁸². Вскоре вместо борьбы за народную трезвость общество переориентировалось на составление жалоб на священника, обвиняя его в

⁶⁸⁰ Рапорт благочинного 1 округа Мамадышского уезда священника села Красной Горки Аркадия Лебедева // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7243. Л. 18.

⁶⁸¹ Покорнейший рапорт благочинного 3 округа Чебоксарского уезда священника Александра Вознесенского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 133. Д. 42. Л. 103.

⁶⁸² Рапорт благочинного 1-го округа церковей Цивильского уезда священника Александра Васильева // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. Л. 38 об. – 39.

пассивности, нетрезвости, неправильном ведении церковного хозяйства и укрывательстве незаконных поступков церковного старосты. Терентьевцы не ограничивались одним адресатом и дублировали кляузы благочинному, едва не дойдя до самого Синода. Абсурдность ситуации, впрочем, избавила епархиальные власти от необходимости принятия многотрудных процессуальных мер, а священнику Шумилову по ее указанию пришлось и дальше «плодотворно» взаимодействовать с командой отставного солдата на ниве народной трезвости.

Справедливости ради отметим, что отнюдь не каждый донос был абсолютно безоснователен. Случалось, они имели под собой некоторую объективную основу, за которую и ухватывались недоброжелатели. В 1873 г. священник Чистопольского уезда Георгий Тринитатов был обвинен благочинным в пьянстве и буйстве⁶⁸³. Консистория приняла решение: *«Во избежание могущих возникнуть по его нетрезвости беспорядков и как вредного по влиянию на крестьян, удалить»*⁶⁸⁴. Как выяснилось, позиция благочинного была мотивирована мстью о. Тринитатова за увольнение с прихода его сестры и надеждой на ее возвращения при новом настоятеле. Повальный обыск подтвердил невиновность священника. Но, на неудачу, один из крестьян неумышленно проговорился, что *«однажды выпил вместе с батюшкой полштофа обычного вина»*, подтвердив тем самым часть обвинений мстительного благочинного⁶⁸⁵. Эта случайность впоследствии сыграла злую шутку в судьбе клирика.

⁶⁸³ Покорнейшее прошение Чистопольского уезда слободы Александровой священника Георгия Тринитатова Высокопреосвященнейшему Антонию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и кавалеру // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6841. Л. 4 – 4 об.

⁶⁸⁴ Справка секретаря Казанской духовной консистории Разумова // Там же, л. 3.

⁶⁸⁵ Имя священника Георгия Тринитатова всплывает в архивах в связи со многими скандальными случаями, в том числе и сексуального плана. В 1874 г. по случаю одного из праздников в доме дьячка Александровой слободы собрался церковный причт. Пришел и о. Георгий Тринитатов. Веселье по обычаю не обошлось без спиртного. Впрочем, празднование прошло вполне добропорядочно, и усталые гости после застолья разошлись по комнатам. В одной из них лег отдыхать и о. Тринитатов. Далее, как показала одна из гостей Егорова, хмельной Тринитатов вошел в ее комнату, запер дверь и «совершил с ней грех». Сопротивляться, со слов Егоровой, она не могла, т.к. и сама была хмельна. Впрочем, свидетелей происшествия не оказалось, а Тринитатов впоследствии подал на Егорову заявление гражданскому мировому судье, обвинив в оговоре. Суд к однозначным выводам так и не пришел, и дело было закрыто за примирением и взаимным прощением сторон. Вообще, неоднократные дознания и следствия консистории по персоне о. Тринитатова заканчивались лишь подозрениями в «сомнительном

Симптоматично дело священника Высокой Горы Петра Кубасова и дьячка Алексия Митропольского (1859). Благочинному Казанского уезда села Чурилина священнику Политову поступил анонимный донос на о. Кубасова и Митропольского, изобиловавший подробностями о черном пьянстве клириков. *«Сего 1856 года сентября 16 дня дошло до моего сведения, что села Высокой Горы наблюдавший священник Петр Кубасов вместе с дьячком того же села Алексеем Митропольским, бывши в питейном доме в 1-х числах августа сего года, напились оба пьяными до такой степени, что не могли дойти до своего дома; а потому села Высокой Горы мирской начальник, казенный крестьянин Никита Григорьев вынужденным был нарядить своих одножителей: Сергия Стефанова, Филиппа Яковлева, Фадея Алексева, Якима Прокопьева, Ивана Леонтьева и Василия Тимофеева, дабы они впрягли лошадь в телегу, взяли их обоих из питейного дома и увезли домой. Вследствие чего, из означенных крестьян Василий Тимофеев сперва сходил в дом дьячка Митропольского и впряг собственную лошадь священника Кубасова в телегу, а потом подъехал на ней к питейному дому и при помощи прочих вышезначающихся крестьян вытащил их обоих из питейного дома, положил на телегу и увез домой»*⁶⁸⁶. Консистерия назначила дознание. Ключевой вопрос, который интересовал епархиальных чиновников: с какой целью клирики посещали питейный дом и действительно ли пили спиртное. Им было известно о неприязненных отношениях высокогорского настоятеля Стефана Шумковского и части его прихожан с одной стороны, и о. Кубасова и Митропольского – с другой. Из-за проступков о. Шумковского, о. Кубасов был назначен наблюдающим за приходом, что и стало причиной столкновения. К тому же, энергичный, но чужой

поведении», но не более. Крестьяне сообщали, что клирик в целом не отказывался от хмельных угощений, но слыл драчуном и т.п. Однако многие обвинения в адрес священника в итоге оказывались опровергнутыми. По всей видимости, фигура этого человека по каким-то причинам привлекала к себе всеобщее внимание. Как бы то ни было, но недоброжелательному благочинному было за что зацепиться (подробнее об этом деле см.: Дело о нетрезвости и вообще неблагоповедении священника слободы Александровой Георгия Тринитатова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6841. 56 л).

⁶⁸⁶ Покорнейший рапорт благочинного Казанского уезда села Чурилина священника Матвея Политова Высокопреосвященнейшему Григорию, митрополиту Казанскому и Свияжскому и Кавалеру от 20 сентября 1856 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5294. Л. 5 – 5 об.

крестьянам пастырь в скором времени обнаружил утаенную церковным старостой приличных размеров сумму, о чем немедленно сообщил архиерею и благочинному. Последний без обсуждения вопроса с прихожанами подверг средства изъятию⁶⁸⁷. С этого момента для о. Кубасова началась череда неприятностей. Так, в один из дней сподвижники о. Шумковского пьяными вваливались в церковь во время богослужения, мешая Кубасову священнодействовать⁶⁸⁸. По совету о. Шумковского, спустя некоторое время, они взволновали все село, представив перед местной общественностью дело так, будто бы изъятые деньги были мирскими, а в церкви находились лишь на хранении. В адрес о. Кубасова посыпались оскорбления и угрозы. Дело дошло до того, что крестьяне демонстративно отказались снабжать священника сеном – обязательство, неуклонно исполнявшееся ими исстари. Тогда же был составлен и план изощрённой дискредитации не без участия членов местного причта. Вот как это описывает сам о. Кубасов: *«А как скоро выбыл я из села Высокой Горы, что было 10 числа сентября, то выборный Григорьев, видя, что уже некому наблюдать за ними, начал, как мне известно, постоянно ходить в дом священника Стефана Шумковского, вероятно, для совещания о вымышленной клевете и мщени, что было мною замечаемо и прежде»*⁶⁸⁹. О. Шумковский даже не считал нужным скрывать стговор с благочинным протоиереем Политовым. В итоге, слухи, сплетни и оговоры полились по приходу бурной рекой. Волнения крестьян стремительно разрастались. Церковный староста Никита Григорьев сотоварищи, намеренно раскачивая ситуацию, подключили к конфликту окрестные деревни. Последовал коллективный крестьянский ультиматум о. Кубасову и Митропольскому о возврате

⁶⁸⁷ Объяснение священника Петра Кубасова следователю благочинному Казанского уезда села Каймар священнику Гавриилу Федоровичу Мелановскому от 20 ноября 1856 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5294. Л. 11.

⁶⁸⁸ Опрос благочинным Мелановским дьячка Митропольского 20 ноября 1856 г. // Там же, л. 15.

⁶⁸⁹ Объяснение священника Петра Кубасова следователю благочинному Казанского уезда села Каймар священнику Гавриилу Федоровичу Мелановскому от 20 ноября 1856 г. // Там же, л. 12.

денег и выдаче печати старосты схода, находившейся на хранении в церковном сундуке.

Взволнованная консистория поспешила назначить следователем стороннего священника Мелановского. Объявление повального обыска несколько остудило пыл крестьян⁶⁹⁰. Только староста Григорьев, даже находясь под присягой, продолжал оговаривать клириков и настаивал на подлинности истории с питейным домом. Остальные прихожане хоть и подтвердили, что время от времени видели о. Кубасова и Митропольского нетрезвыми, но до крайностей, и до описанных в доносе событий, дело не доходило. Ситуация обострилась настолько, что епархиальный следователь священник Мелановский, ссылаясь на занятость, вскоре отказался от дальнейшего исполнения обязанностей и попросил консисторию назначить на свое место другого. Результаты обыска и вскрывшиеся ложность доносов и оговоров, между тем, положительного эффекта не принесли – о. Шумковский и не думал сдаваться. При содействии Григорьева он отыскал некоего хронически хмельного рязанца Стефанова, завсегда высокаягорского трактира, который публично должен был оговорить о. Кубасова и Митропольского в пьянстве. Но свидетель оказался настолько не внушающим доверия, что обвиняемые закономерно заявили ей отвод и получили удовлетворение от епархиального начальства⁶⁹¹.

Ввиду бесперспективности дела, консистория приняла примирительное решение о несостоятельности имевших место взаимных претензий. О. Кубасов и Митропольский освобождались от ответственности с внушением *«вести себя*

⁶⁹⁰ Глубинный страх крепостных крестьян перед наказанием как психологическая характеристика – явление, четко просматривающееся в источниках. Поддержание страха на должном уровне вплоть до отмены крепостного права почиталось едва ли не священной обязанностью государственного и частных владельцев (Степченко В.А. Аксаковы об изменении культурно-нравственных отношений крестьян и помещиков в контексте социально-экономического развития России первой половины XIX в. // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2013. № 2. С. 44).

⁶⁹¹ Согласно епархиальным известиям, священник Стефан Шумковский скончался в январе 1882 г. в возрасте 49 лет. Довольно интересно характеризует его в некрологе церковная печать: «В 1873 г. по представлению д. консистории за исправное прохождение священнической должности и безукоризненное поведение награжден набедренником» (Известия по Казанской епархии. 1882. № 10. С. 238).

благочестиво», тогда как санкций в отношении инициаторов конфликта так же применено не было. Таким образом, на определенном этапе периодическая нетрезвость священника и причетника были умело использованы их недоброжелателями при составлении доносов.

Нам известно лишь два случая, результатом которых стало порицание и наказание злонамеренных доносчиков. Первый связан с именем крестьянина Волкова и выше о нем упоминалось. Во втором случае речь идет о записи в ведомостях о лицах, заключенных в монастырях Казанской епархии за 1903 г. В ней дана краткая информация о заключенном на две недели в Космодемьянский Михайло-Архангельский монастырь некоем псаломщике, наказанном за подстрекательство прихожан к подаче ложного доноса на своего священника⁶⁹². Впрочем, обстоятельства этого дела неясны. Тем не менее, данный факт указывает на то, что определенная практика санкционного воздействия за ложное доносительство в епархии все же имела место.

Таким образом, ложные доносы и оговоры были широко распространенным общественным явлением, непосредственным образом, затрагивавшим приходскую повседневность. Практика доносительства и ее масштабы наглядно демонстрируют систему взаимоотношений внутри приходского причта пореформенного периода, методы решения клиром возникавших проблем и, в некотором роде, его ценностные установки. Очевидно, далеко не всегда нормы христианского благочестия принимались пастырями и прихожанами как нравственные императивы и безусловное руководство к действию. Причина такого неблагоповедения отдельных представителей духовенства усматривается в давлении традиции, а также в профессиональной и экономической конкуренции и личной неприязни, обострившихся в условиях социально-экономической нестабильности. Жизненные проблемы обостряли стремление членов причтов к сохранению и упрочнению своего положения любыми доступными способами, даже если это и грозило известными нравственными издержками. Нередко в таких

⁶⁹² Ведомость о лицах, заключенных в монастырях Казанской епархии за 1903 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118965. 78 л.

случаях в ход шли лжесвидетельства и оговоры, а рядовая и вполне конвенциональная жалоба могла обрасти самыми невероятными вымыслами. Не последнюю роль в усугублении этой ситуации играла правовая уязвимость и маргинальное положение приходского клира, в силу специфики социальной системы, оказывавшегося зажатым между различными центрами силы, в то время как епархиальная власть далеко не всегда проявляла готовность встать на защиту своих подчиненных, следуя принципам объективности и канонической церковной дисциплины.

Имеет смысл обратить внимание на то, что ни одно известное нам решение архиерея или консистории по делу не было непосредственно направлено против практики приходского доносительства как таковой. Закономерно, что дисциплинарные решения по конкретным случаям завесили от целого ряда субъективных факторов: обстоятельств, социального статуса заявителей, личных качеств епископа, расклада сил на приходе и т.д. Принадлежность к низовой, наименее почетной и защищенной категории клира – причетникам, в таких случаях играли на руку недоброжелателям, стимулируя понижение нравственных барьеров. Впрочем, справедливо и то, что отнюдь не каждый донос был безосновательным. Случалось, злонамеренное сообщение властям содержало в себе зерно истины, на котором и строилось все последующее обвинение. Однако иницилирующая его сторона нередко гиперболизировала проблему, повышая таким образом вероятность реализации задуманного.

Следует, однако, признать, что доносительство, при всей порочности этой практики, все же позволяло правящим архиереям и консисториям своевременно пресекать некоторые деструктивные явления в приходской жизни разбросанных по огромным пространствам причтов, управление которыми в условиях отсутствия устойчивой связи, дорог и сурового климата было проблемой чрезвычайно сложной. Поэтому, как ни парадоксально, доносительство имело некоторые положительные эффекты. Однако вопрос церковного правосудия таким образом ставился на довольно зыбкое основание архаичной традиции, при несовершенстве правовых механизмов, оказывавшегося в зависимости от целого спектра сугубо

субъективных факторов, не способствуя эволюции социокультурных практик на приходах и способствуя консервации и легализации наиболее архаичных практик в среде приходского духовенства.

Подводя промежуточный итог, отметим, что рассмотренные в данной части работы дисциплинарные отклонения приходского духовенства в целом относятся к категории явлений общесоциального плана. Иными словами, речь идет о формах отклоняющегося поведения, в обозначенный период характерных для всех окружающих его социальных групп. В этическом образе пастыря мы не найдем ничего такого, что в той или иной степени не встречалось бы и среди его паствы. И хотя перечень аномалий обозначенными явлениями не исчерпывается, те, которые нами рассмотрены – наиболее типичны, а, следовательно, репрезентативны.

И все же для церкви была характерна определенная специфика, обусловленная не только влиянием исторических обстоятельств и социокультурной среды, но и давлением канонических императивов, что автоматически ставило духовенство в довольно сложное положение. Поскольку границы церковного этиоса не были четко определены, а в правовом плане эталон благочестия отличался определенной степенью неоднозначности, это усиливало неопределенность клира в условиях меняющейся повседневности. Реакцией на возникавшую дилемму становились этическая импровизация, лавирование и конформизм (порой вполне сознательные); заимствование и восприятие тех нормативных установок, которые активно культивировались в народной среде. Впрочем, альтернатива едва ли имела место, поскольку степень интегрированности духовенства в крестьянский социум носила характер исключительный. Находясь в зависимом положении, причты испытывали перманентный социальный стресс. Ответом на него в ряде случаев мог быть алкогольный эскапизм как единственное доступное и действенное средство снятия психологического напряжения и разнообразия унылой и монотонной действительности. Закономерно, что алкогольные злоупотребления влекли за собой широкий набор поведенческих крайностей. Впрочем, благодаря именно этому факту, исследователю представляется уникальная возможность вскрытия бытовавшей на приходах

психологической и социокультурной реальности в самых разных ее аспектах: реакции церковных властей, консисторской правоприменительной практики, степени и характера эффективности общепринятых норм благочестия и их корреляции с социокультурным статусом прихожан, системы взаимоотношений членов причта между собой и паствой, их этических ориентациях и роли личности в общей картине явления. Однако здесь же приходится констатировать, что неоднозначное и непоследовательное отношение к нравственным аномалиям демонстрировало не только приходское духовенство, но и епархиальное начальство, своей избирательностью способствовавшее консервации и воспроизведению наиболее архаичных и порочных практик коммуникации. Этот момент, пожалуй, следует выделить особо, поскольку, учитывая жесткий иерархический характер церкви и ее строгую систему подчиненности, обозначенные подходы неизбежно стимулировали спецификацию «этического метаболизма» всего приходского организма.

ГЛАВА 4. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ

4.1. Религиозные

Исключительная интегрированность приходского духовенства в крестьянскую среду закономерно должна была сказываться и на ортодоксальности клира и отправлении им профессиональных религиозных обязанностей. Народная религия и религиозность неоднократно становились объектом пристального внимания историков, религиоведов, этнографов. Однако мало кто из исследователей задавался вопросом, насколько мировоззрение самого духовенства испытывало на себе влияние религиозных практик паствы и, исходя из этого, соответствовало догматическим и каноническим положениям Православной церкви. Иными словами, как глубоко народные представления, обычаи и верования, да и сам образ жизни затрагивали клир; каким образом они коррелировали с его повседневным благочестием, а также какие факторы могли играть в данном вопросе значимую роль.

Не имеет смысла специально останавливаться на описании религиозного ландшафта Казанской губернии пореформенного времени. Данному вопросу посвящен внушительный пласт доступных широкому кругу источников и историко-этнографической литературы. Кроме того, ему мы уже так или иначе уделяли внимание во второй главе. Отметим только, что Урало-Поволжье в целом и Казанский регион в частности представляли собой совокупность народов, ко второй половине XIX в. уже в значительной степени христианизированных (за исключением татар-мусульман). Однако степень и глубина христианизации от местности к местности была различной. Русское население истари было носителем православной традиции и поэтому сравнительно строго придерживалось христианства, тогда как у чувашей, марийцев, мордвы или удмуртов далеко не везде было предано забвению традиционное язычество во всевозможных его проявлениях. Результатом такого положения дел становились различные формы синкретической религиозности, что можно считать закономерным явлением в

условиях сближения различных этнических групп⁶⁹³. К примеру, один из священнослужителей соседней Симбирской губернии так обрисовал религиозный состав своего чувашского прихода: «полуязычники», «двоеверные», «строго православные» и «вольнодумцы»⁶⁹⁴. При этом подавляющее большинство (95 %) населения принадлежало к первым двум группам, среди которых бытовали языческие верования и обрядность, а «двоеверцы» при случае не чуждались обращаться к помощи йомзей (жрецов, колдунов).

Впрочем, русские не были полностью свободны от стороннего влияния⁶⁹⁵. Так, в 1874 г. на страницах Известий по Казанской епархии неким Ф. Земляничкиным была опубликована пространная заметка *«Несколько слов о влиянии черемисского общества на живущих в нем русских крестьян в религиозном отношении»*⁶⁹⁶. Сочинение предварялось пословицей *«С волками жить – по-волчьи выть»* и раскрывало механизмы и фактуру религиозного взаимопроникновения в крае. *«Неудивительно, – писал автор, – если новокрещенный татарин, живущий в одной деревне с некрещеными, уклоняется в мухамеданство, или православный русский, живущий вместе с раскольниками, переходит в раскол: здесь как тот, так и другой стушевываются в большинстве своих единоплеменников с одинаковыми с ними племенными и житейскими интересами, с одинаковыми привычками и умственным развитием»*⁶⁹⁷. Писатель сетовал, что русские в условиях многонационального окружения легко перенимали воззрения и религиозные практики черемисов, которые в религиозном плане стояли на несравненно более низкой ступени. В подтверждение своего тезиса Ф. Земляничкий приводит занимательные факты. Так, в ряде местностей русские переставали работать в пятницу, начинали отмечать языческие праздники, охладевали к постам и т.д.

⁶⁹³ Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья / под ред. Е.А. Ягафовой. Самара: Изд-во ПГСГА, 2010. С. 6.

⁶⁹⁴ Симбирские епархиальные ведомости. 1911. № 10. С. 351–352.

⁶⁹⁵ На эту тему см., напр.: Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 168 с.; Богораз В.Г. Христианство в свете этнографии. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 154 с; Руднев В.А. Обряды народные и обряды церковные. Л.: Лениздат, 1982. 159 с.

⁶⁹⁶ Известия по Казанской епархии. 1874. № 7. С. 204–206.

⁶⁹⁷ Там же, с. 204.

Относительно их участия в жертвоприношениях у автора также имелись сведения. При этом приверженность «священным дням», бросалась в глаза особенно: «за празднование пятницы стоят крепко»⁶⁹⁸. Дело доходило до того, что в отношении нарушителей этих нововведений могли последовать коллективные санкции вплоть до жестоких избиений и порчи имущества. Примечательно, что в одном из случаев, касавшемся жертвоприношения за исцеление, сдерживающая роль православного священника оценивалась автором положительно: обратившимся в церковь с вопросом крестьянам, священнослужитель «дал совет противоположный»⁶⁹⁹. Иными словами, пастырь советовал языческую жертву не приносить и не становиться на путь вероотступничества. Тем не менее в такой трактовке реакции клирика обращает на себя внимание некоторая сдержанность в вопросе столь принципиального плана, а со стороны крестьян – эксплицитное балансирование между христианской и языческой религиозностью.

Впрочем, другой пример выглядит более сложно и неоднозначно. В 1869 г. священник одной из казанских церквей Александр Алексеевский на страницах епархиальной печати делился воспоминаниями о начале своей службы в чувашском приходе. В центре повествования – давление прихожан на пастыря с целью принудить к лояльности в вопросах соблюдения этнорелигиозных традиций. «Вместе жить значит: потакать, смотреть на все чувашские проказы сквозь пальцы, молчать, хотя бы они в виду твоём совершали идольские жертвы, а знать только, что собирать с них хлеб и деньги, и только», – сетовал клирик⁷⁰⁰. Священник такой роли упорно сопротивлялся. Не в пример своему диакону, не обременявшему себя духовными дилеммами, а ставившего во главу угла, прежде всего, безбедное и спокойное существование среди чувашей. «Так вел себя у них любимый ими бачька отец дьякон. Он, бывало, о чем ни говорит с чувашиним, а в заключение непременно прикажет: ну, бича (братец), ничего: киремет моли, только кожу нам неси; или, видя у чувашенина сына — подростка, скажет ему:

⁶⁹⁸ Известия по Казанской епархии. 1874. № 7. С. 204.

⁶⁹⁹ Там же, с. 206.

⁷⁰⁰ Там же. 1869. № 16. С. 486.

*мень тувас опе окся парм, венчать тувас; от лестных этих слов чувашенин сдelaется сам не свой: не знает, что делать пред диаконом, где посадить, как, чем угостить его»*⁷⁰¹. Напротив, религиозная ортодоксальность о. Алексеевского и его принципиальная миссионерская позиция, вскоре обернулись мстительностью со стороны прихожан и даже покушением на его убийство. Таким образом, условия жизни духовенства нередко прямо предопределяли характер отношения пастырей к тем или иным сторонам религиозной жизни своих прихожан. Тогда как исследователи объясняют причину обозначенной амбивалентности *«...нежеланием причинить «огорчения» и вызвать «ропот» прихожан, от которых духовенство зависело материально»*⁷⁰².

Таков был общий фон этой сложной проблемы. И, тем не менее, анализ архивных источников показывает, что однозначных религиозных отклонений в среде казанского епархиального приходского духовенства было крайне мало. Судя по всему, данный факт в целом укладывался в общероссийскую тенденцию⁷⁰³. Религиозные девиации клира по большей части фигурируют в рамках случаев, связанных *со случайностями, недоразумениями, лживыми доносами, халатностью, финансовыми противоречиями и т.д.*, но практически никогда – с сознательным или явным уклонением от православного вероучения. К примеру, в 1870 г. обер-прокурор Синода Д. А. Толстой сообщал о распространенной в Казанской епархии практике отлучек духовенства в Казань по выходным дням и в

⁷⁰¹ Известия по Казанской епархии. 1874. № 16. С. 487.

⁷⁰² Мангилева А.В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в.: (на примере Пермской епархии). Екатеринбург: УралНАУКА, 1998. С. 148.

Тем не менее, внимательное знакомство с историей церкви дает основание предполагать в такой лояльности не только мотивы чисто утилитарного плана. «Духовная пластичность» в целом является одной из характеристик православия. Прекрасной иллюстрацией этой особенности служит опыт деятельности одного из наиболее известных православных миссионеров пореформенной эпохи – епископа Николая (Касаткина) (1836–1912), осуществлявшего на рубеже XIX–XX вв. миссию в Японии. Не допуская догматическую «японизацию» христианства, проповедник тем не менее активно использовал инкарнационный подход, пытаясь выразить христианские истины в языке, культуре и быте японцев; изучал синтоизм и буддизм, посещал синтоистские дзиндзя и т.д. (Яблонская О.В. Япония и японцы в трудах миссионера Николая японского: «Чужие» и «Свои» // Эпоха науки. 2019. № 18. С. 46–52).

⁷⁰³ Никитин А.В. Указ. соч., с. 145.

канун церковных праздников⁷⁰⁴. Учитывая особенности транспортного сообщения в рассматриваемое время, такие поездки превращались в длительное путешествие. Закономерно, что в этих случаях паства оставалась без воскресной или праздничной литургии и сопутствующего духовного окормления, что при определенных оговорках могло рассматриваться как духовное нерадение со стороны клириков. Однако в данном конкретном случае нарушения вполне объяснимы именно с практической точки зрения – необходимость решения скапливавшихся приходских дел в епархиальном центре в дни, свободные от перманентных хозяйственных забот. Но обуславливались они, как видим, сугубо внешними обстоятельствами, не будучи детерминированы какими-либо мировоззренческими трансформациями пастырей, их нежеланием видеть себя частью церковной общины⁷⁰⁵.

Вместе с тем реакцией священноначалия на подобные дисциплинарные отклонения становились циркулярные запреты и еще более жесткое прикрепление духовенства к месту служения с вменением являться к архиерею или в консисторию в исключительных случаях, ограничиваясь письменными

⁷⁰⁴ Известия по Казанской епархии. 1870. № 14. С. 423–424.

⁷⁰⁵ См., напр., также: О пролитии святых Даров (1901) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 133. Д. 12. 24 л.

Нам известно всего о двух случаях сложения с себя сана духовным лицом. Один из них, впрочем, был связан не с приходским клиром, а с монашествующими. В 1886 г. насельник Царевококшайской Мироносицкой пустыни мантийный монах Герасим написал прошение на имя казанского архиепископа о снятии с него монашества (О снятии мантийным монахом Мироносицкой пустыни Герасимом с себя монашеского сана // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7240. 5 л.). Сделано это было без объяснения причин. Однако на них пролил свет настоятель пустыни иеромонах Варсонофий. В рапорте епархиальным властям он указывал, что неоднократно видел монаха Григория с одной и той же женщиной, а также встречал его за пределами монастыря в «партикулярном платье» (Рапорт настоятеля Царевококшайской Мироносицкой пустыни иеромонаха Варсонофия в Казанскую духовную консисторию // Там же, л. 3–4). Так что данный случай можно расценивать, пожалуй, как единственный из известных, связанных с изменением у служителя церкви жизненных взглядов и приоритетов. Событие же, произошедшее несколько ранее в Чистопольском уезде (1874), хоть и повествует о стремлении одного из приходских священников снять с себя сан, однако произошло это исключительно в силу безвыходности ситуации (Дело о сложении безместным священником села Аделякова Чистопольского уезда Семеном Агеносовым с себя священнического сана // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6880. Л. 44). О. Агеносов долгое время находился под запрещением и не имел постоянного места в связи с разбирательством по делу «о крайне враждебном отношении к своей жене» (Журнал Казанской духовной консистории от 13 декабря 1874 г. // Там же, л. 48). Доведенный до отчаяния нуждой и голодом, клирик решил искать пропитания в другой сфере деятельности.

сообщениями⁷⁰⁶. Но в рассматриваемом случае, это имело свои побочные эффекты: нарушало живую коммуникацию между высшим и низшим духовенством, ослабляло чувство их религиозной общности, ограничивало возможности совместного молитвенного общения и непосредственного получения архипастырских советов; усиливало формальный уклон приходской жизни и, в конечном счете, еще больше способствовало сращиванию пастырей и паствы.

Фактический обзор «религиозной проблемы» уместно начать с одного из тривиальных случаев⁷⁰⁷. В 1874 г. в селе Татмышеве в семье крестьян родился ребенок, довольно слабый здоровьем. Родители «страха ради смертного» и сообразно церковным предписаниям поспешили побыстрее окрестить младенца. Но приходской священник Александр Ясницкий не стал в тот день совершать таинство и наказал крестьянам прийти в следующее воскресенье. Однако ребенок вскоре умер и крещение не состоялось. Такое отношение пастыря вызвало возмущение родителей. Вскоре об инциденте стало известно епархиальному начальству и о. Ясницкий был наказан заключением в монастырь. Неизвестно, чем в действительности было обусловлено поведение священника. Источники, к сожалению, об этом не сообщают. Однако отдельным представителям духовенства все же было присуще поверхностное, нерадивое, а в ряде случаев, и кощунственное отношение к своим обязанностям⁷⁰⁸. Так, в 1863 г. настоятель храма села Багильдино Иоанн Акрамовский сообщал архиерею о предосудительном поведении в церкви диакона Артемия Десницкого. *«Диакон во все продолжение времени совершавшегося таинственного служения, – писал священник, – стоя на клиросе с пономарем Иваном Доброхотовым, вместо того, чтобы единственно заниматься чтением и пением, могущих в предстоящих слушателях возбудить внутренний дух к умиленному благоговейству и страху Божию, занимался*

⁷⁰⁶ Известия по Казанской епархии. 1870. № 14. С. 424.

⁷⁰⁷ Дело о священнике села Татмышева Александре Ясничком // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6860. 61 л.

⁷⁰⁸ См.: О нерадении по службе диакона села Шутнерова Чебоксарского уезда М. Нелидова (1861) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5623. 64 л.; О нерадивости священника села Подберезья Свияжского уезда С. Фортунатова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5611. 64 л.

*смехотворством и шептанием... Что же было диаконом Десницким найдено во время совершения литургии достойным осмеяния, я недоумеваю*⁷⁰⁹. К слову, подобное поведение в храме даже среди крестьян не считалось нормальным. Корреспонденты этнографического бюро В. Н. Тенишева отмечали, что последние в большинстве старались держаться в церкви чинно. Исключение составляла только молодежь, не имевшая «страха Божия»: шепчутся, смеются, толкаются⁷¹⁰. Так что приведенный пример, с точки зрения канонической морали, так или иначе может рассматриваться как религиозная девиация⁷¹¹.

Повседневное течение приходской жизни во всем ее многообразии не было избавлено и от обычных недоразумений, когда священно- и церковнослужители попадали под подозрение исключительно по недомыслию кого-либо из прихожан. В том же 1863 г. чиновники Ядринского уезда донесли казанскому губернатору об одном сомнительном обычае в чувашско-мордовском селе Убеево, к которому якобы сверх меры лояльно относится местный священник Яков Никопольский⁷¹².

⁷⁰⁹ Всепокорнейшее прошение Цивильского уезда села Багильдина священника Иоанна Акрамовского Высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Свияжскому // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5919. Л. 11–12.

⁷¹⁰ Русские крестьяне. Казанская губерния. Указ. соч., с. 96.

⁷¹¹ Стоит заметить, что, принимая юмор как естественное проявление, и допуская, при определенных обстоятельствах, его использование в назидательных целях, церковь одновременно крайне осторожно относится к смеху, шуткам и иронии. Согласно святоотеческой традиции, смех нарушает внутреннее и внешнее благочиние, несет опасность для целомудрия, создает условия для влияния демонических сил на христианина. Так, святитель Иоанн Златоуст писал: «Убойся того, чтобы дьявол, заметив твою веселость и громкий смех, отсутствие страха к Богу и забвение того, что полезно, не вошел в твою душу и не посеял своих плевел» (Иоанн Златоуст, свт. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/sobranie-sochinenij/#t2 (дата обращения: 14.05.2023)). Специалисты при этом отмечают, что в церковных сочинениях речь принципиально шла «о вполне определенном типе смеха, генетически родственном охарактеризованному нами как «смех»-«плач»/движение/сексуальное возбуждение и являвшемуся формой выполнения сложного магического деяния, отражавшего краеугольные основания языческой веры. В этом смысле объявленный Церковью «поход» против смеха обретает свою «оправданность» и историко-культурную закономерность» (Лашенко С.К. Заклятие смехом: опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян. М.: Ладомир, 2006. С. 201). Таким образом, смех духовного лица во время богослужения интуитивно воспринимался как демонический акт и интерпретировался как сугубый грех и, соответственно, порицался особенно.

⁷¹² Дело о дозволении священником Ядринского уезда села Убеева Яковом Никопольским своим прихожанам из чуваш крещенных придавать земле умерших в шапках // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5902. Л. 26.

Служащие уверяли, что во время погребений чуваши, с позволения пастыря, надевали покойникам на головы ритуальные шапки. Губернатор оперативно передал информацию правящему архиерею. Внимание высокой гражданской и духовной власти вскоре обернулось разбирательством. Однако повальный обыск показал, что указанного обычая в той местности в действительности не существовало, а умершим бедные родственники иногда под головы клали шапки – за неимением подушек. На этом основании священник от наказания был освобожден⁷¹³.

Большинство же прочих известных нам случаев, было связано исключительно с противоречиями внутри причтов. Они являлись результатом конкуренции, выражались все в тех же необоснованных обвинениях клириками друг друга, оговорах, лживых доносах и т.п. Иными словами, религиозное преступление или проступок священнослужителю нередко попросту приписывалось кем-либо из окружения в сомнительных целях. Такая печальная картина и здесь возвращает нас к проблеме ложного доносительства, предметно рассмотренной в предыдущей главе.

Финансовые средства в ряде случаев могли стать тем условием, ради которого клирики шли на канонические нарушения или «закрывали глаза» на сомнительные практики своей паствы. Однако высвечивание этих пороков нередко происходило только при определенных условиях. В 1873 г. священник Казанского уезда Евгений Разумовский в целях дополнительного заработка стал отправлять требы на территории соседнего прихода, нарушая границы приходов. Пользуясь востребованностью среди прихожан как добрый и отзывчивый пастырь, и проживая к тому же неподалеку, он совершал таинства, исповедовал, причащал и отпевал паству. В конечном счете, об этом стало известно духовному начальству.

⁷¹³ Постановление Казанской духовной консистории // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5902. Л. 24–26.

С другой стороны, в донесении высшей губернской власти о сомнительной практике на местах без предварительного обсуждения проблемы на месте с духовным лицом, осуществлявшим обряд, просматривается непочтительность уездных чиновников к носителю священного сана, их формальная, сугубо полицейская ориентация в религиозных вопросах.

Священник получил выговор и был обязан вернуть все заработанные деньги причту, на чью территорию вторгся⁷¹⁴. В остальном, если интересы причтов соблюдались, в сохранении тайны религиозных преступлений и проступков могла иметь место круговая порука, когда сослуживцы замалчивали явные нарушения друг друга. В 1863 г. священник села Аркатово Лаишевского уезда Василий Ядрин был обвинен в венчании несовершеннолетних. Судя по материалам дела, делал он это за особую плату не один год и на регулярной основе. Однако до поры такая практика не вызывала порицаний в причте, поскольку клирик делился доходами. Когда же он перестал это делать, епархиальной администрации тут же все стало известно⁷¹⁵.

Подобные случаи были не единичны. В 1862 г. причетник церкви села Косякова Свияжского уезда Иван Воскресенский обратился с жалобой благочинному на своего священника Феопелита Тихомирова⁷¹⁶. Согласно заявлению, о. Тихомиров, будучи жизни нетрезвой, постоянно испытывал нужду в средствах. На этом основании клирик, случалось, шел на поводу языческих обычаев, входивших в его приход крещенных татар. За определенную плату он позволял им совершать похороны без отпевания. Проблема заключалась только в том, что продолжалось это длительное время, а Воскресенский за молчание получал часть незаконных средств. Тем не менее однажды обострившаяся христианская совесть, побудила причетника раскрыться. *«Хотя и я из числа их приращенных в церкви получил 25 коп. серебром для того более, чтобы через них удобнее было обличить сию столь важную несправедливость и беспорядок состоящий в нашем духовном пастыре»* – оправдывался он в рапорте

⁷¹⁴ Дело о совершении священником Казанской Духосошестввенской церкви Евгением Разумовским елеосвящения над бессознательно больной мещанской девицей Екатериной Яковлевой // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6727. 11 л.

⁷¹⁵ Дело о повенчании священнослужителями Лаишевского уезда села Аркатова несовершеннолетнего брака и об обиде священником Василием Ядриным остальной причт доходами // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5880. 14 л. См. также: О незаконном венчании причтом Боголюбской церкви г. Казани подпоручика 4-го резервного батальона Богородского полка М. Стародубского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5602. 97 л.

⁷¹⁶ Дело о противозаконных поступках Свияжского уезда села Косякова Феопелита Тихомирова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5824. 42 л.

благочинному⁷¹⁷. Однако о. Тихомиров вину не признавал и дело, по обыкновению, приняло затяжной характер. Неизвестно, какой грозил бы священнику приговор в случае предъявления доказательств, если бы не его смерть в 1866 г. и закрытие дела.

Случалось, инциденты с религиозным подтекстом становились следствием целенаправленно распускавшихся, дискредитирующих слухов. В 1862 г. в причте церкви села Смолдиярово Лаишевского уезда возник конфликт⁷¹⁸. Дьячок Михаил Малиновский обвинил своего настоятеля в утайке от причта доходов. В ответ последовали обвинения в колдовстве. Якобы из-за порчи, наведенной причетником, в селе слегла женщина. Епархиальная власть отнеслась к сообщению с особым вниманием. Впрочем, в рапорте архиепископу Малиновский раскрыл подлинную суть дела. Оказалось, один из смолдияровских причетников состоял в незаконной связи с местной крестьянкой. Адюльтер стал известен обманутому мужу, и, по крестьянскому обычаю, он жестоко расправился с женой. Женщина от побоев занемогла. Матушка же обвиненного в присвоении средств священника, мгновенно воспользовалась случаем, и пустила по селу слух, будто бы причина болезни женщины – магические действия Малиновского. Очевидно, этим предельно усложнялось дальнейшее пребывание церковнослужителя в среде суеверных сельских обывателей⁷¹⁹. Таким образом, тяжелое обвинение стало

⁷¹⁷ Рапорт дьячка Ивана Воскресенского благочинному иерею села Беловольского Михаилу Зайкову // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5824. Л. 6 – 6 об.

⁷¹⁸ Дело о беспорядках по церковным суммам и прочем в селе Смолдеярове Лаишевского уезда // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5774. 111 л.

⁷¹⁹ И.Н. Белобородова дает довольно интересную трактовку проблемы, связанной с отношением крестьян к колдовству, в рамках которой образ священнослужителя предстает в довольно необычном и даже парадоксальном свете. Исследовательница отмечает, что в русском крестьянском сознании священник играл роль медиатора, обеспечивающего связь «мира дольного» с «миром горним». С этой точки зрения роль клирика носила положительный характер. «Выражение «так батюшка говорил/велел/объяснял» служило критерием нравственно-этических и мировоззренческих позиций носителя» (Белобородова И.Н. Священник и колдун в русской урало-сибирской культурной традиции: об архитипической модели восприятия (в связи с генезисом русского жречества) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Т. 2. С. 30). С другой стороны, прихожане могли одновременно приписывать священнику функцию, тождественную функции колдуна, таким образом совмещая два противоположных образа – светлый и темный. Действительно, точка зрения Белобородовой находит подтверждение и в казанских этнографических материалах. Корреспонденты бюро

местью правдолюбивому сослуживцу мужа. *«Даже и мертвый в могиле не может укрыться от ее срамословий»*, – с горечью сетовал дьячок. *«Не желая прослыть у прихожан колдуном, тем более не сделаться бы для них, простолюдинов, страшным лицом, а потому и не быть бы ненавидимым всеми ими, прошу Ваше Высокопреосвященство покорнейшей просьбой...»*⁷²⁰. Далее следовало ходатайство о переводе на другой приход. Однако дело было улажено при посредстве благочинного, и причт церкви остался в прежнем составе, несмотря на определенно возникшее напряжение в среде прихожан.

Иными словами, необоснованные обвинения зачастую мотивировались не фактическим отклонением клирика от учения церкви, а корыстными интересами. Особая роль здесь принадлежала благочинным, как обладавшим полномочиями и монопольным правом донесения о приходских делах епархиальным властям. В ряде случаев, их позиция оборачивалась крайностями, становившимися серьезной

В.Н. Тенишева сообщала, что в ряде селений губернии культивируется примета: встретить на улице священника – к несчастью или неудаче (Русские крестьяне. Казанская губерния. Указ. соч., с. 102). По всей видимости, духовенство, происходившее из той же самой среды и являвшееся неотъемлемой частью крестьянского мира, интуитивно чувствовало данную ролевою схему и считалось с предписаниями простонародной сакральной культуры, стараясь блюсти ее границы. Нарушения случались там, где клирик назначался на приход извне. В особенности, если он успел испытать на себе городское влияние и семинарское образование. Данные эффекты интенсифицировались в пореформенное время в связи с процессами, обозначенными в первых главах настоящей работы. Белобородова пишет: «Функционирование медиаторов в "чужом", неосвоенном пространственно-временном континууме, их особый социальный статус и "сила" позволяют предположить наличие в восприятии их образов некой архитипической модели, восходящей к мифам о культурных героях. Аналогичные пережитки можно реконструировать в образе древнерусских волхвов и скоморохов <...> что в условиях утверждения и последующего господства монотеистической религии развитие жреческих функций пошло по двум направлениям – колдовства и священства. Не последнюю роль в этом процессе, вероятно, сыграло наделение жрецов архитипическими функциями трикстера (антагониста культурного героя), пережитки которых прослеживаются в восприятии обоих медиаторов. Об этом, в частности, свидетельствует наличие в русской устной и книжно-рукописной традиции массовой антирелигиозной и антицерковной литературы, которая по большей части и создавалась в среде самого духовенства, питавшегося (во всяком случае, на ранних этапах формирования жреческой «специализации») теми же представлениями и руководствовавшегося теми же архитипическими нормами, что и народное сознание» (Белобородова И.Н. Указ. соч., с. 40). Таким образом, у приходского духовенства обнаруживаются точки сближения с паствой глубинного и по характеру едва ли не архаического плана, не всегда явные, но все же просматривающиеся в особенностях его восприятия народным сознанием.

⁷²⁰ Покорнейшее прошение Лаишевского уезда села Смолдеярова Казанской Богородицкой церкви дьячка Михаила Малиновского архиепископу Казанскому и Свяжскому Афанасию // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5774. Л. 98.

проблемой внутрицерковному миру. В 1860-х гг. в Казанской епархии широкую известность получила история благочинного Романовского. Священник безудержно обвинял в религиозных и профессиональных нарушениях подконтрольных ему священников. Примечательно, однако, что вплоть до смерти должностного лица, епархиальная администрация фактически бездействовала, несмотря на всю тяжесть выдвигаемых обвинений⁷²¹. Данный факт сам по себе может свидетельствовать о примате в повседневной практике епархиального регулирования конъюнктурных и утилитарных соображений, даже в тех случаях, когда дело касалось религиозных вопросов. В другом случае затяжная болезнь приходского священника была интерпретирована благочинным как сознательное уклонение от исполнения богослужебных обязанностей⁷²². Вместо выяснения подлинных причин частого отсутствия клирика в храме, на него тут же был составлен рапорт архиерею с обвинением в пьянстве и неспособности к служению. Случай, произошедший в 1863 г. в селе Мысово Лаишевского уезда, и вовсе затрагивал политическую сторону⁷²³. Злоупотреблявшие спиртным причетники, в целях сокрытия собственных неблагоприятных поступков, подали благочинному на своего настоятеля ложный донос с обвинением пастыря в уклонении от служения в Царские дни⁷²⁴. Благочинный, не разобравшись в деле, направил в консисторию рапорт, основанный на сообщениях дьячков. И хотя епархиальные власти достаточно быстро поняли подоплеку дела, священника от неприятностей это не избавило. Еще одно дело аналогичного плана. Священник села Рождествено, по случайности, не разобравшись в метрических записях, повенчал

⁷²¹ Дело о считании недействительными все донесения, сделанные благочинным Цивильским протоиереем Романовским на священника села Багильдина Иоанна Акрамовского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5811. 6 л.

⁷²² Дело об опущениях по должности за нетрезвостью наблюдающего в селе Куланге Свияжского уезда священника Алексея Аполлинариева (1863) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5912. 43 л.

⁷²³ Дело о неслужении священником Лаишевского уезда села Мысов Иваном Акрамовским Царских молебнов 27 и 30 июня по нерадению // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5904. 9 л.

⁷²⁴ Объяснение священника Акрамовского в Казанскую духовную консисторию от 4 февраля 1864 г. // Там же, л. 6 – 6 об.

несовершеннолетних⁷²⁵. Приходские причетники знали об ошибке, но умышленно не предупредили настоятеля, а впоследствии использовали ее как повод для злонамеренного доноса благочинному, чем доставили клирику серьезные проблемы.

В описываемой картине парадоксальным выглядит тот факт, что имели место случаи, когда именно религиозное рвение и миссионерские успехи пастыря становились основанием для претензий, интерпретировались благочинными превратно в глазах архиерея и консистории. Причиной тому часто служила зависть, личная неприязнь или недостаточный уровень желаемого контроля над миссионером со стороны властного лица. В 1862 г. священник села Шумкова Лаишевского уезда Николай Демьянов был обвинен в потворстве старообрядцам. Между тем, положение его прихода действительно выглядело сложным. Старообрядцы проживали в непосредственной близости, а контакты прихожан с последними носили регулярный характер. Время от времени, это приводило к тому, что часть из них переходила в старообрядчество. Несмотря, однако, на то, что священник Демьянов был благочестив, старателен, имел официальные благодарности и добрые отзывы от уездных органов власти и крестьян, а также вполне успешно справлялся с задачей противодействия влиянию раскольников, благочинный Никольский направил на него донос в консисторию с обвинением в халатности по религиозным вопросам⁷²⁶. Священник вскоре попал под следствие и вынужден был оправдываться. Описывая в рапорте сложное положение своего прихода, он указывал на те проблемы, с которыми ему приходилось сталкиваться в ходе работы со старообрядцами и паствой: *«люди темные, не ученые, не книжные»*⁷²⁷. *«Со стороны моей было прилагаемо возможное старание об обращении совратившихся в православие со всяким терпением и кротостью, но*

⁷²⁵ Дело о повенчании священником села Рождествена Василием Орловым крестьян села Тангичей Спиридона Филиппова и Герасима Платонова с несовершеннолетними их невестами // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6749. 15 л.

⁷²⁶ Дело о потворстве священником села Шумкова Лаишевского уезда Николаем Демьяновым // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 94. Д. 31. 135 л.

⁷²⁷ Покорнейший рапорт Лаишевского уезда села Шумкова священника Николая Демьянова архиепископу Казанскому и Свияжскому Афанасию // Там же, л. 52.

они... остаются непреклонными к обращению», – писал священник архиепископу⁷²⁸. К чести последнего, он прислушался к доводам подчиненного, и доносы благочинного до поры серьезных последствий не имели⁷²⁹.

Ранее отмечалось, что трансформация религиозности в пореформенное время в условиях модернизации и углубления социальных противоречий стала явлением вполне обычным⁷³⁰. Это могло выражаться, в частности, в распространении сектантских течений, основателями которых становились бывшие священнослужители господствующей церкви. Так, к примеру, произошло в соседней Самарской епархии с религиозно-мистическим движением кирилловцев. Организатором и лидером секты стал лишенный сана приходской священник Кирилл Любимов⁷³¹. Но подобного рода случаи были единичны, а духовенство старалось придерживаться профессиональной дисциплинированности. В ряде случаев, оно и вовсе проявляло эталонную религиозную сознательность. Действительно, донесения благочинных епархии пестрят сообщениями о неукоснительном следовании причтами предписаниям о соблюдении социальной дистанции с мусульманами, язычниками и старообрядцами, сомневаться в которых не имеется оснований. По крайней мере, к такой точке зрения склоняет анализ фактуры документов⁷³². В качестве характерного примера приведем случай,

⁷²⁸ Покорнейший рапорт Лаишевского уезда села Шумкова священника Николая Демьянова архиепископу Казанскому и Свияжскому Афанасию // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 94. Д. 31. Л. 26.

⁷²⁹ Действительно, епархиальные миссионеры обладали сравнительно высокой степенью самостоятельности по сравнению с рядовым приходским клиром и по отношению к благочинным, что периодически создавало конфликтные ситуации. Поскольку миссионерство как послушание, определенное приходскому священнику епархиальной властью, было делом многотрудным, требующим постоянного самообразования, разъездов и напряженной работы, подчас чреватой различными опасностями, духовенство не особо стремилось к его получению. Однако, это же давало штатному миссионеру определенную свободу. В этих случаях благочинные в качестве контрмер, случалось, использовали монопольный доступ к епархиальной власти в целях «дисциплинирования» не в меру самостоятельных миссионеров (см., напр., также: О потворстве раскольникам // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 11. 33 л.).

⁷³⁰ Известия по Казанской епархии. 1868. № 16. С. 455.

⁷³¹ Серебреницкий К. Тилебухи. Современное хлыстовское учение, распространенное среди православной мордвы-эрзи на востоке Самарской области // Этнос и культура. 1997. № 2–3. С. 63–66.

⁷³² В данном случае строгость архиереев и консисторий по отношению к подвластному духовенству считалась неотъемлемой частью внутрицерковной дисциплины (см., напр.: О разрешении совершать православным священникам треб для лиц, присоединившихся из раскола,

произошедший в 1864 г. в Чистопольском уезде. Его ключевым фигурантом был тот же священник Демьянов.

В некоторых старообрядческих селениях уезда стал практиковаться обычай: за неимением половозрелых девушек, мужчины стали брать в жены девочек, не достигших брачного возраста. Служивший неподалеку о. Демьянов сообщал викарию Казанской епархии епископу Гурию об одном резонансном инциденте, произошедшем на фоне распространения обозначенной практики: *«Означенный раскольник Григорьев, прибег к посредничеству родственников и других влиятельных раскольников, которые и стали уговаривать мать, а правильнее – заставляя бранью отдать свою дочь, несмотря на несогласие и даже усиленное упорство ее дочери. Посему и употреблено было со стороны матери насилие, соединенное с побоями. Дочь употребляла разные меры, чтобы освободиться ей от такого брака: она себя безобразила при собрании гостей, отвергала и бросала вручаемые ей в подарок деньги. Но ничто не помогало. Она должна была уступить воле и насилию матери»*⁷³³. События развивались по самому драматичному сценарию. *«Беззащитная Евдокия, – продолжал пастырь, – в зимний холод полураздетая и полубосая, растрепанная до безобразия, вынесена была тремя мужчинами при крике и плаче на двор, посажена на приготовленные сани и вывезена за польские ворота, закована в железо и таким образом везена была сто верст»*⁷³⁴. В конечном счете девушка хоть и выжила, но серьезно заболела. Однако отец жениха не верил в ее тяжелое состояние и в качестве меры острастки «угрожал отравить».

По всей видимости, непокорность юной невесты настолько удивила принимающее семейство, что было принято коллективное решение для

к православию, об устройстве молитвенных домов в деревнях, о выписке книг духовного содержания // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 133. Д. 3. 189 л). Любое своеволие или несогласованная инициативность на приходах жестко пресекались епархиальными администрациями (см.: О самовольном основании в приходе села Абызово Ядринского уезда женской общины // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120693. 55 л).

⁷³³ Покорнейший рапорт Лаишевского уезда села Шумкова священника Николая Демьянова преосвященному Гурию, епископу Чебоксарскому, викарию Казанской епархии // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 22. Л. 1 – 1 об.

⁷³⁴ Там же, л. 2.

принуждения ее к браку вывезти в Казань в дом умалишенных для «лечения». Но там, по понятным причинам, в приеме было отказано. Евдокию спасла смекалка. Несколько поправившись, и, продемонстрировав видимое согласие на свадьбу, она усыпила бдительность окружающих, и тайно покинула дом жениха, направившись к ближайшему православному священнику, который встал на ее защиту, приютил, уведомил гражданские и духовные власти о происходящем, и приобщил к своему приходу.

Тем не менее вопрос причины очевидной религиозной дисциплинированности причтов требует ответа. Анализ источников дает основание полагать, что она обуславливалась рядом факторов, по своему влиянию неравнозначных. Известно, что епархиальные архиереи настоятельно внушали причтам, чтобы они постоянно и усердно укреплялись в православной вере⁷³⁵. Однако действенность таких требований сама по себе представляла немалую проблему. Советы, как мы показали, в большинстве случаев доходили до клира посредством письменных распоряжений, поступавших из города, а также церковной периодики и при условии, что приходы выписывали журналы, а причты знакомились с их содержанием и применяли рекомендации в жизни⁷³⁶. Но так было

⁷³⁵ Известия по Казанской епархии. 1874. № 7. С. 186.

⁷³⁶ Прекрасной иллюстрацией такого дистанционного наставничества может служить журнал «Руководство для сельских пастырей», издававшийся с 1860 г. при Киевской духовной академии. Следует отметить, что данный печатный орган был одним из тех, который был обязателен к выписке приходами во многих епархиях, в том числе и Казанской. Его цель заключалась в стремлении вооружить пастырей знаниями в области богословия, способствовать расширению кругозора и стимулировать их общественную активность. Фактически журнал стал площадкой, на которой была начата разработка пастырского богословия как самостоятельного направления, до того находившегося в зачаточном состоянии. Отличительной особенностью материала, публиковавшегося на его страницах, стала практическая ориентация, основанная прежде всего на активной деятельности корреспондентов, непосредственно знакомившихся с приходской жизнью на местах. Примечательно, что значительное место в издании уделялось народным верованиям и представлениям, и отражению взгляда на них сквозь призму православного вероучения. Исследователь А.Н. Розов, обобщивший этнографические и фольклорные материалы, опубликованные на страницах журнала за 57 лет его существования, продемонстрировал картину чрезвычайно пристального внимания издателей к обозначенной проблеме (см.: Розов А.Н. Этнографические и фольклорные материалы на страницах журнала «Руководство для сельских пастырей» (1860–1917 гг.): аннотированный тематико-библиогр. указатель [Электронный ресурс]. URL: <http://yakov.works/history/19/57/rozov.htm> (дата обращения: 10.05.2023)).

далеко не везде и не всегда. В одном из номеров Известий по Казанской епархии за 1898 г. находим примечательное описание съезда епархиального духовенства в Казани и встречи приходских пастырей со своим епископом. По замечанию корреспондента, священники смотрели на архиерея с удивлением и опаской, демонстрируя своим поведением крайнюю для них необычность ситуации⁷³⁷. И в самом деле, признавался автор, клирики попросту привыкли слышать голос начальства через указы, а не вживую⁷³⁸.

Выход из этой ситуации священноначалие нашло в стимулировании подвластного ему духовенства заниматься самообразованием по проверенной формуле: «Повторение – мать учения». Поскольку церковными правилами клиру вменялся некий теологический минимум через заучивание наизусть катехизиса (священнослужителям пространного, причетникам – краткого)⁷³⁹, то надлежало *«чтобы священники во дни воскресные и праздничные в церкви людей поучали, прочитывая им на литургии Святейшим Синодом одобренные проповеди, а на утрени что-либо из Прологов и других святых книг, также Катехизис, толкуя оный прихожанам по возможности, а которые священники и диаконы учились в школах, те и от себя по часту говорили бы проповеди и тем делали бы честь своему сану и пользу христианам. А кто сколько скажет проповедей, о том уведомлять епархиальное начальство в клировых ведомостях, дабы можно было различать прилежных от ленивых»*⁷⁴⁰. Так, посредством предписаний планировалось достижение совместного укрепления в вере пастырей и паствы, и минимизация тех негативных последствий, которые могла нести с собой их глухая сельская жизнь. К примеру, в 1869 г. съезд духовенства свияжского уезда с сожалением констатировал: *«В духовенстве нашем есть обычаи совершенно противные духу нашего священного сана. Все такие обычаи давно пора искоренить, потому что они служат только укором нам от мирян, и унижают достоинство нашего*

⁷³⁷ Известия по Казанской епархии. 1898. № 5. С. 160.

⁷³⁸ Там же.

⁷³⁹ Тихомиров Т.С., свящ. Указ. соч., с. 126.

⁷⁴⁰ Там же.

звания. Кроме сего, самое поведение духовенства и его образовательное настроение далеко не соответствуют — и правилам св. Церкви, которая повелевает служителю Божию быти без порока, <...> и требованию самого общества, которое желает, чтобы духовенство было для него правилом веры, образом кротости и учителем воздержания»⁷⁴¹.

Однако указанные меры вряд ли могли обеспечить требуемый эффект. Как мы ранее показали, наиболее слабым звеном в образовательном плане были причетники, в целом, имевшие довольно смутные представления не только о догматике и канонике церкви, но даже и об основах катехизиса и двенадцатых праздниках⁷⁴². Данный факт уже сам по себе может рассматриваться как вариант отклонения, а устремления священноначалия по его устранению — в качестве попытки искоренения хронических нарушений в среде тех, кто сам был призван к миссионерской деятельности.

Вместе с тем, оторванные от епархиальных центров причты, особой потребности в самообразовании не испытывали, приноровившись нести миссию с минимальным багажом знаний, вполне достаточных в условиях доминирования ритуализма и невзыскательности пасомых в вопросах богословского плана⁷⁴³. Как следствие, пожизненное и всецелое погружение в среду «*закоснелого полуварварского населения*»⁷⁴⁴, неизбежно блокировало какую бы то ни было просветительскую ориентацию низового клира. И действительно, как писал современник, профессор Казанской духовной академии П. В. Знаменский, «*старые предания оказывались так живучи, что даже в текущем столетии, и даже на нашей еще памяти, когда семинарское образование сделалось уже общим для всего духовенства, многие дьяческие и пономарские дети все еще считали причетническую должность каким-то природным для себя призванием и сами по доброй воле выходили из учебных заведений, не окончивши курса, чтобы, так*

⁷⁴¹ Известия по Казанской епархии. 1869. № 4. С. 119–120.

⁷⁴² Рапорт благочинного Тетюшского уезда села Сумарокова священника Сергия Сунгурова (1871) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 161.

⁷⁴³ Известия по Казанской епархии. 1874. № 7. С. 186.

⁷⁴⁴ Там же. 1870. № 19. С. 579.

*сказать, не терять по-пустому времени и поскорее определиться во дьячки; бывали примеры, что они были исключаемы и против воли своими отцами в тех мудрых видах, чтобы сын не был выше отца...»*⁷⁴⁵. Такая позиция являлась отражением не только социальных процессов в среде простонародного духовенства, с присущими ему уравнительными наклонностями, но и специфики ментальности последнего, противопоставлявшей «подлинную» религиозность книжной «мудрености», и тем близкой его пастве. Однако и по мере постепенного возрастания в образованности, принцип достаточности элементарной грамотности еще долго продолжал довлеть в приходской жизни над *«действительным просвещением и научным образованием»*⁷⁴⁶. Таким образом, значительную роль в приверженности рядового духовенства церковной ортодоксальности, играла отнюдь не его большая грамотность или правовые и культурные преимущества. Хотя их профилактическое значение, как и искреннюю убежденность в истинности православного вероучения и ежедневной литургической вовлеченности, приуменьшать едва ли стоит. Но методологическая проблема заключается в том, что последние практически не поддаются анализу и оценке на основе источников, имеющих в нашем распоряжении⁷⁴⁷.

⁷⁴⁵ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России... Указ. соч., с. 131.

⁷⁴⁶ Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М.: Унив. тип., 1901. Т. 1. С. 216.

Косвенным показателем неоднозначного положения дел в рассматриваемом вопросе может считаться планомерное падение качества проповедей в приходских храмах, а точнее отсутствие какого бы то ни было прогресса в этой области при сохранении общей негативной тенденции. Как ни старались духовные власти решить данную проблему в течении всего пореформенного времени, достичь этого, кажется, так и не удалось. Еще в 1856 г. «вместо сочинения катехизических поучений, наполненных большей частью многословием, бесполезных для истинного благочестия», клиру вменялось обучение паствы краткому катехизису с Иисусовой молитвой и молитвой прп. Ефрема Сирина (Известия по Казанской епархии. 1870. № 19. С. 581–582). Такое послабление должно было иметь некоторые положительные эффекты. Однако уже в 1904 г. на страницах епархиальной периодики читаем пространное рассуждение ректора Казанской духовной академии епископа Алексея (Молчанова) о тотальном упадке церковной проповеди и безразличии приходских пастырей к ее осуществлению (там же. 1904. № 47. С. 1565–1570).

⁷⁴⁷ Тем не менее, с нашей точки зрения, довольно любопытными представляются соображения, касающиеся того влияния, которое имела традиция внешнего облика и облачения духовенства. Причем не только богослужебного, но и повседневного. В источниках встречается масса предписаний клирикам на неукоснительное соблюдение церковного дресс-кода. С канонической точки зрения, консервативный подход к одежде выделяет духовное лицо из общества светских людей, подчеркивая его особый статус и роль. Вместе с тем, из исследований

Духовенство перманентно находилось «на виду» у паствы. Его повседневная нравственность могла иметь неоднозначный характер, что так или иначе допускалось прихожанами. Но вот богослужебная и ритуальная дисциплинированность пастырей отслеживалась ими особо. Корреспонденты бюро В. Н. Тенишева отмечали: *«Народ смотрит на нарушение церковных правил и церковных обрядов, как, напр.: на несоблюдение постов, нарушение праздников работою, неисполнение таинства покаяния и причащения, на напрасное употребление божбы, как на самые тяжкие и непростительные грехи, за которые Бог накажет, покарает явно на этом еще свете при жизни самого. Или он будет сохнуть, ни в чем ему не будет ни доли, ни удачи, а умрет не своей смертью, непременно при невероятных страданиях и судорогах (конвульсиях). А в будущей жизни им будет и того хуже, они будут там мучиться в аду вместе с дьяволами в вечном огне»*⁷⁴⁸. Заметим: именно обрядовой стороне крестьянами придавалось ключевое значение⁷⁴⁹. Указанная картина была преимущественно характерна для русских приходов, более вовлеченных в церковную жизнь⁷⁵⁰. В этом плане довольно показателен случай священника села Индырчи Тетюшского уезда Иоанна Можаровского (1873). Уклонение пастыря от молебнов и крестных ходов по определенным дням стало одним из оснований доноса на него возмущенных

по психологии и культурной антропологии известно, что одежда не только формирует внешний облик ее носителя, но и предопределяет его самоосознание и, как следствие, влияет на формирование паттернов поведения. Одежда в этом смысле – инструмент перевоплощения (Медникова М.Б. Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник. М.: Языки славян. культуры, 2007. С. 24). А поскольку в нашем случае речь идет о сакрализованных типах одежды, глубинная психологическая связь ее носителя с религиозной традицией здесь кажется несомненной. Действительно, священник Павел Флоренский утверждал, что одежда таинственно связана с духовным существом человека. Одежда по своей сути – метафизична (см.: Флоренский П., свящ. Иконостас // Богословские труды / свящ. П. Флоренский. М., 1972. Сб. 9. С. 83–148).

⁷⁴⁸ Русские крестьяне. Казанская губерния. Указ. соч., с. 46–47.

⁷⁴⁹ Мангилева А.В. Духовное сословие на Урале... Указ. соч., с. 148.

⁷⁵⁰ Вместе с тем, нам известен парадоксальный по своей сущности инцидент – жалоба прихожан архиерею на то, что священник заставляет учить их библейские заповеди, а тех, кто планирует вступить в брак, но не исполняет христианского долга, «заставляет исповедоваться и причащаться» (Дело о неприятных отношениях священника села Тетеева Василия Некрасова к местным прихожанам // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6704. 15 л.).

прихожан архиерею⁷⁵¹. Так охранительная бдительность паствы удерживала клириков в строгих дисциплинарных рамках.

Добавим к этому еще один немаловажный момент – жесткость канонов и церковного и государственного законодательств, в имперский период предметно регулировавших вопросы вероотступничества. В том, что именно он имел важное предохранительное значение, сомневаться не приходится – источники прямо обозначают страх духовенства перед наказанием со стороны властей, как действенный механизм предотвращения различных отклонений⁷⁵².

Действительно, если обратиться к каноническим установлениям церкви, вопросы вероотступничества занимают центральное место в ряду преступлений и проступков, влекущих за собой суровое наказание. Исходя из этого, они отличаются наиболее тщательной проработкой как в терминологическом, так и содержательном плане. Так, преступления и проступки против веры в канонической системе подразделяются на *отречение, ересь и раскол, общение с иноверцами, волшебство, клятвопреступление, нарушение обета девства, опущение богослужений в праздничные дни, неблагоговейное обращение с церковными местами, повреждение священных книг, творений святых отцов и учителей церкви, изображение «на земле» крестного знамения, пост в воскресные и субботные дни, нарушение постов, еретическое гнушение мясом и вином*⁷⁵³. При этом сама категория *веры* трактуется как двусоставная: собственно вера, как качество, присущее человеку и связанное с трансцендентным, и *исповедание веры* – обращенная во вне индивидуальная религиозная активность⁷⁵⁴. «Отсюда и отречение от веры может быть двоякое, – пишет И. М. Милованов. То оно является как смена религиозных воззрений, как перемена религии вследствие сознания превосходства другой и недостатков первой или прежней; непременно

⁷⁵¹ Дело о священнике села Индырчей Иоанне Можаровском по жалобе на него местных прихожан // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6715. 30 л.

⁷⁵² Рапорт благочинного Тетюшского уезда села Сумарокова Сергея Сунгурова (1873) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 99 об.

⁷⁵³ Милованов И.М. Указ. соч., с. 54.

⁷⁵⁴ Там же.

последствием чего бывает и смена исповедания веры. В другое время в факте отречения от веры сказывается только отсутствие исповедания оной при наличности внутри сердца веры, как чувства: иначе, человек показывает одно, тая в сердце другое, причем эта показанность оканчивается вместе с мотивом, вызвавшим ее»⁷⁵⁵. На этом основании преступлением считается любой акт смены веры, вне зависимости от того, искренне или притворно это было сделано; временно, краткосрочно или по какой-либо необходимости.

В зависимости от того, какое из религиозных преступлений или проступков было совершено клириком, и при каких обстоятельствах, наказание могло подразумевать *запрещение в служении, извержение из сана, а также (в особо тяжких случаях) анафему или отлучение от церкви*. Собственно, применительно к реалиям синодального периода пореформенной эпохи, вероотступничество в широком спектре случаев грозило клирику исключением из духовного звания с дальнейшей социальной маргинализацией, включая членов его семьи. Это имело важное профилактическое значение в контексте выбора священником, диаконом или причетником мировоззренческих ориентаций и поведенческих стратегий.

Тем не менее каноническая категоричность во второй половине XIX в. постепенно смягчалась церковным законодательством, что, к примеру, просматривается в Уставе духовных консисторий от 1883 г. Так, согласно ст. 177, вероотступники из числа священнослужителей, даже совершившие столь тяжкие преступления как уклонение в ересь или раскол, в случае чистосердечного раскаяния, могли рассчитывать на снисхождение церковного начальства⁷⁵⁶. Однако с неизбежным понижением до причетника⁷⁵⁷. Между тем, церковнослужителям беспелляционно грозило исключение из духовного звания (ст. 178)⁷⁵⁸.

Свою лепту вносило и имперское законодательство, до 1885 г. жестко регулировавшее вопросы религиозного плана, и видевшее в этом, прежде всего,

⁷⁵⁵ Милованов И.М. Указ. соч., с. 55.

⁷⁵⁶ Устав духовных консисторий: [утв. 9 апр. 1883 г.]. СПб., 1883. С. 69.

⁷⁵⁷ Там же, с. 69–70.

⁷⁵⁸ Там же.

идеологическую обусловленность и необходимость. И хотя духовенство находилось под юрисдикцией церковной судебной системы, принцип примата государства, основанный на идее *jusnaturalis*, в рассматриваемый период уже прочно доминировал в правовой сфере империи. Отметим, что в государственном законодательстве круг религиозных вопросов рассматривался в рамках уголовного, а не гражданского права, что демонстрировало идеологическую значимость православия и необходимость соблюдения подданными религиозной ортодоксальности. Это нашло отражение в Уложениях о наказаниях уголовных и исправительных от 1845, 1885 и 1903 гг. Так, в Уложении 1845 г. человек, совершивший переход из православия в другое христианское исповедание, препоручался для вразумления духовным властям. Однако при этом виновник отстранялся от контактов со своими малолетними детьми во избежание «совращения» (ст. 198)⁷⁵⁹. Если же дело затрагивало не только его самого, но и становилось частью миссионерской активности, наказание многократно ужесточалось.

Случаи уклонения от исполнения постановлений церкви (богослужения, исповедь, причастие) также передавались на рассмотрение духовным властям с правом назначения епитимьи, тогда как нарушения, связанные с похоронной практикой и ее соответствия православной традиции, могли караться тюремным заключением. Глава третья Уложения «Об оскорблении святыни и нарушении церковного благочиния» подробно регулировала аспекты поведения в церкви и во время общественных и частных богослужений (включая вербальные). В большинстве таких случаев нарушители из числа священнослужителей автоматически передавались в руки церковных властей с последующим применением к ним санкций, предусмотренных каноническим правом и церковным законодательством. Причетники же могли быть судимы и по гражданским законам.

В Уложении 1885 г. вероотступничество стало квалифицироваться как уголовное преступление только в особых случаях⁷⁶⁰. В силу либерализации

⁷⁵⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Указ. соч., с. 69.

⁷⁶⁰ Там же, с. 145.

правовой сферы упор государством делался на увещевание со стороны духовных властей и различные епитимьи относительно мягкого дисциплинирующего плана. В Уложении 1903 г. вероотступничество как таковое, в сущности, декриминализуется, а религиозные вопросы обращают на себя внимание государственного законодателя лишь в той части, где вступают в заведомое противоречие с уголовными предписаниями общего характера.

Указанная трансформация оказывала влияние и на правоприменительную практику внутри церкви. Причем не только с участием мирян, но и духовенства. Происходило это, по всей видимости, в силу многочисленности неоднозначных случаев в приходской жизни, а также стремления архиереев и консисторий приноровиться к динамично меняющимся условиям повседневности. А. В. Никитин пишет: *«В целом, если церковное начальство не видело в действиях клириков сознательной приверженности к какой-либо ереси, то проступки, даже формально затрагивавшие достоинство веры и преследовавшиеся по общегражданским законам, не вызывали у него серьезного беспокойства. Примером такого прагматичного подхода может служить дело, возникшее в 1896 г. в Екатеринбургской епархии. Псаломщик Манин был привлечен к ответственности за то, что в пьяном виде на вопросы прихожан о Богородице и святых отвечал «самыми кощунственными словами». Окружной суд постановил подвергнуть церковнослужителя аресту на месяц, а местные жители составили приговор о его удалении из прихода. Консистория удовлетворила это ходатайство»*⁷⁶¹.

Однако именно синодальная власть, локализованная в столичном Петербурге и, в силу этого, далекая от приходских реалий жизни, демонстрировала более выраженную приверженность букве и духу законов. Так, обозначенное решение Екатеринбургской духовной консистории вызвало возмущение старшего секретаря Синода Мудролюбова, проводившего «обозрение» консисторского

⁷⁶¹ Никитин А.В. Указ. соч., с. 161–162.

делопроизводства, и подвергнутого критике снисходительность епархиального начальства⁷⁶².

Таким образом, религиозные отклонения в структуре девиаций приходского клира Казанской губернии занимали незначительное место, что в целом свидетельствует о склонности представителей духовенства сохранять приверженность вероучению и каноническим предписаниям Православной церкви даже в неблагоприятных внешних условиях. Причем, это справедливо как для священнослужителей, так и низового причта, между которыми в данном случае очевидных различий не наблюдалось, несмотря на несопоставимый образовательный и культурный уровень. Впрочем, не стоит упускать из виду и тот факт, что догматические погрешности, сделанные священником во время проповеди, наставления или частной беседы с паствой, объективно трудно поддаются фиксации и именно в силу этого, вероятно, находили слабое отражение в источниках. Единственным компетентным контролером ортодоксальности несшего миссию в дальних уголках епархии клира, могли выступать только благочинные, которые, однако, находились с подконтрольными им причтами в спорадических контактах и при этом, порой, довольно в специфических отношениях. Естественно, что крестьяне, в силу их безграмотности и низкой культуры на такую роль претендовать не могли. Их активность ограничивалась наблюдением за сугубо внешней стороной приходской религиозной жизни. Вместе с тем, анализ ситуаций, фигурирующих в архивных документах, свидетельствует, что некоторые «аномалии» в среде священно- и церковнослужителей время от времени все же имели место и привлекали внимание духовных властей. Однако, в подавляющем большинстве, они были детерминированы не собственно религиозными искажениями (сознательными или несознательными), а причинами социально-бытового и психологического плана. Тем самым, в обозначенной части у нас имеется куда больше оснований говорить не о том, насколько в рамках повседневной религиозности духовенство блюло собственную духовную чистоту,

⁷⁶² Никитин А.В. Указ. соч., с. 162.

сколько об особенностях коммуникативных практик в среде причтов и их окружения.

4.2. Финансовые

Экономическая составляющая играла важную, если не исключительную роль в жизни приходов⁷⁶³. Повседневность причтов во всем ее многообразии, как мы успели неоднократно заметить, не ограничивалась аспектами нематериального плана. Церковные услуги подразумевали различные виды и формы финансового вознаграждения. Прихожане платили за крещение, венчание, отпевание, выдачу метрических справок, требоисполнение и прочее. Заметное место в этом перечне занимали пожертвования и средства, получаемые от продажи свечей, а избыточная доходная часть храмов направлялась на приращение через банковские вклады. В орбиту финансовых операций церквей, кроме зарплатной части причта, попадали хозяйственные вопросы самого широкого спектра, связанные с ремонтом и содержанием храмов, приходских школ, часовен, приобретением церковной утвари и облачения, духовных книг и периодики, страхованием зданий и т.д.⁷⁶⁴ Вместе с тем, статус духовенства, как служащего сословия, в пореформенное время подразумевал денежное жалование и пенсионное обеспечение со стороны государства, к которому добавлялись ружные сборы и прочие натуральные подношения прихожан.

С 1864 г. важной функциональной составляющей этой системы становятся попечительства, деятельность которых наряду с клиром регулировалась приходским советом, избранным из сельской общественности на три года, и обладавшим набором прав по контролю за финансовыми операциями на приходе. Советы участвовали в принятии пожертвований, распределении пособий от казны,

⁷⁶³ Анализ епархиальной периодики показывает, что вопросы финансового плана занимали в среднем более 2/3 всего содержания номеров за весь пореформенный период.

⁷⁶⁴ Так, в 1867 г. казанские епархиальные власти обязали все монастыри и церкви выписывать газету «Известия по Казанской епархии» за средства кошелькового сбора или личные сбережения, а благочиния – журнал «Руководство для сельских пастырей».

определении размеров сборов и т.п. Последние (благотворительные и епархиальные) выступали важной статьей епархиальной экономики, в которой приходам отводилось центральное место. Исходя из этого, значение финансово-экономической составляющей повседневности духовенства трудно переоценить. В особенности, учитывая тот факт, что взгляд на приход, прежде всего, как на источник дохода, активно культивировался высшими государственными и церковными деятелями⁷⁶⁵.

Вопрос экономической жизни прихода второй половины XIX – начала XX в. на сегодняшний день в историографии всесторонне изучен. Тем не менее обращение к проблеме финансово-экономической достаточности приходского духовенства Казанской губернии все же представляется важным и необходимым условием решения вопроса о причинах соответствующих профессиональных девиаций клира, поскольку уже современники утверждали, что именно крайняя бедность заставляла приходское духовенство идти на различные должностные нарушения, проявляя при этом не лучшие стороны своего пастырского образа⁷⁶⁶.

В 1868 г. казанские епархиальные власти получили из государственных органов аналитические данные по уездам губернии, касавшиеся благосостояния духовенства на местах. В них говорилось, что в достаточной мере обеспечены только причты царевкокшайского, космодемьянского и чистопольского уездов⁷⁶⁷. Клир же прочих 9 уездов прозябал в хронической бедности. Согласно принятой

⁷⁶⁵ Беглов А.Л. Указ. соч., с. 201.

⁷⁶⁶ Позволим здесь себе некоторую вольность и обратимся к естественнонаучным данным. Обоснованность приведенного вывода подтверждается «принципом Гаузе», согласно которому два вида организмов не могут устойчиво существовать в ограниченном пространстве, если рост численности обоих лимитирован одним жизненно важным ресурсом, количество и/или доступность которого ограничены. В социальной психологии на этом основании была разработана теория реального конфликта Д. Кэмпбела. Теория утверждает, что всякий раз, когда две или более группы нуждаются в одних и тех же ограниченных ресурсах, конфликт между ними неизбежен. Причина межгрупповых столкновений заключается в конфликте их интересов в условиях конкуренции за ресурсы, при этом для начала конфликта достаточно, чтобы одна сторона считала другую соперником. В последующем данная теория была экстраполирована на группы с неравным статусом. Конфликтогенность модели и здесь оказалась доказанной (см.: LeVine R.A., Campbell D.T. *Ethnocentrism: Theories of conflict, ethnic attitudes and group behavior*. New York: John Wiley, 1972. 310 p).

⁷⁶⁷ Известия по Казанской епархии. 1868. № 12. С. 477. В архиве: Дело об улучшении быта православного духовенства Казанской епархии // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5873. 295 л.

методике, ключевыми показателями уровня обеспеченности причтов выступали наличие пашенной и сенокосной земли, а также количество прихожан в приходе. Исследование показало, что даже там, где с наделами проблем не имелось, малонаселенность резко ограничивала материальные возможности служителей церкви⁷⁶⁸. Кроме того, *«причты всех почти сельских приходов и большею частью уездных градских церквей не обеспечены домами, так что церковные дома, или готовые квартиры имеются только при 35 церквях города Казани, при 6 церквях уездных городов и при 8 сельских. Затем все почти причты сельских церквей нуждаются в топливе для церковнослужительских домов, которые везде почти у них собственные, а также и вообще в лесном материале для поддержки тех домов»*⁷⁶⁹. Действительно, в большинстве случаев духовенство обустроивало и поддерживало дома исключительно за собственный счет, что в условиях сурового климата и длительных зим для многих становилось разорительным.

По итогам совместного рассмотрения поступивших материалов епархиальной администрацией и чиновниками, Казанское губернское присутствие по обеспечению православного духовенства, на основании возложенной еще в 1863 г. на Министерство государственных имуществ обязанности по улучшению содержания служащих духовного ведомства, постановило принять меры по внедрению мер их поддержки через увеличение земельных наделов, бесплатный или льготный отпуск строевого леса, оброчные доходы и т.п.⁷⁷⁰ Кроме прочего, предполагалось более активное участие прихожан в процессе вспоможения пастырям. Однако, когда дело доходило до практической реализации инициатив, процесс повсеместно стопорился, спотыкаясь как о бюрократию, так и нежелание сельских тружеников ряда местностей поступаться плодородными и удобно расположенными земельными участками, а также своими скудными доходами. Случалось, что такие противоречия доходили до судебных разбирательств⁷⁷¹.

⁷⁶⁸ Известия по Казанской епархии. 1868. № 12. С. 478.

⁷⁶⁹ Там же.

⁷⁷⁰ Там же, с. 484–486.

⁷⁷¹ Там же. 1897. № 32. С. 33–36.

Финансово-экономические противоречия в приходах сохранялись и в 1870-е, и в 1880-е, и в 1890-е гг., продолжая периодически обращать на себя внимание высшей государственной и церковной власти⁷⁷². Так, в 1874 г. были введены *«Правила о местных средствах содержания православного приходского духовенства и о разделе сих средств между членами причтов»*, расширявшие операциональные возможности причтов в финансовой сфере и устанавливавшие принципы и нормативы распределения приходских доходов между их членами⁷⁷³. При этом время от времени наиболее бедным приходам и отдельным священно- и церковнослужителям оказывалась адресная поддержка, которая, впрочем, часто носила единовременный характер. В 1902 г. была предпринята попытка усовершенствовать эту систему, как и функционирование пенсионного обеспечения, отрегулировать которое еще с 1860-х гг. предпринимали попытки власти. По новому положению на обеспечение по старости могли рассчитывать штатные священно- и церковнослужители, а после их смерти – вдовы и дети⁷⁷⁴. В 1870 г. были конкретизированы меры финансовой поддержки отстраненных и находящихся под епитимьей клириков⁷⁷⁵.

Тем не менее усилия синодальной и епархиальной власти по данному вопросу не вылились в общепринятую практику на местах, как и многие подобного рода начинания. Там же, где причты все же стремились поступать сообразно букве закона, итоговое решение о поддержке того или иного прихода или духовного лица нередко попадало в зависимость от субъективной позиции благочинных и настоятелей.

Периодические неурожаи и голод 1891, 1899, 1901–1902, 1905 гг., а также сопровождавшие их эпидемии холеры 1871 и 1892 гг., негативно влияли на численность губернского населения и тем вносили свою лепту в ухудшение положения причтов. В 1898 г. один из корреспондентов Известий по Казанской

⁷⁷² Известия по Казанской епархии. 1870. № 2. С. 33–48.

⁷⁷³ Там же. 1874. № 10. С. 265–268.

⁷⁷⁴ Там же. 1902. № 14. С. 639–643.

⁷⁷⁵ Там же. 1871. № 10. С. 292–293.

епархии писал: *«Не можем не отметить также и того факта, что недород хлебов значительно подорвал благосостояние и сельского духовенства, материальное обеспечение которого находится в прямой зависимости от благосостояния прихожан тем более, что на духовенство не простираются правительственные пособия, и оно остается в безвыходно-бедственном положении»*⁷⁷⁶. Впрочем, частыми были не только «большие» неурожаи, но и локальные (в уездах и волостях). Регулярность последних оборачивалась настоящим бедствием⁷⁷⁷, а такие явления, как отмечают специалисты, в целом были *«естественным спутником местного населения»*⁷⁷⁸. Таким образом, к 1905 г. современники признавали экономическую неприглядность многих сельских приходов – тенденцию, которую государственным и церковным властям так и не удалось переломить к концу пореформенного времени⁷⁷⁹.

Для репрезентации полноты картины нелишним будет обратиться к конкретным цифрам, раскрывающим доходную статью причтов за отдельные годы. Оговоримся, что они будут считаться полными только в том случае, если анализ затронет весь пореформенный период и каждое из благочиний Казанской епархии. Однако такая цель требует специального исследования, что выходит за рамки предмета диссертации. Исходя из этого, ограничимся лишь некоторыми данными и отдельными примерами, по которым, впрочем, имеются полные, а главное – достоверные сведения.

В 1874 г. священник села Апазово Казанского уезда Александр Миропольский на страницах Известий по Казанской епархии представил сравнительный анализ благосостояния православного приходского клира и мусульманских мулл⁷⁸⁰. Несмотря на то, что такое сопоставление интересно само по себе, демонстрируя, к слову, несравненно более высокий материальный

⁷⁷⁶ Известия по Казанской епархии. 1898. № 22. С. 982.

⁷⁷⁷ Там же. 1884. № 8. С. 255.

⁷⁷⁸ Батыршин Р.Р. Голод 1890-х гг. в Казанской губернии (по материалам «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева) // Научный Татарстан. 2020. № 1. С. 8.

⁷⁷⁹ Известия по Казанской епархии. 1905. № 45. С. 1342.

⁷⁸⁰ Там же. 1874. № 18. С. 521–525.

достаток исламского духовенства, нас интересуют данные, прежде всего, касающиеся православного клира.

Стандартный приход о. Миропольский определял в 1200 чел. обою пола, проживавших в 400 домах. Доход его причта комплектовался из следующих статей.

1. Руга, которая взималась с дома в количестве 1 пуда муки, 1 пудовки овса и 1 копны сена, эквивалентных по стоимости 1 рублю;

2. Сбора за молебен в праздник Пасхи с дома в 20 копеек;

3. Сбора в престольный праздник по 10 копеек с дома;

4. Сбора в праздник Богоявления с дома в 10 копеек;

5. Родившихся в приходе бывало до 80 чел. За крещение младенца – 15 копеек. Итого: 12 рублей;

6. В приходе ежегодно заключалось около 20 браков, из которых за каждый полагалось по 3 рубля — всего 60 рублей;

7. Умерших насчитывалось в среднем до 60-ти человек, из которых 40 младенцев и 20 взрослых; за похороны младенца – 20 копеек, а за взрослого – 1 рубль. Итого: 28 рублей⁷⁸¹.

По признанию самого священника, приведенные цифры довольно условны, поскольку обозначают верхнюю планку доходов, тогда как неимущие прихожане нередко платили меньшую сумму или натуральный взнос за ту или иную церковную услугу. Таким образом, *«по сделанному выше исчислению разных сборов с дома набирается на 1 руб. 85 копеек; следовательно, с 400 домов при самом исправном плачении, дохода всего причта будет равен 700 руб., из которых половину получает священник, а другую дьячки»*⁷⁸².

Между тем, в 1868 г. священник Лаишевского уезда Петр Меньшиков обрисовывал такую картину. При идентичном количестве прихожан доходы его прихода с земли составляли 100 рублей, от руги – 134 рублей 55 копеек, за обязательные требы – 114 рублей 70 копеек, за необязательные требы – 200 рублей. Помимо этого, клир получал государственное жалование. Священник – 120 рублей,

⁷⁸¹ Известия по Казанской епархии. 1874. № 18. С. 522–523.

⁷⁸² Там же, с. 524.

дьячок и пономарь – 30-36 рублей. Исходя из этого, годовой доход священника был равен 425 рублям, причетников – 167-174 рублям⁷⁸³. Сбор в виде яиц, круп, хлеба, шерсти и т.п. на приходе не практиковался.

В 1871 г. благочинный Лаишевского уезда священник Александр Скворцов сообщал, что в общей сложности годовые денежные доходы священника в его благочинии в среднем варьировались в пределах от 50 до 200 рублей. С жалованием и доходами от земли и приходской школы эта сумма вырастала до 200–500 рублей. У причетников – до 75–200 рублей. Таким образом, сведения из разных мест в целом не противоречат друг другу, и подтверждают утверждение, что финансовая ситуация в приходах епархии наблюдалась схожая⁷⁸⁴. Для сравнения, городской священник в это же время имел в среднем 300 рублей государственного жалования, псаломщик – 100 рублей и за последующие 30 лет эта цифра изменилась незначительно⁷⁸⁵. К 1901 г. сельский священник в среднем получал от государства около 160 рублей, диакон – 53 рублей, псаломщик – 40 рублей⁷⁸⁶.

Как видим, государственная поддержка приходского духовенства к концу пореформенного времени несколько возросла. Однако следует принять во внимание два ключевых (но не единственных) фактора. Во-первых, согласно Н. М. Никольскому, к концу XIX в. она распространялась не более чем на 25 % клира⁷⁸⁷. Во-вторых, за период с 1871 по 1901 гг. подорожание основных продуктов и самого

⁷⁸³ Известия по Казанской епархии. 1868. № 16. С. 453.

⁷⁸⁴ Корреспонденты бюро В.Н. Тенишева также подтверждают обрисованную картину, как в общем, так и в частности. Так, в праздничные дни за молебны в Спасском уезде крестьяне давали причту от 15 до 25 копеек, перед иконой – от 20 до 30 копеек. К этому добавлялись натуральные приношения: пироги, яйца, куличи, хлеб и т.п. За крещение слабого ребенка священнику платили от 20 до 40 копеек. Здоровых детей крестили коллективно и плата предполагалась та же. Венчание обходилось родителям брачующихся в 5 рублей. Если же жених не знал необходимых молитв, то обязан был работать у священника целую неделю или учить молитвы и до тех пор не рассчитывать на венчание. Отпевания дифференцировались в зависимости от места: с выносом – 1 рубль, без выноса – 50 копеек, с выносом до кладбища – до 5 рублей и т.д. Использование эквивалента денежной платы в виде натуральных подношений практиковалось довольно часто (см.: Русские крестьяне. Казанская губерния. Указ. соч., с. 101–102).

⁷⁸⁵ Отчет о состоянии церквей, причтов и приходов 1-го округа Чебоксарского уезда за 1901 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 133. Д. 42. Л. 121.

⁷⁸⁶ Там же, л. 121 об.

⁷⁸⁷ Никольский Н. М. Указ. соч., с. 199.

необходимого на фоне продовольственной и промышленной инфляций увеличилось в империи в целом, и в губернии в частности, в несколько раз, на что прямо указывают отчеты приходов⁷⁸⁸.

Но так ли обстояло дело у прочих социальных классов? Для сравнения обосновано обратиться к крестьянству – наиболее близкой духовенству социальной группе. Для этого воспользуемся данными Б. Н. Миронова о среднем подённом доходе сельскохозяйственного рабочего за 1871 г. В Приволжском районе он составлял в денежном эквиваленте 43,5 копейки⁷⁸⁹. В годовом выражении (при учете грубой поправки на воскресные и праздничные дни) сельский труженик получал в пределах 130 рублей – несколько меньше, чем приходской причетник. Тем не менее затраты (как материальные, так и временные) на нехозяйственную деятельность у крестьян, по сравнению с духовенством, были значительно ниже. Последние не были обременены регулярными разъездами по приходу, приобретением дорогостоящей одежды, сообразной статусу клирика, необходимостью направлять детей на учебу в духовные учебные заведения, а налоговое бремя крестьянства уравнивалось различными епархиальными взносами. К слову, последние играли заметную роль в истощении приходской казны. Так, в 1904 г. благочинный одного из округов Казанского уезда священник Павел Измайлов писал: *«А бедность какая в духовенстве! <...> Священник в плохонькой-худенькой одежде, питается самой невзыскательной пищей и сам, за редким исключением, исполняет все домашние работы... Через Консисторию идут предписания благочинному взыскать в пользу известного учебного заведения то с одного, то с другого лица. Благочинный от себя дает несколько предписаний причту о взыскании денег и в конце концов получает такое донесение: взыскать более невозможно»*⁷⁹⁰. В нерусских приходах ситуация выглядела еще

⁷⁸⁸ См., напр.: Отчет по ведомству благочинного города Тетюш протоиерея Михаила Ястребского за 1879 год // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 111. Д. 5. Л. 70.

⁷⁸⁹ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Весь мир, 2012. С. 456.

⁷⁹⁰ Покорнейший рапорт благочинного 3-го округа Казанского уезда села Алат священника Павла Измайлова (1904) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118579. Л. 182.

драматичней. Священник села Устье Аполлинарий Земляницкий писал в консисторию, что в селах с чувашским населением главный и единственный источник церковного дохода – продажа свечей. *«Более сего другого нет, о вкладах и прикладах говорить нечего»*⁷⁹¹. Тем не менее и с этих скудных средств причтам зачастую приходилось осуществлять выплаты⁷⁹².

Отмена крепостного права значительно трансформировала экономическую конфигурацию села, равно как и настроения крестьянства. Реакция сельских обывателей на половинчатость реформы не заставила себя долго ждать, что больно ударило в том числе и по духовенству. Фонды Казанской духовной консистории пестрят делами о пассивном сопротивлении в народе, росте саботажных настроений, ширившейся практике неуплаты клиру руги, нежелании крестьян жертвовать частью своего скудного урожая в пользу причтов, спорах с последними о состоятельности этого обычая. *«Два последних источника содержания – руга и доходы, – докладывал архиерею мамадышский благочинный Евгений Антеноров, – непостоянны и по разным обстоятельствам уменьшаются и даже иногда, например, ныне по случаю неурожая хлебов, совсем прекращаются. Вообще же священно-церковнослужители жалуются, что руга собирается ими с прихожан с великими затруднениями и неприятностями от прихожан, из коих многие не отдают оной и затем она остается в недоимке и со временем пропадает окончательно»*⁷⁹³. Священник казанской Духосошестввенской церкви Иоанн Черкасов вторил сослуживцу: *«Так как ружный сбор есть важный источник к обеспечению духовенства, то оно первые свои надежды возлагает на ружное содержание. И надобно сознаться, что эти виды духовенства до 1876 года удовлетворялись, хотя сбор руги и сопровождался нравственным унижением и усиленными трудами. Но, с переложением руги на денежный сбор, этот источник*

⁷⁹¹ Объяснение села Устья священника Аполлинария Земляницкого (1874) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6819. Л. 5.

⁷⁹² Плата взималась даже за церковные награждения, освобождение от которой духовного лица, могло происходить только в исключительных случаях (см., напр.: Известия по Казанской епархии. 1893. № 19. С. 617).

⁷⁹³ Рапорт благочинного Мамадышского уезда села Красной Горки священника Евгения Антенорова (1871) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 217 об.

содержания так изменился, что духовенство стало положительно голодать. Крестьяне и хлеба не дают и денег не платят. Если духовенство просит хлеба, крестьяне отвечают, что такое положение изменено, а если оно требует деньги, то крестьяне отзываются, что они казенные подати и разные земские сборы еще не уплатили»⁷⁹⁴.

Примечательно, что схема замены натуральных подношений денежными выплатами была предложена самими священнослужителями, окончательно прижатými недоимками и нуждой, и надеявшимися таким образом хоть как-то поправить свое экономическое положение. В 1873 г. священник Петр Сартов писал: *«Духовенство озабочено в вопросах своего материального обеспечения на более прочных и рациональных основах. Так, на благочинническом съезде, бывшем 5 марта сего 1873 года, общим мнением было постановлено, по добровольном соглашении с прихожанами, обложить последних в пользу духовенства взамен всех сборов по одному рублю с ревизской души, на что в настоящее время духовенство ждет содействия и утверждения со стороны Епархиальной власти»⁷⁹⁵.* Благословение сверху было получено, но инициатива пришлась не ко времени. Казавшаяся спасительной, идея наткнулась на жестокую реальность. Проблема усугублялась тем, что содержание причтов государственным законодательством не вменялось крестьянам в обязанность. Согласно ст. 178 Положения о сельском состоянии, финансовое участие прихожан в этом вопросе вообще ограничивалось устройством и поддержанием церквей⁷⁹⁶. Да и то имело рекомендательный характер. Обязательство по обеспечению клира находило отражение только в законодательстве церковном, и базировалось на старинном обычае договора⁷⁹⁷. Между тем, эта особенность давала поле для маневра крестьянам, нередко

⁷⁹⁴ Покорнейший рапорт благочинного сельских церквей Казанской Духосошестввенской церкви священника Иоанна Черкасова (1879) // ГА РТ. Ф. 4 Оп. 111. Д. 5. Л. 203.

⁷⁹⁵ Покорнейший рапорт 2-го благочиннического округа Ядринского уезда благочинного села Убеева Петра Сартова (1873) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 53.

⁷⁹⁶ Положения о сельском состоянии. СПб.: Тип. II отд. Собств. ЕИВ Канцелярии, 1876. С. 43.

⁷⁹⁷ См., напр.: ст. 46 и 71 Устава духовных консисторий в редакции 1883 г. (Устав духовных консисторий: [утв. 9 апр. 1883 г.]. СПб., 1883. С. 20, 29).

откровенно злоупотреблявшим своим положением. Так, священник Павел Измайлов жаловался: *«А если посмотреть на материальное обеспечение духовенства сельского, то какое это обеспечение? Верное обеспечение для него только казенное жалование руб. 300 в год, а остальное предполагается, что он получит от прихожан. Но как он его получит? Приходит, например, священник в деревню собирать ругу, коштаны ему говорят: купи нам прежде вина. Если купишь, – ладно, а если не купишь, ни с чем и уйдет. Вот тут и проповедай им о вреде пьянства!»*⁷⁹⁸. Так что собранное не всегда было обильным и заметно подкрепляло благосостояние причтов. *«Чашка муки, даваемая крестьянином священнику, равна чашке, которая дается и нищему. И одна только горькая нужда заставляет некоторых ходить с двора на двор и униженно просить себе подаяния»*⁷⁹⁹.

Такое отношение паствы к служителям церкви, прямо унижавшее достоинство последних, закономерно усиливало социальный антагонизм на селе и повышало градус негативных настроений. В 1893 г. епархиям последовал указ Синода, разъясняющий правила взаимодействия духовенства с прихожанами по части обеспечения первого в условиях роста саботажных настроений в народе. Судя по тексту документа, клирики для купирования этой негативной тенденции все чаще обращались не к церковным, а к гражданским властям, как обладавшим реальными рычагами воздействия на подданных. Однако, с точки зрения синодальной бюрократии, такой подход расценивался *«крайне нежелательным»*⁸⁰⁰. Взамен обозначенных духовенству настоятельно вменялись методы нравственного увещевания прихожан, а, в случаях возникновения проблем, обращения в епархиальные администрации с целью их решения менее конфликтными и жесткими способами.

⁷⁹⁸ Покорнейший рапорт благочинного 3-го округа Казанского уезда села Алат священника Павла Измайлова (1904) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118579. Л. 181 об.

⁷⁹⁹ Рапорт благочинного 1-го округа Лаишевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 186.

⁸⁰⁰ Известия по Казанской епархии. 1893. № 3. С. 98.

*«Вот мои доходы!» – подводил неутешительный итог один из упомянутых священников. Смею думать, что меня не укорят в неискренности: я показал все, что получаю. Достаточно ли этого обеспечения для меня, человека семейного, живущего в собственном доме, об этом предоставляю судить тем, кто сколько-нибудь понимает условия сельской жизни и домашние и должностные потребности священника; скажу только, что одной одежды я изношу вдвое больше в этом приходе, нежели в том, где другие территориальные условия»⁸⁰¹. Закономерно, что такая ситуация способствовала не только росту противоречий с крестьянами, но и усилению конкуренции между членами причтов, порой доводя ее до крайности. И действительно, корреспонденты бюро В. Н. Тенишева, по ходу своих экспедиций соприкасавшиеся с приходской жизнью, единогласно утверждали, что *«идут беспрестанные раздоры, доходящие иногда до всеобщей свалки... Раздоры эти возникают на почве дележа доходов и земли»⁸⁰²*. И такая картина наблюдалась повсеместно⁸⁰³.*

Впрочем, приходской клир отнюдь не представлял собой имущественный монолит и палитра уровней его благосостояния даже в обозначенных условиях, была довольно пестрой. Экономическая состоятельность священно- и церковнослужителей зависела от целого ряда переменных, таких как наличие семьи, многодетность, территориальные особенности прихода и др.⁸⁰⁴. Существенной разницы между сельскими и небольшими городскими приходами вплоть до конца пореформенного времени не было, а их причты испытывали идентичные проблемы с той лишь разницей, что городское духовенство до начала XX в. объективно не имело возможности дополнительно кормиться с приходской земли и содержалось исключительно за счет более состоятельных прихожан.

⁸⁰¹ Известия по Казанской епархии. 1868. № 16. С. 453.

⁸⁰² Русские крестьяне. Казанская губерния. Указ. соч., с. 322.

⁸⁰³ См., напр.: Дело о нетрезвости священника села Шумжеваш Ядринского уезда Никольского и о низведении в помощники настоятеля (1872) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1 Д. 4. 12 л.

⁸⁰⁴ Покорнейший рапорт благочинного сельских церквей Казанской Духосошестввенной церкви священника Иоанна Черкасова (1879) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 111. Д. 5. Л. 203.

Вместе с тем, по мере распространения капиталистических отношений, в углубление имущественной дифференциации клира стала вносить вклад экономическая специализация поселений: земледельческие, торговые, фабричные⁸⁰⁵. Вследствие оттока части крестьян в поисках лучшей доли в крупные и богатые промышленные и торговые центры, редееющее трудоспособное уездное городское и сельское население все менее было в силах содержать свое духовенство⁸⁰⁶. Постепенно это привело к тому, что в социально-правовом плане более статусное духовенство, фактически оказывалось ниже своей непривилегированной паствы, что отражалось на облике всего его быта. Благочинный Лаишевского уезда Александр Скворцов рассуждал (1871 г.): *«Считаю нелишним коснуться материального положения духовенства и домашней его обстановки. Домашний быт духовенства при нынешней дороговизне на все необходимое для жизни вообще весьма неудовлетворителен. В лучшее время духовенство пользуется жалованием от казны, землею, ругою, хлебными сборами и денежными доходами от прихожан за разные требоисправления. О недостаточности жалования, на которое, между прочим, указывают прихожане как достаточное обеспечение, мною было говорено и писано. Всякий сельский писарь жалование получает большее, чем сельский священник в первоклассном приходе...»*⁸⁰⁷.

Сравнивая положение сельского духовенства и тех выходцев из духовной семинарий, которые не связали свою судьбу с церковью, пастырь отмечал, что многие из последних неплохо, а порой и весьма прочно устроились в жизни. Этот контраст в среде представителей одного социального класса не мог укрыться от глаз даже рядового обывателя, не посвященного в тонкости приходской экономики. Тем временем, всеобщая осведомленность о имевшем месте неравенстве,

⁸⁰⁵ Рапорт благочинного 2 округа Мамадышского уезда священника Константина Богоявленского (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 12 об.

⁸⁰⁶ Отчет благочинного Свияжских городских и сельских уезда оного благочиннических церквей протоиерея Петра Фалькова (1874) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 133 об.

⁸⁰⁷ Рапорт благочинного 1-го округа Лаишевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 185.

порождала зависть и напряжение в причтах, выдвигая на передний план межличностные противоречия. Несложная калькуляция средних штатных доходов, которую приводит священник Скворцов, завершается еще одним неутешительным выводом: причетник в большом приходе получает столько же, сколько священник в малом. *«Естественным и неизбежным следствием такого порядка является крайняя бедность священно-церковнослужителей, отражающаяся на всем домашнем быте»*⁸⁰⁸. Последний не мог похвастаться не только состоятельностью и лоском, но хотя бы основательностью и скромной упорядоченностью. Описывая стандартное жилище сельского пастыря и образ его владельца, о. Скворцов откровенен: *«Помещения их, за редким исключением, весьма тесные и, по неимению, и за дороговизною, кров без надмокающего отопления, холодный, сырой и угарный. Одежда, особливо у причетников, весьма неблаговидна. Некоторые священники поэтому стесняются брать с собой причетника в дом помещика, когда идут к нему по делам службы. Это было, например, в Масловке... и в других местах, где причетники имеют только по одному полукафтани, в которых пребывают бессменно в праздники и в будние дни: и в церкви, и дома, и везде, где придется быть»*⁸⁰⁹. Пища клира по скудости подстать жилищу. Некоторые причетники *«продовольствуются по несколько дней одним черным хлебом, который зачастую занимают у соседей крестьян. <...> Вследствие бедности, некоторые священники не могут дать должного образования своим детям в учебных заведениях»*⁸¹⁰. С безрадостными выводами пастыря в целом были солидарны и благочинные других округов – мамадышского⁸¹¹, чистопольского⁸¹² и т.д. И это при том, что тот же Чистополь, имевший выгодное положение на р. Каме, был одним из крупнейших и состоятельных уездных центров губернии,

⁸⁰⁸ Рапорт благочинного 1-го округа Лаишевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 186 об.

⁸⁰⁹ Там же.

⁸¹⁰ Там же, л. 187.

⁸¹¹ Рапорт благочинного Мамадышского уезда села Красной Горки священника Евгения Антенорова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 217 об.

⁸¹² Рапорт Чистопольского Николаевского Собора протоиерея Тихона Рождественского // Там же, л. 345.

осуществлявших торговлю хлебом. Но если здесь ситуация была далека от благополучной, то об отдаленных и малолюдных приходах говорить в принципе не приходится⁸¹³.

И все же, в представленной картине кроется ряд нюансов, позволяющих скорректировать и усложнить видение рассматриваемой проблемы, и тем самым приблизиться к адекватному пониманию некоторых причин столь безрадостного положения дел и сопутствовавших ему финансовых злоупотреблений духовенства.

Одна из ключевых составляющих обозначенных противоречий заключалась не столько в наличии у храмов средств как таковых, и даже не в их размере, а в доступе к ним и возможности каждого члена причта свободно распоряжаться положенной ему частью. Парадоксально, но, согласно источникам, причты далеко не всегда торопились получить положенное им от государства жалование даже в те периоды, в которые оно имело место и выплачивалось стабильно. Происходило это, прежде всего, по их собственной вине. Указания на это встречаются в официальных печатных органах за весь пореформенный период⁸¹⁴. Кроме того, даже там, где получение средств все же осуществлялось, делалось это несвоевременно и с задержками до года и более. На этом основании епархиальные власти делали по своему парадоксальный вывод: *«причты, не требующее жалованье в продолжение года и более, не имеют особенной нужды в положенном им от казны содержании»*⁸¹⁵.

Но, едва ли дело обстояло именно так. Часто поступавшие от государства средства, скапливались на счетах волостного казначейства, тогда как впоследствии случалось, что причты начинали требовать разовую выдачу в значительных размерах. Это приводило к тому, что на руках у благочинных и настоятелей

⁸¹³ Позднейшие донесения священника А. Скворцова свидетельствуют, что и через десятилетие ситуация не улучшилась. В 1880 г. пастырь констатировал: «Эту безотрадность своего положения одни переносят равнодушно, другие высказывают недовольство прихожанам и выражают большее желание прихожанам за свой труд, вследствие чего добрые отношения между пастырями и пасомыми нарушаются» (Рапорт священника Александра Скворцова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 112. Д. 4. Л. 126).

⁸¹⁴ Известия по Казанской епархии. 1868. № 18. С. 498–499; 1869. № 15. С. 455–456; 1888. № 17. С. 463 и т.д.

⁸¹⁵ Там же. 1890. № 22. С. 533.

оказывались крупные суммы. Между тем, в консисторию своевременно и в полном объеме не предоставлялись отчетные документы о полученных средствах. Последняя регулярно сетовала на неискоренимость обозначенной практики, поскольку она закономерно вносила путаницу не только в епархиальную финансовую отчетность, но и в прозрачность картины операций на местах, создавая благоприятную возможность *финансовых злоупотреблений со стороны должностных лиц.*

Махинации с церковными деньгами могли осуществляться как государственными чиновниками без участия духовенства, так и в связке с его представителями, имевшими соответствующие полномочия. В одном из указов Казанской духовной консистории за 1890 г. встречаем сетование епархиальной администрации на расплывчатый характер предоставленных ей отчетных документов: *«Благочинные епархии, за весьма редким исключением, вопреки распоряжениям Епархиального Начальства, представляют в Консисторию донесения причтов о получении ими казённого жалованья несвоевременно, не вместе от всех подведомственных им причтов, а по частям и при том часто с такими ведомостями, из которых не видно, сколько именно получено причтами жалованья, почему именно и сколько каким-либо причтом не получено и сколько ассигнованного жалованья осталось в казначействе, причём и большинство представляемых благочинными рапортов причтов о получении ими жалованья содержат в себе лишь сведения о том, что таким-то причтом жалованье получено сполна, а сколько именно получил каждый из членов причта и за какое именно время — того не обозначается»*⁸¹⁶. Безусловно, при анализе данного вопроса нельзя исключать хроническую делопроизводственную неряшливость благочинных и настоятелей, перманентно фиксируемую источниками. Тем не менее документы одновременно указывают на принципиальную несводимость этой проблемы исключительно к халатности.

⁸¹⁶ Известия по Казанской епархии. 1890. № 22. С. 531–532.

На практику вольного распоряжения средствами и имуществом приходов благочинными указывает одно из весьма интересных дел⁸¹⁷. По сообщениям диакона Спасской церкви Чистопольского благочиния, причту принадлежала сельскохозяйственная земля. Однако пользоваться ею для выращивания продуктов клир не мог – благочинный Рапидов, движимый меркантильными интересами, сдавал ее в аренду, а вырученные средства оставлял себе. Интересно, что более 10 лет причт покорно не поднимал эту тему перед епархиальной администрацией. Позиция же настоятеля, со слов диакона, была непоследовательной, объяснением чему могли служить только чрезмерная опасливость священника или его соучастие в неблагоприятных поступках благочинного. Поскольку же кроме диакона данный вопрос никого из прочих членов причта не заботил, донесение священнослужителя было признано безосновательным и дело закрыли.

Однако штат благочинных был не столь велик, а масштабы злоупотреблений на этом уровне, в силу информативной ограниченности источников, с трудом поддаются оценке. Более того, следует отметить, что архивы не содержат (или не сохранили) ни одного специального следственного дела в отношении финансовых злоупотреблений этих представителей духовной иерархии. Однако обозначенный факт сам по себе мало, о чем говорит. Дело в том, что документально куда более явно названная проблема проступает в делах *настоятельского уровня*, поскольку последние выступали ключевым звеном в распоряжении приходскими доходами. И здесь анамнез нестроений выглядит довольно внушительным, вовлекая в свою орбиту и благочинных, и церковных старост, – т.е. тех лиц, которые в силу определенных им прав, имели доступ к приходским средствам. Приведем пример (1875)⁸¹⁸.

Настоятель сельской церкви Мамадышского уезда священник Богоявленский был заподозрен вторым священником Агеносовым в «растрате» приходских денег.

⁸¹⁷ Дело о неотдаче благочинным Рапидовым диакону Чистопольской спасской церкви Григорию Казанскому должной части из денег, вырученных первым за землю (1860–1869) // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5572. 5 л.

⁸¹⁸ Дело о растрате церковной суммы и имущества священником села Абдей Богоявленским // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6906. 81 л.

Говоря иными словами, доноситель в консисторию инкриминировал своему сослуживцу крайне свободное и безотчетное распоряжение общими суммами, что подробно и описал в серии рапортов⁸¹⁹. Разбирательство было поручено благочинному Ястребову. Однако о. Агеносов жаловался, что следователь медлил с дознанием, а когда все же приступил к процедуре, то провел ее формально. Все это убедило его во взаимозависимости интересов настоятеля прихода, благочинного и церковного старосты⁸²⁰. Судя по сообщениям, о. Богоявленский превратил нецелевой расход приходской казны в настоящее коллективное предприятие. При этом священник Агеносов сетовал епархиальным властям на отсутствие благоговения к церкви у перечисленных должностных лиц, что и могло стать причиной злоупотреблений: *«Приближенный о. Богоявленского староста Семен Иванов своими действиями окончательно надсмехается над всяким благочинием и порядком: во время всего Богослужения, даже Литургии – сидит, не поднимается и на видном месте; в свою дневальную оставляет церковь без всякого караула, а иногда по зову через колокол является с ключом о. Настоятеля жена сего сторожа; иногда уходит домой во время самой топки печей в Церкви и сторож; заставляет топить печи несовершеннолетнего сына своего не бывая сам при том в Церкви...»*⁸²¹.

Тем не менее в ходе долгих разбирательств консистория не нашла оснований для наказания о. Богоявленского и прочих членов причта. И дело было, вероятно, не в том, что таковых не имелось вовсе, – о. Агеносов старался подкреплять свои доводы конкретными аргументами. Очевидно, срабатывал тот же дисциплинарный принцип, что и в предыдущем деле: духовные власти не склонны были вставать на сторону единственного на приходе правдолюбца, даже если его претензии и были обоснованы. Такая позиция, в той или иной степени, способствовала сохранению единства и устойчивости ключевых епархиальных единиц, каковыми являлись

⁸¹⁹ Покорнейший рапорт Мамадышского уезда села Абдей 2-го священника Семена Агеносова его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Антонию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и разных орденов кавалеру // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6906. Л. 4 об.

⁸²⁰ Там же, л. 9 об. – 10.

⁸²¹ Там же, л. 9.

приходы, даже если за это и приходилось платить определенную этическую, правовую и финансовую цену. Кроме того, те же церковные старосты зачастую состояли из людей экономически предприимчивых, приносивших немалый доход. И ценность таких кадров в глазах епархиальной администрации могла брать вверх.

Впрочем, имя благочинного Ястребова всплывало в следственных документах и ранее в рамках той же самой должностной кооперации, раскрывающей схему финансовых злоупотреблений. Священник Космодемьянской Тихвинской церкви Яков Виноградов писал архиепископу в Казань: *«Неоднократно я доносил местному отцу благочинному священнику Гавриилу Ястребову о том, что церковный староста Тихвинской церкви 3-й гильдии купец Иван Балаев месячные выписки сумм церковных делал неправильно; самовольно расходовал церковные деньги, записывал статьи прихода и расхода церковных неверно; доносил потом, что тот Балаев с крестьянина Ивана Горшенева, которого прихожане избрали в помощники Балаеву, взял деньги и без согласия прихожан поручил продажу свеч и сбор денег по церкви мещанину Петру Михайлову Пряхину... Но отец благочинный священник Ястребов <...> все мои справедливые донесения оставлял без внимания. А в угодность старосте Балаеву отпустил без должного замечания... не запросил Городническое правление о том, не состоит ли Балаев под следствием... Из церковной суммы благочинный выдал Балаеву деньги за свечи, купленные им будто бы за собственный капитал»⁸²².* Между тем, староста действительно проходил в полицейском правлении как подозреваемый по одному из дел, связанных с денежными махинациями. Но это не стало аргументом ни в глазах благочинного, ни консистории. Священник Виноградов был признан жалобщиком и клеветником. Однако, в силу того, что дело растянулось на несколько лет, наказание потеряло всякий смысл⁸²³.

⁸²² Покорнейший рапорт города Космодемьянска Тихвинской церкви Якова Виноградова его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и разных орденов кавалеру // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5558. Л. 46–47.

⁸²³ Журнал Казанской духовной консистории от 20 февраля 1874 г. // Там же, л. 88.

Справедливое распределение приходских доходов между членами причтов при таком отношении клириков друг к другу действительно было затруднено, а анамнез конфликтов на этой почве, нашедших отражение в архивах, весьма внушителен. Вот только некоторые примеры. В 1861 г. в селе Бирюли возник конфликт, связанный с невыплатой настоятелем жалования и части доходов местному причетнику⁸²⁴; в 1874 г. дьякон села Устья обвинил настоятеля в присвоении положенных ему средств⁸²⁵; в 1905 г. псаломщик села Луцкое Федор Смелов по окончании утрени объявил священнику, что он не будет подписываться под отчетными документами, *«ведущимся будто бы священником не правильно с тою целью, чтобы ему удобно было «воровать... а концы в воду прятать»*⁸²⁶. Примечательно, что по данному случаю клирик даже написал жалобу в Синод. Однако наиболее показательным, с нашей точки зрения, следует считать дело «О неотдаче священником села Сотникова Феодором Целерецким причитающиеся части дохода диакону того села Павлу Милонову в количестве 100 руб.»⁸²⁷, раскрывающее трагизм и сложность конфликтов, разгоравшихся на финансовой почве.

Диакон Милонов обратился в духовную консисторию с жалобой на своего настоятеля священника Целерецкого о невыплате ему положенного жалования и прочих ограничениях, регулярно налагаемых последним на священнослужителя. Клирик просил *«расположить Федора Целерецкого к добросовестному удовлетворению <...> текущими доходами хотя из христианского милосердия и сострадания к <...> нищете, если он, священник Целерецкий, не хочет исполнять сего долга из уважения к закону... С означенного времени священник Целерецкий прекратил (вести) братскую тетрадь, в которую вписывались доброхотные даяния за требоисправления и разные молитвословия. И по настоящее время при*

⁸²⁴ Дело о неразделе жалования священником села Бирюлей с дьячком Шумиловым // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5560. 26 л.

⁸²⁵ Дело о злоупотреблениях по церквам села Устья // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6819. 18 л.

⁸²⁶ Рапорт благочинного церквей 1-го округа Цивильского уезда протоиерея Александра Васильевского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. Л. 35 об.

⁸²⁷ ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5592. 77 л.

нашей Церкви в <...> нарушение 40 пункта Благочиннической инструкции не имеется ни братской кружки, ни братской тетради. Из такового порядка само собою усматривается, до какой степени священник Целерецкий стесняет участь мою (Милонова – А. Х.)»⁸²⁸. Милонов, кроме прочего, сообщал, что настоятель утаивал требы в целях монополизации дохода. Для проверки приведенных фактов священнослужитель предлагал консистории провести ревизию метрических книг и прочих финансовых документов прихода.

Ситуация с невыплатой жалования и иными злоупотреблениями со стороны Целерецкого дошла до того, что семейство диакона стало откровенно голодать. Никакие уговоры и даже требования благочинного нормализовать жизнь на приходе и уравновесить распределение доходов на о. Целерецкого не действовали. «...Благочинный, вследствие убедительных моих просьб, прислал... со мною священнику приказ, который получив я с распискою, вручил ему, Целерецкому, в Церкви при причетниках. Но он, несмотря на сие, не возвратил мне удержанную им часть моего дохода и до сего времени», – сетовал отчаявшийся Милонов⁸²⁹.

Однако, как ни пытался благочинный в ходе дознания вызвать священника Целерецкого на допрос, тот трижды под разными предлогами уклонялся от поступавших к нему уведомлений⁸³⁰: «Явиться в село к 27 числу сего июня не могу, потому что я теперь занимаюсь приготовлением проповеди»⁸³¹. Позиция ответчика строилась на упорном отрицании инкриминируемых ему обвинений и встречной дискредитации Милонова как злонамеренного доносителя⁸³². Между тем, диакон высказывал опасения, что при таком течении дела правосудия добиться

⁸²⁸ Покорнейшее прошение Чебоксарского уезда села Сотникова диакона Павла Милонова его высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Свяжскому и кавалеру // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5592. Л. 2.

⁸²⁹ Ответ его Высокоблагословию о. Благочинному Цивильского уезда села Шихазанова священнику Виктору Иванову Богатыреву диакона Чебоксарского уезда села Сотникова Павла Милонова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5592. Л. 6–7.

⁸³⁰ Рапорт благочинного священника Цивильского уезда села Шихазанова Виктора Богатырева в Казанскую духовную консисторию от 31 сентября 1862 г. // Там же, л. 4.

⁸³¹ Уведомление благочинного Цивильского уезда села Шихазанова священника Виктора Ивановича Богатырева // Там же, л. 56.

⁸³² Ответы благочинному Чебоксарского уезда Мариинского посада священнику Михаилу Самуилову того ж уезда села Сотникова священника Федора Целерецкого // Там же, л. 10 об.

будет невозможно. Сложности крылись и в духовном родстве священника с местными причетниками. Поэтому последние, вопреки закону и христианской совести, могли дать ложные показания в пользу Целерецкого *«как своего родственника и Настоятеля – как человека богатого и сильного, от которого зависит почти вся счастливая или бедственная участь всех членов причта»*⁸³³. Едва ли эти опасения были беспочвенны, поскольку настоятели обладали широким набором способов воздействия на непокорных членов причта⁸³⁴.

Тем не менее в рассматриваемом случае духовная консистория приняла справедливое решение, чему в немалой степени способствовала принципиальная позиция благочинного Васильева. Священник Целерецкий был признан виновным и обязывался выплатить своему диакону 66 рублей удержанных средств. Однако на постановление о. Целерецкий *«отозвался так: он, священник Целерецкий, диакону своему Милонову должником не состоит и вообще взыскиваемых по указу денег уплачивать не считает себя обязанным, о чем подан де будет им Начальству отзыв»*⁸³⁵. Но церковно-административный орган вменил взыскать сумму из жалования настоятеля. В итоге, спустя 10 лет (!) диакон Милонов получил свой законный заработок⁸³⁶.

Мотивы подобной несправедливости со стороны настоятелей, впрочем, не всегда могли упираться исключительно в эгоистическую жажду наживы и личного обогащения за счет своих подчиненных. Доступ к распределению приходских денег иногда расценивался как способ укрепления субординации и дисциплины на

⁸³³ Покорнейшее прошение Чебоксарского уезда села Сотникова диакона Павла Милонова его высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Свяяжскому и кавалеру // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5592. Л. 7.

⁸³⁴ Русские крестьяне. Казанская губерния. Указ. соч., с. 100.

⁸³⁵ Рапорт благочинного сельских церквей Чебоксарского уезда священника села Яндашева Петра Васильева в Казанскую духовную консисторию от 13 июля 1867 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5592. Л. 74 – 74 об.

⁸³⁶ Справедливости ради, следует сказать, что финансовые ограничения были налагаемы настоятелями в связи с тем, что некоторые клирики попросту растрачивали собственное жалование, влезали в долги у причта и прихожан, чем расстраивали благополучие приходов. Исходя из этого, на некоторых приходах в частном порядке предпринимались меры по ограничению доступа некоторых служителей к положенным им суммам (см., напр.: Дело о нетрезвой жизни диакона села Флорова-Ясака Иоанна Комарова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7159. 27 л).

приходах, либо инструмент сведения счетов с тем или иным неудобным клириком. И, хотя, согласно Уставам духовных консисторий, архиереи выступали гарантами недопущения подобных злоупотреблений на местах, равно как и баланса доходов среди членов причта, на практике случались ситуации самые разнообразные. При этом, как и в прочих случаях, в наиболее уязвимом положении оказывались причетники⁸³⁷.

Интересно, что использование финансового рычага как фактора разрешения межличностных и групповых противоречий использовалось не только приходским духовенством, но и в монашеской среде. В 1905 г. в Зилантовом Успенском монастыре г. Казани возник конфликт между настоятелем игуменом Феокистом и казначеем Варнавой⁸³⁸. Согласно донесению архиепископу, иеромонах Варнава получил по доверенности игумена проценты по банковским билетам на крупную сумму. Эти проценты подлежали разделу между братией за поминовение живых и усопших согласно воле жертвователей в обитель. Однако случилось непредвиденное. *«Билеты, по коим получены проценты, казначей мне возвратил, но самые проценты не отдал. Когда я их потребовал от него, то он сказал, что проценты наличными деньгами были мне отданы вместе с билетами; между тем, как хорошо я знаю и помню, он их мне не отдавал»*, – писал инок⁸³⁹. Следствие не смогло точно установить, куда исчезли деньги и действительно ли виноват в инкриминируемом преступлении казначей. Тем не менее умудренный опытом следователь протоиерей Михаил Меньшиков, склонялся к той точке зрения, что

⁸³⁷ Социальные противоречия подобного плана неоднократно становились предметом социально-психологических исследований. Было установлено, что ключевую роль здесь играл фактор предрасположенности субъекта деятельности в пользу самого себя. Так, руководители в массе считали, что в силу статуса, им априорно позволено несколько больше, чем остальным, более низкостатусным членам коллектива. Самовосприятие имело существенное значение и в контексте размеров вознаграждения за труд. Установка на исключительность собственных способностей или особую роль в успехах группы порождает завышенные ожидания и требования, а, в случае их неудовлетворения, напряжение, зависть и конфликты (см., напр.: Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2002. С. 101).

⁸³⁸ См.: Дело о Казначее Казанского Успенского Зилантова монастыря иеромонахе Варнаве по обвинению в утайке денег // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120399. 30 л.

⁸³⁹ Рапорт настоятеля Казанского Успенского Зилантова монастыря игумена Феокиста его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Дмитрию, архиепископу Казанскому и Свияжскому от 12 мая 1905 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120399. Л. 4 – 4 об.

иеромонах Варнава организовал это нечистоплотное дело с целью причинения неприятностей нелюбимому им игумену: «...не совсем добрые чувства его к игумену не раз просились наружу во время следствия»⁸⁴⁰.

В целом, пристальный анализ перечисленных явлений позволяет вполне обоснованно интерпретировать их как *кражу*. Граница между сознательным финансовым ограничением сослуживцев посредством присвоения положенных им средств, или сокрытие их с целью дискредитации, и обычным хищением в действительности условна и заключается лишь в терминологических нюансах. К примеру, так со слов современников выглядело обычное воровство: «1902 года марта 13 дня церковный караульщик Василий Курсин заявил обществу на Денисова, что, находясь с Денисовым в церкви, предложил Курсину выйти в сторожку и сам вышел с ним курить. Накурясь табаку, пошел в Церковь, а Курсину предложил не ходить. Через несколько минут Курсину явилось в голову сомнение, пошел в церковь, потихоньку отворил церковную дверь. «Слышу, кружкой брякнуло, слышен отголосок денежной монеты...»⁸⁴¹. Различия здесь просматриваются лишь в нюансах и обстоятельствах деяния, но не в сущности поступка как такового. И здесь мы упираемся в правовую проблему, которая задавала фон всей рассматриваемой порочной практике.

Парадоксально, но в каноническом праве по части регулирования финансовых аспектов жизнедеятельности церкви существовали серьезные пробелы. Если исходить из норм канонов, то обозначенные злоупотребления духовенства лишь с долей условности могли квалифицироваться как *татьба* – хищение чужого. При этом санкции за нее строго не были определены и варьировались в пределах мер духовного воздействия (отлучение от причастия и проч.), принуждения к благотворительности и т.п. Хотя по традиции наказание и

⁸⁴⁰ Записка из дела о непредоставлении казначеем Казанского Успенского Зилантова монастыря иеромонахом Варнавой полученных им %% по билетам Государственной комиссии погашения долгов в количестве 137 руб. 39 коп. настоятелю Зилантового монастыря игумену Феоктисту // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120399. Л. 30 об.

⁸⁴¹ Покорнейшее прошение Введенской церкви села Сокольных-гор Мамадышского уезда прихожан его Преосвященству Преосвященнейшему Иоанну, епископу Чебоксарскому // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 134. Д. 62. Л. 3.

дифференцировалось в зависимости от того, кем было совершено злоупотребление – духовным лицом или мирянином⁸⁴². Нормы Уложений о наказаниях, со своей стороны, хоть и затрагивали в правовом ключе аспекты церковных хищений, но не распространялись на причты, поскольку последние находились в юрисдикции духовных властей. Архиереи же и консистории руководствовались нормами канонического права и церковного законодательства. В последнем финансовые нарушения также не были детализированы, а давалась лишь общая установка на принципиальное внимание священноначалия к обозначенному кругу вопросов и мерах воздействия на лиц, их допустивших⁸⁴³. Иными словами, постулировалось, что под контролем находились все без исключения финансовые операции приходов. Непорядок при их ведении мог караться, к примеру, денежными штрафами или выговорами⁸⁴⁴. Однако приходские ревизии случались довольно редко и по определенным обстоятельствам, тогда как изолированность и удаленность массы приходов давала широкий простор для вольностей начальственных лиц на местах. Кроме того, расплывчатый характер канонических и законодательных норм не способствовал закреплению и активной культивации практики регулирования данного вопроса строго правовыми методами. Как следствие, в повседневности гораздо большее влияние приобретала неправовая нормативная культура.

⁸⁴² Милованов И.М. Указ. соч., с. 98.

⁸⁴³ Устав духовных консисторий: утв. 27 марта 1841 г. СПб., 1841. Ст. 147. С. 56.

⁸⁴⁴ Устав духовных консисторий: [утв. 9 апр. 1883 г.]. СПб., 1883. Ст. 192. С. 75.

В случае утраты по тем или иным причинам приходских средств, санкции со стороны епархиального начальства оборачивались штрафами, возмещение которых возлагалось на плечи членов причтов. К примеру, прямое указание на это находим на страницах официальной епархиальной периодики за 1891 г. «Определением казанского Епархиального Начальства, от 20/25 октября 1890 года, по делу о похищении из церкви села Бишева, Тетюшского уезда, неизвестными злоумышленниками 160 рублей 78 коп. наличных церковных денег, между прочим, постановлено: с священника села Бишева Павла Сперанского, псаломщика Стефана Любимова и церковного старосты, крестьянина Тимофея Афанасьева, хранивших в своей церкви наличных церковных денег свыше 100 рублей, вопреки неоднократно и строго подтверждавшихся предписаний, как Епархиального Начальства, так и Св. Синода, взыскать в пользу церкви все незаконно хранимые ими в оной 160 рублей 78 коп., разложив эти деньги на священника и псаломщика пропорционально получаемых последними доходов и приравняв при этом церковного старосту к священнику» (Известия по Казанской епархии. 1891. № 1. С. 1–2).

В рамках рассмотрения заявленной проблемы нельзя упускать из поля зрения и фактор социокультурной среды. Говоря иными словами, немаловажным представляется вопрос о том, как смотрело на финансовые злоупотребления в церкви крестьянство.

В Казанской губернии крестьяне, согласно обычаю, различали разбой, грабеж и кражу⁸⁴⁵. И если первые два они воспринимали однозначно негативно, то отношение к кражам зависело от того, при каких обстоятельствах она совершалась. Если по острой нужде, то реакция была более снисходительной⁸⁴⁶. Аналогичная позиция наблюдалась и в случаях, когда вор был ведомым, а не действовал спонтанно и самостоятельно. Тем не менее, когда дело затрагивало церковное имущество, то народ однозначно квалифицировал такие деяния не просто как кражи, но и как *святотатство*. При этом крестьяне сознательно не разграничивали кражу финансовых средств и богослужебных атрибутов, что характерно для той же канонической традиции. Их позиция упиралась в сакрализацию любых материальных вещей, в том числе и денег, если они были связаны с религиозной сферой. Как отмечает А. А. Панченко, значение символической и коммуникативной роли денег для русского крестьянина было весьма велико: *«Можно сказать, что под определенным углом зрения деньги служили актуальным и надежным средством сообщения с иным миром, связывая последний с владельцем или дарителем денег невидимой нитью»*⁸⁴⁷. За их похищение из церкви непременно должна была следовать божественная кара. *«Народ непременно соединяет с этим преступлением о каре Божьей в тех случаях, когда, напр., староста церковный, воруя незаметно и постепенно из церкви деньги, приобретает на них хорошую одежду, дом, скот, землю и потом в наказание за это еще при жизни лишается всего этого»*⁸⁴⁸. Но, как видим, в клире имело место отношение и более пластичное.

⁸⁴⁵ Русские крестьяне. Казанская губерния. Указ. соч., с. 269.

⁸⁴⁶ Там же, с. 270.

⁸⁴⁷ Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святые Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998. С. 87.

⁸⁴⁸ Русские крестьяне. Казанская губерния. Указ. соч., с. 269.

Предпринятая постановка вопроса, таким образом, прямо ставит нас перед проблемой религиозной благоговейности части духовенства перед сакральным пространством церкви во всей его полноте и атрибутах. И здесь мы воочию видим, что всевозможные «мирские» элементы в принципе не могли не проникать в границы церковной ограды⁸⁴⁹. Злоупотребления пастырей как будто обуславливалось самим ходом повседневной жизни. Ухудшающееся экономическое положение и обострение в связи с этим конкуренции за ограниченные ресурсы, «обмирщали» индивидуальное сознание пастырей, снижая этические барьеры, и стимулируя распространение порочных практик. Принципиально важным здесь будет заключение, что экономическая конкуренция была явлением отнюдь не церковным, а общесоциальным. Между тем, ежедневное и монотонное исполнение обязанностей, способствовало формированию у священнослужителей устойчивых стереотипов поведения, вытеснявших фундаментальные духовные ценности антиценностями. В складывавшейся таким образом модели, примат христианской нравственности нередко уступал место сугубо прагматическим подходам, исходившим из эффекта «*приспособления профессии к себе*»⁸⁵⁰.

Круг субъектов проблемы, впрочем, исключительно клиром не ограничивался. Одной из ее сторон неизменно выступали прихожане, в силу специфики организации государственного управления и общественной жизни, находившиеся в зависимости от церкви. Во взаимоотношениях причтов и

Корреспонденты бюро В.Н. Тенишева фиксировали, что различные несчастья с такими людьми действительно происходили, в чем видится актуализация коллективного бессознательного, работавшего на поддержание социо-нормативной системы сельского общества. В культурно-антропологической литературе описан широкий анамнез примеров таких психогенных несчастий и смертей, встречающихся в самых разнообразных культурах (см., напр.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.). В XX в. естественнонаучное обоснование данному феномену в середине XX в. дали американские физиологи У. Кеннон и К. Рихтер.

⁸⁴⁹ Сазонова Н.И. Сакральное и мирское в христианском храме: к проблеме границы и взаимодействия [Электронный ресурс] // ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2021. Вып. 1. С. 142–156. URL: https://praxema.tspu.edu.ru/files/praxema/PDF/articles/sazonova_n_i_142_156_1_27_2021.pdf (дата обращения: 17.06.2023).

⁸⁵⁰ Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. С. 63.

прихожан одной из узловых проблем являлось так называемое *вымогательство* со стороны отдельных представителей приходского духовенства. Примечательно, что указания на эту практику мы встречаем не только в этнографических источниках⁸⁵¹, но даже и в официальной епархиальной периодике, что свидетельствует об актуальности обозначенной проблемы в глазах современников.

Тем не менее следует пояснить, что под вымогательством в рассматриваемое время понималось не только противоправное изъятие чужого имущества под угрозой применения должностных мер воздействия, но и простое получение платы с прихожан за требоисполнения, осуществлявшееся «с нажимом». Как показывают документы, требоисполнениям нередко предшествовал торг между священником и заказчиками. Интерес церкви заключался в получении определенной платы, что само по себе не всегда было возможно хотя бы в силу того факта, что уровень благосостояния прихожан был разнообразный, и некоторые из них были неплатежеспособны. Такое «вымогательство» в среде самого духовенства в ряде случаев не порицалось. Не считалось оно недопустимым и тогда, когда речь заходила о получении руги и прочих натуральных взносов в пользу причтов, от которых напрямую зависело их выживание. Учитывая условия жесточайшей нужды и перманентные препирательства с крестьянами, вымогательства по местам и вовсе становились нормой для духовенства, хотя эксплицитно и унижавшей его достоинство. Тем не менее даже при сделанных оговорках отрицательный нравственный оттенок у этой практики сохранялся.

Синодальными указами 1845 и 1853 г. приходскому клиру повелевалось взимать плату с прихожан за услуги в строго фиксированных размерах, что в последующие годы неоднократно подтверждалось соответствующими постановлениями. Однако высочайшие распоряжения не могли переломить практику прагматичного отношения приходского духовенства к данному вопросу на практике. В Известиях по Казанской епархии за 1867 г. находим интересную интерпретацию проблемы архиепископом Казанским и Свияжским Антонием

⁸⁵¹ Русские крестьяне. Казанская губерния. Указ. соч., с. 102.

(Амфитеатровым). *«Вымогательство платы за требы с прихожан и вообще какого бы они происхождения ни были — русские или инородцы, — весьма много вредит добрым отношениям между причтами и прихожанами, раздражает прихожан против причтов, унижает причты в глазах прихожан, заставляет смотреть на пастырей не как на пастырей, а как на наёмников, а на священные требы, совершаемые для прихожан пастырями, не как на долг свой христианский, благотворительный и спасительный для них, а как на тяжкий оброк в пользу причтов, не говорю уже, что мздоимство за священные требы есть порок в причтах весьма богопротивный и строго воспрещаемый и словом Божиим и правилами церковными»*⁸⁵². Епископа заботило то, что неразумные пастырские поборы отталкивали «инородцев», до конца еще не утвердившихся в православной вере; порождали конфликты и недоверие к церкви. Поэтому благочинным было дано поручение об обязательном информировании архиерея о подобных случаях на местах⁸⁵³.

Вымогательство становилось предметом обсуждения и на съездах епархиального духовенства⁸⁵⁴. В силу неоднозначного восприятия данного явления, причты постепенно стали отказываться от практики традиционных «торгов». Так, в 1873 г. в Чебоксарском уезде на съезде духовенства в целях укрепления авторитета священства было постановлено за требоисполнения обязательную плату более не требовать, а ограничиваться «доброхотными даяниями»⁸⁵⁵. То же самое было сделано на съезде в Свияжском⁸⁵⁶ и Тетюшском⁸⁵⁷ уездах. Однако односторонние уступки причтов зачастую интерпретировались прихожанами как слабость и зависимость, что побуждало их к недобросовестности в отношениях с первыми. Так, в 1860 г. группа крестьян села Можарок Цивильского уезда обратилась с жалобой в консисторию на местного священника Петра

⁸⁵² Известия по Казанской епархии. 1867. № 20. С. 547.

⁸⁵³ Там же, с. 549.

⁸⁵⁴ Там же. 1875. № 7. С. 194–206.

⁸⁵⁵ Там же, с. 198.

⁸⁵⁶ Там же, с. 199.

⁸⁵⁷ Там же, с. 203.

Елистратова с обвинением в вымогательстве излишней платы за требы⁸⁵⁸. Однако, вопреки правилам, прошение было подано без организации схода и участия в инициативе большинства прихожан. В другом случае (1903) священник Георгий Васильев все же принужден был оправдываться. Судя по материалам дела, в силу неурожая, крестьяне были настроены едва ли не на безвозмездное требоисполнение. Но это ставило и без того бедный причт в безвыходное положение. *«Подобных случаев в моей, хотя непродолжительной практике, немало, – сетовал пастырь. Они могут подтвердить, что я лично при требоисправлениях не руководствуюсь чувством корыстолюбия... Конечно, совершенно отказываться от сборов и платы за требоисправления пока нет возможности, потому что материальная обеспеченность причта пока неудовлетворительная. А материальное благосостояние причта год от года больше и больше ухудшается. Причина, во-первых, постоянные, почти ежегодные неурожайи. Здесь главный доход причта составляли именно хлебные сборы. Во-вторых, уменьшение прихода за отделением от него селений в новые приходы»*⁸⁵⁹. Консистория, понимая сложность и неоднозначность ситуации, постаралась встать на сторону священника, постановив: *«...внушить священнику Григорию Васильеву быть более осмотрительным в отношении своих прихожан и не вызывать их на вражду к себе и на жалобы»*⁸⁶⁰.

Тем не менее имели место случаи действительных злоупотреблений со стороны священнослужителей⁸⁶¹. Один из таких инцидентов произошел в 1904 г. в Чистопольском уезде. Чувашский крестьянин Давыдов решил устроить брак сына,

⁸⁵⁸ Дело об излишнем требовании платы священником села Можарок Цивильского уезда Петром Елистратовым со своих прихожан за требоисправления // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5636. 2 л.

⁸⁵⁹ Объяснительная записка священника Николаевской церкви Спасского уезда Казанской епархии Георгия Васильева Высокопреосвященнейшему Арсению, архиепископу Казанскому и Свяжскому // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119511. Л. 3 – 4 об.

⁸⁶⁰ Там же, л. 6 об.

⁸⁶¹ Судя по документам, чаще всего незаконные поборы происходили в «инородческих» приходах, в особенности, среди чувашей – самой многочисленной нерусской православной общности губернии. Вероятно, это было связано со сравнительно более низким уровнем общественной культуры «инородцев», делавшей возможными различные злоупотребления русского духовенства.

«за что о. Павел просил 8 рублей... по неимению средств я ему предлагал за венчание 5 рублей и на украшение храма 50 копеек. Но он, священник, не согласился. И до сего времени живут у меня, просителя, молодые в моем доме, сводом, как будто бы раскольники»⁸⁶². По смыслу жалобы, на меньшую плату клирик не соглашался, поставив крестьянина в щекотливое положение, выход из которого последний нашел в обращение к епархиальному начальству. В ходе следствия благочинный сообщал архиерею нюансы дела: «Жалобщик стал говорить, что нужно венчать сына, а священник сказал: «Сказано тебе, торговаться нечего, ведь не скотина и стал пугать приставом, донесу приставу и он засадит в кутузку». Жалобщик испугался, поехал к приставу спросить его, правда ли, что посадит в кутузку? Но пристава дома не застал, а писарь сказал, что разбирать это дело не будет – это дело архиерея»⁸⁶³.

Но обвиняемый клирик уверял, что корень проблемы крылся в другом. Еще до официального вступления в брак молодые стали вместе жить у Давыдова. Пастырь внушал отцу семейства, что такое поведение в христианском обществе недопустимо и, более того, противозаконно, призывая покаяться и привести сына и невестку в храм для исповеди и причастия. Но последние так и не пришли, проведя при этом языческую свадьбу⁸⁶⁴. Благочинный подтверждал, что церковное венчание в этой местности вообще считалось необязательным, и крестьяне-чуваши нередко на нем попросту экономили. Консистерия приказала священнику немедленно обвенчать отступников безвозмездно⁸⁶⁵. Однако интересно, что репутация у священника действительно была не безупречна – отзывы о нем поступали *«не особенно лестные»*⁸⁶⁶.

⁸⁶² Прощение крестьянина Чистопольского уезда Старо-Мокшинской волости села Сунгилей Емельяна Давыдова архиепископу Казанскому и Чистопольскому Алексею // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119511. Л. 3.

⁸⁶³ Акт дознания // Там же, л. 4.

⁸⁶⁴ Акт дознания // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119511. Л. 5.

⁸⁶⁵ Журнал Казанской духовной консистории от 23 июля 1904 г. // Там же, л. 8.

⁸⁶⁶ Рапорт благочинного 2 округа Чистопольского уезда иерея Петра Касаткина в Казанскую духовную консисторию от 28 апреля 1904 г. // Там же, л. 2.

См. похожий случай: Дело о неприятных отношениях священника села Тетеева Василия Некрасова к местным прихожанам // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6704. 15 л. Священник заставлял

Внимание привлекает и другой случай, произошедший в 1863 г. в селе Орино Космодемьянского уезда. В неблаговидном поведении духовенства, против которого восстали крестьяне, оказался замешан весь состав причта. Благодичный перечислял его проступки: *«Из обид и притеснений заслуживают внимание следующие,*

1. *Сбор после Пасхи с каждого приходского двора мукою и яйцами, - первой весом полпуда, а вторых числом полтора десятка;*

2. *Насильственное священником Любимовым присвоение пятерых гусей взамен руги, следующей с крестьян Ефима Алексеева и Григория Семенова;*

3. *Уничтожение им же, Любимовым, иконы в огне, принесенной крестьянином Павлом Михайловым для освящения;*

4. *Получение им же Любимовым через вымогательство и угрозы от крестьянки Евдокии Семеновой за крещение младенца трех рублей на серебро деньгами и двенадцати аршин халатом;*

5. *Усильственноевытребование священником Жезловым 30 рублей с крестьянина Никиты Алексеева за употребление последним скоромной пищи в постное время;*

6. *Незаконное обращение диаконом Смирновым в свою пользу шести голов свиней и поросят, принадлежавших крестьянину Феодору Епифанову»⁸⁶⁷. «Такого нерасположения вполне заслужил Оринский причт, – заключил священник, – потому что все члены этого причта заботятся единственно только о своих материальных выгодах, а о насаждении в сердцах пасомых правил веры и благочестия и не думают еще. Прихожане же оринские, состоя из новокрещенных чуваш и блуждая еще во тьме неведения о православии, начинают чувствовать жажду в познании св. веры и усвоение ее истин; но, не видя со*

прихожан строить для него хороший дом, увеличено собирал продукты, а с каждой женщины – по две горсти кудели и шерсти.

⁸⁶⁷ Покорнейший рапорт благодичного Космодемьянского уезда села Чурмышева священника Михаила Кроковского его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Архиепископу Казанскому и Свияжскому и кавалеру // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5883. Л. 5 – 6 об.

стороны пастырей никакого удовлетворения своим потребностям, признают их единственно по этой причине вовсе бесполезными»⁸⁶⁸.

Как и полагается, консистория постановила организовать следствие и большой повальный обыск. Но начало мероприятий постоянно стопорилось. То подследственные выступали за отвод следователя, то свидетелей не оказывалось на приходе – находились в разъездах. В конечном счете, следствие все же состоялось. Но осуществлялись мероприятия не без курьезов. Так, причт, защищаясь, направил в Полицейское уездное управление ложный донос на строптивых крестьян, с сообщением будто бы те организовывали сходы не с целью удаления недобропорядочного клира, а политического бунта и свержения властей⁸⁶⁹. «Бунтарей» вскоре подвергли аресту. Однако, когда правда открылась, правящему архиерею пришлось принимать резкие послания от государственных органов.

Сами же виновники в инкриминируемых им преступлениях не сознались, заверяя, что все блага брали исключительно с согласия самих крестьян в счет руги, денежные подношения были добровольные, а икону и вовсе не сжигали – написана была «не искусно», потому и упрятана в алтарь. Консистория, и в этом случае растянувшая следствие на 10 лет, в конце концов постановила: поскольку с момента конфликта прошел значительный срок и жалоб на оринский причт от прихожан более не поступало, то последний был признан невиновным и от ответственности освобожден⁸⁷⁰. Так иногда даже острые и масштабные проблемы разрешались как бы «сами собой».

И тем не менее обозначенные противоречия постепенно набирали силу, достигнув пика в условиях революции 1905–1907 гг. Потрясения в стране обострили финансовый вопрос на селе до крайности: как в среде самих причтов, так и между духовенством и прихожанами, все более приобретая признаки

⁸⁶⁸ Покорнейший рапорт благочинного Космодемьянского уезда села Чурмышева священника Михаила Кроковского его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Архиепископу Казанскому и Свияжскому и кавалеру // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5883. Л. 6.

⁸⁶⁹ Уведомление Полицейского уездного управления г. Судебному следователю от 4 августа 1863 г. // Там же, л. 44 – 44 об.

⁸⁷⁰ Журнал духовной консистории от 6 февраля 1871 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1 Д. 5883. Л. 172.

классового антагонизма. Так, аккурат 1 мая 1905 г. один из сельских псаломщиков Федор Смелов открыто заявил о противоправных действиях своего настоятеля, терпеть которые он более не намеревался⁸⁷¹. Благочинный по этому случаю писал: *«выражает нелепые пожелания о равномерном разделе братских доходов, чем и обнаруживает свое заражение социально-коммунистическими тенденциями»*⁸⁷². Интересно, что дознание действительно выявило ряд злоупотреблений со стороны членов причта, но духовные власти на сторону Смелова все же не встали. Вероятно, чтобы тем самым не поддерживать его «социально-политические устремления».

В фонде Казанской духовной консистории сохранилось симптоматичное дело, повествующее о том, какие драмы разыгрывались в это время в приходских обществах на финансовой почве. К примеру, в одном из чувашских сел крестьяне составили приговор о нежелании более иметь у себя священника Филиппа Кувалдина за его грубое отношение и безудержные поборы. Прихожане действовали организованно и напористо, открыто противопоставляя себя церкви. Консистория отреагировала мгновенно. Выехавший на место благочинный, сообщал, что *«Он, о. Кувалдин, действительно, бывало, что за браки брал не только 10 руб. но и больше, особо получая от родителей брачующихся и за задолженную за несколько лет ругу, за выдачу предбрачных сведений – более 10 руб.»*⁸⁷³. Однако если раньше крестьяне готовы были терпеть такое поведение клирика, то революционные события положили их терпению конец⁸⁷⁴.

Интересно, как объяснял свое поведение сам священник. В рапорте благочинного находим по этому поводу: *«Со своей стороны могу сказать:*

⁸⁷¹ Дело с отчетами благочинных о состоянии церкви и приходов за 1905 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. 508 л.

⁸⁷² Рапорт благочинного церкви 1-го округа Цивильского уезда протоиерея Александра Васильевского // Там же, л. 36.

⁸⁷³ Рапорт благочинного 2-го округа Чистопольского уезда священника Петра Касаткина в Казанскую духовную консисторию от 5 мая 1905 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120345. Л. 2 об.

⁸⁷⁴ Примечательную информацию о стереотипах крестьян находим в этнографических источниках. Корреспонденты сообщали, что «крестьяне смотрят на духовенство как на людей, которые стараются всегда больше взять с него (ободрать с живого и мертвого, по их выражению) и которые только ими, крестьянами, и живут. И что всего больше ненавидят в духовенстве – жадность, что они никогда не бывают довольны и что им жить плохо» (Русские крестьяне. Казанская губерния. Указ. соч., с. 101).

священник о. Филипп Кувалдин – человек трезвый, богослужения совершает истово, а равно и требы; о храме божием заботится, оный благоукрашает. Заботится и о сбережении сумм церковных. Но, как бывший мужик-торговец, раскольник, он весьма расчетлив и в вознаграждении ему за «истовое совершение» требователен, а почему, все возможно, что он допускал вымогательство и требовательность при сборах. Он, о. Кувалдин говорит: мне дают, как же не брать? Но почему-то другим не дают. Должно быть дают все. Если не дать, добра дела не видать, а ругань слышат – посему и дают»⁸⁷⁵. Иными словами, отношения пастыря с прихожанами как раз и строились на том самом пресловутом «нажиме».

Однако, как ни странно, консистория признала о. Кувалдина невиновным и от наказания освободила. Причем, не только за вымогательство, но и прочие проступки. И причина такой позиции отнюдь не столь тривиальна, как может показаться на первый взгляд. В деле содержится примечательный документ, текст которого считаем уместным привести полностью. *«Из произведенного благочинным священником Касаткиным дознания видно, что настоящее дело представляет собой одно из ряда однородных с ним, возникавших с 1905 г. преимущественно в приходах с чувашским населением и имевших в своей основе возбужденный и поддерживаемый разного рода агитаторами вопрос национальный, а потому при дознании не производивший оное благочинный не мог выяснить действительности возведенных на священника обвинений, ни сами жалобщики должным образом доказать последних. Кроме того, взятые жалобщиками за исходные пункты случаи, если бы они и были, – явление обычное среди инородческих приходов, особенно чувашских и подводить их под категорию вымогательства нельзя, так как только этим моментом, – брак в семье, как более надежным, духовенство вынуждается пользоваться, чтобы пополнить свой, нередко нищенский бюджет недоимками с кулаков, сплошь и рядом укланяющихся, иногда рядом десятков лет, от аккуратного платежа духовенству и руги, и*

⁸⁷⁵ Рапорт благочинного 2-го округа Чистопольского уезда священника Петра Касаткина в КДК от 5 мая 1905 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120345. Л. 3.

вознаграждений за крестохождения. По всему видно, что эти случаи в обычаи были и среди эштебенкинцев <...>, и только в 1905 год навел их на мысль о протесте и притом только их 57 домохозяев и исключительно чувашей, но не затронул почему-то прочих 338 домохозяев, несомненно в практике обвиняемого, не представляющих исключения...»⁸⁷⁶. В месте текста, где шло указание на населенный пункт, был использован пробел, наличие которого указывает на то, что случай со священником Кувалдиным был взят за основу подготовки епархиального циркуляра, вменявшего благочинным при разбирательствах аналогичных дел руководствоваться обозначенным прецедентом.

Иными словами, в условиях роста народного недовольства церковные власти нередко вставали на защиту приходского духовенства даже путем оправдания некоторых его злоупотреблений. Последним придавался характер старинного обычая, а набравшие остроту противоречия, интерпретировались как инспирированные извне. Правящие архиереи и духовные консистории отчетливо видели тяжелое и постоянно ухудшавшееся экономическое положение причтов, но существенно повлиять на улучшение ситуации не могли. Поэтому действовали сообразно возможностям, привлекая для купирования конфликтов полицию, чем, однако, еще больше возбуждали в крестьянстве антиклерикальные настроения. Возможно, агитаторы в среде прихожан действительно имели место, однако приходится признать, что заметно менялись и представления самих крестьян.

Документы дают основание выделить и ряд других видов профессиональных нарушений со стороны духовенства, так или иначе связанных с финансовым вопросом. К ним, к примеру, можно отнести *незаконное венчание за определенную плату, неправильное (сознательное) ведение метрических книг из соображений мздоимства и т.п.* К слову, интерес вызывает и фигурирующая в источниках практика *присвоения чужих наград*. Указания на нее, некоторое время имевшую распространение в Ядринском уезде, находим в Известиях по Казанской епархии

⁸⁷⁶ Рапорт благочинного 2-го округа Чистопольского уезда священника Петра Касаткина в КДК от 5 мая 1905 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120345. Л. 16 – 17 об.

за 1885 г.⁸⁷⁷ Некоторые священники, вопреки закону, оставляли себе бронзовые и серебряные медали, переданные им для хранения родственниками умерших военных по тем или иным обстоятельствам. Крылось ли в этом стремление к действительному присвоению чужого имущества или возвращение наград рассматривалось как повод к дополнительному денежному вознаграждению, нам неизвестно. Однако духовные власти видели в этом опасность и строжайше запрещали подобные явления. Также в источниках имеют место отсылки на подлоги при выдаче метрических справок⁸⁷⁸ и ряд других нестроений. Однако все они были сравнительно немногочисленны.

Вместе с тем, внушительный перечень нарушений представлен ложными доносами и оговорами священно- и церковнослужителей в финансовых злоупотреблениях⁸⁷⁹. Едва ли имеет смысл уделять рассмотрению данной проблемы специальное внимание, поскольку, в сущности, характер случаев ничем не отличается от тех, которые анализировались в соответствующей части

⁸⁷⁷ Известия по Казанской епархии. 1885. № 17. С. 556.

⁸⁷⁸ Там же. 1868. № 18. С. 504.

⁸⁷⁹ См., напр.: Об увеличенном сборе священником села Омтормо-Юмки Мамадышского уезда Иваном Меньшиковым с прихожан своих руги и неправильном показывании числа учащихся у него учеников (1862) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5604. 12 л.; Дело о том, что жена священника села Арина Царевококшайского уезда Петра Поликарпова Мария Поликарпова с сыном своим Алексеем в отсутствии мужа собирают с прихожан-черемис деньги на выдачу им свидетельства о бытии на исповеди и у св. причастия (1862) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5831. 6 л.; Дело о выдаче священником села Шумшеваш Никольским крестьянину Соколову фальшивых двухрублевых кредитных билетов (1873) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6709. 10 л.; Дело о священнике Красного Яра Николае Цветкове (1874) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 684626. Л. 26; Дело о злоупотреблениях по церкви пригорода Билярска допускаемых священником Орловым (1874) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6814. 53 л.; Дело о священнике села Мамонино Казанского уезда Александре Цветкове по обвинению в вымогательстве излишней платы за совершение брака (1905) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120284. 31 л. и т.д. Однако в Российском государственном историческом архиве хранится донос некоего почетного гражданина Поливанова на известного в Казанской губернии духовного авторитета наместника Казанской Богородицкой Седмиозерной пустыни схиархимандрита Гавриила (Зырянова), датируемый 1908 г. (Письмо почетного гражданина Поливанова // РГИА. Ф. 797. Оп. 78, Отд. III. Ст. 5. Д. 124. 2 л.). Этот донос, поступивший архиепископу Казанскому и Свияжскому Никанору (Каменскому) через канцелярию обер-прокурора, стал одним из оснований, пожалуй, наиболее резонансного дела о финансовых злоупотреблениях в среде епархиального духовенства начала XX в. Но, как оказалось впоследствии, указанного гражданина Поливанова в природе не существовало, как и финансовых махинаций со стороны старца Гавриила. Однако кляуза в полной мере обнажила проблему ложного доносительства в вопросах, обусловленных финансово-экономическими обстоятельствами, красочно демонстрируя их характер и масштабы.

диссертации. Отметим только, что инициаторами доносительства и здесь выступали как сами клирики, так и прихожане. Однако чей вклад в данную практику был более существенным, может установить только специальное исследование.

Подводя черту, уместным будет еще раз обратиться к аспекту финансово-экономического обеспечения приходского духовенства, а точнее к тем его социально-психологическим факторам, которые, выпадают из поля зрения, играя при этом, на наш взгляд, значимую роль в общей неудовлетворенности епархиального клира своим положением и склонности его части к должностным злоупотреблениям.

Выше мы отметили, что в пореформенное время духовенство все больше стремилось избавиться от натуральных подношений со стороны прихожан и переводу их в стабильные денежные пожертвования⁸⁸⁰. Связано это было с нерегулярностью и сложностью самой процедуры сбора продуктов, со временем превратившегося в публичный унижительный ритуал. *«Ходит обыкновенно псаломщик или диакон, – отмечали корреспонденты, – с книгой и ведром для яиц, с души по пять штук в год раз»*⁸⁸¹. Тем не менее внимательное прочтение документов открывает скрытую, но небезынтересную сторону данного явления. Священник Петр Меньшиков, отмечая отсутствие на своем приходе практики натуральных сборов, писал: *«Духовенство, а в особенности священник, не находят времени заняться этим унижительным выхаживанием вместо креста с лукошком по крестьянским улицам»*⁸⁸². В 1875 г. депутаты одного из съездов епархиального духовенства постановили *«поборы мелкими продуктами»* прекратить в силу того, что они наносят урон авторитету церкви⁸⁸³. Благочинные ряда округов в докладных записках в консисторию отмечали, что такой способ

⁸⁸⁰ Здесь, однако, стоит заметить, что постоянная отсылка причтов к недостаточности продуктовой базы содержит и долю лукавства. Сбор натуральных подношений осуществлялся не с села, а с прихода. Даже простая калькуляция продуктовых подношений в среднем с 400 приходских дворов выводит на довольно значительные цифры.

⁸⁸¹ Русские крестьяне. Казанская губерния. Указ. соч., с. 101.

⁸⁸² Известия по Казанской епархии. 1868. № 16. С. 452.

⁸⁸³ Там же. 1875. № 7. С. 199.

вознаграждения уже считали для себя неприличным⁸⁸⁴. И подобных примеров в источниках встречается множество. Исходя из этого, налицо претензия на особый статус священнослужителя, идентифицирующего себя в несравненно более высоких категориях, нежели его прихожане. Причем, судя по всему, такое самовосприятие постепенно укреплялось. И если в предыдущие периоды спайка священника и прихожан была всесторонней, то в пореформенное время указанная картина постепенно менялась. Отдельные представители духовенства все отчетливей стремились к реализации принципа элитарности, хотя и в рамках действовавшей социальной стратификации; начинали смотреть на ситуацию сквозь призму бинарной оппозиции «элиты» и «массы»⁸⁸⁵. Поскольку ключевым показателем принадлежности к первой группе выступало поведение, обусловленное более высоким правовым статусом, новые установки не позволяли клирику «опускаться» до некоторых «простонародных» практик даже перед угрозой голода. Закреплению такого образа в сознании духовенства, способствовала интенсивно развивавшаяся во второй половине XIX в. церковная печать⁸⁸⁶. Таким психологическим путем происходило обострение парадоксов канонических императивов с одной стороны и повседневных практик с другой, составлявших содержание всей приходской жизни.

Таким образом, дисциплинарные нарушения в финансовой сфере можно с полным основанием считать одной из наиболее серьезных и болезненных проблем казанского приходского духовенства рассматриваемого периода. Неуклонное сужение ресурсной базы, изменения в психологии крестьянства, от которого напрямую зависело содержание причтов, а также самовосприятия самого духовенства, создавали конфликтный фон в приходской среде, побуждая отдельных представителей духовенства идти на разнообразные злоупотребления в целях достижения более выгодного экономического положения. Вместе с тем, в

⁸⁸⁴ Известия по Казанской епархии. 1875. № 7. С. 201.

⁸⁸⁵ Карабущенко Н.Б. Психологическая элитология как направление психологической мысли // Вестник РУДН. Сер.: Психология и педагогика. 2008. № 2. С. 58.

⁸⁸⁶ См., напр.: Руководство для сельских пастырей: журнал, издаваемый при Киевской духовной семинарии. Киев: Унив. тип., 1860. Т. 1. С. 1–8.

потоке конфликтов находили отражение как явления, обусловленные особенностями личности того или иного священно- и церковнослужителя, так и социально-экономические детерминанты, влиявшие на позицию и поступки конкретного клирика, достигавшие пика самораскрытия в условиях революционной ситуации в стране.

4.3. Прочие проявления неканонического поведения

К прочим формам неканонического поведения мы относим широкий круг поведенческих отклонений, который в общем виде в документах фигурирует как *неблагоповедение*. Это *сквернословие, брань, курение, бродяжничество, некоторые явления криминального плана и др.*⁸⁸⁷ Отнесение их к категории специфических для клира, как профессионального сообщества, условно и обосновывается отнюдь не тем, что указанные поведенческие аномалии были присущи исключительно лицам духовного звания, и не встречались в среде представителей других социальных групп. Дело скорее в том, что, несмотря на распространенность, они входили в острое противоречие именно с образом пастырства, однозначно нарушали дисциплинарный строй церкви, вызывая негативные этические и репутационные эффекты. При этом сложность в

⁸⁸⁷ Здесь требуется терминологическое пояснение. В старо-русском языке имели место два родственных термина: «благочиние» и «благоповедение». Благочиние отражало юридическую сторону общественной коммуникации (Благочиние [Электронный ресурс] // Словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%91%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%87%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B5?ysclid=ljgkedp9qn601896988> (дата обращения: 29.06.2023). Благоповедение относилось к сфере этики. Иными словами, благочинное поведение – это общественное поведение человека, не нарушающее установленных законом правил, тогда как благоповедение – общественной морали. Подобное понимание характера явления, а также его содержания было присуще и церковной традиции. В таком виде обозначенная терминология встречается не только в архивах Казанской, но и других консисторий и ведомств, к примеру, Тульской (ГА ТО. Ф. 3), Иркутской (ГА ИО. Ф. 50) и т.д. Так, в материалах Томской духовной семинарии встречаем указания на увольнение одного из воспитанников Томской духовной семинарии за неблагоповедение: нежелание кланяться на улице о. заведующему, угрозы ему, выступление самозванным и незаконным представителем от всего класса и т.п. (РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 1325. Л. 159 об.). Как видим, на практике строгое смысловое разграничение терминов было условным, что и предопределяло пересечение, а иногда и взаимозаменяемость двух понятий в рамках рутинного делопроизводства.

типологизацию и структурирование случаев неблагоповедения клириков добавляет одна особенность: в отличие от рассмотренных в предыдущей главе, между собой они не обнаруживают сущностного родства. Тем не менее исследовательское внимание к ним расширяет и усложняет картину морального облика приходского духовенства как особой социальной группы, профессионально ориентированной на укрепление общественной и частной нравственности.

Впрочем, здесь уместно обратиться к обсуждению того вопроса, который ранее имел место в исследовании лишь имплицитно, находился на обочине социоцентричного контекста диссертации. Речь идет о случаях, детерминированных не столько социальной ситуацией, а причинами индивидуально-личностного – психопатологического и пограничного свойства. Данная проблема не может быть проигнорирована при обсуждении явлений девиантности не только с учетом обязательности соблюдения системного подхода, но хотя бы и в силу того факта, что источники в ряде случаев недвусмысленно указывают на ее присутствие в повседневной жизни православного приходского духовенства. Безусловно, в данном случае мы сталкиваемся с известными диагностическими трудностями на основе исторического материала, о которых было сказано в первой главе настоящей работы. Однако, эта проблема в исторических исследованиях едва ли принципиально устранима.

Типичным примером асоциального поведения служителя церкви, причиной которого являлось расстройство физической природы, может служить дело о буйстве писца Казанской духовной консистории, сына дьячка Петра Острякова. В ночь на 2-е января 1873 г. Остряков произвел разгром служебной квартиры, располагавшейся в кремле, сломал оконные рамы и повредил печь. Домоправителю пришлось вызывать полицию для усмирения буяна⁸⁸⁸. На первый взгляд, буйство

⁸⁸⁸ См.: Дело о буйстве писца Казанской духовной консистории Петра Острякова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6759. 34 л.

Данное дело рисует яркую картину повседневной жизни города и особенностей взаимодействия его жителей, включая духовенство. Так, после уточнения диагноза, П. Остряков был помещен в городской дом презрения умалишенных, в котором пробыл более трех месяцев (Рапорт Петра Острякова в КДК от 28 января 1873 г. // Там же, л. 5). Между тем, по месту службы больного было направлено врачебное уведомление о том, что пациент болен «падучей», но

чиновника было обусловлено алкогольным опьянением. К такому выводу пришли свидетели происшествия. Освидетельствовавший Острякова в полицейском пункте врач, поставил характерный диагноз: *Deliriumtremens* («Белая горячка»). Тем не менее более обстоятельные медицинские обследования опровергли первичные выводы специалиста. У ранее вполне добропорядочного служащего было диагностировано, а впоследствии и подтверждено, тяжелое неврологическое заболевание, которое и стало причиной ночного кризиса.

В 1870 г. в Цивильском уезде один из прихожан обратился с жалобой архиепископу на жестокое избиение, якобы причиненное ему в пьяном виде местным священником. Драматизм ситуации усугублялся тем, что факт физического насилия в отношении светского лица подпадал под санкции со стороны государства. Между тем, остальные крестьяне встали на защиту пастыря, доказывая консистории не только его абсолютно трезвый образ жизни, но и редкое благочестие. В итоге, выяснилось, что история с избиением была выдумана вторым священником – о. Акрамовским, ранее за дисциплинарные нарушения отданного под надзор оклеветанного им настоятеля. Неприязнь первого к последнему вскоре достигла таких масштабов, что Акрамовский категорически отказывался от совместных богослужений с сослуживцем. Однако то, что проблема не ограничивалась стандартными бытовыми противоречиями, и выходила за границы психической нормы, подтверждается рядом свидетельств. Так, и крестьяне, и прочие представители причта, в один голос утверждали: где бы ни находился о. Акрамовский, он всюду вступал в отчаянные споры и тяжбы с окружающими:

прибывает в ясном уме. В середине апреля 1873 г. Остряков сообщил в консисторию о признании его болезни неизлечимой, вследствие чего он более не может продолжать службу в ведомстве. Его последующее ходатайство заключалось в назначении единовременной пенсии. Правящий архиерей переадресовал этот вопрос обер-прокурору Синода, а Острякову, ожидая ответа, пришлось несколько месяцев к ряду бедствовать. Однако обер-прокурор Д.А. Толстой отреагировал. Послание его заключалось в констатации того факта, что чиновник Остряков прослужил в духовном ведомстве более 11 лет и имел право не на единовременную выплату, а постоянную пенсию. При этом граф пожурил казанского архиепископа, что на этот счет имеется регламент, и консистория должна знать об этом, а не «чинить докуки» Синоду. Пенсионные выплаты бывшему служащему должны были осуществляться за счет епархии. Архиепископу Антонию (Амфитеатрову) ничего не оставалось, как нехотя, но подчиниться синодальному поручению (Уведомление канцелярии обер-прокурора. // Там же, л. 22).

«живши в селе Багильдине, постоянно судился со своим причтом, и, если он, Акрамовский, не делает через себя или другого человека на кого-либо ложного извета, то лишается пищи». Такая картина в целом характерна для расстройств личностного спектра, определяемых в специальной литературе, как кверулянтство⁸⁸⁹. Тем не менее случаи, подобные приведенным, в XIX – начале XX в. крайне редко рассматривались в медицинском контексте, как требующие непрямого врачебного вмешательства. Их понимание осуществлялось преимущественно в этических категориях. Так что священник Акрамовский был выведен за штат, чем дело и ограничилось⁸⁹⁰.

Гораздо чаще в источниках встречаются случаями психических расстройств, обусловленные алкогольной зависимостью. Но здесь, однако, уместно вести речь скорее о сложном симбиозе социально детерминированных и личностных факторов. «Дело о беспорядочной жизни священника Чебоксарской Воскресенской церкви Виктора Вишневого» (1873) как раз из разряда таких⁸⁹¹. Событие интересно тем, что в деталях раскрывает не только особенности индивидуального поведения его ключевого фигуранта, в силу образа жизни, оказавшегося в состоянии умопомешательства, но и реакцию духовных властей, окружения и степень участия в проблеме тех же медицинских служб.

На фоне тяжелой хронической зависимости священник Вишневский забросил храм и богослужения. Стал неряшлив, буен и постоянно пропадал в сомнительных местах. В конце концов, решением духовной консистории он был определен в Раифскую Богородицкую пустынь для исправления и «научения трезвости». Но пробыл клирик в монастыре недолго. Не выдержав строгой

⁸⁸⁹ Кверулянтство – (лат. querulus постоянно жалующийся) расстройство поведения, выражающееся сутяжничеством, борьбой против мелких, иногда мнимых обид, но не достигающее степени бредового поведения (Малая медицинская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/14080/%D0%9A%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%83%D0%BB%D1%8F%CC%81%D0%BD%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE?ysclid=lp4tyijqf779299236 (дата обращения: 05.07.2023).

⁸⁹⁰ См.: Дело о нетрезвой жизни священника села Ковалей Семена Рождественского и о прочих его проступках // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6465. 57 л.

⁸⁹¹ Дело о беспорядочной жизни священника Чебоксарской Воскресенской церкви Виктора Вишневого // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6705. 36 л.

аскетической жизни, Вишнеvский самовольно покинул обитель и перебрался в Казань, где его асоциальный образ жизни все более усугублялся. Из рапорта благочинного: *«Не имея постоянного пристанища, скитается день и ночь по улицам и разным домам в изорванной и грязной рясе и таком же полукафтани, чем, конечно, унижает себя, и наше духовное звание. Встречая постоянно о. Вишнеvского в нетрезвом виде, а по бессвязным его речам подразумевая в нем или умопомешательство, или отупелость, вследствие безотрадной и нетрезвой жизни, я полагал бы нужным медицинским путем освидетельствовать священника Вишнеvского в состоянии умственных его способностей и вообще физического его здоровья, а затем сделать об нем дальнейшее зависящее от Консистории распоряжение»*⁸⁹².

Объявленный епархиальной администрацией розыск, вскоре принес результаты. Несчастный был препровожден в Спасо-Преображенский монастырь в кремле под непосредственный надзор викарного архиерея. Однако существенно его состояние это не улучшило. Казначей монастыря сообщал, что о. Вишнеvский находился в полностью бессознательном состоянии, что, в конечном счете, побудило духовные власти отнестись к делу более серьезно. Решением консистории священник был определен на лечение в Казанскую Окружную лечебницу для умалишенных. Там специалисты и подтвердили, что ключевая проблема умственных расстройств клирика – злоупотребление алкоголем⁸⁹³. Тем не менее, несмотря на тяжелое состояние священнослужителя, вопрос о его ограничении в служении хотя и поднимался, однако конкретных решений на этот счет принято не было.

Примечательно, что о. Вишнеvский был зятем видного чебоксарского протоиерея, который и стал инициатором радикального решения проблемы своего родственника. Последний жаловался, что такое поведение клирика поставило на грань голодного существования всю его семью, еще и в тех условиях, когда жена

⁸⁹² Рапорт благочинного священника Георгиевской г. Казани церкви Павла Воздвиженского в Казанскую духовную консисторию // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6705. Л. 12 – 12 об.

⁸⁹³ Журнал Казанской духовной консистории от 19 ноября 1873 г. // Там же, л. 15 об. – 16.

о. Вишневого была больна «падучей по его же милости»⁸⁹⁴. Протоиерей Скарабоевский добился того, чтобы епархиальная администрация взяла на себя оплату недешевого лечения клирика, а сам возглавил попечение о его семействе.

Стационарное лечение в больнице, длившееся пару месяцев, дало положительные результаты. Доктора уведомляли: *«В продолжении более двух месяцев Вишевский вел себя скромно и прилично и не проявлял признаков никакого душевного расстройства»*⁸⁹⁵. Выздоровевшим чувствовал себя и сам клирик: *«Тяжелые думы и невыносимая тоска довели меня до того, что меня отправили как больного в дом больных душевными болезнями. <...> 7 марта я выбыл из числа больных...чувствую себя здоровым»*, – писал он архиерею⁸⁹⁶.

Таким образом, в случае однозначности душевного расстройства, церковь не была склонна безапелляционно вводить радикальные санкции против священно- и церковнослужителей вплоть до сохранения за ними сана и статуса, а прибегала к данной мере только в исключительных случаях. К слову, аналогичную тенденцию отмечал и М. Фуко, разбирая эпизоды умопомешательств католических священнослужителей эпохи Средневековья⁸⁹⁷. Но при этом и медицинское вмешательство допускалось лишь в крайних случаях, когда меры духовно-нравственного воздействия оказывались неэффективными. Данный факт вновь возвращает нас к особенностям понимания церковным сознанием рассматриваемого периода большинства дисциплинарных отклонений. Их

⁸⁹⁴ Рапорт благочинного Чебоксарских градских церквей протоиерея Андрея Скарабоевского в Казанскую духовную консисторию // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6705. Л. 20.

⁸⁹⁵ Уведомление директора Казанской окружной лечебницы в Казанскую духовную консисторию от 7 марта 1874 г. // Там же, л. 36.

⁸⁹⁶ Покорнейшее прошение священника Виктора Вишневого его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Антонию, архиепископу Казанскому и Свияжскому // Там же, л. 24.

⁸⁹⁷ «Церковь не предусматривает санкций против священника, – писал исследователь, – в случае, если тот лишится рассудка; однако же в Нюрнберге в 1421 г. безумного священника изгоняют из города с особой торжественностью, как если бы фигура его сделалась еще более нечистой вследствие своей сакральности; подъемные деньги выделяются ему из городского бюджета. Бывало и так, что умалишенного подвергали публичной порке, а затем, после своеобразной игры в погоню, преследования понарошку, изгоняли из города ударами розог. Все эти черты указывают на то, что высылка безумных стояла в одном ряду с прочими ритуальными изгнаниями» (Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010. С. 90).

ключевая причина – в уклонении человека от благочестия, каким на тот период понимала его сама церковь.

Итак, приведенный материал иллюстрирует влияние фактора личностных особенностей представителей клира, вносящего дополнительные штрихи в общую картину социальной детерминации дисциплинарных нестроений в среде приходского духовенства. И хотя данный аспект проблемы затрагивает сравнительно небольшое количество вскрытых случаев, нет оснований утверждать, что только ими явления психопатологического плана ограничивались. Данное убеждение строится не только на однозначности выводов о тщательности фиксации тех или иных событий, имевшейся (или не имевшейся) возможности их документирования, но и принятии во внимание общей психологической атмосферы в пореформенном обществе, о которой ранее уже говорилось. Специалисты отмечают, что рубеж XIX – начала XX вв. характеризовался волнами психических эпидемий и циркулярных реакций в самых различных вариантах, затрагивавших в первую очередь религиозную сферу⁸⁹⁸. Причем большинство психиатров-современников были склонны рассматривать их проявления именно как душевные расстройства⁸⁹⁹. Закономерно, что духовенство, как часть социума, едва ли могло быть полностью избавлено от их влияния.

Вместе с тем, в документах можно обнаружить примеры личностных акцентуаций пограничного свойства, которые если однозначно и нельзя квалифицировать как полновесное расстройство, однако признаки некоторых отклонений от психической нормы в них тем не менее усматриваются. Примером

⁸⁹⁸ Бондарев Н.В. Психические эпидемии конца XIX – начала XX в. в Российской империи [Электронный ресурс] // UNIVERSUM: медицина и фармакология: электрон. науч. журн. 2017. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihicheskie-epidemii-kontsa-xix-nachala-xx-veka-v-rossiyskoj-imperii/viewer> (дата обращения: 04.07.2023).

⁸⁹⁹ Краинский Н.В. Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни. Новгород: Губ. тип., 1900. С. 18–19; Никитин М.П. К вопросу о кликушестве // Обозрение психиатрии, нейрологии и экспериментальной психологии. 1903. № 9. С. 656–668; Осипов В.П. Одержимость гадами и ее место в классификации психозов // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 1905. № 2. С. 122–139; Пеликан Е.В. Судебно-медицинские исследования скопчества и исторические сведения о нем. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872. Ч. 2. С. 55–56; Петров А.П. Случай кликушества с помешательством // Русский медицинский вестник. 1900. № 2. С. 6–14.

этого может служить дело священника Василия Мефодиева (1870), склонного к бродяжничеству, неусидчивости и постоянной смене прихода⁹⁰⁰. Однако, пожалуй, наиболее показательным случаем, с нашей точки зрения, следует считать историю диакона села Жидяевки Спасского уезда Петра Шонгутского (1904)⁹⁰¹.

После десятилетнего служения церкви священнослужитель обратился к епископу об увольнении из духовного звания⁹⁰². Основанием такого решения стал отнюдь не религиозный кризис или тяжелое финансовое положение. Причина крылась в неких смутных «семейных обстоятельствах», не позволявших диакону более оставаться в духовном сословии. Позднее клирик направил местному благочинному благодушное послание об этом, текст которого считаем уместным привести целиком, поскольку оно является важным психологическим маркером всего дела.

«Ваше Высокоблагословение, Василий Васильевич! Семейные обстоятельства заставили меня уехать в Казань – я подал об увольнении меня из духовного звания. Таким образом, ехать мне в Жидяевку не приходится. Не почему-либо, что я мог быть недоволен Вами; что я до того расстроился, что в этом селе более не могу жить. Осведомившись, что Вам послали Указ допросить меня в таком роде: пусть диакон Шонгутский даст от себя отзыв, что он желает выйти из духовного звания и почему. Поэтому поводу я уведомляю, что я уже решил не ехать обратно, но отзыв постараюсь представить лично Высокопреосвященству или явиться к нему лично. Остаюсь с уважением к вам, диакон Петр Шонгутский»⁹⁰³.

На самом же деле, письмо было частью продуманного плана в целях исключения нежелательных контактов с начальством и достижения клириком

⁹⁰⁰ Дело о противозаконных поступках священника села Татмышева Василия Мефодиева // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6468. 4 л.

⁹⁰¹ Дело о диаконе села Жидяевки Спасского уезда Петра Шонгутского по обвинению в краже денег, нетрезвости и самовольной отлучке из прихода // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119638. 44 л.

⁹⁰² Прошение диакона села Жидяевки Спасского уезда Петра Шонгутского его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Дмитрию, архиепископу Казанскому и Свияжскому и разных орденов кавалеру // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119638. Л. 1.

⁹⁰³ Письмо диакона П. Шонгутского благочинному // Там же, л. 3 – 3 об.

скрытых своекорыстных целей. В деревне оставалась семья диакона, которую он планировал вскоре вывезти в губернский центр. Между тем, благочинный прилагал отчаянные усилия для встречи с беглецом и его вразумления. Как впоследствии сообщал настоятель храма, жизни священнослужитель был далеко неблагопристойной: пьянствовал, бродяжничал, буйствовал и т.п.⁹⁰⁴ В вопросе исполнения богослужебных обязанностей доходило до того, что в нетрезвом виде диакон настолько накуривался табаку, что настоятелю приходилось запрещать ему приступать к причастию⁹⁰⁵. Однако ключевым элементом всего дела была кража им более полутора десятка рублей из приходской кассы.

Встреча благочинного с женой Шонгутского пролила свет на его облик и перемещения. *«Я знаю про него только одна и Господь и что он...не достоин стоять перед престолом Божьим»*, – извинительно заявила женщина⁹⁰⁶. При этом поведала, что родственники видели ее супруга в Казани, *«вынимающего деньги из красного платка»*⁹⁰⁷. *«Это выродок из рода человеческого, в нем нет ни страха Божия, ни совести, ни стыда. Равно и в жена его»*, – рапортовал благочинному настоятель прихода⁹⁰⁸. *«Покорнейше прошу Вас, Ваше Высокоблагословение, – продолжал священник, – донести Высшей Власти о диаконе Шонгутском, чтобы он еще кого из сопастырей не обманул хуже сего поступка»*⁹⁰⁹.

На итоговом заседании Казанской духовной консистории по делу вскрылись и прочие неблагоприятные подробности жизни семейства Шонгутских, патологический авантюризм, лживость и разрушительная хитрость отца семейства. Оказалось, что во всех приходах, на которых проходило его служение, он использовал одну и ту же схему обмана сослуживцев и духовных властей: совершив преступный поступок, он увольнялся за штат, а затем, через некоторое время, когда острота инцидента шла на убыль, вновь просил себе место в другом

⁹⁰⁴ Рапорт священника Троицкой церкви села Жидяевки Спасского уезда Михаила Смелова благочинному 2-го Спасского округа // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119638. Л. 15 об.

⁹⁰⁵ Там же.

⁹⁰⁶ Журнал Казанской духовной консистории от 7 августа 1904 г. // Там же, л. 5.

⁹⁰⁷ Карманничество.

⁹⁰⁸ Там же, л. 15 об.

⁹⁰⁹ Там же, л. 16.

уезде. Так, из года в год, клирик и гастролировал по епархии. Вот и в данном случае он втайне писал жене, чтобы она, продав оставшееся имущество, скорее ехала к нему в Казань⁹¹⁰. Парадоксально, но эти письма священнослужителя транслировали образцовую и даже пламенную любовь к супруге и детям. Тем не менее во избежание дальнейших проблем, по ходатайству консистории, канцелярия обер-прокурора Синода приняла решение о лишении диакона священного сана, хотя канонически такая мера едва ли могла считаться безупречной. Деструктивный характер Шонгутского и его неисправимость были оценены как несравненно большая опасность, нежели неоднозначность решения о духовном сани.

Уместно обозначить и другую острую социокультурную проблему в среде причтов, которая фигурирует в источниках – *сквернословие и нецензурная брань*. Данное явление в целом обоснованно рассматривать как проявление инвективной агрессии⁹¹¹. В. И. Жельвис отмечает, что нецензурные лексические ресурсы сосредоточены вокруг создания различных социальных запретов-табу⁹¹². Однако хотя их количество и велико, подавляющая их часть укладывается в рамки дихотомии человеческого «верха», ассоциирующегося с духовностью, с одной стороны, и «низа» (материального, приземленного) – с другой⁹¹³. Именно в акте сквернословия наиболее четко обнаруживаются бинарные оппозиции из области духовной культуры: сакральное и профанное, святое и грешное, высокое и низменное, светлое и темное и т.д. Таким образом, проблемная составляющая здесь видится в факте признании человеком существования демонических сил и их способности причинения вреда, его латентном страхе перед ними. Табуирование, в особенности, религиозно окрашенное, как раз и выступает тем защитным

⁹¹⁰ Записка из дела о нетрезвости, похищении из церкви денег и самовольной отлучке из прихода диакона села Жидяевки Спасского уезда Петра Шонгутского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119638. Л. 34.

⁹¹¹ Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. С. 21.

⁹¹² Там же.

⁹¹³ Там же.

механизмом, который ограждает человека от деструктивного воздействия сил тьмы.

В процессе христианизации Руси инвективная лексика все более увязывалась с языческим прошлым восточных славян. Так, Б. А. Успенский возводил славянскую матерную ругань к культуре богини Мокши⁹¹⁴. При этом в христианской традиции ей противопоставлялась Богородица или св. вмч. Параскева Пятница. *«Таким образом, – пишет В. И. Жельвис, – если согласиться, что русский мат имеет фактически богохульный характер, легко понять, почему в русской инвективной практике непосредственные богохульства сравнительно и мягки, и редки; в них просто нет необходимости, ибо их функцию берет на себя другой лексический пласт – сексуальное сквернословие, мат»*⁹¹⁵. Действительно, архиепископ Казанский и Свияжский Антоний (Амфитеатров), рассуждая на тему сквернословия в приходской жизни, наставлял пастырей и паству, что язык есть орудие, данное Богом человеку для *«сеяния доброй духовной пшеницы»*⁹¹⁶. Рассматривая проблему нецензурного ругательства, архиерей усматривал в акте сквернословия глубинное противоречие между целью христианской жизни, эксплицитно ориентированной на взаимную возвышенную любовь их членов, и фактическим положением дел, отталкивавшегося от *«скверного поганства, когда предки наши еще не знали истинного Бога И. Христа»*⁹¹⁷. Известно также, что кликуши, порченые и прочие люди, которых в XIX в. народ почитал за бесноватых, в определенные моменты богослужений часто проявляли склонность к произношению бранных и богохульных слов⁹¹⁸, что, с точки зрения церковного понимания явления, рассматривалось как одержимость демоническими силами. Принимая это во внимание, закономерно было бы ожидать, что акт сквернословия, в особенности в среде духовенства, безапелляционно рассматривался как

⁹¹⁴ Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. Статья первая // *Studia slavica*. Budapest: Akademiai Kiado, 1983. Т. 29. С. 54–56.

⁹¹⁵ Жельвис В.И. Указ. соч., с. 231.

⁹¹⁶ Беседы сельского священника к прихожанам. Киев: тип. И. и А. Давиденко, 1865. С. 306.

⁹¹⁷ Там же, с. 310.

⁹¹⁸ Краинский Н.В. Указ. соч., с. II–III.

тягчайший грех, антихристианский по сути, входивший в острый диссонанс с идеей высокого пастырского образа и братского служения. Однако на практике и, в частности, в повседневной церковной жизни все выглядело несколько сложнее.

Источники по Казанской губернии сообщают, что в сельской местности сквернословие было характерно преимущественно для крестьян, а употребление бранных слов, во-первых, зависело от конкретной местности (где-то это явление было вполне обычным, а где-то – категорически неприемлемым), а во-вторых, от ситуации. Так, в периоды праздников и гуляний крестьяне нередко специально «украшали» свою речь матерными и площадными словами⁹¹⁹. Сквернословие процветало и среди посетителей кабаков, становясь общеупотребимым языком общения⁹²⁰, тогда как на постоянных дворах, где по традиции осуществлялся обмен новостями и прочей информацией с приезжими, сквернословия было значительно меньше⁹²¹. В целом же, как сообщал один из казанских благочинных, сквернословие в губернии было довольно распространено. *«Сквернословят преимущественно нетрезвые. Но крестьяне и в трезвом состоянии сквернословят. В раздражении у крестьянина, кажется, первое слово – скверное; иные даже в шутках сквернословят и не возбраняют детям, даже малюткам извергать скверные слова»*⁹²².

Судя по всему, в повседневности нецензурная брань выступала одним из относительно конвенциональных средств канализации бытовой агрессии, которому отдавалось предпочтение перед физическим насилием. Именно поэтому акты бранного сквернословия в основном фигурируют в конфликтных или нестандартных ситуациях, когда градус напряжения ставил стороны перед выбором: обругать оппонента словами или применить к нему меры физического

⁹¹⁹ Русские крестьяне. Казанская губерния. Указ. соч., с. 69.

⁹²⁰ Отсюда становится очевидным, почему духовные власти столь зорко следили за тем, чтобы духовенство не посещало кабаки. Дело было не только в их нетрезвой атмосфере, но и в целом нравственной разнузданности, в аспекте сквернословий имевший прямой антихристианский посыл.

⁹²¹ Русские крестьяне. Казанская губерния. Указ. соч., с. 71.

⁹²² Рапорт благочинного 1 округа Казанского уезда и его помощников // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131 Д. 8. Л. 66 об.

воздействия. Вероятно, именно этот вариант был более характерен представителям клира, как одной из сторон приходских противоречий.

В 1885 г. в мордовском селе Старые Шанталы Спасского уезда возник конфликт между настоятелем и прихожанами. Однако известно о нем стало не благодаря жалобам последних, а сообщению местного причетника. Согласно представленным в консисторию данным, священник вел себя крайне непочтительно с «иногородцами»: обругивал их, унижал и т.д. Но главное – сопровождал любое свое негодование бранными словами⁹²³. *«Священник Иоанн Краснов, – жаловался пономарь Лепоринский, – произносит в Храме Божьем во время Богослужения скверные и неприличные ругательные слова, которыми обзывает прихожан. Во время совершения проскомидии, оборотясь к приносящим просфоры крестьянам, <...> он говорит: «Вы, окаянная мордва, вас черт...выс... и то по понедельникам в масонский татарский базар». Выходя со Св. Чашею для причащения детей, кричит со всего зла: «Вот вас прорвало. Для вас хоть каждый день служи, вы все будете таскать ребят своих». Потом с дерзновением кричит на матерей или девиц, подносящих младенцев для причащения: «Говорите имя вперед; вас много, черт вас в душу дери, а я один»⁹²⁴.*

Клирика не смущали ни присутствие посторонних, ни место, где произносилась брань, ни статус обругиваемого. Так, однажды на виду у прихожан о. Краснов обругал церковного старосту⁹²⁵. Однако, судя по всему, неуравновешенный характер священника не ограничивался только предосудительной привычкой. Сослуживцы сообщали, что он любил выпить и в таком состоянии самозабвенно распевать песни⁹²⁶. В итоге, прихожане постепенно стали уклоняться от посещения церкви, что и встревожило благочинного.

Как и положено, консисторией был назначен повальный обыск. Однако только двое крестьян решились подтвердить, что пастырь «посылал их к черту». На

⁹²³ Из этических соображений мы приводим здесь лексику главного героя не полностью.

⁹²⁴ Покорнейшее донесение псаломщика Петра Лепоринского архиепископу Казанскому и Свияжскому Палладию // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 117. Д. 1. Л. 7 – 7 об.

⁹²⁵ Там же, л. 8.

⁹²⁶ Там же.

этом основании донесение псаломщика Лепоринского было признано не вполне заслуживающим доверия – в нем усмотрели месть о. Краснову за бывшее однажды дисциплинарное воздействие на пономаря. Поэтому за буйное поведение священник от ответственности был освобожден, но подчинен особому надзору благочинного за сквернословие⁹²⁷. Исходя из чего, можно сделать вывод, как о фактическом признании духовными властями матерщины со стороны клирика, так и специфическом восприятии данного явления в рамках епархиального администрирования – сквернословие было неприемлемо, но и «не дотягивало» до запрещения в служении. По всей видимости, нецензурная брань на практике считалась куда менее опасным явлением, чем, к примеру, контактная агрессия, с которой, впрочем, дело также обстояло не столь однозначно.

Справедливости ради, однако, следует отметить, что зафиксированные нами факты сквернословия в среде приходского духовенства Казанской губернии немногочисленны. Между тем, в некоторых из них просматривается примечательная деталь: нецензурная брань в большинстве случаев была направлена на «инородческую» паству, либо представителей антагонистичных социальных групп, что подтверждает ранее выдвинутый тезис об особом влиянии ситуации на проявление инвективной агрессии. Так, упоминавшийся в предыдущей части работы священник Кувалдин, матерно бранил именно чувашей, называя их пыркми, свиньями, сусликами; издевался над национальными чувствами (смеялся над чувашскими словами)⁹²⁸. В 1899 г. священник села Икшурмы Козьмой Прокопьевым также был оштрафован консисторией на 3 рубля за притеснения и оскорбления ругательными словами земской учительницы Евдокии Петровой⁹²⁹.

⁹²⁷ Выписка из Журнала заседания Казанской духовной консистории // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 117. Д. 1. Л. 32 – 33 об.

⁹²⁸ Рапорт благочинного 2-го округа Чистопольского уезда священника Петра Касаткина в Казанскую духовную консисторию от 5 мая 1905 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120345. Л. 3 – 3 об.

⁹²⁹ Дело о притеснениях и оскорблении словами в церкви за богослужением священником села Икшурмы Козьмой Прокопьевым учительницы того села Евдокии Петровой // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 10. 27 л.

Значительную роль в провоцировании сквернословия играла нетрезвость. В таком случае брань выступала элементом целого круга девиаций, вербально оформляя их картину. В 1870 г. обделяемый приходскими доходами причетник села Кильдеева Свияжского уезда Андрей Зороацкий, обратился к духовным властям с жалобой на своего настоятеля Петра Гурьева. Пономарь подробно описывал беды прихода, связанные с хронически хмельной жизнью священника: пьяное катание на лошади (над чем смеялся весь народ), невнятное чтение во время молебнов и т.п.⁹³⁰ Дело доходило до того, что некоторые ситуации стали представлять прямую угрозу жизни и здоровью клирика и окружающих. Поэтому крестьяне всячески пытались уговорить буйного пастыря. Однако в ответ он лишь обругивал их «скверноматерно»⁹³¹. В один из дней о. Гурьев настолько вышел из себя, что *«жена его убежала и скрывалась в доме Косаревых на погребнице, боясь побоев мужа. Но он перелез через забор Косаревых, начал ругаться матерно, крича: «Подайте мне жену!»*⁹³².

Ранее, в 1863 г., произошел аналогичный случай. Священник села Подберезья Свияжского уезда Стефан Фортунатов *«напившись до пьяна в гостях у матроса села Подберезья Родионова, явился в таком виде в церковь и начал венчать брак... Забывши святость места, начал ругать скверно матерными словами поезжан <...> и, обратясь к храмовой иконе преподобного Сергия, выразился так: «Сергей, мужики эти – дураки, требуют, чтобы я венчал этот брак, но я не хочу», и начал их выгонять из церкви вон. И уже на другой день, проспавшись, повенчал брак сей в праздник против правил Церкви...»*⁹³³. Однако в обоих случаях никакого наказания клирикам от духовных властей не последовало.

При определенных обстоятельствах, судя по всему, сквернословие вообще не рассматривалось отдельно, как некое особое нарушение, а на итоговое решение

⁹³⁰ Покорнейшее прошение Свияжского уезда села Кильдеева бывшего пономаря Андрея Зороацкого // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6476. Л. 6 – 7 об.

⁹³¹ Там же, л. 7 об.

⁹³² Там же.

⁹³³ Покорнейшее прошение Свияжского уезда Ульяновской волости села Подберезья государственного крестьянина Онуфрия Петрова архиепископу Казанскому и Свияжскому Афанасию // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5890. Л. 1 об.

властного органа оказывали влияние другие факторы, напрямую не связанные с предосудительным словесным поступком. Так, дело о. Фортунатова настолько затянулось, что он успел перевестись в другой приход. На этом консистория постановила прекратить вообще все разбирательство. Тем не менее правящий архиерей возразил, и следствие продолжилось. Но на все постановления духовных властей священник отзывался крайне грубо и пренебрежительно. В ответ из консистории следовали внушения о недопустимости такого поведения. Однако никаких конкретных дисциплинарных мер так применено и не было. Причина этого могла крыться только в одном: опасениях епархиальных властей в массовом уходе клириков из духовного звания и стремительном увеличении количества вакантных приходов.

Оказавшиеся в поле нашего зрения характерные эпизоды, ценны не только тем, что раскрывают дополнительные грани этики приходского духовенства, как особого явления, но и проливают свет на личностные особенности его представителей, видение им имевшей место проблемы, и самопозиционирование в нетривиальных ситуациях. Иными словами, сквозь сухие сообщения источников проступают живые фигуры со своими достоинствами и слабостями. В отдельных случаях они приобретают вполне курьезный оттенок, как это было, к примеру, в случае сельского священника Космодемьянского уезда Николая Виноградова (1899)⁹³⁴. На обвинения причта в неуравновешенности и словесных оскорблениях (клирик грубо обзывал своего диакона подлецом, жуликом и мерзавцем), о. Николай, как бы невзначай, парировал: *«Признаюсь, что я человек открытый, чуждый лицепрятий. За что и характеризуют меня не добронравным, и делаемые мной всякого рода замечания, относят к бранству»*⁹³⁵. При этом свою позицию священник подкрепил демонстрацией поэтического таланта:

«Я от напасти не ушел

И к убеждению пришел:

⁹³⁴ Дело о безнравственном поведении священника Воскресенской церкви с. Шапкилей Космодемьянского уезда Н. Виноградова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 37. 80 л.

⁹³⁵ Показания священника Н. Виноградова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 37. Л. 23.

*Пусть же истина страдает,
А душа не пропадает.
И предав себя суду,
Путем истины иду»⁹³⁶.*

Подчеркнем еще раз, что «нестандартные» священники действительно нередко вызывали большие претензии у прихожан, что исключает обоснованность утверждения об особом нравственном ригоризме крестьянского «мира» на фоне проблемного духовенства. В 1864 г. в одном из приходов Спасского уезда крестьяне восстали против настоятеля Петра Сатрапинского. *«Это не пастырь, а волк»*, – говорили они. Якобы священник оскорблял их, не шел навстречу в важных духовных случаях. Но парадоксальность такого мнения как раз и была обусловлена общеизвестным исключительным благочестием клирика и причта церкви в целом. О. Сатрапинский, по всем прочим сведениям, был образован, обходителен, а речь его была культурна и избавлена от заимствований из грубой простонародной среды. Кроме того, пастырь проявлял удивительную рачительность в личном хозяйстве, и скопленные деньги не растрачивал, а направлял на устройство дома. Благочинный так обрисовывал позицию прихожан: *«Нам нужно не священника, а попа, который бы, обходя в праздники с молебнами, выпивал в каждом доме по стакану вина и по ковшу пива, и заедал выпитое, а также участвовал с нами во всяких пирушках»*. Но священник их по своей общечеловеческой нравственной натуре не имеет ни возможности, ни сил, ни желания, обходя 200 дворов в два дня пить и есть предлагаемое в каждом дворе, что и составляет весь его недостаток сельского священника. И что особенно не нравится казенным крестьянам из коих некоторые, будучи зажиточными, требуют от священнослужителей, чтобы они упивались у них до бесчувствия, дабы потом глумиться над этим священником и держать как священника, так и причетника в своих руках»⁹³⁷. Иными словами, под «оскорблением» крестьяне понимали отнюдь не сквернословие или нецензурную

⁹³⁶ Показания священника Н. Виноградова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 37. Л. 25.

⁹³⁷ Журнал Казанской духовной консистории от 30 сентября 1864 г. // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 14. Л. 4.

брань, направленную в их адрес, а как раз наоборот – отсутствие в поведении пастыря этих составляющих⁹³⁸. Примечательно, что сельчане склонялись в пользу кандидатуры соседнего священника Мудрова, не отличавшегося обозначенными достоинствами, но более близкого им по духу. В конечном счете, несмотря на прямое заступничество архиерея, о. Сатрапинского вынудили уйти из прихода и переселиться в Казань.

В источниках встречаются и упоминания о *курении и нюхании* клириками табака. Впрочем, сведения об этих явлениях лишь попутные, эпизодические. Каноны церкви прямо не обговаривают и не регламентируют проблему табакокурения. Исходя из этого, в церковной традиции не сложилось единомыслие на этот счет. В целом, многие представители духовенства пореформенного времени не чуждались табака. Известно, что просветитель Японии Николай (Касаткин), уже будучи в сане, был заядлым курильщиком⁹³⁹. Благочинный Цивильского уезда священник Александр Васильевский как-то в одном из отчетов заметил, что данная привычка у духовенства *«...не служит соблазном в народе; потому что курящее духовенство находится в таких приходах, в которых оно не считается пороком и не зазирается, и курящие стараются скрывать свою приверженность. В раскольничьих приходах табак зазирается, духовенство не подвержено этой слабости»*⁹⁴⁰. Приведенное откровение само по себе является прекрасной иллюстрацией ключевого тезиса диссертации – степени влияния социального окружения на нравы и склонности клира. Однако справедливо и другое: во многих местностях в простом народе (в особенности, среди сектантов) курение рассматривалось как дело рук антихриста, что находило отражение в болезненных

⁹³⁸ В сквернословии, оскорблениях и прочих неблагоприятных поступках могли попросту ложно обвинить. Как отмечалось ранее, такое случалось часто и повсеместно (Применительно к рассматриваемой проблеме, см., напр.: Дело о лишении священнического сана священника Казанского уезда села Каймар В. Тихомирова за нетрезвую жизнь и перемещение его в псаломщики (1891) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 123. Д. 1. 190 л.).

⁹³⁹ Николай (Касаткин И.Д.), свт. Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского, по его своеручным записям. СПб.: Сев.-Зап. библейс. комис., 1996. Ч. 1. С. 241.

⁹⁴⁰ Рапорт благочинного 1 округа Цивильского уезда священника Александра Васильевского (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131. Д. 8. Л. 66 об.

проявлениях ужаса у кликушей, как ладана боявшихся запаха табака⁹⁴¹. Так что, судя по интонации документов, курение в среде причтов воспринималось неоднозначно, вызывало скорее моральное порицание, но не приводило к применению каких-либо конкретных санкций в отношении увлекающегося духовенства.

Подводя черту под разделом, мы сознательно опускаем тот корпус дел, который, во-первых, в силу разнообразия и сочетания фактуры с трудом поддается встраиванию в предложенную структуру, а во-вторых, во многих случаях, обусловлен противоречиями внутри причтов, что нашло отражение в форме неоднократно проанализированных доносов и оговоров⁹⁴². В этом смысле, здесь едва ли можно сказать что-либо новое. Единственным уместным пояснением будет указание на тот факт, что, к примеру, те же случаи фактических *краж* из церкви, в которых были замешаны члены причтов, единичны и никак не меняют общую картину дисциплинарных нарушений духовенства⁹⁴³. Некоторое дополнение сюда могут внести разве что инциденты *матримониального* свойства, которым мы уделим некоторое внимание. Теоретическим подкреплением такой позиции выступает исследование А. Г. Фот, посвященное внебрачным связям приходского духовенства соседней Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX в.⁹⁴⁴ На основе архивного материала исследовательница показала, что в среде приходского духовенства Оренбургской епархии пореформенного периода имели место случаи различных вариантов прелюбодеяния, дала их фактуру, обозначила

⁹⁴¹ Краинский Н.В. Указ. соч., с. III.

⁹⁴² См., напр.: Дело об отлучении священником села Чуры Мамадышского уезда Василием Кремковым от служения местного пономаря Матфея Мудрова с лишением его доходов (1863) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5920. 72 л.; Дело о священнике села Макулова Рафаиле Лебедеве (1874) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6861. 23 л.; Дело о лишении священнического сана священника Казанского уезда села Каймар В. Тихомирова за нетрезвую жизнь и перемещение его в псаломщики (1891) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 123. Д. 1. 190 л.; Дело о нетрезвой жизни священника села Тавелей Сергия Левашева (1870) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6471. 18 л.; Дело о священнике села Мамонина Гаврииле Гародском (1874) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6838. 17 л.

⁹⁴³ Дело о священнике села Кукмор Мамадышского уезда Феодоре Скворцове (1874) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6839. 5 л.; Дело о заключении в монастырь дьяческого сына Порфирия Кармальского (1874) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6863. 7 л.

⁹⁴⁴ Фот А.Г. Указ. соч., с. 37–49.

ситуационные особенности и обстоятельства нарушений клириками, предписанных духовенству этических и правовых принципов. Исходя из этого, уместно предположить системный, общецерковный характер данной проблемы.

Вместе с тем, ранее мы отмечали, что казанское приходское духовенство в сексуальном плане в подавляющем большинстве блюло непорочность и законопослушность. Прежде всего, это касалось аспектов, так или иначе, связанных с насилием. Однако в архиве консистории запечатлелась пара эпизодов, указывающих на участие духовных лиц в «конвенциональных» контактах. Впрочем, здесь главные герои скорее характеризовались личной склонностью к излишествам, нежели находились под влиянием иных факторов на индивидуальном плане.

В 1886 г. между одним из приходских священников Стефаном Фортунатовым и отставным солдатом Василием Егоровым возник конфликт, о котором последний сообщил архиерею. Егоров жаловался, что двенадцать лет прожил в мире с женой Матреной, но затем благополучие оборвалось. Обстоятельства трагедии были таковы. Однажды к разведенному и одинокому Фортунатову в кухарки нанялась мать Матрены. Постепенно супруга Егорова тоже стала посещать дом священника в целях помощи по хозяйству. В один из дней пастырь попросил солдата отпустить жену к нему на несколько дней до того, как найдет себе достойную кухарку. Из уважения к клирику, солдат отпустил супругу. Прошло время. Когда же муж стал звать жену домой, женщина стала отговариваться. Тогда Егоров обратился к священнику, но тот неожиданно вышел на деловой тон, предлагая взамен денег, сапоги и прочие подарки⁹⁴⁵. Обращение к церковному старосте не помогло, а постепенно со стороны супруги стали слышаться всевозможные упреки в адрес законного мужа.

Консистория запустила разбирательство. Однако в ходе дознания многие крестьяне встали на сторону священника, уверяя, что тот пригрел у себя чужую

⁹⁴⁵ Покорнейшее прошение отставного рядового Казанского уезда Ильинской волости села Васильева Семена Егорова Высокопреосвященнейшему Палладию, архиепископу Казанскому и Свияжскому // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7523. Л. 6 об.

жену исключительно «по милосердию»⁹⁴⁶. Только вот противоречий в эту картину добавляла биография Фортунатова. Он был из разряда крайне проблемных священников, в том числе, и вопросах, касающихся интимной жизни, за что однажды даже штрафовался консисторией на значительную сумму в 10 рублей⁹⁴⁷. Впрочем, в этот раз наказания не последовало.

В 1892 г. в селе Богатыреве Ядринского уезда местный псаломщик Алексей Цивильский соблазнил девицу духовного звания Марию Богатыреву, в результате чего женщина забеременела⁹⁴⁸. За честь сестры вступился брат, псаломщик церкви Мариинского посада Павел Богатырев. *«Милостивый государь, – писал он Цивильскому, – Вы без всяких кляуз и лишних разговоров, возьмите сестру мою замуж (т.е. женитесь на ней) и живите с Богом. Тогда мы вас простим. В случае же упорства с вашей стороны, то берегитесь, я выступлю сам и буду действовать гражданским судом»*⁹⁴⁹. Однако виновник щекотливого положения и не думал брать на себя ответственность и решить проблему «по-тихому». Не дождавшись ответа, П. Богатырев обратился к правящему архиерею с изложением дела. В прошении он сообщал, что случившееся стало ударом по семейству, в результате чего их престарелый отец умер от переживаний. В заключении ходатай просил решить вопрос внутренними силами или, в противном случае, он намеревался обратиться к гражданским властям⁹⁵⁰. Архиерей поручил провести разбирательство и выяснить, действительно ли виноват причетник, или девушка *«имела своею целью соблазнить и влюбить в себя Цивильского»*. Однако, и после этого консисторская бюрократия не проявила особой активности. Следствие растянулось на полгода. Впрочем, архиепископ Владимир все же склонялся в сторону виновности церковнослужителя: *«Совершенно согласен с мнением консистории, что неудобно Цивильского оставлять псаломщиком в селе*

⁹⁴⁶ Постановление Казанской духовной консистории // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7523. Л. 36 об.

⁹⁴⁷ Справка Казанской духовной консистории // Там же, л. 2–3.

⁹⁴⁸ Дело о привлечении к ответственности псаломщика с. Богатырева А.В. Цивильского за бесчестие дочери псаломщика того же села Ядринского уезда М. Богатырева девицы Марии // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 124. Д. 2. 81 л.

⁹⁴⁹ Письмо П. Богатырева А. Цивильскому // Там же, л. 24 об.

⁹⁵⁰ Там же.

*Богатыреве, где его многие обвиняли в изнасиловании девицы... Полагаю, что так как Цивильскому неудобно оставаться псаломщиком в Богатыреве, то и удалить его из этого места, а другое пусть он ищет себе не озадачивая совсем консисторию»⁹⁵¹. На этом основании консистория признала за Цивильским преступление, переместила его под надзор в другое село, но тут же наложила на жертву епитимью: «*Марию Богатыреву за любодеяние на основании 22 правила св. Василия Великого придать церковному покаянию на 4 года*»⁹⁵².*

Формальное решение церковной администрации, по всей видимости, не удовлетворило брата девушки. Кроме того, никак не облегчалась ее участь, вынужденной отныне в одиночку растить ребенка. Консистория лишь взыскала с Цивильского плату за производство следствия, чем и ограничилась. Тогда Павел Богатырев, вопреки профессиональной дисциплине, обратился с заявлением в Казанский Окружной суд⁹⁵³. Этот акт стал видимым показателем того, как лица духовного звания, не добившись правосудия у духовных властей, постепенно начинали обращаться к судам гражданским. Согласно приговору, причетник был признан виновным, подвергнут церковному покаянию (!) и обязан ежемесячно выплачивать 6 руб. Богатыревой на содержание их общего сына Аркадия⁹⁵⁴. Впоследствии выплаты по снисхождению к низкому заработку причетника были снижены.

В обоих случаях особое внимание привлекает не столько поведение клириков, которое, безусловно, входило в противоречие не только с канонами, но и церковным благочестием, сколько реакция на проблему архиерея и консистории. В ней усматривается реализация корпоративного мышления. Групповой фаворитизм проявлял себя в явной аннигиляции проступков и преступлений духовного лица. По крайней мере, об этом свидетельствуют документы по

⁹⁵¹ Резолюция Высокопреосвященнейшего Владимира, архиепископа Казанского и Свияжского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 124. Д. 2. Л. 31 – 31 об.

⁹⁵² Постановление Казанской духовной консистории // Там же, л. 52 об.

⁹⁵³ Журнал Казанской духовной консистории // Там же, л. 56.

⁹⁵⁴ Приговор Казанского Окружного суда по делу А. Цивильского // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 124. Д. 2. Л. 77–78.

конкретным делам. Корень этой проблемы, очевидно, заключался в причинах общего социального плана. Церковный социум представлял собой замкнутую систему с весьма своеобразной матрицей норм и правил, на рубеже XIX–XX вв. повисавшей между традиционализмом, с присущей ему консервативностью, патриархальным уклоном, спецификой гендерных ролей⁹⁵⁵, и пореформенным модернизмом. Нащупать баланс в этом положении на практике удавалось не всегда, тогда как в условиях наиболее острых противоречий, грозивших выйти за пределы духовного сообщества, автоматически срабатывали охранительные механизмы, подавлявшие нацеленность иерархии на реализацию принципов христианского правосудия. Но важно и то, как отмечает Н. Л. Пушкарева, сопоставление норм православной морали, касающихся внебрачных и брачных половых контактов, с источниками позволяет найти не только противоречия и расхождения между нормой и реальной жизнью, но и согласованность между традицией, обычаями и внедряемыми церковью представлениями о нравственности⁹⁵⁶. Такими путями в ходе исторического развития формировался сложный организм низовой церковной культуры. Здесь сама повседневность обуславливала разнообразие дисциплинарных нарушений в среде приходского духовенства на том основании, что, несмотря на сословные и профессиональные барьеры, оно не представляло собой абсолютно автономную общность. Влияние внешней среды на нее было интенсивным, перманентным и, в ряде случаев, эффективным. Ее воздействие накладывалось на явления индивидуального плана, создавая куда более пеструю картину этоса рядового клира, в которой имели место и буйства, и ругательства, и прочие формы отклонений от канонического

⁹⁵⁵ Л. Манчестер отмечает, что женщины духовного звания, в особенности жены священников должны были соответствовать определенному стереотипному образу, характеристиками которых выступали покорность, образцовое благочестие, скромность, граничившая с безынициативностью и т.д. (Манчестер Л. Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое лит. обозрение, 2015. С. 123–124). Несоответствие им даже под воздействием внешних обстоятельств нередко склоняло чашу весов не в пользу женщины. Хотя бы и морально.

⁹⁵⁶ Пушкарева Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и московитов X–XVII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.: Ладомир, 1996. С. 79.

стандарта, тогда как реакция духовных властей на которые, судя по всему, носила преимущественно ситуационный и стереотипный характер.

Подводя итог, можно констатировать, что профессиональные нарушения в среде приходского клира губернии в первую очередь затрагивали аспекты финансово-экономического плана, т.е. ту сферу приходской деятельности, которая являлась наиболее проблемной в рассматриваемое время. Их специфику прямо определяло церковное иерархическое устройство, когда наиболее неблагоприятным поведением характеризовалось прежде всего влиятельное духовенство, а в самой уязвимой категории оказывались церковнослужители, либо же та часть священства, которая по ходу служения не соприкасалась с вопросами распределения общей ресурсной базы: вторые священники, дьяконы. Иными словами, ключевую роль в создании проблемного фона играли именно должностные лица, наделенные соответствующими полномочиями: благочинные, настоятели, церковные старосты, предопределявшие модели и разнообразие тех или иных злоупотреблений. При этом многое зависело от личных качеств представителя клира, что просматривается в наличии проблем и противоречий на одних приходах, и их отсутствие в других. Личностный фактор наглядно проявлял себя и в прочих девиациях духовенства самого широкого спектра, едва ли согласующихся с эталонным образом пастырского служения. Однако даже здесь не стоит упускать из виду влияние социальной среды, определявшей конкретику деструктивных склонностей того или иного духовного лица. Иными словами, в этой части пресловутое социальное научение проявляло себя в полную силу. Между тем, религиозный аспект как бы выбиваются из общей картины проблемы. Как показал анализ, нарушения в религиозной сфере занимали крайне незначительное место, и вопросы этого порядка находились в несравненно меньшей зависимости от тотального культурного влияния сельской паствы. В этом смысле приходское духовенство действительно демонстрировало более высокий коллективный образовательный и религиозный уровень, что вполне можно считать парадоксальным феноменом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Период второй половины XIX – начала XX вв., именуемый в отечественной историографии пореформенным временем, был одним из наиболее насыщенных, сложных, неоднозначных и динамичных в истории России. Значительные изменения претерпевала экономическая, хозяйственная, общественная, культурная и духовная жизнь страны. Эти процессы имели всеохватывающий и всеобщий характер и не могли обойти Русскую Православную церковь, являвшуюся одним из основных социальных институтов того времени. Брошенный современностью вызов православному духовенству настоятельно побуждал его реагировать и приспособляться к стремительно и коренным образом менявшимся реалиям. Пореформенное время было периодом испытания веры священно- и церковнослужителей как в религиозном, так и моральном плане. В этих условиях церковь настоятельно требовала прежде всего от своих служителей бескомпромиссной верности христианской традиции; современность же интенсивно стимулировала отклонения от нее. В данном случае опыт приходского духовенства Казанской губернии дает широкие возможности для раскрытия проблемных аспектов этого сложного и многогранного вопроса.

Отметим, что проблема дисциплинарных нравственных девиаций и нарушений в среде русского православного духовенства в различные периоды в той или иной степени привлекала внимание исследователей. Однако вплоть до сегодняшнего дня, за отдельными исключениями, она не становилась центральным предметом научного поиска. В исторических трудах мы находим лишь попутный, фрагментарный анализ интересующего нас вопроса. Исходя из этого, историографические лакуны в обозначенной части все еще остаются незаполненными.

Между тем, сложившаяся на сегодня ситуация оборачивается возможностью не только устранения имеющихся пробелов на основе корпуса новых источников, но и теоретико-методологического экспериментирования с историческим

материалом путем привлечения соответствующих данных из других наук: психологии, этнографии, социологии и проч. Иными словами, речь об апробировании в рамках диссертационного исследования принципов междисциплинарного синтеза. Выстроенный таким образом теоретический базис работы, позволяет принять за основополагающий тезис о ведущей роли общества в конструировании субъективной реальности индивида и его поведенческой программы с присущими данной социальной среде особенностями, установками, доминантами и инструментами культурной трансмиссии. Паттерны человеческого поведения не абстрактны и не автономны по отношению к субъектам общественной деятельности, а культивируются и воспроизводятся носителями через коллективные механизмы социального научения – древнейший способ наследования культурной информации в человеческих сообществах. Исходя из этого, методологический профиль исследования предопределяется самой логикой интерпретации и понимания базового принципа посредством применения историко-антропологического подхода и метода «насыщенного» описания. Такой методический акцент позволяет в деталях раскрыть поставленную проблему, высветив как ее общие контуры, так и связующие нити структурных элементов, а также механизмы реализации рассматриваемой культурной традиции. Одновременно это позволяет решить и другую немаловажную задачу – сделать осуществляемое историческое повествование «живым» и активным, а следовательно, более понятным.

Действительно, если рассматривать проблему поведенческих аномалий приходского духовенства в социоцентрическом ракурсе, ключевая особенность общественного положения клира на рубеже двух веков видится в том, что подавляющая его часть, вследствие специфики хозяйственно-экономического уклада империи, относилась к категории сельского, как следствие, строго локализованного и предельно близко соседствовавшего с крестьянским «миром». Даже в уездных городах граница между городом и деревней была довольно условна. В обстоятельствах значительных пространств, удаленности от больших промышленных центров с их более сложной и многогранной культурой, а также

отсутствия развитой системы коммуникаций сельский «дух» эксплицитно доминировал в приходской повседневности. Такая картина сохранялась в ней даже в условиях постепенного проникновения модернизационных веяний. Взаимное влияние двух социальных групп, таким образом, оказывалось неизбежным, вызывая к жизни специфические культурные, психологические и, как следствие, поведенческие эффекты. Священник не только учил паству основам христианского вероучения и благонравия, но и сам находился под ее трансформирующим воздействием, явно или скрыто перенимая множество разнообразных черт, имманентно присущих культурно-психологическому облику обитателя села, становясь их проводником во внутреннюю приходскую среду.

Данный факт позволяет обоснованно рассматривать приходской клир Казанской губернии в качестве органичной части окружавшего его социума, и оценивать нравы сельского духовенства в том числе сквозь призму крестьянской этики с присущими ей мировоззренческими установками и паттернами поведения. Наиболее надежным аргументом в пользу данного тезиса является тот факт, что подавляющая часть архивных дел, посвященных дисциплинарным нарушениям и морально-нравственным нестроениям в среде причтов губернии касается именно его сельской части. Иными словами, социальной среде, в которой осуществлял свою жизнедеятельность клир, были присущи такие особенности, которые прямо или косвенно определяли профиль его нравов.

Всесторонняя материальная зависимость духовенства от крестьянства создавала весьма специфическую и крайне противоречивую модель отношений двух социальных групп, когда более высокий правовой статус клира практически полностью нивелировался необходимостью поддержания собственной жизнедеятельности за счет прихожан. В таких условиях задача просвещения и нравственной эволюции паствы в соответствии с христианскими императивами, вмененная церковью приходским пастырями, становилась трудноразрешимой. Хронический социальный стресс, обусловленный неустойчивостью экономического состояния и эксплицитно униженно-зависимым положением, стимулировал «выравнивание» правовой неравнозначности двух субъектов

отношений в рамках прихода и понижение планки этических требований не только к крестьянству, но и к самому духовенству. Обстоятельства вынуждали священника к большей нравственной пластичности, гибкости и лояльности по широкому кругу вопросов в целях элементарного выживания. На это, к примеру, указывает многообразие девиаций и нарушений в финансово-экономической сфере.

На этом фоне существенное значение имела дихотомия этики крестьянского мира и прописных норм церковного благочестия, оказавшихся в неустойчивом состоянии в силу исторических причин. Оформленная в сложную и насыщенную систему регламентаций, но трудно реализуемая в имевшихся условиях церковная мораль предопределяла предпочтение представителями причтов ситуативных стратегий и доминирование в их повседневной жизни не столько книжных, сколько обусловленных местной традицией установок и правил поведения. Даже в меняющихся условиях последние продолжали сохранять устойчивость, передаваясь из поколения в поколение, хотя постепенно и подвергались трансформирующему влиянию современности. Исходя из этого, становится понятным, почему значительный пласт отклонений в среде приходского духовенства носил по сути общесоциальный характер. Пьянство, доносительство, различные формы насилия и прочие девиации были одними из ключевых элементов общего фона не столько церковной повседневности, сколько в целом – народной. Даже система кадрового отбора, культивируемая в тот период в церкви, в значительной степени была построена на имплицитном учете позиции прихода. Тем самым происходило замыкание круга причинности. Это хорошо просматривается на основе анализа решений архиереев и духовных консисторий по вопросам наказания и отстранения клириков от мест служения. Судя по источникам, епархиальные власти довольно часто проявляли правовую и этическую непоследовательность по отношению к нравственным аномалиям подчиненного им духовенства прежде всего исходя из прагматических, а порой и вовсе утилитарных соображений. Каноническая категоричность реальной практике правосудия была свойственна редко. Часто итоговые решения принимались

вопреки прописным нормам церкви, чем неизбежно создавались многочисленные негативные прецеденты в области епархиального судопроизводства, консервируя тем самым наиболее архаичные стереотипы поведения в среде низового клира.

Следует отметить, что несмотря на высокую степень интегрированности приходского духовенства в крестьянский «мир», некоторые социальные и культурные границы между двумя группами все же сохранялись, то есть, их синергия не носила абсолютный характер. Однако здесь обнаруживается довольно примечательный парадокс, суть которого сводится к тому, что ядро приходских нестроений очевидно располагалось внутри причтов, а не вовне. Ключевые точки морально-нравственной нестабильности имели место прежде всего в отношениях представителей духовенства между собой, и уже во вторую очередь – в отношениях клира с внешним миром. Данный факт объясним лишь с позиции признания корпоративной замкнутости духовенства и актуализации в связи с этим механизмов внутренней конкуренции.

В контексте выявления особенностей морально-нравственного облика приходских причтов и соответствия их представителей традиционным дисциплинарным и этическим требованиям Православной церкви просматривается в том числе влияние моментов индивидуального и ситуационного свойств, в той или иной мере определявших спецификацию общей картины проблемы. Принятие их во внимание позволяет расширить горизонты объективного понимания рассматриваемого вопроса. В данном случае речь идет об индивидуальном разнообразии отпрысков священно- и церковнослужителей, для определенной части которых был характерен сравнительно низкий уровень способностей и начальной подготовки, что на перспективу предопределяло весьма пестрый в культурно-образовательном плане состав причтов. Исходя из этого стабильное присутствие в приходской среде дисциплинарных погрешностей и широкого спектра проявлений неканонического поведения видится вполне закономерным и объяснимым. Масштабы этой проблемы, как мы показали, не поддаются точной оценке на основе имеющихся источников. Однако ее общие контуры просматриваются вполне отчетливо.

Вместе с тем в нравственно- дисциплинарном плане духовенство отнюдь не было гомогенным. Так, в большинстве случаев именно низовая часть причтов в лице причетников демонстрировала наиболее радикальные и неприемлемые формы поведения, вносявшие видимый разлад в жизнь приходов. Таким образом, имеются основания к выделению прямых корреляций между внутренним церковным статусом, уровнем образования, повседневной культурой и поведенческими практиками представителей клира в рассматриваемый период. Впрочем, несмотря на объективно неблагоприятную атмосферу и имплицитное давление социального окружения, оставались области служения, которые на протяжении всего пореформенного времени находились вне этих негативных тенденций независимо от принадлежности духовного лица к той или иной страте. В данном случае речь идет о религиозной и ритуальной составляющих жизни приходов. Они подвергались наименьшему эрозивному воздействию времени и ситуации, что на общем фоне исследуемой проблемы видится уникальным и, безусловно, требующим более глубокого исследовательского внимания.

Подводя итог, отметим, что этические и дисциплинарные аспекты приходской повседневности второй половины XIX – начала XX вв. являются значимой и интересной исследовательской проблемой, требующей интенсивной разработки не только в региональном, но и в общероссийском контексте. Это позволит сконструировать каркас пока только формирующейся социальной и культурной истории Русской Православной церкви, а также окажет практическую услугу в вопросах социального конструирования и прогнозирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**1. Неопубликованные источники****Государственный архив Республики Татарстан*****Ф. 1. Канцелярия казанского губернатора******Опись 3***

1.1. Д. 6865. Дело об утверждении журналов Казанской казенной палаты о неимении препятствий к поступлению в духовное звание лиц податного сословия, 66 л.

1.2. Д. 11947. Об ученических беспорядках в Казанской духовной семинарии, 10 л.

1.3. Д. 7121. Дело по донесению Чистопольского исправника о нанесении побоев священником села Аксубаева Анастасьева крестьянину Ермолаеву, 4 л.

1.4. Д. 1761. Дело о неестественной смерти священника села Ермакова Чистопольского уезда Добромыслова, 19 л.

1.5. Д. 5835. Дело об умершей жене священника села Чернышевки Тетюшского уезда Анны Никитиной Симоновой, 14 л.

1.6. Д. 2127. Дело об умершем от побоев диаконе Павле Иванове Рангинском, 7 л.

1.7. Д. 7120. Дело по отношению архиепископа Казанского и Свияжского Палладия о предупреждении покушений на жизнь священника Салмина со стороны крестьянина Федотова и других, 8 л.

Ф. 4. Казанская духовная консистория***Опись 1***

1.8. Д. 118868. Дело о взаимных несогласиях между священником села Корноухова Свияжского уезда Николаем Малиновским и его женой Людмилой Капитоновой, 56 л.

1.9. Д. 5658. О выдаче сельским священникам пособия на обзаведение сельским хозяйством, 32 л.

1.10. Д. 118579. Дело с отчетами благочинных за 1903 г., 512 л.

1.11. Д. 5847. О призыве духовенства Казанской епархии к пожертвованию на сооружение храмов в Александрии египетской и других богоугодных заведений, 92 л.

1.12. Д. 6568. Рапорты благочинных о состоянии церквей и духовенства за 1871 г., 425 л.

1.13. Д. 5907. Дело об отрезании неизвестно кем косы у диакона Царевококшайского уезда села Арина Евтихия Беяева, 11 л.

1.14. Д. 5895. Об отнятии диаконом села Арина Е. Беяевым у рядового И. Савельева личных вещей за неуплату руги, 15 л.

1.15. Д. 5917. О выбитии диаконом села Арина Царевококшайского уезда Е. Беяевым стекол в окнах крестьянки А. Семеновой, 6 л.

1.16. Д. 119150. Дело о приеме в духовное звание служащих епархии, 119 л.

1.17. Д. 6862. Дело о пьяном совершении литургий священником Стефаном Беяевым, 37 л.

1.18. Д. 6863. Дело о нетрезвой жизни священника села Трех Озер Стефана Беяева, 38 л.

1.19. Д. 7200. Дело о лицах, находящихся под епитимьей в монастырях Казанской епархии за 1884 г., 4 л.

1.20. Д. 118965. Дело о представлении сведений о заключенных в монастырях Казанской епархии светских и духовных лицах, 78 л.

1.21. Д. 119689. О представлении Святейшему Правительствующему Синоду сведений о заключенных в монастырях светских и духовных лиц, 73 л.

1.22. Д. 6878. Дело с ведомостями о лицах, бывших в 1874 г. под епитимьей в монастырях Казанской епархии, 18 л.

1.23. Д. 6703. Дело о нетрезвой жизни диакона села Кармалов Павла Кирова, 43 л.

1.24. Д. 36. Дело о нетрезвой жизни и небрежном отношении к исполнению своих обязанностей диакона с. Майдан Свяжского уезда Петра Ливанова, 75 л.

1.25. Д. 5744. Дело о том, можно ли отпевать по чину Православной церкви тех лиц, которые умерли от вина, 11 л.

1.26. Д. 5901. Дело о неодобрительной аттестации в поведении за 1862 год священников Лаишевского уезда сел: Шумкова – Николая Демьянова, Мысов – Ивана Акрамовского, причетников: Смолдеярова – Михаила Малиновского и Корноухова – Павла Георгиевского, 15 л.

1.27. Д. 670. Дело о нетрезвой жизни священника села Аркатова Аркадия Политова, 32 л.

1.28. Д. 6871. Дело о нетрезвой жизни безместного священника Платона Садовского, 42 л.

1.29. Д. 5808. Дело о нетрезвой жизни священника, состоящего на причетнической вакансии в селе Кабанах Казанского уезда, Михаила Добросмыслова, 89 л.

1.30. Д. 6878. Дело с ведомостями о лицах, бывших в 1874 г. под епитимьею в монастырях Казанской епархии, 18 л.

1.31. Д. 5810. Дело о неодобрительной жизни причинении Спасского собора заштатного дьячка Михаила Лавинского обиды жене бухгалтера Спасского уездного казначейства Кафарова, 71 л.

1.32. Д. 7159. Дело о нетрезвой жизни диакона села Флорова-Ясака Иоанна Комарова, 27 л.

1.33. Д. 969. Дело по сообщению Казанской палаты уголовного суда о рассмотрении поступка священника Ивана Федорова с. Кукмор в отнятии лошади и денег у черемиса крещенного Ивана Ильина, 11 л.

1.34. Д. 5818. Дело о причинении священником села Утякова Свяжского уезда Гавриилом Рутовым побоев крестьянину деревни Тенебяковой Бахтияру Бакаеву с отнятием у него лучины, 19 л.

1.35. Д. 118935. Дело о монахе Свяжского Успенского Богородицкого монастыря Евгении по обвинению в мужеложстве, 18 л.

1.36. Д. 118783. Дело о священнике села Вязовых Свияжского уезда Александре Вишневецком по обвинению в растлении девицы Елизаветы Соколовой, 15 л.

1.37. Д. 7250. Дело о священнике Екатерининской слободы Чистопольского уезда Николае Зефирове, обвиняемом в нетрезвости и небрежном отношении к своим обязанностям, 69 л.

1.38. Д. 6738. Дело по жалобе прихожан села Муратова на местного священника Евлампия Петропавловского, 7 л.

1.39. Д. 6757. Дело относительно порядка принесения Святейшему Синоду со стороны духовных лиц просьб и жалоб на действия непосредственных их начальств, 2 л.

1.40. Д. 6715. Дело о священнике села Индырчей Иоанне Можаровском по жалобе на него местных прихожан, 30 л.

1.41. Д. 5885. Дело о снятии священнической женою Ядринского уезда села Асакас Мариею Никифорововою Троицкой платья с Ядринского мещанского сына Владимира Шадрина, 23 л.

1.42. Д. 5722. Дело о причинении священником села Чернышевки Тетюшского уезда Алексеем Симоновым побоев в священническом облачении крестьянину деревни Ивановки Филиппу Семенову, 84 л.

1.43. Д. 5689. Дело об избиении диаконом села Подберезья Свияжского уезда Степаном Разумовым 11-летнего сына того же села крестьянина Онуфрия Петрова Василя, 16 л.

1.44. Д. 5918. Дело о причинении диаконом Свияжского уезда села Подберезья Степаном Разумовым бывшем в нетрезвом виде побоев в кабаке крестьянину того же села Степану Мартимианову, 36 л.

1.45. Д. 6751. Дело о священнике села Кукмора Феодоре Скворцове по жалобе на него местного церковного старосты крестьянина Якова Савыкова, 5 л.

1.46. Д. 6880. Дело о сложении безместным священником села Аделякова Чистопольского уезда Семеном Агеносовым с себя священнического сана, л. 44.

1.47. Д. 6860. Дело о священнике села Татмышева Александре Ясницком, 61 л.

1.48. Д. 5902. Дело о дозволении священником Ядринского уезда села Убеева Яковом Никопольским своим прихожанам из чуваш крещенных придавать земле умерших в шапках, л. 26.

1.49. Д. 6727. Дело о совершении священником Казанской Духосошестввенской церкви Евгением Разумовским елеосвящения над бессознательно больной мещанской девицей Екатериной Яковлевой, 11 л.

1.50. Д. 5880. Дело о повенчании священнослужителями Лаишевского уезда села Аркатова несовершеннолетнего брака и об обиде священником Василием Ядриным остальной причт доходами, 14 л.

1.51. Д. 5824. Дело о противозаконных поступках Свияжского уезда села Косякова Феопелита Тихомирова, 42 л.

1.52. Д. 5774. Дело о беспорядках по церковным суммам и прочем в селе Смолдеярове Лаишевского уезда, 111 л.

1.53. Д. 5811. Дело о считании недействительными все донесения, сделанные благочинным Цивильским протоиереем Романовским на священника села Багильдина Иоанна Акрамовского, 6 л.

1.54. Д. 5912. Дело об опущениях по должности за нетрезвостью наблюдающего в селе Куланге Свияжского уезда священника Алексея Аполлинариева, 43 л.

1.55. Д. 5904. Дело о неслужении священником Лаишевского уезда села Мысов Иваном Акрамовским Царских молебнов 27 и 30 июня по нерадению, 9 л.

1.56. Д. 6749. Дело о повенчании священником села Рождествена Василием Орловым крестьян села Тангичей Спиридона Филиппова и Герасима Платонова с несовершеннолетними их невестами, 15 л.

1.57. Д. 6715. Дело о священнике села Индырчей Иоанне Можаровском по жалобе на него местных прихожан, 30 л.

1.58. Д. 4. Дело о нетрезвости священника села Шумжеваш Ядринского уезда Никольского и о низведении в помощники настоятеля, 12 л.

1.59. Д. 5572. Дело о неотдаче благочинным Рапидовым диакону Чистопольской спасской церкви Григорию Казанскому должной части из денег, вырученных первым за землю, 5 л.

1.60. Д. 6906. Дело о растрате церковной суммы и имущества священником села Абдей Богоявленским, 81 л.

1.61. Д. 119972. Дело с отчетами благочинных о состоянии церквей и приходов за 1905 г., 508 л.

1.62. Д. 5920. Дело об отлучении священником села Чуры Мамадышского уезда Василием Кремковым от служения местного пономаря Матфея Мудрова с лишением его доходов, 72 л.

1.63. Д. 6861. Дело о священнике села Макулова Рафаиле Лебедеве, 23 л.

1.64. Д. 6471. Дело о нетрезвой жизни священника села Тавелей Сергия Левашева, 18 л.

1.65. Д. 6838. Дело о священнике села Мамонина Гаврииле Гародском, 17 л.

1.66. Д. 6839. Дело о священнике села Кукмор Мамадышского уезда Феодоре Скворцове, 5 л.

1.67. Д. 6863. Дело о заключении в монастырь дьяческого сына Порфирия Кармальского, 7 л.

1.68. Д. 5873. Дело об улучшении быта православного духовенства Казанской епархии, 295 л.

1.69. Д. 5592. О неотдаче священником села Сотникова Феодором Целерецким причитающиеся части дохода диакону того села Павлу Милонову в количестве 100 руб., 77 л.

1.70. Д. 5887. О причинении священником Чистопольского уезда Архангельской слободы Иоанном Ляпидевским побоев крестьянину той же слободы Андрею Константинову Семенову, 50 л.

1.71. Д. 5897. О причинении священником Ядринского уезда села Чувашской Сормы Евграфом Ломоносовым крестьянке Анне Яковлевой побоев, 49 л.

Опись 88

1.72. Д. 4. Дело о пьянстве и прочих неприличных поступках причетника села Базяково Спасского уезда Семена Семенова Нечаева, 19 л.

Опись 90

1.73. Д. 36. Дело о нетрезвой жизни и небрежном отношении к исполнению своих обязанностей диакона с. Майдан Свяжского уезда Петра Ливанова, 75 л.

Опись 94

1.74. Д. 59. О неблагонадежности сельских священников Богословского, Левицкого, Тюмеревского и др., восстанавливающих крестьян против распоряжения правительства, 101 л.

1.75. Д. 54. Дело по обвинению священника Лаишевского Софийского собора Никольского в нетрезвой жизни и неисправном исправлении своих обязанностей, 140 л.

1.76. Д. 58. Дело об избиении причетником А. Вознесенским священника Константина Никольского, 214 л.

1.77. Д. 31. Дело о потворстве священником села Шумкова Лаишевского уезда Николаем Демьяновым, 135 л.

Опись 96

1.78. Д. 37. Дело о причинении диаконом Цивильского уезда села Багильдина Артемием Десницким побоев крестьянской девке Прасковье Федоровой, 46 л.

1.79. Д. 11. О потворстве раскольникам, 33 л.

1.80. Д. 22. Дело о насильственном повенчании крестьянской девушки села Шумкова Авдотьи Петровой с крестьянином деревни Красновидовой Чистопольского уезда Григорием Теофилактовым, 13 л.

1.81. Д. 14. Дело об удалении из села Жедяевки Спасского уезда священника Петра Сатрапинского, 56 л.

Опись 98

1.82. Д. 25 а. Рапорты благочинных о неблаговидных поступках духовных лиц (о краже и пьянстве), 58 л.

Опись 105

1.83. Д. 6. Рапорты благочинных о состоянии церквей, богадельнях, школах и благочестия в народе Свияжского, Лаишевского, Козьмодемьянского и других уездов Казанской губернии, 363 л.

Опись 106

1.84. Д. 9. Дело об увольнении церковного старосты и о ложном показании на священника П. Парисова о нетрезвой жизни, 10 л.

Опись 111

1.85. Д. 5. Рапорты благочинных о состоянии церквей и благочестия в народе по Казанскому, Чистопольскому, Тетюшскому, Цивильскому и другим уездам за 1879 г., 280 л.

Опись 112

1.86. Д. 4. Рапорты благочинных о состоянии церквей и духовенства за 1880 г., 140 л.

1.87. Д. 13. Дело о пьянстве псаломщика с. Нырьи Д. Петрова, 120 л.

Опись 123

1.88. Д. 1. Дело о лишении священнического сана священника Казанского уезда села Каймар В. Тихомирова за нетрезвую жизнь и перемещение его в псаломщики, 190 л.

Опись 124

1.89. Д. 2. Дело о привлечении к ответственности псаломщика с. Богатырева А.В. Цивильского за бесчестие дочери псаломщика того же села Ядринского уезда М. Богатырева девицы Марии, 81 л.

Опись 131

1.90. Д. 8. О состоянии церквей, причтов и приходов за 1899 год, 424 л.

1.91. Д. 23. О состоянии церквей и причтов за 1899, 579 л.

1.92. Д. 5560. Дело о неразделе жалования священником села Бирюлей с дьячком Шумиловым, 26 л.

1.93. Д. 6819. Дело о злоупотреблениях по церквам села Устья, 18 л.

1.94. Д. 7159. Дело о нетрезвой жизни диакона села Флорова-Ясака Иоанна Комарова, 27 л.

1.95. Д. 120399. Дело о Казначее Казанского Успенского Зилантова монастыря иеромонахе Варнаве по обвинению в утайке денег, 30 л.

1.96. Д. 6704. Дело о неприятных отношениях священника села Тетева Василия Некрасова к местным прихожанам, 15 л.

1.97. Д. 5831. Дело о том, что жена священника села Арина Царевококшайского уезда Петра Поликарпова Мария Поликарпова с сыном своим Алексеем в отсутствии мужа собирают с прихожан-черемис деньги на выдачу им свидетельства о бытии на исповеди и у св. причастия, 6 л.

1.98. Д. 6709. Дело о выдаче священником села Шумшеваш Никольским крестьянину Соколову фальшивых двухрублевых кредитных билетов, 10 л.

1.99. Д. 684626. Дело о священнике Красного Яра Николае Цветкове, л. 26.

1.100. Д. 6814. Дело о злоупотреблениях по церкви пригорода Билярска допускаемых священником Орловым, 27 л.

1.101. Д. 120284. Дело о священнике села Мамонино Казанского уезда Александре Цветкове по обвинению в вымогательстве излишней платы за совершение брака, 31 л.

1.102. Д. 6759. Дело о буйстве писца Казанской духовной консистории Петра Острякова, 34 л.

1.103. Д. 6465. Дело о нетрезвой жизни священника села Ковалей Семена Рождественского и о прочих его проступках, 57 л.

1.104. Д. 6705. Дело о беспорядочной жизни священника Чебоксарской Воскресенской церкви Виктора Вишневого, 36 л.

1.105. Д. 6468. Дело о противозаконных поступках священника села Татмышева Василия Мефодиева, 4 л.

1.106. Д. 119638. Дело о диаконе села Жидяевки Спасского уезда Петра Шонгутского по обвинению в краже денег, нетрезвости и самовольной отлучке из прихода, 44 л.

1.107. Д. 5454. Дело о том, чтобы священнослужащие лица православного духовенства старались о распространении трезвости между крестьянами, 5 л.

1.108. Д. 5936. Дело о предупреждении настоятелей и настоятельниц монастырей Казанской епархии, чтобы они при монастырях своих не дозволяли откупщикам устраивать склады вина и спирта, 13 л.

1.109. Д. 10. Прошения духовных лиц о переводе из духовенства в гражданское звание и выдаче метрических справок Казанского, Чистопольского, Лаишевского, Царевококшайского и других уездов, 82 л.

1.110. Д. 5601. Дело об удалении запрещенного в священнослужении священника Семена Ильинского от должности дьячка, занимаемой им в селе Рыбной Слободе Лаишевского уезда за его нетрезвую жизнь и предосудительные поступки, 88 л.

1.111. Д. 5836. Дело о нетрезвости священника Свияжского уезда села Шашевки Всеволода Вишневого и о припадке, случившемся с ним во время чтения Евангелия при утреннем богослужении и обогрении им Св. Престола кровью, 81 л.

1.112. Д. 5528. Ведомость о лицах, находящихся в монастырях под епитимьей за 1859 г., 32 л.

1.113. Д. 5427. Дело о произведении тревоги во нетрезвости священником села Кошелей Цивильского уезда Василия Сереброва, 45 л.

1.114. Д. 6466. Дело о нетрезвой жизни священника Ивана Никольского и прочих лиц, 26 л.

1.115. Д. 6747. Дело о нетрезвой жизни священника села Трех Озер Стефана Беяева, 17 л.

1.116. Д. 6702. Дело о нетрезвой жизни священника села Щапова Флегонта Виноградова и причетников села Азанова Соловьева и Семеновки Иларионова, 18 л.

1.117. Д. 7243. Дело о благосостоянии церквей и духовенства Казанской епархии. Начато 16 мая 1886 г., 23 апреля 1887 года, 264 л.

1.118. Д. 6841. Дело о нетрезвости и вообще неблагоповедении священника слободы Александровой Георгия Тринитатова, 56 л.

1.119. Д. 7218. Дело о нетрезвой жизни диакона села Вознесенского Константина Источникова и псаломщика Павла Кудрявцева, 27 л.

1.120. Д. 5707. Дело о неодобрительной аттестации причетника села Акрамова Космодемьянского уезда Виктора Троицкого за нетрезвость и буйство. Тут же и обстоятельства о пьянстве священника Евгения Разумовского, 103 л.

1.121. Д. 5811. О нетрезвой жизни священников села Ковалей Петра Добромыслова и Ивана Ливатова, 30 л.

1.122. Д. 5828. Дело о причинении причетником Спасского уезда села Болгар Яковом Николаевым Лебедевым побойств, 72 л.

1.123. Д. 5815. Дело о побойстве причиненном крестьянину Цивильского уезда деревни Митницы Козьме Иванову причетником села Шигалей Григорием Тихоплесским вместе с женою своею Марьею Петровою, 75 л.

1.124. Д. 5897. О причинении священником Ядринского уезда села Чувашской Сормы Евграфом Ломоносовым крестьянке Анне Яковлевой побоев, 49 л.

1.125. Д. 5827. Дело о злогубительном намерении послушника Царевококшайской Мирносицкой пустыни Николая Парийского на жизнь настоятеля иеромонаха Елифания и о неблагоприятных действиях священника того же монастыря Стефана Цивильского, 55 л.

1.126. Д. 5725. Дело о нетрезвости запрещенного священника, состоящего на причетнической должности Казанского уезда в селе Александровке, Адриана Новикова, 33 л.

1.127. Д. 5715. Дело об оклеветании священником Космодемьянской Тихвинской церкви Яковом Виноградовым крестьянина Федора Зиновьева, 11 л.

1.128. Д. 5417. Дело о переписке священником Чистопольского уезда села Аксубаева Михаилом Карганским по нетрезвой его жизни и неблагопристойному поведению по своему приходу треб, исполняемых им же самим, 52 л.

1.129. Д. 5271. Дело о бытии священника Казанского кафедрального собора Петра Аретинского на выносе тела покойного Преосвященного Владимира сильно пьяным, 14 л.

1.130. Д. 5294. Дело о нетрезвости села Высокой Горы наблюдающего священника Петра Кубасова с дьячком Алексеем Митропольским, 45 л.

1.131. Д. 5623. О нерадении по службе диакона села Шутнерова Чебоксарского уезда М. Нелидова, 64 л.

1.132. Д. 5611. О нерадивости священника села Подберезья Свияжского уезда С. Фортунатова, 64 л.

1.133. Д. 5919. Дело о недопущении священником Цивильского уезда села Багильдина Иваном Акрамовским к священнодействию местного диакона Артемия Десницкого, 14 л.

1.134. Д. 5602. О незаконном венчании причтом Боголюбской церкви г. Казани подпоручика 4-го резервного батальона Богородского полка М. Стародубского, 97 л.

1.135. Д. 120693. О самовольном основании в приходе села Абызово Ядринского уезда женской общины, 55 л.

1.136. Д. 5558. Дело о неподписании Космодемьянской Тихвинской церкви Яковом Виноградовым приходно-расходных книг и прочих преступлениях его, 89 л.

1.137. Д. 119511. Дело о священнике села Сунгелей Чистопольского уезда Павла Афанасьева по обвинению его в вымогательстве излишней платы за совершение брака, 11 л.

1.138. Д. 5883. О поборах, чинимых священноцерковнослужителями Космодемьянского уезда с. Оринина, со своих прихожан, 173 л.

1.139. Д. 5604. Об увеличенном сборе священником села Омтормо-Юмки Мамадышского уезда Иваном Меньшиковым с прихожан своих руги и неправильном показывании числа учащихся у него учеников, 12 л.

1.140. Д. 1. О грубых поступках священника Спасского уезда с. Старой Шанталы Христорождественской церкви И. Краснова во время богослужения и исправления треб, 33 л.

1.141. Д. 120345. Дело о священнике села Эштебенкина Чистопольского уезда Филиппе Кувалдине по обвинению в вымогательстве излишней платы за требоисправления, 21 л.

1.142. Д. 5890. Дело о разных противозаконных поступках священника села Подберезья Свияжского уезда Стефана Фортунатова, 37 л.

1.143. Д. 6476. Дело о неблагоповедении священника села Кильдеева Петра Гурьева, 10 л.

1.144. Д. 7523. Дело о священнике села Васильева Стефане Фортунатове, обвиняемого в нечистой связи с солдаткой Матреной Терентьевой, 34 л.

1.145. Д. 37. Дело о безнравственном поведении священника Воскресенской церкви с. Шапкилей Космодемьянского уезда Н. Виноградова, 80 л.

1.146. Д. 10. Дело о притеснениях и оскорблении словами в церкви за богослужением священником села Икшурмы Козьмою Прокопьевым учительницы того села Евдокии Петровой, 27 л.

Опись 133

1.147. Д. 3. О разрешении совершать православным священникам треб для лиц, присоединившихся из раскола, к православию, об устройстве молитвенных домов в деревнях, о выписке книг духовного содержания, 189 л.

1.148. Д. 42. Отчет благочинных по обозрению церквей, причтов и прихожан по Казани и Уездам Казанской губернии, 276 л.

Опись 134

1.149. Д. 62. По обвинению псаломщика церкви с. Сокольных Гор Денисова в пьянстве и хищении церковного вина и денег, 62 л.

Ф. 5. Лаишевское духовное правление

1.150. Д. 11. Дело о взыскании со священника села Шуран Лаишевского уезда Архангельского Якова за не служение им литургии в селе Фролово Тетюшского уезда, 16 л.

1.151. Д. 10. Дело о совершении в нетрезвом виде священником села Гусихи Спасского уезда Тихомировым Феопалиптом утренней службы в 1-ый день Святой Пасхи, 42 л.

1.152. Д. 12. Дело о нанесении побоев священнику села Монастырского Урая Лаишевского уезда Симонову Алексею учителем приходского училища того же села Утехиным Федором, 32 л.

1.153. Д. 13. Сообщения из Лаишевского земского суда о раскольниках; Свяжского духовного правления о непристойных поступках духовенства, поведении учеников и учителей приходских училищ, 69 л.

Ф. 116. Казанская духовная семинария***Опись 1***

1.154. Д. 1128. Дело Правления Казанской духовной семинарии о беспорядках в семинарии, проведенных воспитанниками, 24 л.

1.155. Д. 942. Дело о беспорядках в общежитиях семинарии, 38 л.

Государственный исторический архив Чувашской Республики***Ф. 10. Мировой посредник Чебоксарского уезда******Опись 1***

1.156. Д. 98. Переписка с Чебоксарским уездным исправником, волостными правлениями и должностными лицами, священником Богородской церкки с. Шунтерево о выборах должностных лиц, взыскании недоимок с крестьян, выплате жалованья, о злоупотреблениях должностных лиц, по прошениям крестьян и другим вопросам за 1874 г., 148 л.

Ф. 515. Яковлев И.Я.***Опись 1***

1.157. Д. 137. Письмо А.И. Баратынского И.Я. Яковлеву о жалобах, поступающих на священников из чувашей от 18 апреля [1885] г., 1 л.

Государственный архив Республики Марий Эл

Ф. 100. Козьмодемьянское уездное полицейское управление Казанской губернии

Опись 1

1.158. Д. 13. Дело о нанесении побоев и оскорблении священника Малокарачкинской церкви Ивана Добромыслова во время крестного хода, 56 л.

Российский государственный исторический архив***Ф. 796. Канцелярия Синода******Опись 445***

1.159. Д. 291. Статистические сведения о лицах, получивших сан священника с 1906 по 1912 гг. по каждой епархии в отдельности с указанием их образовательного ценза, 52 л.

Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода***Опись 78***

1.160. Д. 124. По письму почетного гражданина С. Поливанова о неблаговидном поведении наместника Седмиозерной пустыни Казанской епархии архимандрита Гавриила и казначея иеромонаха Тихона, 7 л.

Ф. 803. Училищный совет при Синоде***Опись 5***

1.161. Д. 1325. О церковно-учительской школе в г. Томск, 227 л.

2. Опубликованные источники

Законодательные акты, отчеты, обзоры, статистические и другие материалы

2.1. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей: (сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства): в 2 т. / С.В. Булгаков. – 3-е изд., испр. и доп., репр. – М.: Захаров Н.С., 2018. – Т. 1–2.

2.2. Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 780 с.

2.3. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 г. – Пг.: Синодальная тип., 1915. – 142 с.

2.4. Григорий (Граббе Г.), епископ. Правила Константинопольского Двукратного Собора. – Текст: электронный // Каноны православной церкви / епископ Григорий (Г. Граббе). – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-pravoslavnoj-tserkvi-grabbe/15> (дата обращения: 13.02.2022).

2.5. Духовенство из инородцев в Казанской епархии. – Казань: Губернская тип., 1878. – 9 с.

2.6. Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 г. – СПб.: Синодальная тип., 1864. – 149 с.

2.7. Канонические правила Православной Церкви с толкованиями. Карфагенский собор 393–419 гг. – Текст: электронный. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/pravila-i-sobory-pravoslavnoj-cerkvi-karfagenskij-sobor/#0_90 (дата обращения: 01.01.2022). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

2.8. Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Ч. 1 и 2. Донесения свитских генералов и флигель-адъютантов, губернских прокуроров и уездных стряпчих / [отв. ред. Н.М. Дружинин]; Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – 367 с.

2.9. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – СПб.: Военная тип., 1861. – [Т. 8]: Казанская губерния / сост. М. Лаптев. – 613 с.

2.10. *Милованов И.* О преступлениях и наказаниях церковных по канонам древней Вселенской Церкви / И. Милованов. – Текст: электронный. – URL: http://www.odinblago.ru/nakaza_po_kanonam#59 (дата обращения: 13.02.2022).

2.11. Об ограничении приема в духовно-учебные заведения детей иносословных // Циркуляр по духовно-учебному ведомству. – 1900. – № 20. – С. 9–10.

2.12. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.: с приложением предметного алфавитного указателя. – СПб.: Кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. – 253 с.

2.13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1904. – Т. XVI: Казанская губерния. – 284 с.

2.14. По вопросу о приеме в духовные семинарии иносословных воспитанников // Церковные ведомости. – 1900. – № 42. – С. 344–345.

2.15. Положения о сельском состоянии. – СПб.: Тип. II отд. Собств. ЕИВ Канцелярии, 1876. – [2], 778, 37 с.

2.16. Повесть временных лет / пер. с древнерус. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова; коммент. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова [и др.]; ил. М. Мечева. – СПб.: Вита Нова, 2012. – 512 с.

2.17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ Канцелярии, 1830. – Т. 23. – 974 с.

2.18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ Канцелярии, 1877. – Т. 50, отд. 2. – 513 с. 532 с.

2.19. Правила Четвертого Вселенского Собора. – Текст: электронный // Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». – URL: <https://sedmitza.ru/lib/text/435474/> (дата обращения: 01.01.2022).

2.20. Правила Святых Апостол, Святых Соборов, Вселенских и Поместных и Святых Отец с толкованиями. – М.: Изд. Моск. О-ва любителей духовного просвещения, 1876. – [Вып. 1]: Правила святых апостол с толкованиями. – 176 с.

2.21. *Риттих А.Ф.* Казанская губерния / А.Ф. Риттих. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1870. – (Материалы для этнографии России; № 14).

2.22. Свод законов Российской империи: [в 16 т.] / сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. – СПб.: Рус. кн. т-во «Деятель», 1912. – 8679 с.

2.23. Служебник: в 2 ч. – М.: Изд-во Моск. патриархата, 1991. – 606 с.

2.24. *Соловьев Е.Т.* Гражданское право: очерки народного юридического быта / Е.Т. Соловьев. – Казань: Тип. Губ. правл., 1888. – Вып. 1. – 166 с.

2.25. Статистические таблицы Российской империи, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ Канцелярии, 1863. – [Вып. 2]: Наличное население Империи за 1858 год. – 330 с.

2.26. Стоглав: [Собор, бывший в Москве при государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето от с. м. 7059, а от р. х. 1551)] / изд. Д.Е. Кожанчикова. – СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1863. – 334 с.

2.27. *Тихомиров Т.С., священник.* Инструкция благочинному приходских церквей // На приходе: [практ. рук. для священника] / священник Т.С. Тихомиров. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 2002. – С. 118–125.

2.28. Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных [1845 г.]. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ Канцелярии, 1845. – 896 с.

2.29. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / сост. С.Н. Таганцев. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1886. – 714 с.

2.30. Устав духовных консисторий: утв. 27 марта 1841 г. – СПб.: Синодальная тип., 1841. – 134 с.

2.31. Устав духовных консисторий: [утв. 9 апр. 1883 г.]. – СПб.: Синодальная тип., 1883. – 200 с.

2.32. Устав строительный, измененный по продолжениям 1876 и 1879 гг., с разъяснениями по решениям Уголовного кассационного департамента

Правительствующего сената и приложением циркуляров Министерства внутренних дел и позднейших узаконений. – СПб.: Тип. К.К. Ретгера, 1881. – 428 с.

2.33. Устав гражданского судопроизводства: [утв. 20 ноября 1864 г.]. – СПб.: [Юрид. тип.], 1864. – 33 с.

2.34. Устав уголовного судопроизводства [1864 г.] / сост. С.Г. Щегловитов. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1907. – 1012 с.

2.35. Указатель к циркулярам по духовно-учебному ведомству / сост. архим. Никодим, смотритель СПб. Александро-Невского духовного училища. – СПб.: Тип. М.И. Акинфиева и И.В. Леонтьева, 1902. – 24 с.

Источники личного происхождения

2.36. *Аросев А.Я.* Казанские очерки о революции 1905 г. / А.Я. Аросев. – Казань: Тип. «Восток», 1925. – 90 с.

2.37. *Беллюстин И.С., священник.* Описание сельского духовенства / священник И.С. Беллюстин. – Berlin: A. Asher et C, 1858. – 166 с.

2.38. *Григорий (Постников Г.П.), архиепископ.* Беседы с духовенством Казанской епархии Григория, архиепископа Казанского. – СПб.: Тип. Г. Трусова, 1855. – 158 с.

2.39. *Булгаков С.Н., прот.* Автобиографические заметки / прот. С.Н. Булгаков. – М.: Директ-медиа, 2016. – 138 с.

2.40. *Валуев П.А.* Дневник: в 2 т. Т. 1. 1861–1864 / П.А. Валуев. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1861. – 421 с.

2.41. *Горький А.М.* О русском крестьянстве / А.М. Горький. – Берлин: Ладыжников, 1922. – 43 с.

2.42. *Евлогий (Георгиевский В.С.), митрополит.* Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия, излож. по его рассказам Т. Манухиной. – Париж: YMCA-press, Sor, 1947. – 677 с.

2.43. *Игнатий (Брянчанинов Д.А.), святитель.* Аскетические опыты / святитель Игнатий (Д.А. Брянчанинов). – М.: Паломник, 2006. – Т. 1. – 716 с.

2.44. *Николай Японский, свт.* Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского, по его своеручным записям. – СПб.: Сев.-Зап. библейс. комис., 1996. – 191 с.

2.45. *Победоносцев К.П.* Московский сборник // Сочинения / К.П. Победоносцев. – М.: Наука, 1996. – С. 264–471.

2.46. *Помяловский Н.Г.* Зимний вечер в бурсе. Очерк первый // Избранное / Н.Г. Помяловский. – М.: Сов. Россия, 1980. – С. 260–298.

2.47. *Попов А.А., прот.* Воспоминания причетнического сына: из жизни духовенства Вологодской епархии / прот. А.А. Попов. – Вологда: Тип. Духовного правления, 1913. – 348 с.

2.48. *Розанов А.И.* Записки сельского священника: быт и нужды православного духовенства / А.И. Розанов. – СПб.: Рус. старина, 1882. – 324 с.

2.49. *Розанов В.В.* Около церковных стен / В.В. Розанов. – СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. – Т. 1. – 416 с.

2.50. *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд / В.Н. Фигнер. – М.: Задруга, 1922. – Т. 1. – 348 с.

2.51. *Фукс А.А.* Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии: [переписка А.А. Фукс с К.Ф. Фуксом]. – Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1840. – 329 с.

Исследовательская, аналитическая и публицистическая литература

2.52. *Бородин Д.Н.* Кабак и его прошлое / Д.Н. Бородин. – СПб.: Типо-лит. «Виленчик», 1910. – 98 с.

2.53. *Булгаков С.В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей (сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства) / С.В. Булгаков. – Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1913. – 1794 с.

2.54. *Голубинский Е.Е.* История Русской церкви / Е.Е. Голубинский. – М.: Унив. тип., 1901. – Т. 1. – 968 с.

2.55. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда: этюд об организации высших обществ / Э. Дюркгейм; пер. с фр. П. Юшкевич. – Одесса: Тип. Г.М. Левинсона, 1900. – 332 с.

2.56. *Дюркгейм Э.* Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности (современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 39–44.

2.57. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.

2.58. *Загоскин Н.П.* История права русского народа / Н.П. Загоскин. – Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1899. – Т. 1. – 512 с.

2.59. *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра / П.В. Знаменский. – Казань: Унив. тип., 1873. – 855 с.

2.60. *Иоанн Златоуст, свт.* Собрание сочинений / свт. Иоанн Златоуст. – Текст: электронный. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/sobranie-sochinenij/#t2 (дата обращения: 14.05.2023).

2.61. Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной литургии: основано на Священном Писании, правилах Вселенских и Поместных соборов и на Писании св. отцев церкви / сост. И.И. Дмитриевский. – М.: Изд. отдел Моск. Патриархата, 1993. – 427 с. поставьте по алфавиту

2.62. *Копяткевич В.А.* Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие, 1897–1911 гг. / В.А. Копяткевич. – Петрозаводск: Олонецкая губернская тип., 1914. – 25 с.

2.63. *Краинский Н.В.* Порча, кликуши и бесноватые / Н.А. Краинский. – СПб.: Тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1900. – 46 с. – Отт. из журнала «Русский медицинский вестник».

2.64. *Ленин В.И.* Сочинения: в 30 т. / В.И. Ленин. – М., Л.: Госиздат, 1929. – Т. 17. – 822 с.

2.65. *Ломброзо Ч.* Женщина преступница и проститутка / Ч. Ломброзо. – Киев; Харьков: Ф.А. Иогансон, 1897. – 477 с.

2.66. *Малов Е.А., прот.* Миссионерство среди мухаммедан и крещенных татар / прот. Е.А. Малов. – Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1892. – 462 с.

2.67. *Минх А.Н.* Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии: собраны в 1861–1888 гг. / А.Н. Минх. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1890. – 150 с.

2.68. *Милованов И.М.* О преступлениях и наказаниях церковных (по канонам древней Вселенской церкви) / И.М. Милованов. – СПб.: Тип. Ф. Елконского и К°, 1888. – 209 с.

2.69. *Никитин М.П.* К вопросу о кликушестве / М.П. Никитин // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. – 1903. – № 9. – С. 656–668.

2.70. Об искоренении пьянства в духовных лицах // Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода, 1721–1878 гг. – М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1879. – С. 274–275.

2.71. *Осипов В.П.* Одержимость гадами и ее место в классификации психозов / В.П. Осипов // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 1905. – № 2. – С. 122–139.

2.72. *Пеликан Е.В.* Судебно-медицинские исследования скопчества и исторические сведения о нем / Е.В. Пеликан. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872. – Ч. 2. – 257 с.

2.73. *Петров А.П.* Случай кликушества с помешательством / А.П. Петров // Русский медицинский вестник. – 1900. – № 2. – С. 6–14.

2.74. *Поляков П.И.* Православное духовенство в борьбе с народным пьянством: доклад комиссии по вопросу об алкоголизме / П.И. Поляков. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. – 25 с.

2.75. *Попов А.В.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву / А.В. Попов. – Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1904. – 516 с.

2.76. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 9. Казанская губерния: Спасский и Лаишевский уезды. – Казань: Центр рус. фольклора, 2017. – 432 с.

2.77. *Самойлов Л.* Этнография лагеря / Л. Самойлов. – Текст: электронный // Советская этнография. – 1990. – № 1. – С. 96–108. – URL: <http://a-pesni.org/dvor/piter/a-etnlageria.php> (дата обращения: 09.02.2022).

2.78. *Сбоев В.А.* О быте крестьян в Казанской губернии / В.А. Сбоев. – Казань: Дубровин, 1856. – 38 с.

2.79. *Феодор (Бухарев А.М.), архим.* О православии в отношении к современности / архим. Феодор (А.М. Бухарев). – СПб.: Странник, 1860. – 332 с.

2.80. *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г.С. Фельдштейн. – Ярославль: Тип. Губ. Правления, 1909. – 668 с.

2.81. *Чичерина С.В.* У приволжских инородцев: путевые заметки / С.В. Чичерина. – СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1905. – 633 с.

2.82. *Шипов Н.Н.* Алкоголизм и революция / Н.Н. Шипов. – СПб.: Тип. С.-Петербург. градоначальства, 1908. – 79 с.

2.83. *Щебальский П.К.* Черты из народной жизни в XVIII веке / П.К. Щебальский // Отечественные записки. – 1861. – Т. 138. – С. 438–450.

2.84. *Энгельгардт М.А.* Прогресс как эволюция жестокости / М.А. Энгельгардт. – СПб.: Ф. Павленков, 1899. – 212 с.

3. Периодические издания

3.1. Женское образование. СПб., 1879. № 1.

3.2. Известия по Казанской епархии. Казань, 1867. № 1.

3.3. Известия по Казанской епархии. Казань, 1867. № 12.

3.4. Известия по Казанской епархии. Казань, 1867. № 20.

3.5. Известия по Казанской епархии. Казань, 1868. № 5.

3.6. Известия по Казанской епархии, Казань, 1868. № 7.

3.7. Известия по Казанской епархии. Казань, 1868. № 12.

3.8. Известия по Казанской епархии. Казань, 1868. № 16.

3.9. Известия по Казанской епархии, Казань, 1868. № 18.

3.10. Известия по Казанской епархии. Казань, 1868. № 21.

- 3.11. Известия по Казанской епархии. Казань, 1869. № 4.
- 3.12. Известия по Казанской епархии. Казань, 1869. № 14.
- 3.13. Известия по Казанской епархии. Казань, 1869. № 15.
- 3.14. Известия по Казанской епархии. Казань, 1869. № 16.
- 3.15. Известия по Казанской епархии. Казань, 1870. № 2.
- 3.16. Известия по Казанской епархии. Казань, 1870. № 14.
- 3.17. Известия по Казанской епархии. Казань, 1870. № 15.
- 3.18. Известия по Казанской епархии. Казань, 1870. № 19.
- 3.19. Известия по Казанской епархии. Казань, 1870. № 22.
- 3.20. Известия по Казанской епархии. Казань, 1870. № 23.
- 3.21. Известия по Казанской епархии. Казань, 1871. № 10.
- 3.22. Известия по Казанской епархии. Казань, 1871. № 14.
- 3.23. Известия по Казанской епархии. Казань: 1872. № 8.
- 3.24. Известия по Казанской епархии. Казань, 1872. № 10.
- 3.25. Известия по Казанской епархии. Казань, 1872. № 17.
- 3.26. Известия по Казанской епархии. Казань, 1873. № 9.
- 3.27. Известия по Казанской епархии. Казань, 1873. № 15.
- 3.28. Известия по Казанской епархии. Казань, 1874. № 2.
- 3.29. Известия по Казанской епархии. Казань, 1874. № 5.
- 3.30. Известия по Казанской епархии. Казань, 1874. № 7.
- 3.31. Известия по Казанской епархии. Казань, 1874. № 10.
- 3.32. Известия по Казанской епархии. Казань, 1874. № 15.
- 3.33. Известия по Казанской епархии. Казань, 1874. № 18.
- 3.34. Известия по Казанской епархии. Казань, 1874. № 23.
- 3.35. Известия по Казанской епархии. Казань, 1875. № 7.
- 3.36. Известия по Казанской епархии. Казань, 1875. № 13.
- 3.37. Известия по Казанской епархии. Казань, 1876. № 15.
- 3.38. Известия по Казанской епархии. Казань, 1876. № 18.
- 3.39. Известия по Казанской епархии. Казань, 1876. № 9.
- 3.40. Известия по Казанской епархии. Казань, 1877. № 1.

- 3.41. Известия по Казанской епархии. Казань, 1877. № 13.
- 3.42. Известия по Казанской епархии. Казань, 1878. № 11.
- 3.43. Известия по Казанской епархии. Казань, 1879. № 11.
- 3.44. Известия по Казанской епархии. Казань, 1880. № 12.
- 3.45. Известия по Казанской епархии, Казань, 1880. № 14.
- 3.46. Известия по Казанской епархии. Казань, 1880. № 16.
- 3.47. Известия по Казанской епархии. Казань, 1881. № 15.
- 3.48. Известия по Казанской епархии. Казань, 1882. № 16.
- 3.49. Известия по Казанской епархии. Казань, 1884. № 8.
- 3.50. Известия по Казанской епархии. Казань, 1885. № 7.
- 3.51. Известия по Казанской епархии. Казань, 1885. № 17.
- 3.52. Известия по Казанской епархии. Казань, 1886. № 5.
- 3.53. Известия по Казанской епархии. Казань, 1888. № 17.
- 3.54. Известия по Казанской епархии. Казань, 1890. № 1.
- 3.55. Известия по Казанской епархии. Казань, 1890. № 22.
- 3.56. Известия по Казанской епархии. Казань, 1891. № 1.
- 3.57. Известия по Казанской епархии, Казань, 1891. № 3.
- 3.58. Известия по Казанской епархии. Казань, 1891. № 15.
- 3.59. Известия по Казанской епархии. Казань, 1892. № 9.
- 3.60. Известия по Казанской епархии, Казань, 1892. № 23.
- 3.61. Известия по Казанской епархии. Казань, 1893. № 3.
- 3.62. Известия по Казанской епархии. Казань, 1893. № 15.
- 3.63. Известия по Казанской епархии. Казань, 1893. № 24.
- 3.64. Известия по Казанской епархии. Казань, 1894. № 5–6.
- 3.65. Известия по Казанской епархии. Казань, 1897. № 23.
- 3.66. Известия по Казанской епархии. Казань, 1897. № 32.
- 3.67. Известия по Казанской епархии. Казань, 1898. № 5.
- 3.68. Известия по Казанской епархии. Казань, 1898. № 13–14.
- 3.69. Известия по Казанской епархии. Казань, 1898. № 22.
- 3.70. Известия по Казанской епархии. Казань, 1898. № 23.

- 3.71. Известия по Казанской епархии. Казань, 1899. № 6.
- 3.72. Известия по Казанской епархии. Казань, 1901. № 12.
- 3.73. Известия по Казанской епархии. Казань, 1902. № 7.
- 3.74. Известия по Казанской епархии. Казань, 1902. № 14.
- 3.75. Известия по Казанской епархии. Казань, 1902. № 16.
- 3.76. Известия по Казанской епархии. Казань, 1904. № 1.
- 3.77. Известия по Казанской епархии. Казань, 1904. № 4.
- 3.78. Известия по Казанской епархии. Казань, 1905. № 38.
- 3.79. Известия по Казанской епархии, Казань, 1905. № 39.
- 3.80. Известия по Казанской епархии. Казань, 1905. № 45.
- 3.81. Известия по Казанской епархии. Казань, 1910. № 2.
- 3.82. Культурно-просветительский журнал «Альфа и Омега». М., 1996. № 1 (8).
- 3.83. Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Казань, 1858. Ч. 1.
- 3.84. Руководство для сельских пастырей. Журнал, издаваемый при Киевской духовной семинарии. Киев, 1860. Т. 1.
- 3.85. Симбирские епархиальные ведомости. Симбирск, 1911. № 10.
- 3.86. Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии, 1882. № 24.
- 3.87. Церковные ведомости. СПб., 1900. № 42.

4. Литература

Монографии, диссертации, авторефераты диссертаций и статьи

- 4.1. Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека. – М.: Научный мир, 2006. – 276 с.
- 4.2. *Акопян А.С.* Роль семейных ценностей в перерождении институтов государства: биосоциальный аспект / А.С. Акопян // Историческая психология и социология истории. – 2011. – Т. 4, № 1. – С. 142–167.

- 4.3. *Анисимов Е.В.* Русская пытка: политический сыск в России XVIII в. / Е.В. Анисимов. – СПб.: Норинт, 2004. – 461 с.
- 4.4. *Анишкин В.Г.* Быт и нравы царской России / В.Г. Анишкин, Л.В. Шманева. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 464 с.
- 4.5. *Бабкин М.А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.) / М.А. Бабкин. – М.: Индрик, 2021. – 976 с.
- 4.6. *Бабушкина О.Ю.* Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е годы XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / О.Ю. Бабушкина. – Курган, 2002. – 168 с.
- 4.7. *Бандура А.* Теория социального научения / А. Бандура. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
- 4.8. *Батыршин Р.Р.* Голод 1890-х гг. в Казанской губернии (по материалам «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева) / Р.Р. Батыршин // Научный Татарстан. – 2020. – № 1. – С. 5–9.
- 4.9. *Бацева О.А.* Институт обращения граждан в дореволюционной России / О.А. Бацева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 2-2. – С. 88–92.
- 4.10. *Беглов А.Л.* Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: дис. ... д-ра ист. наук / А.Л. Беглов. – М., 2019. – 1057 с.
- 4.11. *Безгин В.Б.* Винопитие в правовых обычаях и повседневной жизни сельского общества (вторая половина XIX – начало XX века) / В.Б. Безгин // Политика и общество. – 2009. – № 5. – С. 66–76.
- 4.12. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) / В.Б. Безгин. – М.; Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. – 304 с.
- 4.13. *Безгин В.Б.* Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX – начало XX вв.) / В.Б. Безгин // Вопросы истории. – 2005. – № 3. – С. 152–157.
- 4.14. *Безгин В.Б.* Правовые обычаи в обыденном сознании и повседневной жизни российского крестьянства второй половины XIX – начала XX века / В.Б. Безгин // Право и политика. – 2013. – № 10. – С. 1373–1380.

4.15. *Безгин В.Б.* Противоестественные пороки в крестьянской среде (вторая половина XIX – начало XX века) / В.Б. Безгин // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 2. – С. 108–120.

4.16. *Безгин В.Б.* Сельское правосудие и правовые обычаи русских крестьян второй половины XIX – начала XX вв. / В.Б. Безгин. – Тамбов: Тамбов. фил. РАНХиГС, 2014. – 287 с.

4.17. *Безгин В.Б.* Традиции сельской повседневности конца XIX – начала XX веков: на материалах губерний Центрального Черноземья: дис. ... д-ра ист. наук / В.Б. Безгин. – М., 2006. – 462 с.

4.18. *Белобородова И.Н.* Священник и колдун в русской урало-сибирской культурной традиции: об архитипической модели восприятия (в связи с генезисом русского жречества) / И.Н. Белобородова // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 1998. – Т. 2. – С. 30–41.

4.19. *Белова Н.В.* Провинциальное духовенство в конце XVIII – начале XX вв.: быт и нравы сословия: на материалах Ярославской епархии: дис. ... канд. ист. наук / Н.В. Белова. – Ярославль, 2008. – 267 с.

4.20. *Белоногова Ю.И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века: (по материалам Московской епархии) / Ю.И. Белоногова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. – 175 с.

4.21. *Белявский Ф.Н.* О реформе духовной школы. Ч. 1. Краткий очерк прошлого средней духовной школы / Ф.Н. Белявский. – СПб.: Синодальная тип., 1907. – 230 с.

4.22. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – Париж: Утса-Press, 1955. – 157 с.

4.23. *Бердяев Н.А.* Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922 / Н.А. Бердяев. – М: Астрель, 2007. – 1179 с.

4.24. *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии / Т.А. Бернштам. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2005. – 416 с.

4.25. *Бик-Булатов А.Ш.* Образы и типы православного духовенства в русской журналистике XIX – начала XX века / А.Ш. Бик-Булатов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – 304 с.

4.26. *Богданов К.А.* «Право курить»: к социальной истории курения в XX веке. – Текст: электронный // Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности / К.А. Богданов. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – С. 285–377. – URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/11.htm> (дата обращения: 23.10.2021).

4.27. *Богораз В.Г.* Христианство в свете этнографии / В.Г. Богораз. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 154 с.

4.28. *Бондарев Н.В.* Психические эпидемии конца XIX – начала XX в. в Российской империи / Н.В. Бондарев // UNIVERSUM: медицина и фармакология: электрон. науч. журн. – 2017. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihicheskie-epidemii-kontsa-xix-nachala-xx-veka-v-rossiyskoy-imperii/viewer> (дата обращения: 04.07.2023).

4.29. *Бонч-Бруевич В.Д.* Из мира сектантов: сб. статей / В.Д. Бонч-Бруевич. – М.: Гос. изд-во, 1922. – 330 с.

4.30. *Братусь Б.С.* Психологический анализ изменений личности при алкоголизме / Б.С. Братусь. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 96 с.

4.31. *Брушлинский А.В.* Воображение и познание. – Текст: электронный // Субъект: мышление, учение, воображение / А.В. Брушлинский. – М.; Воронеж, 1996. – С. 365–387. – URL: https://pidru4niki.com/16790422/psihologiya/brushlinskiy_voobrazhenie_poznanie (дата обращения: 07.04.2023).

4.32. *Будур Н.В.* Повседневная жизнь колдунов и знахарей в России XVIII–XIX веков / Н.В. Будур. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 414 с.

4.33. *Бусыгин Е.П.* Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья: ист.-этногр. исследование (середина XIX – начало XX вв.) / Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, Е.В. Михайличенко. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. – 165 с.

4.34. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / под. общ. ред. М.Г. Муравьевой, Н.Л. Пушкаревой. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2012. – 199 с.

4.35. *Васина С.М.* Приходское духовенство Марийского края в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / С.М. Васина. – Йошкар-Ола, 2003. – 361 с.

4.36. *Венедиктов Д.Г.* Палачи в рясах: (прошлое рус. духовенства) / Д.Г. Венедиктов. – Л.: Лоиз, 1933. – 175 с.

4.37. Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Новое время, 2010. – 210 с.

4.38. *Всеволодов А.В.* Православное приходское духовенство в 1840-е – 1880-е гг.: материальное обеспечение, корпоративная организация, самосознание (на материалах Вологодской епархии): дис. ... канд. ист. наук / А.В. Всеволодов. – Череповец, 2014. – 377 с.

4.39. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1. – 488 с.

4.40. Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801–1917 гг. Т. 1. Высшие государственные учреждения. – СПб.: Наука, 1998. – 302 с.

4.41. *Гаген-Торн Н.И.* Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы / Н.И. Гаген-Торн // Советская этнография. – 1933. – № 5–6. – С. 76–88.

4.42. *Гайденко П.И.* Быт и нравы архиереев и их паствы в Киевской Руси (XI–XIII вв.) / П.И. Гайденко. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016. – 253 с.

4.43. *Гайденко П.И.* Монастырские пиры, трапезы (несколько набросков к жизни древнерусского монашества XI–XIII вв.) / П.И. Гайденко // Христианское чтение. – 2016. – № 6. – С. 371–392.

4.44. *Гайденко П.И.* Несколько замечаний о социальных аспектах древнерусского монашества XI – первой половины XIII вв. / П.И. Гайденко // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2015. – Вып. 4. – С. 48–78.

- 4.45. *Гайденко П.И.* Симония: дары или покупка? О некоторых особенностях каноническо-правового сознания Древней Руси / П.И. Гайденко // Христианское чтение. – 2018. – № 6. – С. 85–100.
- 4.46. *Гайденко П.И.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы / П.И. Гайденко, Л.А. Москалева., Т.Ю. Фомина. – М.: Унив. книга, 2013. – 142 с.
- 4.47. *Ганнушкин П.Б.* Постановка вопроса о границах душевного здоровья // Избранные труды / П.Б. Ганнушкин. – М.: Медицина, 1964. – С. 97–108.
- 4.48. *Ганнушкин П.Б.* Сладострастие, жестокость и религия / П.Б. Ганнушкин // Историческая психология и социология истории. – 2011. – № 1. – С. 168–183.
- 4.49. *Геодакян В.А.* Два пола. Зачем и почему? Эволюционная теория пола / В.А. Геодакян. – М.: [Б. и.], 2012. – 252 с.
- 4.50. *Грекулов Е.Ф.* Нравы русского духовенства / Е.Ф. Грекулов. – СПб.: Nevzorov Haute Ecole, 2011. – 48 с.
- 4.51. *Гилинский Я.И.* Девиантность, творчество, правосудие / Я.И. Гилинский // Лев Клейн. [Путеводитель]: сб. статей памяти Льва Самуиловича Клейна. – СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2020. – С. 165–172.
- 4.52. *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я.И. Гилинский. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2004. – 520 с.
- 4.53. *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история: сб. статей / К. Гинзбург. – М.: Новое изд-во, 2004. – 348 с.
- 4.54. *Гирц К.* Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.
- 4.55. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви / Е.Е. Голубинский. – М.: Унив. тип., 1901. – Т. 2, ч. 2. – 616 с.
- 4.56. *Голубинский Е.Е.* О реформе в быте русской церкви / Е.Е. Голубинский. – М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913. – 132 с.

4.57. *Горюшкина Н.Е.* Где откуп – там подкуп: к истории взяток в России / Н.Е. Горюшкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. – 2010. – № 2. – С. 88–97.

4.58. *Горюшкина Н.Е.* Пьянство и борьба с ним в эпоху винного акциза (1863–1894 гг.) / Н.Е. Горюшкина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 143. – С. 7–13.

4.59. *Громыко М.М.* Мир русской деревни / М.М. Громыко. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 446 с.

4.60. *Громыко М.М.* Отношение к храму и священнику / М.М. Громыко // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. – М.: Наука, 2001. – С. 88–103.

4.61. *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века / М.М. Громыко. – М.: Наука, 1986. – 279 с.

4.62. *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов / И.Н. Данилевский. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 383 с.

4.63. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / отв. ред. Я.И. Гилинский. – СПб.: Алетейя, 2000. – 384 с.

4.64. *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви / А.П. Доброклонский. – М.: Крутицкое патриаршие подворье: О-во любителей церковной истории, 2001. – 936 с.

4.65. *Евдокимова А.Н.* Приходское духовенство и прихожане Чувашского края в конце XVIII – первой половине XIX веков.: дис. ... канд. ист. наук / А.Н. Евдокимова. – Чебоксары, 2004. – 387 с.

4.66. *Евреинов Н.Н.* История телесных наказаний в России / Н.Н. Евреинов. – Белгород: Пилигрим, 1994. – 236 с.

4.67. *Емченко Е.Б.* Женские монастыри в России / Е.Б. Емченко // Монашество и монастыри в России XI–XX вв.: исторический очерк. – М.: Наука, 2002. – С. 245–284.

- 4.68. *Жельвис В.И.* Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. – М.: Ладомир, 2001. – 349 с.
- 4.69. *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России / П.А. Зайончковский. – М.: Просвещение, 1968. – 368 с.
- 4.70. *Закиров А.В.* Концепция исторического времени в творчестве Р. Козеллека: дис. ... канд. ист. наук / А.В. Закиров. – Казань, 2013. – 286 с.
- 4.71. *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра / П.В. Знаменский. – Казань: Унив. тип., 1873. – 850 с.
- 4.72. *Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории / П.В. Знаменский. – Казань: Унив. тип., 1876. – 482 с.
- 4.73. *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века / П.Н. Зырянов. – М.: Вербум-М, 2002. – 319 с.
- 4.74. *Игнатов В.Д.* Доносчики в истории России и СССР / В.Д. Игнатов. – Текст: электронный. – URL: <https://coollib.com/b/284416/read> (дата обращения: 31.10.2021).
- 4.75. История повседневности: сб. научных работ / под ред. М.М. Кром. – СПб.: Европ. ун-т в С.-Петербурге: Алетейя, 2003. – 207 с.
- 4.76. *Калашников Д.Н.* Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX – начала XX в.: на материалах Курской епархии: дис. ... канд. ист. наук / Д.Н. Калашников. – Курск, 2011. – 189 с.
- 4.77. *Карабущенко Н.Б.* Психологическая элитология как направление психологической мысли / Н.Б. Карабущенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика. – 2008. – № 2. – С. 54–63.
- 4.78. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1991. – 127 с.
- 4.79. *Карташов А.В.* Очерки по истории русской церкви: в 2 т. / А.В. Карташов. – Париж: YMCA-press, 1959. – Т. 1. – 686 с.
- 4.80. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви: в 2 т. / А.В. Карташов. – Париж: YMCA-press, 1959. – Т. 1. – 686 с.; Т. 2. – 569 с. т. 2

- 4.81. *Клейн Л.С.* История антропологических учений / Л.С. Клейн. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. – 744 с.
- 4.82. *Ключевский В.О.* Дневниковые записи 1902—1911 гг. // Сочинения / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1990. – Т. 9: Материалы разных лет. – С. 267–362.
- 4.83. *Ключевский В.О.* Церковь и Россия / В.О. Ключевский. – Париж: YMKA-press, 1969. – 89 с.
- 4.84. *Кожурин К.Я.* Повседневная жизнь старообрядцев / К.Я. Кожурин. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 555 с.
- 4.85. *Кон И.С.* Сексуальная культура России: «клубничка» на березке / И.С. Кон. – М.: Объед. гуманитар. о-во, 1997. – 464 с.
- 4.86. Конструирование девиантности / под общ. ред. Я.И. Гилинского. – СПб.: ДЕАН, 2011. – 224 с.
- 4.87. *Коршунков В.А.* Преступления и наказания дьячка Замятина: как в XIX в. руководство Вятской епархии перевоспитывало своих подначальных / В.А. Коршунков. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. трудов. – Екатеринбург, 2018. – Вып. 18. – С. 65–83.
- 4.88. *Кривошеев Ю.В.* Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х гг. XX века / Ю.В. Кривошеев, А.Ю. Дворниченко // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 143–158.
- 4.89. *Круглов А.В.* Из быта сельских учительниц / А.В. Круглов // Женское образование. – 1879. № 1. – С. 43–50.
- 4.90. *Лавицкая М.И.* Правовое положение духовного сословия в России в XIX – начале XX в. / М.И. Лавицкая // Вестник Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – Тамбов, 2009. – Вып. 8. – С. 335–343.
- 4.91. *Латыпов И.Р.* Численность старообрядчества Казанской губернии в XIX – начале XX вв. / И.Р. Латыпов // Вестник Брян. гос. ун-та. – 2011. – № 2. Известия Саратов. ун-та. Сер. История. Междунар. отношения. – 2011. – Т. 11, вып. 1. – С. 24–29.
- 4.92. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль. – М.: Атеист, 1930. – 337 с.

- 4.93. *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет / Л. Леви-Брюль. – СПб.: Европейский Дом, 2002. – 400 с.
- 4.94. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
- 4.95. *Леонтьев А.А.* Церковная дисциплина в Псковской епархии в XIX–XX вв.: анализ источниковой базы / А.А. Леонтьев, Л.В. Алиева // Вестник Брянского гос. ун-та. – 2021. – № 3. – С. 110–117.
- 4.96. *Леонтьева Т.Г.* Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX века / Т.Г. Леонтьева // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль: сб. ст. – М., 1997. – С. 20–38.
- 4.97. *Леонтьева Т.Г.* Быт приходского православного духовенства в пореформенной России (по дневниковым записям и мемуарам) / Т.Г. Леонтьева // Из архива тверских историков: сб. науч. трудов. – Тверь, 1999. – Вып. 1. – С. 28–49.
- 4.98. *Леонтьева Т.Г.* Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России в начале XX века / Т.Г. Леонтьева // Вопросы истории. – 2001. – № 1. – С. 29–43.
- 4.99. *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство в России во второй половине XIX – начале XX вв. / Т.Г. Леонтьева. – М.: Новый хронограф, 2002. – 272 с. – Текст: электронный. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/vera-i-progress-pravoslavnoe-selskoe-duhovenstvo-rossii-vo-vtoroj-polovine-19-nachale-20-vv/1 (дата обращения: 01.06.2022).
- 4.100. *Леонтьева Т.Г.* Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX в. (на материалах Тверской губернии) / Т.Г. Леонтьева // Революция и человек. Социально-психологический аспект: сб. ст. – М., 1996. – С. 92–114.
- 4.101. *Леонтьева Т.Г.* Гендерный фактор в жизни православного прихода / Т.Г. Леонтьева // VI ICCEES World Congress for Central and East European Studies. – Tampere, 2000. – С. 248–249.

4.102. *Леонтьева Т.Г.* Духовенство и сельский мир, 1905–1922 / Т.Г. Леонтьева // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. – М., 2000. – С. 279–299.

4.103. *Леонтьева Т.Г.* Духовенство, либералы, крестьянство: эволюция взаимных представлений в начале XX в. / Т.Г. Леонтьева // Учен. зап. ТвГУ. – Тверь, 1996. – Т. 2. – С. 140–141.

4.104. *Леонтьева Т.Г.* Женщины из духовного сословия в самодержавной России / Т.Г. Леонтьева // Женщины. История. Общество: сб. науч. трудов. – Тверь, 1999. – С. 47–58.

4.105. *Леонтьева Т.Г.* Жизнь и переживания сельского священника / Т.Г. Леонтьева // Социальная история. Ежегодник, 2000. – М., 2000. – С. 34–57.

4.106. *Леонтьева Т.Г.* Из истории провинциального духовенства / Т.Г. Леонтьева // Заметки: 1847–1850 / И.С. Беллюстин. – М.; Тверь, 2001. – С. 3–5.

4.107. *Леонтьева Т.Г.* Матушка: о попадьях, поповнах и «тонких материях» семейного бытия / Т.Г. Леонтьева // Родина. – 2001. – № 10. – С. 48–52.

4.108. *Леонтьева Т.Г.* Народная трезвость и церковный приход / Т.Г. Леонтьева // Историк и время: к 80-летию профессора Марэна Михайловича Фрейденберга: сб. ст. – Тверь, 2004. – С. 58–70.

4.109. *Леонтьева Т.Г.* Поповичи: нравы бурсы пореформенной России / Т.Г. Леонтьева // Родина. – 2000. – № 7. – С. 49–53.

4.110. *Леонтьева Т.Г.* Православное духовенство в контексте российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Т.Г. Леонтьева // Романовские чтения. 400 лет окончания Смуты и воцарения династии Романовых: материалы Всерос. конф. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – С. 110–113.

4.111. *Леонтьева Т.Г.* Православные священники дореволюционной России против «тупого разгула кабака» / Т.Г. Леонтьева // Изв. вузов. Поволжский регион. Сер.: Гуманит. науки. – 2007. – № 1. – С. 3–10.

4.112. *Леонтьева Т.Г.* Православное сельское духовенство в условиях модернизации России: вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук / Т.Г. Леонтьева. – Тверь, 2002. – 496 с.

4.113. *Леонтьева Т.Г.* Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) / Т.Г. Леонтьева // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 170–178.

4.114. *Леонтьева Т.Г.* Православный священник в литературно-художественных образах «своего» времени: вторая половина XIX – начало XX в. / Т.Г. Леонтьева // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: История. – 2010. – № 1. – С. 32–44.

4.115. *Леонтьева Т.Г.* Приходское православное духовенство: особенности быта (1861–1905) / Т.Г. Леонтьева // История российского быта: сб. ст. – СПб., 1999. – С. 45–47.

4.116. *Леонтьева Т.Г.* Роль церковного прихода в движении за народную трезвость / Т.Г. Леонтьева // Русская провинция и ее роль в истории России, общества и развитии культуры. – Кострома, 1994. – С. 18–22.

4.117. *Леонтьева Т.Г.* Сельское духовенство: политика и прихожане (1900–1924) / Т.Г. Леонтьева // Studia Slavica Finlandensia. – Helsinki, 2000. – Т. 17. – С. 255–274.

4.118. *Леонтьева Т.Г.* Семья священника: узы брака или любовный союз? / Т.Г. Леонтьева // Святой благоверный великий князь Михаил Тверской: 690 лет в народной памяти. – Тверь, 2009. – С. 141–153.

4.119. *Лештаева Н.В.* Внутрисемейные отношения русского сельского населения Казанского Поволжья, вторая половина XIX – начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук / Н.В. Лештаева. – Казань, 1994. – 205 с.

4.120. *Лисицин Ю.П.* Алкоголизм. Социально-гигиенические аспекты / Ю.П. Лисицин, Н.Я. Копыт. – М.: Медицина, 1983. – 264 с.

4.121. *Липко Ю.Г.* Стратегическое использование жалобы / Ю.Г. Липко // Вестник Тамбов. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – 2006. – Вып. 2. – С. 241–244.

4.122. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – Л.: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1983. – 255 с.

4.123. *Логунова Л.Е.* Гуманизация телесных наказаний, применяемых в отношении священнослужителей / Л.Е. Логунова // Вестник Самар. юрид. ин-та. – 2021. – № 2. – С. 46–51.

4.124. *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людтке // Социальная история. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 77–100.

4.125. *Макарий (Булгаков М.П.), митр.* История Русской церкви: в 5 ч. / митр. Макарий (М.П. Булгаков). – М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996. – Кн. 3. – 690 с.

4.126. *Майерс Д.* Социальная психология / Д. Майерс. – СПб.: Питер, 2002. – 750 с.

4.127. *Максимова Е.Р.* Слухи и сплетни / Е.Р. Максимова, А.Р. Муханалиева. – Текст: электронный // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2016. – Т. 6, № 5. – С. 599. – URL: <https://medconfer.com/files/archive/2016-05/2016-05-27-T-7119.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

4.128. *Мангилева А.В.* Белое приходское духовенство Российской империи: от сословия к профессии / А.В. Мангилева // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманит. науки. – 2014. – № 3. – С. 241–248.

4.129. *Мангилева А.В.* Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в.: (на примере Пермской епархии) / А.В. Мангилева. – Екатеринбург: УралНАУКА, 1998. – 252 с.

4.130. *Мангилева А.В.* Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук / А.В. Мангилева. – Екатеринбург, 2015. – 535 с.

4.131. *Манчестер Л.* Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Л. Манчестер. – М.: Новое лит. обозрение, 2015. – 448 с.

4.132. *Маркова А.К.* Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М.: Знание, 1996. – 308 с.

4.133. *Медникова М.Б.* Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник / М.Б. Медникова. – М.: Языки славян. культуры, 2007. – 216 с.

- 4.134. *Мешков Н.И.* Мотивация личности как ключевая проблема психологии / Н.И. Мешков, Д.Н. Мешков // Интеграция образования. – 2015. – Т. 19, № 1. – С. 37–43.
- 4.135. *Мид М.* Культура и мир детства: избр. произведения / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
- 4.136. *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века / Б.Н. Миронов. – М.: Весь мир, 2012. – 845 с.
- 4.137. *Миронов Б.Н.* Крестьянское движение в России накануне эмансипации как момент истины / Б.Н. Миронов // Вестник С.-Петербур. ун-та. Сер.: История. – 2019. – Т. 64, вып. 3. – С. 817–842.
- 4.138. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну / Б.Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. – Т. 1. – 896 с.
- 4.139. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б.Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – 545 с.
- 4.140. *Мухин И.Н.* Приходское духовенство в конце XVIII – начале XX вв.: по материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии: дис. ... канд. ист. наук / И.Н. Мухин. – М., 2006. – 340 с.
- 4.141. *Мухина З.З.* Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века) / З.З. Мухина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – 736 с.
- 4.142. *Назаретян А.П.* Психология стихийного массового поведения: микроформа толпа, слухи, полит. и реклам. кампании: учеб. пособие / А.П. Назаретян. – М.: Academia, 2005. – 160 с.
- 4.143. *Нерар Ф.-К.* Пять процентов правды: разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941) / Ф.-К. Нерар; [пер. с фр. Е.И. Балаховской]. – М.: РОССПЭН, 2011. – 398 с.
- 4.144. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1974. – 635 с.

- 4.145. *Никитин А.В.* Церковный суд и православное духовенство в России: 1864–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А.В. Никитин. – СПб., 2021. – 224 с.
- 4.146. *Николаев Г.А.* Заметки о чувашско-русских взаимоотношениях в средневожской деревне на рубеже XIX–XX столетий / Г.А. Николаев // Проблемы национального в развитии чувашского народа. – Чебоксары, 1999. – С. 38–52.
- 4.147. *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш / Н.В. Никольский. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1928. – Вып 1. – 224 с.
- 4.148. *Никольский Н.М.* История русской церкви / Н.М. Никольский. – М.: Политиздат, 1985. – 448 с.
- 4.149. *Остроумова О.Д.* Алкоголь и артериальная гипертония / Л.Д. Остроумова, Е.В. Саперова // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. – 2014. – Т. 10, № 1. – С. 79–82.
- 4.150. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / [А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский [и др.]]. – Ульяновск: Изд-во Средневож. науч. центра, 2000. – 602 с.
- 4.151. *Павлушков А.Р.* Анафема как форма уголовной и политической репрессии в карательной политике Российского государства / А.Р. Павлушков // Пенитенциарная наука. – 2014. – № 2. – С. 83–87.
- 4.152. *Павлушков А.Р.* Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук / А.Р. Павлушков. – Вологда, 2000. – 309 с.
- 4.153. *Павлушков А.Р.* Правонарушения духовенства как форма социально-политического протеста (XVIII–XIX вв.) / А.Р. Павлушков // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. – Рязань, 2013. – С. 90–93.
- 4.154. *Павлушков А.Р.* Православная инквизиция в системе надзора и карательной политики государства / А.Р. Павлушков // Уголовное наказание в России и за рубежом: теория и практика: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Вологда, 2005. – Ч. 2. – С. 111–117.
- 4.155. *Павлушков А.Р.* Преступность в среде духовенства в России XIX в. / А.Р. Павлушков // История государства и права. – 2014. – № 5. – С. 41–46.

4.156. *Павлушков А.Р.* Русская православная церковь и пенитенциарная система в новейший период истории России / А.Р. Павлушков. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. – 225 с.

4.157. *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России / А.А. Панченко. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.

4.158. *Пирумова Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. / Н.М. Пирумова. – М.: Наука, 1986. – 269 с.

4.159. *Писарев Н.Н.* Домашний быт русских патриархов / Н.Н. Писарев. – Казань: Типо.-лит. Казан. ун-та, 1904. – 278, 170, VII с.

4.160. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории / С.Ф. Платонов. – М.: Высшая школа, 1993. – 736 с.

4.161. *Поликарпов В.С.* История нравов в России. Восток или Запад?: [От Алексея Тишайшего до Николая Второго] / В.С. Поликарпов. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – 575 с.

4.162. *Поппер К.* Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М.: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1. – 448 с.

4.163. *Прокофьев А.В.* Приходская реформа 1861–1864 гг. и ее влияние на самосознание приходского духовенства: дис. ... канд. ист. наук / А.В. Прокофьев. – М., 2010. – 316 с.

4.164. Психологические проблемы агрессии в социальных отношениях / под науч. ред. И.А. Фурманова. – Брест: БрГУ, 2014. – 261 с.

4.165. *Пулькин М.В.* Алкоголь и традиционная культура в XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) / М.В. Пулькин // Традиционная культура: науч. альманах. – 2012. – Т. 13, № 2. – С. 112–121.

4.166. *Пулькин М.В.* Девиантное поведение в XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) / М.В. Пулькин // Культурно-историческая психология. – 2008. – № 2. – С. 84–90.

4.167. *Пулькин М.В.* Дело о самосожжении старообрядцев. Март – май 1784 г. / М.В. Пулькин // Исторический архив. – 2007. – № 2. – С. 205–210.

4.168. *Пулькин М.В.* Жизнь женщины в Олонецкой епархии: будни и праздники (конец XVIII – начало XX в.) / М.В. Пулькин // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. статей. – М.: Новое лит. обозрение, 2013. – С. 392–415.

4.169. *Пулькин М.В.* Историческая суицидология: по материалам старообрядческих самосожжений / М.В. Пулькин // Культурно-историческая психология. – 2012. – № 2. – С. 96–103.

4.170. *Пулькин М.В.* Православный приход и власть в середине XVIII в. – начале XX в.: (по материалам Олонецкой епархии) / М.В. Пулькин. – Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2009. – 422 с.

4.171. *Пулькин М.В.* Самосожжения старообрядцев (вторая половина XVII – XIX в.) / М.В. Пулькин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Акад. проект, 2023. – 334 с.

4.172. *Пулькин М.В.* Слухи о самосожигателях: истоки, достоверность, фиксация и использование (конец XVII – XVIII в.) / М.В. Пулькин // Традиционная культура: науч. альманах. – 2011. – Т. 12, № 1. – С. 143–150.

4.173. *Пушкарев А.М.* Об определении понятия «история повседневности» в новейших исследованиях российских ученых / А.М. Пушкарев // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – 2006. – Т. 12, № 2. – С. 160–163.

4.174. *Пушкарева Н.Л.* Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов X–XVII вв. / Н.Л. Пушкарева // Секс и эротика в русской традиционной культуре. – М.: Ладомир, 1996. – С. 44–91.

4.175. *Резухин П.С.* Проблема обеспечения церковной дисциплины внутри духовного сословия в конце XIX – начале XX вв. / П.С. Резухин // Вестник Исторического общества С.-Петерб. духовной академии. – 2021. – № 3. – С. 321–328.

4.176. *Репринцев А.В.* Антропологическое измерение социальных реформ: от кризиса идентичности – к деструкции культуры этноса / А.В. Репринцев // Психолого-педагогический поиск. – 2013. – № 1. – С. 26–39.

4.177. *Рикер П.* История и истина / П. Рикер; пер. с фр. И.С. Вдовина, А.И. Мачульская. – СПб.: Алетейя, 2002. – 400 с.

4.178. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.

4.179. *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху великих реформ: (церковные реформы в России 1860–1870-х гг.) / С.В. Римский. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье: О-во любителей церковной истории, 1999. – 567 с.

4.180. *Розов А.Н.* Священник в духовной жизни русской деревни / А.Н. Розов. – СПб.: Алетейя, 2003. – 253 с.

4.181. *Розов А.Н.* Этнографические и фольклорные материалы на страницах журнала «Руководство для сельских пастырей» (1860–1917 гг.): аннотированный тематико-библиогр. указатель / А.Н. Розов. – Текст: электронный. – URL: <http://yakov.works/history/19/57/rozov.htm> (дата обращения: 10.05.2023).

4.182. *Романенко Е.В.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря / Е.В. Романенко. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 327 с.

4.183. Российская ассоциация исследователей женской истории: официальный сайт. – Текст: электронный. – URL: <http://garwh.ru/> (дата обращения: 20.09.2022).

4.184. *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси / Б.А. Романов. – М.: Ломоносовъ, 2013. – 224 с.

4.185. *Руднев В.А.* Обряды народные и обряды церковные / В.А. Руднев. – Л.: Лениздат, 1982. – 159 с.

4.186. *Садыков М.Б.* Интерпретация как метод исторического познания / М.Б. Садыков // *Clio Moderna*. Зарубежная история и историография: сб. науч. статей. – Казань: Мастер-лайн, 2003. – Вып. 4. – С. 5–16.

4.187. *Сазонова Н.И.* Сакральное и мирское в христианском храме: к проблеме границы и взаимодействия / Н.И. Сазонова // ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. – 2021. – Вып. 1. – С. 142–156. – URL: https://praxema.tspu.edu.ru/files/praxema/PDF/articles/sazonova_n_i_142_156_1_27_2021.pdf (дата обращения: 17.06.2023).

4.188. *Серебреницкий К.* Тилебухи. Современное хлыстовское учение, распространенное среди православной мордвы-эрзи на востоке Самарской области / К. Серебреницкий // Этнос и культура. – 1997. – № 2–3. – С. 63–66.

4.189. *Синякина Е.Г.* Психологические характеристики русского крестьянства второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. ...канд. психол. наук / Е.Г. Синякина. – М., 2012. – 22 с.

4.190. *Скутнев А.В.* Приходское духовенство в условиях кризиса Русской православной церкви во второй половине XIX в. – 1917 г.: на материалах Вятской епархии: дис. ... канд. ист. наук / А.В. Скутнев. – Киров, 2005. – 271 с.

4.191. *Скутнев А.В.* Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX – начало XX в.) / А.В. Скутнев // Новый исторический вестник. – 2007. – № 2. – С. 63–78.

4.192. *Скутнев А.В.* Приходское духовенство в условиях кризиса Русской православной церкви во второй половине XIX в. – 1917 г.: на материалах Вятской епархии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Скутнев. – Ижевск, 2005. – 22 с.

4.193. *Смолич И.К.* История Русской церкви, 1700–1917 / И.К. Смолич. – М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996. – Кн. 8, ч. 1. – 798 с.

4.194. *Смолич И.К.* История Русской церкви. 1700–1917 / И.К. Смолич. – Текст: электронный. – URL: <https://predanie.ru/book/72715-istoriya-russkoy-cerkvi-1700-1917-gg/#/toc19> (дата обращения: 09.02.2022).

4.195. *Соловьев Е.Т.* Гражданское право: очерки народного юридического быта / Е.Т. Соловьев. – Казань: Тип. Губ. правл., 1888. – Вып. 1. – 166 с.

4.196. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. – М.: Эксмо, 2009. – 1024 с.

4.197. *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России / С.М. Соловьев. – М.: Правда, 1989. – 768 с.

4.198. *Степченко В.А.* Аксаковы об изменении культурно-нравственных отношений крестьян и помещиков в контексте социально-экономического развития России первой половины XIX в. / В.А. Степченко // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. – 2013. – № 2. – С. 42–45.

4.199. *Татищев В.Н.* Духовная моему сыну. Содержание Разговора о пользе наук и др. сочинений. Объяснительные статьи: Тексты Духовной и Увещения / В.Н. Татищев. – СПб.: И. Глазунов, 1896. – 83 с.

4.200. *Токарев С.А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века / С.А. Токарев. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 168 с.

4.201. *Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение / Г.К. Триандис. – М.: Форум, 2007. – 382 с.

4.202. *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. Статья первая / Б.А. Успенский // *Studia slavica*. – Budapest: Akademiai Kiado, 1983. – Т. 29. – С. 33–69.

4.203. *Успенский Г.И.* Люди и нравы современной деревни: (из деревенского дневника) / Г.И. Успенский. – М.: Л.О. Снегирев и М.Н. Маракуев, 1879. – Ч. 1: В северной полосе. – 240 с.; 1980. – Ч. 2: В степи. – 252 с.

4.204. *Филарет (Гумилевский Д.Г.), архиеп.* История Русской церкви в пяти периодах / архиеп. Филарет (Д.Г. Гумилевский). – М.: Изд-во Сретен. монастыря, 2001. – 840 с.

4.205. *Фирсов С.Л.* «Якорь спасения». Православная церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I: очерки истории / С.Л. Фирсов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. духовной акад., 2021. – 463 с.

4.206. *Флоренский П., свящ.* Иконостас // Богословские труды / свящ. П. Флоренский. – М.: Архив свящ. Павла Флоренского, 1972. – Сб. 9. – С. 83–148.

4.207. *Фот А.Г.* «...Хотел было взять меня себе вместо жены и жену свою оставить законную...»: к вопросу о внебрачных связях приходского православного духовенства Оренбургской епархии второй половины XIX – начала XX века / А.Г. Фот // История: факты и символы. – 2023. – № 2. – С. 37–49.

4.208. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – М.: АСТ, 2010. – 698 с.

4.209. *Фуко М.* Психическая болезнь и личность / М. Фуко; пер. с фр., предисл. и коммент. О.А. Власовой. – СПб.: Гуманит. академия, 2010. – 320 с.

4.210. Харин Е.С. Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв. / Е.С. Харин. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2015. – 248 с.

4.211. Хохлов А.А. Донос в государственном уголовном и церковном праве во второй половине XIX – начале XX вв.: сравнительный анализ сквозь призму теории и практики / А.А. Хохлов // Христианское чтение. – 2022. – № 2. – С. 173–181.

4.212. Хохлов А.А. Семинарское бунтарство: вехи истории Казанской духовной семинарии / А.А. Хохлов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 204 с.

4.213. Хохлов А.А. Специфика епархиального судопроизводства второй половины XIX в. на примере одного из дел / А.А. Хохлов // Христианское чтение. – 2023. – № 1. – С. 214–224.

4.214. Хохлов А.А. «Жила-была одна баба». Семейная драма священнической жены Людмилы Капитоновой (по материалам государственного архива Республики Татарстан) / А.А. Хохлов // История: факты и символы. – 2023. – № 2. – С. 50–62.

4.215. Хохряков Г.Ф. Социальная среда, личность и правосознание заключенных: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г.Ф. Хохряков. – М., 1987. – 30 с.

4.216. Цыпин В.А., прот. Церковное право: курс лекций / прот. В.А. Цыпин. – М.: Круглый стол по религ. образованию в Рус. Православ. Церкви, 1994. – 442 с.

4.217. Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. / В.Ф. Шевцова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – 485 с.

4.218. Шингарева Н.В. Религиозные преступления и ответственность за их совершение в Уголовном уложении 1903 г. / Н.В. Шингарева // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2015. – № 5. – С. 148–150.

4.219. Шкуратов В.А. Историческая психология. Кн. 1. Введение в историческую психологию / В.А. Шкуратов. – М.: Кредо, 2015. – 243 с.

4.220. Эванс-Притчард Э.Э. Теории примитивной религии / Э.Э. Эванс-Притчард. – М.: ОГИ, 2004. – 144 с.

4.221. Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья / Я.А. Ягафова, Е.С. Данилко, Г.А. Корнишина [и др.]; под ред. Е.А. Ягафовой. – Самара: Изд-во ПГСГА, 2010. – 266 с.

4.222. Яблонская О.В. Япония и японцы в трудах миссионера Николая японского: «Чужие» и «Свои» / О.В. Яблонская // Эпоха науки. – 2019. – № 18. – С. 46–52.

4.223. Яковлев А.И. Митрополит Филарет (Дроздов): личность на рубеже эпох / А.И. Яковлев // Вопросы истории. – 2008. – № 8. – С. 24–41.

5. Учебные пособия

5.1. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособие для вузов / В.Д. Менделевич. – СПб.: Речь, 2005. – 445 с.

5.2. Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В.В. Алексеев. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.

6. Справочные издания и словари

6.1. Большая российская энциклопедия. – Текст: электронный. – URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 07.04.2023).

6.2. Медицинская энциклопедия. – Текст: электронный. – URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_medicine/ (дата обращения: 05.07.2023).

6.3. Православная энциклопедия. – Текст: электронный. – URL: <https://www.pravenc.ru/> (дата обращения: 27.06.2022).

6.4. Ринекер Ф. Библейская энциклопедия Брокгауза / Ф. Ринекер, Г. Майер. – М.: Рос. Библейское о-во, 1999. – 1226 с.

6.5. Словарь основных исторических понятий: избр. статьи: в 2 т. / сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; пер. с нем. К. Левинсон; науч. ред. пер. Ю. Арнаутова. – М.: Новое лит. обозрение, 2014. – Т. 1. – 728 с.; Т. 2. – 752 с.

6.6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Текст: электронный. – URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus> (дата обращения: 29.06.2023).

7. Литература на иностранных языках

7.1. *Bandura A.* Social foundations of thought and action: a social cognitive theory / A. Bandura. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1986. – 617 p.

7.2. Interindividual-intergroup discontinuity as a function of trust and categorization: The paradox of expected cooperation / C.A. Insko, J.L. Kirchner, B. Pinter [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2005. – Vol. 88, № 2. – P. 365–385.

7.3. *Kroeber A.L.* The religion of the Indians of California / A.L. Kroeber. – Berkeley: The University Press, 1907. – 42 p.

7.4. *LeVine R.A.* Ethnocentrism: Theories of conflict, ethnic attitudes and group behavior / R.A. LeVine, D.T. Campbell. – New York: John Wiley, 1972. – 310 p.

7.5. *Myers D.G.* Social psychology / D.G. Myers. – New York: The McGraw-Hill Companies, Inc., 1999. – 752 p.

7.6. *Mischel W.* Towards a cognitive social learning theory reconceptualization of personality / W. Mischel // *Psychological Review*. – 1973. – Vol. 80, № 4. – P. 252–283.

7.7. *Ricoeur P.* Expliquer et comprendre: Sur quelques connexion remarquables entre la theorie du texte, la theorie de l'action et la theorie de l'histoire / P. Ricoeur // *Revue philosophique de Louvain*. – 1977. – Vol. 75, fevr. – P. 126–147.